

БАЛГОШЕВИС

Том I

Святая Гора Афон

БЛАГОЛЮБИЕ

Святая Гора Афон

2010

БЛАГОЛЮБИЕ

или
собрание
боговещанных глаголов и наставлений
богоносных и святых отцов,
взятых из всякого богодухновенного
писания и доступно изложенных
преподобнейшим монахом Павлом,
основателем монастыря
Пресвятой Богородицы Благодетельницы
и нареченным в ее честь
Благолюбивым

*Рукопись была закончена в 1054 году.
В конце XVIII века ее обнаружил преподобный
Макарий Нотара, епископ Коринфский,
в монастыре Кутлумуши на Святой Горе Афон,
и впервые напечатал преподобный Никодим Святогорец,
отредактировав и обогатив ее богословским
комментарием, в Венеции в 1783 году*

перевод с древнегреческого
в четырех томах

тома первый и второй

Святая Гора Афон
Келья во имя рождества Иоанна Предтечи
Хilandарского монастыря
2010

УДК 27.04.09
ББК 86.37
Б68

*По благословению
священноигумена монастыря Параклиса
архимандрита Тимофея*

Б68 Благолюбие том 1-4. Перевод с древнегреческого. — Издание Келья во имя рождества Иоанна Предтечи Хиландарского монастыря на Святой Горе Афон 2010 г.

ISBN 978-5-904878-01-6

«Благолюбие», по словам Никодима Святогорца, — «самый верный путь к вершине добродетелей», «наставление по борьбе со страстями» и «сокровищница всех духовных благ». Его автор преподобный монах Павел из византийского монастыря Пресвятой Богородицы Евергетиды (Благодетельницы) завершил свой труд в 1054 году, отобрав из сокровищницы святоотеческой мудрости, накопленной с первых веков христианства, все самое ценное, касающееся борьбы с грехами и страстями. Огромный материал он распределил на двести тем в четырех томах по пятьдесят тем в каждом. Каждая тема посвящена одному какому-либо греху или страсти. В ней рассказывается, откуда они берутся, даются средства борьбы с ними и достижения спасительных добродетелей. Материалы взяты из жизни святых отцов и мирян, поданы в живой непринужденной форме. Это повести, рассказы о явлениях и чудесах, задушевные беседы мудрого старца со своими духовными чадами. Поскольку грехи и страсти у монахов и мирян одни и те же, то и средства борьбы с ними и достижения спасения для них одинаковы. Вот почему книга душеполезна как для монахов, так и для мирян, словом, для всех, кто понимает христианство как борьбу и подвиг ради спасения.

Читатели назвали этот труд по нареченному имени автора: «Евергетинос», т. е. Благолюбивый. Поэтому мы оставляем название по-русски «Благолюбие» как понятное читателю и отвечающее духу книги. На русский язык книга переводится впервые, хотя многие ее фрагменты с давних пор известны на русском и славянских языках.

УДК 27.04.09
ББК 86.37

ISBN 978-5-904878-01-6

© Келья во имя рождества Иоанна Предтечи
© Свято-Троицкое издательство

БЛАГОЛЮБИЕ

том первый

ПРЕДИСЛОВИЕ к русскому изданию

егодня дух мира, как никогда прежде, старается отдалить человека от Бога. Православная же церковь между тем переживает небывалый расцвет своего духовного учения, которое разгоняет густой мрак мирской лжи и помогает обманутым, сбитым с истинного пути нынешним потомкам Адама возродиться и стать настоящими сынами Божьими, призывает их припасть к неиссякаемым прохладным и спасительным источникам Святого Духа, который обильно изливается из писаний и самой жизни отцов и святых нашей Церкви и утоляет жажду и голод людей, обнищавших правдой.

Тем самым Господь по Своему замыслу нашего спасения проявляет заботу о нас и управляет дела таким образом, что на наших глазах происходит необычайный подъем издания и распространения святоотеческих трудов, популярных сборников повестей, рассказов, назиданий, изречений и удивительных случаев из жизни святых и мирян.

К таким душеспасительным собраниям, богатым отеческой мудростью, принадлежит и «Благолюбие», составленное в XI веке константинопольским монахом Павлом, основателем (ктитором) монастыря Пресвятой Богородицы Евергетиды (Благодетельницы).

Это произошло в последние времена знаменитой династии македонских самодержцев (867-1056), когда, особенно после смерти императора Василия II Болгаробойца¹, появились первые признаки упадка могущественной Византии. Неумелое руководство правителей поставило великую многонациональную христианскую державу на грань катастрофы, тем более, что в это время с востока на нее насыдали сельджуки², а с запада – норманны.

Между тем невероятный подъем наблюдался в литературе и искусстве, а также в жизни церкви, чье духовное сияние достигло высшей точки, несмотря на страшные церковные и политические последствия трагического раскола 1054 года, т.е. отделения католического запада от Богочеловеческого Тела Христова.

Достоин изумления и исключительный в те времена расцвет монашества, которое привлекало в свои ряды многочисленные души из всех пластов общества. Их притягивал блеск великого монашеского центра Латры (у селитряного озера) в западной части Малой Азии и на горе Олимпе в Вифинии, где действовали десятки монастырей и неисчислимое множество скитов и келий пустынножителей, которые только позднее, где-то к середине XIV века в результате турецкого нашествия начнут постепенно пустеть. Эта эпоха – вершина нынешней монашеской республики на Афоне, которая с 1046 года стала называться Святой Горой, где засверкало созвездие монастырей, таких, как Великая Лавра, Иviron, Ватопед, Ксиропотам, Каракалу, Есфигмен, Ксенофонт, Зограф, Дохиар, Филофей и другие. Большинство из них дожило до наших дней, и теперь их число на Востоке и в Греции достигло ста восьмидесяти.

Одновременно новые центры создаются и в богатом монахами Константинополе (монастыри Святого Георгия, Человеколюбивого Христа, Всемилостивой Богородицы и Богородицы Перивлепты и т. д.) и еще множество других в глубинке (скит Метеоры в Фессалии, монастыри Дафнии в Аттике, святого Иоанна Богослова на острове Патмосе). Истинным представителем этого монашеского расцвета был и монах Павел, основатель монастыря Пресвятой Богородицы Благодетельницы под Константинополем и составитель «Благолю-

¹ Василий II Болгаробоец (958-1025), в 988 г. выдал сестру замуж за великого князя Вл. Святославича. В 1018 году победоносно завершил войну с Болгарией.

² Сельджуки – ветвь племен тюрок-огузов, создавших династию султанов Сельджукидов (XI-XIV в.в.) в странах Ближнего и Среднего Востока.

бия». О его жизни сохранились самые скучные сведения. Известно только, что он родился в богатой семье в Константинополе и получил великолепное образование. В июне 1049 года, загоревшись любовью к Богу, он оставил мир, родителей, богатство и, выйдя за ворота крепостной стены имперской столицы, поселился в двух милях от ворот Силиври¹ и там предался великим аскетическим подвигам. Ради совершенствования своих трудов он упорно собирал материалы и изучал накопленный монашеский опыт стяжания добродетелей. Ему удалось составить обширную библиотеку трудов своих любимых великих подвижников и святых отцов. Вокруг него стали собираться братья. Первым присоединился к нему Тимофей (это произошло в сентябре 1049 года), который стал игуменом и его последователем, а затем и другие. То, что поначалу многим казалось полным безрассудством, довольно быстро превратилось в великолепный монастырь в честь иконы Божией Матери Благодетельницы, а сам его основатель удостоился именоваться в Ее честь Евергетиносом, или Благолюбивым.

Монах Павел мирно отошел ко Господу 11 апреля 1054 года, успев оставить после себя великое собрание святоотеческой мудрости, принесшее ему славу, которая выше всяких похвал. Вместе с ним в могилу положили также его умильительную молитву Пресвятой Богородице. С древних времен она включена в церковные службы и молитвословы и называется «молитва молебная ко Пресвятей Богородице Павла, монаха обители Евергетиды, сиречь, Благодетельницы», и читается в конце службы после вечерней трапезы. Из тьмы веков до нас и ныне доносится голос прославленного автора и смиренного аскета Павла, свои подвиги, свои труды и свою жизнь посвятившего Божией Матери, которая заботилась о нем, как нежная Мать. И брат Павел присутствует, живет и поет вместе с нами бессмертные спасительные слова: *Нескверная, Неблазная, Нетленная, Пречистая Дево, Богоневесто Владычице, яже Бога Слова Человеком Преславным Твоим рождеством соединившая, и отринувшееся естество рода нашего небесным совокупльшая...*

Ученик и последователь Павла Тимофей (1054 – позднее 1067 г.) – тот, кто преобразил первоначальную скромную обитель и сделал ее поистине прославленным монастырем Пресвятой Богородицы Евергетиды и потому рассматривается как его второй создатель и

¹ Силиври – город у Мраморного моря во Фракии, неподалеку от Константина ополя.

благодетель (ктитор). Он сам написал два устава, ктиторский и служебный. В ктиторском устанавливались правила организации и управления хозяйственной деятельностью, а в церковном – порядок проведения храмовых служб (эти документы хранятся в каталоге под номером 788 в Национальной афинской библиотеке, изданные А. Дмитриевским в Киеве в 1895 году). В них четко регламентируются задачи и деятельность обители и монашеская жизнь.

В Евергетидском монастыре было три храма. Один в честь Спасителя, другой – апостолов и третий кладбищенский, где отпевали и совершались поминальные службы по усопшим братьям. Обширные пространства монастырских стен были расписаны на тему Успения Пресвятой Богородицы. Братия отмечала два главных праздника в году: Успение – 15 августа и День обновления¹ – 29 декабря.

Достойна упоминания и монастырская библиотека. Она начала создаваться довольно рано, сразу после появления ктитора Павла, который передал братии свои собственные обширные собрания духовных назидательных текстов. А его последователь Тимофей организовал в обители мастерскую по переписке рукописей, в которой работали искусные каллиграфы. Он также заботился и о пополнении монастырской библиотеки большим количеством новых рукописных книг (тогда типографий еще не существовало), приобретении священной утвари, икон, мебели, как и обширных земельных угодий для обеспечения братства всем необходимым.

Каждый день в установленное время нищие получали в монастыре питание и пособие. В нем работал и странноприимный дом, в котором была больница, где помочь оказывалась и бедным.

У монастыря было свое подворье, посвященное преподобному Андрею Христа ради юродивому, расположенное внутри крепостных стен Константинополя, в его юго-западной части. Примерно в 1200 году в нем останавливался русский святой Антоний из Новгорода (ум. в 1238 г.) и работал над Молитвословом. На подворье хранилась трость преподобного Андрея.

¹ В христианской церкви под обновлением разумеется освящение, совершающееся по церковному чину новой церкви, и люди обновления – народ, взятый Богом в удел в особенную собственность (1 Петр 2, 9), а также обновление духа – присутствие в верующих новых, благодатью Божьей образуемых и действующих начал духовной жизни (Рим 7, 6).

Монастырь Евергетиды не был ни под церковной, ни под императорской, ни под частной юрисдикцией, он оставался независимым и самоуправляемым. Такое положение ему обеспечила золотая булла, полученная от императора Константина IX Мономаха (1042-1055).

Мужскому монастырю Евергетиды принадлежала еще и женская обитель со строгим уставом, закрытая для мужчин, но не совсем: с благотворительной целью ее могли посещать те, кто был известен своим благочестием и добродетелями, но и то не часто и под присмотром.

Уставная монастырская литургия исполнялась в сокращенном виде по сравнению с той, которую служили в главном храме, т.е. в Софийском соборе Константинополя. Она была приспособлена под нужды монашеской братии. Как ктиторский, так и литургический уставы монастыря Евергетиды отличались уже с начала 12 века от уставов других монастырей на Среднем и Ближнем Востоке, на Черноморском побережье, на Афоне, в Греции и в Сербии.

Две сербские обители могут вполне считать себя дочерними монастыря Евергетиды, поскольку с конца 12 века они связаны дружескими узами с династией сербских правителей Неманичей. Ее основатель Стефан Неманя (1114-1200), великий жупан (1196-1200), а потом монах и ктитор святого монастыря Хиландаря на Святой Горе Афон, он же преподобный Симеон Мироточивый, поддерживал тесные связи с Евергетидским монастырем и оказывал ему щедрую помощь. К тому же он ввел евергетидский устав в монастыре Студеницы, основанном им в Сербии. Его сын святой Савва (1169-1236), основатель автокефальной сербской епископии и ее первый архиепископ (1219-1233), тоже был связан довольно крепкими узами дружбы с монастырем Евергетиды, где он останавливался всякий раз, когда посещал Константинополь, как пишет об этом святой Антоний Новгородский. Святой Савва составил ктиторский и литургический уставы монастыря Хиландаря на Афоне, аналогичный уставу монастыря Евергетиды.

После захвата Константинополя латинянами в 1204 году, в марте 1206 года кардинал и папский легат Венедикт отдал монастырь Евергетиды папской обители Санта Марии в Монте Кассино (Италия), но монахов не разогнал, заставив их подчиняться игумену Монте Кассино. Однако константинопольские братья проявили полное неповиновение и оставались в обители до 1222 года, когда окончательно освободились из-под власти латинян.

С тех пор письменные сведения о Евергетидском монастыре встречаются крайне редко. В 1399 году Константинопольский патриарх Матфей I (1397-1410) в своем письме упоминает о нем в связи с тем, что монастырь располагал небольшим подворьем на острове Лемносе. В 1424 году, как сообщил некий русский паломник, он видел монастырь за крепостными стенами Константинополя, полностью разграбленным турецкими захватчиками, о которых уже упоминалось, а его монахи нашли пристанище на подворье святого Андрея Христа ради юродивого, располагавшемся внутри городской крепости.

Монах Павел начал собирать и редактировать несколько великих сборников святоотеческих рукописных текстов еще задолго до основания своего монастыря и, очевидно, в нем довел свою работу до конца. Полагаю, уже тогда он смотрел далеко вперед, думая о приумножении духовного цветника монашества, этом чудесном обычае, впервые введенном в IV веке в «Апофтегмате». Благодаря широте взглядов и своему систематизированному методу ему удалось выполнить поистине гигантскую работу, которую в подзаголовке определил как *собрание боговещанных глаголов и наставлений богоносных и святых отцов*. В этом собрании сконцентрированы избранные выдержки из Отечников (Патериков), из жизни преподобных отцов и мучеников, истории из «Лавсаика» епископа Еленопольского Палладия, Антиоха Пандекта, как и из рукописей святых отцов Ефрема и Исаака Сириных, Варсонофия, Григория Двоеслова, Диадоха Фотикийского, Исаии, Кассиана, Максима Исповедника, Марка и других. Все содержание труда разбито на двести тем и делится на четыре книги по пятьдесят тем в каждой.

Его труды оказались чрезвычайно успешными. Рукописное творение распространялось и с течением времени стало носить прозвание составителя «Благолюбивый» (по-греч. Εὐεργετινος). Работа была принята с большой теплотой и интересом всеми, особенно верующими, поскольку ее страницы наполнены не только подвигами монахов, но и поучительными случаями из жизни обычных людей, показывающими, как сказал преподобный Никодим Святогорец, «превеликое бесстрастие, совершенное послушание, благоговейнейшее смиление, божественное различение, радостное терпение, богоподобное сострадание, душеполезное милосердие, неиссякаемую молитву, горячие слезы покаяния, правдивую исповедь, безупречную совесть, обожествленную любовь и прочие драгоценные сокровища добродетелей». Блаженнейший святогорец старец Гаври-

ил Карульский¹ (ум. в 1968 г.) считал «Благолюбие» полезнейшим чтением для идущих по пути духовной жизни, а архиереям советовал читать еще и «Жития святых» для развития хорошего вкуса.

Первое печатное издание «Благолюбия» было выпущено преподобным Макарием Нотарой (1731-1805), бывшим епископом Коринфским, и Никодимом Святогорцем (1749-1809). Первый обнаружил работу в рукописном виде в монастыре Кутлумуш на Святой горе Афон. Когда же она попалась в руки Никодиму Святогорцу в 1777 году в афонской столице Кафее, то он позаботился о том, чтобы исправить в ней ошибки, снять с нее копию и издать. В действительности же преподобный Никодим не только отредактировал, но и обогатил текст богословским предисловием и напечатал его в 1783 году в Венеции в типографии Антонио Вортоли. Расходы на это издание после кончины преподобного Макария Нотары взял на себя Иоанн Канна. У книги был длинный подзаголовок: *Собрание боговещанных глаголов и наставлений богоносных и святых отцов, взятых из всякого богодухновенного писания и доступно изложенных преподобнейшим, монахом Павлом, основателем монастыря Пресвятой Богородицы Благодетельницы и нареченным Благолюбивым (Εὐεργετινος), извлеченное из библиотеки царского и патриаршего монастыря Кутлумуши на Святой Горе Афон и впервые изданное на средства достопочтеннейшего и благочестивейшего господина Иоанна Канны для пользы молящихся.*

Второе издание труда выпустили в Константинополе в 1861 году «по предложению и щедрому взносу богоносных отцов Святой горы Афон сыновья Фокаевса Константин и Лука». Третья публикация увидела свет в 1900 году, а через год и четвертая. Пятая была опубликована в Афинах только в 1957 году монахом Виктором Матфеем, который снабдил книгу обильными примечаниями на полях. Начиная с шестого издания, которое осуществил в 1980 году его преемник иеромонах Матфей Лангис, оригинальный текст выходит с параллельным переводом на ново-греческий язык (кафаревуса). В таком же виде в 2001 году увидела свет седьмая публикация в четырех томах.

Под заголовком «Благолюбие», слова и наставления святых отцов, начал публиковать этот труд в свободном переводе на ново-греческий язык в четырех томах издательский Дом Пресвятой Богородицы в Салониках.

¹ Каруля – пожалуй, одно из самых суровых и труднодоступных мест на Святой Горе Афон, которое в шутку называют Сибирью.

Знаменательно, что эта древняя работа в целом и частично переведена на иностранные языки: английский, арабский и др.

Великое благо для православного читателя – издание на русском языке этого святоотеческого труда монаха Павла, который преподобный Никодим Сятогорец назвал «самым верным путем к вершине добродетелей», «наставлением по борьбе со страстями» и «сокровищницей всех духовных благ».

Мы поздравляем издателей, подготовивших «Благолюбие» к публикации на русском языке, которое займет свое место на книжной полке замечательных святоотеческих трудов.

Прославим же Пресвятую Троицу и покорнейше попросим Господа освятить Своей благодатью боголюбивых читателей, чтобы они последовали чудеснейшему примеру наших отцов и сделали для себя родными дружеские богодохновенные наставления святых, которые проистекают с упомянутых страниц для их душевной пользы и спасения. Аминь!

*Архимандрит Тимофей
священноигумен монастыря Параклиса
Оропос, Аттика, Греция*

ПРЕДИСЛОВИЕ *к шестому изданию* *(дается с незначительными сокращениями)*

оскольку пятое издание «Благолюбия» уже давно разошлось, мы предпринимаем настоящий шестой выпуск его в свет, убежденные в том, что чтение и изучение трудов подобного содержания приносит огромную душевную и духовную пользу читателям.

И сегодня, как и прежде, мы благодарим Бога за то, что Своей безграничной мудростью и человеколюбием Он укрепляет нашу немощь. С Божией помощью наш издательский дом Святого и Почитаемого Владычного монастыря Преображения Спасителя к настоящему времени издал множество книг духовного и нравственного содержания. Эти труды, словно яркий луч света, указывают верный путь истины, любви и богоопочтания в наш мрачный, мятущийся и материалистический век.

Кроме важнейшего труда «Великий Синаксарий Православной Церкви» в четырнадцати томах, мы выпустили в свет множество других: «Благолюбие» в четырех томах, «Избранные места» из Слов святого отца нашего Иоанна Златоуста в одном томе, Проповеди на воскресные дни («Кириакодромион») незабвенного митрополита Астраханского и Ставропольского Никифора (Феотокиса) в четырех томах, «Святое Евангелие» (репринтное издание 1851 г., Венеция), «Лествицу» Иоанна Лествичника (Синайта) и множество других небольших церковных и религиозных книг и периодику.

Но самое большое моральное и душевное удовлетворение нам доставило то, что все наши издания получили благожелательный

отклик благочестивых христиан; многие из этих книг быстро разошлись и переиздавались не один, но множество раз. Это, бесспорно, показывает, вопреки тому, чему у нас так легко верят и о чем нередко говорят вслух некоторые наши псевдомудрецы, греческий народ в своем подавляющем большинстве предан вере своих отцов и Православной Церкви, под чьим покровом он смог выжить, невзирая на великие бедствия, через которые ему пришлось пройти за всю многовековую историю.

Это, помимо всего прочего, смягчает сжимающую наши сердца боль утраты нашего незабвенного старца священноигумена Виктора, которого Господь по своей неисповедимой воле взял из этой жизни. Он был нашим духовным отцом. Это ему принадлежит замысел издавать душеполезные книги для душевного и духовного назидания христиан. Он же больше всех потрудился и над выполнением этой задачи. Мы продолжаем начатое им дело и надеемся, что все-благой Бог по Своей милости подаст и нам Свою помощь, ибо без Его помощи сам человек ничего творить не может.

Настоящее шестое издание «Благолюбия» отличается от пятого. Если прежний его выпуск содержал только древний текст со множеством вынесенных на поля пояснений устаревших или непонятных слов и выражений, то в новом издании за древнегреческим текстом следует полный перевод на современный язык. Мы решили, что так будет лучше, учитывая, что среди большинства читателей этой душеполезной книги, несомненно, найдется немало и таких, для кого понимание оригинального древнего текста может оказаться затруднительным. Одни только пояснения на полях не помогут, и из-за этого они не смогли бы полностью утолить жажду своей души водой из живительного источника святоотеческих назиданий и изречений. Мы решились на это, хотя работа над переводом была трудоемкой и вызвала увеличение расходов, ибо нами двигало желание сделать наш труд благодатным и душеполезным для всех благочестивых читателей.

Мы молимся, чтобы Господь подал Свою помощь всем призывающим Его, и нам тоже, чтобы продолжить труд, намеченный и осуществленный нашим приснопамятным старцем. В память о нем мы воспроизведим ниже написанное им предисловие к пятому изданию, в котором он пространно изложил причины, подвигшие его к выпуску «Благолюбия».

А теперь, благочестивые читатели, помолитесь и о нас, смиренных работниках виноградника Господня: епископе Матфее и мона-

хе Илии, о тех, кто трудился над этим изданием с самого начала и работал над его с Божией помощью благополучным завершением, а также и об успешном продолжении нашего духовного труда.

*Издатель Матфей, епископ Инойский,
святой монастырь Преображения,
Кувара, Аттика,
январь 2001*

ПРОЛОГ к пятому изданию

буре мирской суеты, в ужасающем водовороте нашей материалистической эпохи эта полезная книга – как заветный маяк, как несокрушимый волнорез. Она полезна не столько своим содержанием, обогащающим жаждущий познаний ум, сколько утешением, которое она дает душе современного человека, истерзанного и обремененного заботами и скорбями. Она полезна еще и тем, что рассеивает непроглядную тьму мирской лжи и открывает душе сущую истину, то, что всегда есть и неизменно будет, – вечность духа. (Примечательно и то, что) эта работа создана не ученым или светским мыслителем. Это не произведение плодовитого ума и острого пера со свежими вузовскими печатями. Она прежде всего излияние благочестивого сердца, духовный нектар, сочный аромат неувядаемых цветов добродетелей. Такие цветы произрастают только в сердцах, познавших Господа славы и говоривших с Ним лицом к лицу.

Что же необходимо, дабы такой труд мог появиться на свет и стать доступным благородным душам, ведь они всем сердцем жаждут его? Для этого необходимо, чтобы те, кому вверено Господом нравственное воспитание благочестивых христиан, приложили все свои силы и старания, чтобы извлечь на Божий свет скрытые сокровища. Эти сокровища унаследованы нашим народом от богоносных святых отцов. Только нужно снова поставить на подсвечник эти неугасимые светочки, которые из поколения в поколение проповедуют столь многие души и ведут их к неземным селениям – во дворы Господни.

Эта работа возложена прежде всего на множество различных церковных организаций и особенно на святые монастыри, располагающие мощной духовной силой и большими материальными средствами для достижения святой цели, чтобы, как добрые рабы, привлекать врученный им Господом талант, а не зарывать его, как ленивый раб, который взял серебро и закопал в землю (Мф 25,14-30). Тяжелая ответственность ложится на тех, кто мог бы вносить хотя бы небольшой вклад в это дело, но пренебрегает своим долгом. Ведь вредное влияние легкомысленной литературы и всевозможных еретических учений растет с каждым днем и наносит тяжелый ущерб христианской пастве. Как тернии и волчцы, всходят они на духовной ниве церкви, грозя заглушить даже ту немногую сохранившуюся добрую пшеницу.

Все это мы имели в виду, но также учитывали и то обстоятельство, что наш святой монастырь Преображения, а, следовательно, и мы, был полностью лишен тех духовных и материальных возможностей, необходимых для такого дела. Но, как смиренные и послушные воины прекрасной ангельской дружины монахов, мы понимали насущную необходимость уделить особое внимание такой деятельности и прибегли к главному средству, которое у нас есть, – к всемогущей помощи Божией, чтобы и нам, подобно вдове, внести свою лепту.

Имя Господа славы воистину славно! Он не презрел наших усилий. Наша обитель, ставшая зачинательницей замечательного дела – извлекать духовные сокровища из-под спуда, – получила немало помощников. Многие издательства, как церковные, так и частные, стали вносить свой вклад в достижение этой цели.

Наш издательский дом святого монастыря Преображения Спасителя по благословению матери-церкви существует вот уже тридцать лет. За это время с Божией помощью он напечатал, не считая небольших книг для церковных нужд и периодики, полное и довольно обширное собрание синаксариев всех переходящих и непереходящих праздников – Господских, Богородичных и святых. Книга эта называется «Великий Синаксарий Православной Церкви» и состоит из четырнадцати томов.

Доброжелательность и интерес, с которыми благочестивые христиане встретили эту работу, и особенно то, что ее первые изданные тома уже разошлись, окрылило нас, и мы взялись за другой серьезный труд: переиздание еще одного, не менее ценного святоотеческого сокровища. Этую знаменитую книгу вы сейчас и держите в своих

руках. Она извлечена из пыли забвения, оформлена по образцу древних красочных рукописей и теперь представлена боголюбивым читателям. Мы убеждены, что даем жаждущим душам чистую прозрачную воду, что ключом бьет из родников восточного православного аскетизма. Эта книга, которая лежала в библиотеках святых монастырей, да и то не во всех, была мало кому доступна, а для большинства и вовсе неизвестна. Она называется «Благолюбие» (*Εὐεργετίνος*) , а полностью: *Собрание боговещанных глаголов и наставлений богоносных и святых отцов, взятых из всякого бого духовенного писания и доступно изложенных преподобнейшим монахом Павлом, основателем монастыря Пресвятой Богородицы Благодетельницы и нареченным Благолюбивым* (*Εὐεργετίνος*).

В этой весьма нужной возвышающей нас до небесной истины книге нет затянутых и мало кому понятных рассуждений. Это благоуханный букет небольших самостоятельных рассказов, которые собрал воедино блаженный Павел, монах монастыря Пресвятой Богородицы Благодетельницы, откуда взято и название самой книги.

А высший замысел книги, которая у вас в руках, – борьба со всяко-го рода грехами; одоление страдающим человеком всевозможных душевредных страстей, которые, точно злые ведьмы, терзают его душу и тело. От низости и пошлости она возвышает его к высокому и надмирному, к мудрости и бессмертию.

Эта тема весьма непроста. Ее нельзя обойти или решить кое-как – она чрезвычайно важна, исключительно сложна и запутана. Ведь ради этой цели человек и был сотворен (букв.: *вылеплен* – прим. ред.). И ради нее – воплощение и домостроительство спасения Господа. Ради нее пролиты реки мученической крови. К этой цели стремились апостолы, выйдя на проповедь, ради нее мученики исповедовали веру, а (святые) отцы совершали подвиги в пещерах и катакомбах. Одним словом, все, кто хотел спастись, искали только этого. К такой цели, и только к такой, должны стремиться и мы и те, кто придет после нас.

Такова и главная цель, которую преследовал блаженный Павел. Он хотел и стремился дать для борьбы с людскими пороками полное и безошибочное руководство к спасению. Из святоотеческого наследия он выбрал то, что больше всего подходит для поставленной цели, и свел это в единую книгу. В ней преподобный четко определил все страсти, терзающие людей, и распределил их на двести разделов, которые назвал темами. В каждой теме рассказывается о способах борьбы с одной какой-нибудь страстью для достижения про-

тивоположной ей добродетели. Свой труд блаженный Павел разбил на четыре тома, по пятьдесят тем в каждом.

Каждая тема содержит отдельные изречения, мысли, поучения, примеры и рассказы, относящиеся к данному вопросу, взятые у великих отцов-подвижников. Это Антоний Великий, Пахомий Великий, Евфимий Великий, Феодосий Киновиарх Великий, Марк Подвижник и другие блаженные (отцы) из той плеяды, которая просияла в процветавших в те времена аскетических центрах: Фиваиде, Нитрии, Тавенне и прочих. Мысли святых о спасении (слова, поучения, наставления) сохранили писатели, которые видели и слышали их и сами были великими аскетами. Это Ефрем Сирин, Палладий – ученик святого Иоанна Златоуста, авва Исаия Отшельник, Григорий Двоеслов, преподобный Кассиан, Варсонофий, Антиох, Исаак Сирин, святая Синклитикия и другие благоуханные райские цветы.

Такое распределение материала придало книге особую привлекательность, сделав ее удобной для чтения, весьма практической и полезной. Это не монотонное теоретическое исследование, а неторопливый дружеский разговор. «Старец сказал: «До последнего издохания голос вопиет к человеку: «Ныне же обратись». «Брат спросил старца...». «Авва Пимен рассказывал об авве Исидоре...». «Старцы говорили: «Наказывайте своих детей, братья, чтобы они потом не стали наказывать вас». «Отцы рассказали про такой случай...».

Эта книга лежала среди неизданных рукописей в святом афонском монастыре Кутлумуш. Впервые она была опубликована и поставлена «как светильник на свещницу» в 1783 году в Венеции. Ее напечатали в типографии Антония Вортоли на средства благочестившего и благороднейшего господина Иоанна Канны.

Во второй раз ее выпустили в свет в Константинополе сыновья Ф. Фокаевса Константин и Лука по заказу и на средства, собранные преподобными отцами святой горы Афон. Потом вышли еще два издания в Афинах в 1900-м и 1901-м году: одно – Димитрия Г. Такоса, а другое – Атония Ст. Георгиса. И каждый из них, по не известной для нас причине, назвал свой выпуск «третьим». Не исключено, что они ничего не знали друг о друге, ибо издания вышли почти одновременно, но возможно, что и по честолюбию каждый из них хотел быть (только) третьим. Во всяком случае, исходя из даты выхода в свет, книгу Димитрия Г. Такоса мы называем, как и указано на ее титульном листе, третьим изданием, а выпуск Атония Ст. Георгиса – четвертым, хотя на нем и стоит «третье».

И вот по Божией милости, переходя к изданию, которое у вас в руках, мы называем его пятым, потому что ему предшествовали четыре других. В его основу положен текст первого венецианского выпуска. Только вместо одного объемистого и неудобного фолианта (так выглядят четыре первых издания), мы предпочли, как видите, сделать четыре отдельных тома, так, как составил блаженный Павел. Мы не пожалели ни сил, ни средств на то, чтобы придать настоящему изданию прекрасную форму, дабы и его внешний вид отвечал заключенному в нем сокровищу.

Ну, а что же до содержания, то книга не утомит читателя и не заставит его изо всех сил напрягать свой ум, чтобы постичь главный смысл и впитать в себя ее духовный аромат. Она предоставит его благочестивому воображению приятную возможность побывать в пустынях, пещерах, катакомбах и горах. Именно там чада пустыни, эти духовные соловьи беспрестанно поют свою лиющую песню. Их пение изливается не нотами и музыкальными мелодиями, а горячими молитвами, красноречивым молчанием, непрерывными стенаниями и плачем сокрушенной души.

Там, в убожестве, но это убожество и возносит на небеса, пребывают блаженные мужи, воспылавшие безмерной любовью к Тому Единственному, Кто Голгофой отмерил Свою любовь к нам. Там, скажу вам, можно увидеть редкое чудо - благодатью Господа преображенного человека (*αλλοιωθεντος απο τιν Χαριν του Κυριου*). Только его иссохшее тело, покрытое жалкими лохмотьями, выдает, что он земной. О его духовном совершенстве явно говорит обаяние, покоряющие вас радостью святость, смирение, любовь, терпение и другие благоуханные цветы, распускающиеся в душах возлюбивших Господа и пожертвовавших ничтожным миром ради Него. Там, эти убогие пристанища, сырье и сумрачные пещеры и подвизающиеся в них монахи Божием светом и озарением свыше преобразили в сияющее небо.

Вот в какие края переносит читателя «Благолюбие», чтобы он услышал простые, спокойные и правдивые слова; слова, которые изливаются из освященных сердец, и потому они полезны и просто необходимы для воспитания души во Христе. Их слова скорее подобны шепоту листвы, журчанию ручейка, дуновению ветерка и не имеют ничего общего с эдакими благочестивыми, но плоскими наставлениями мирских учителей. Вот почему эти слова проникают в душу глубже и горячее и, словно солнечные лучи, благотворно ласкают Божие творение.

* * *

По случаю издания одного из трудов православной аскетики считаем целесообразным сказать несколько слов об идеале монашества, одного из ярчайших созвездий на обозримой тверди Православной церкви. Об этом уже много сказано и написано, и мы не станем углубляться в системное исследование столь важной темы. Просто попытаемся обрисовать лишь легкий контур, а остальное восполнит благочестие и вера читателя.

Идеал монашества – цветок, впервые расцвевший в раю евангельского совершенства. Ни по форме, ни по существу у него нет ничего общего с нехристианскими философскими системами, которые основываются на принципе противоречия между плотью и духом и объявляют войну плоти, потому что она «не сущее» ($\mu \eta \text{ о } \nu$) , достойна презрения, а, значит, и должна быть попрана. Монашеский идеал никому не навязывает себя как единственно праведный способ. Его выбирают только по свободному произволению души те, кто преисполнены всепоглощающей любви и пламенной веры в Господа. Монашество – это особого рода единение любящей души с возлюбленным Небесным Женихом, И такое единение вдохновляет на жертвы ради высочайшего и единственного предмета любви – Небесного Жениха.

В Евангелии монашеский идеал раскрывается в совете Господа богатому и благочестивому юноше: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах* (Мф 19, 21). В этих словах содержится не только указание на добровольную нищету, но прежде всего прямой призыв к жертвам – жертвовать своими слабостями, такими, как сребролюбие, к отказу от всяких земных привязанностей ради высшей любви: *И приходи и следуй за Мной* (Мф 19,21). В таком духе и понимали монашеский идеал великие учителя аскетизма, и потому церковь осудила попытки извратить монашество учением о скверности некоторых вещей и обычаях. Святой поместный Собор в Ганграх осудил сторонников Евстафия как раз за такое опасное отклонение. Вот что он постановил в своем девятом правиле: «Аще кто девствует или воздерживается, удаляясь от брака, яко гнушающийся им, а, не ради самыя доброты и святыни девства: да будет под клятвою».

Идеал монашества как опытно переживаемое состояние – это битва длиною в жизнь, это непрекращающаяся борьба с компромиссами и ничтожностью жизни, постоянное бодрствование, непрестанное

собеседование духа со сладчайшим Женихом. Подвиг сопровождает и питает монашество, но его цель не угнетение тела как ненавистного врага, а сохранение блаженства духа, мирности и тишины в душе. Вот как пишет об этом божественный Василий святому Григорию Богослову: «*Итак, я оставил городские заботы, ибо в них – причина тысячи зол. Единственный выход – полностью расстаться с миром. Но удаление от мира – не в том, чтобы телом оставаться вне его, а в отказе души от привязанности к телу, в том, чтобы отвергнуть город, дом, связи с обществом, собственность, деньги, всякую деятельность, обязательства и знание человеческих учений. И в этом величайшую помощь нам оказывает пустыня. Она умиряет наши страсти и дает разуму возможность полностью искоренить их в душе.*

Итак, монашеская жизнь, в основе которой лежит аскетизм, есть не что иное, как преобладание в абсолютной степени любви к Господу. Такая абсолютно трепетная любовь очищает душу от всякой мирской страсти и самопроизвольно подвигает уста к непрерывной и вечной молитве. Аскетизм не философское понятие. Это вдохновение в сердце божественной любви и впитывание любящей душой возлюбленного Господа. Как поэзию или искусство не измерить методами разума, но только лишь определенными чувствами, приводящими в восторг восприимчивое и отзывчивое сердце, так и монашескую жизнь нельзя понять как тезис, ни объяснить логически. Только благородные души в состоянии постичь ее надмирную красоту. *Не все вмещают слово сие, но кому дано* (Мф 19,11).

Церковь многим обязана православному аскетизму. Из мириад аскетов она призвала в свои ряды самых боеспособных и самых отборных воинов. Григории, Василии, Златоусты для аскетических (подвигов) своими слезами обработали бесплодную (пустыню) и только после этого, крепкие, как сталь, и сверкающие, как золото, пасли церковь. И пасли не как ленивые и послушные лицедеи, которые говорят и действуют с чужих слов, но как закаленные в битвах полководцы, не страшась врагов и не отступая перед опасностями. Давайте же усердно молиться, чтобы пастыри, как положено по канонам, избирались из таких смиренных и благочестивых монахов.

Высказывания, мысли и раздумья этих монахов, этих святых аскетов и содержит «Благолюбие». И их возвышенным духом проникается читающий его страницы. С этой точки зрения, книга принадлежит и предназначена не только для монахов. Когда апостол Павел говорит о войсках, воинах и атлетах, то он имеет в виду всех, кто

принял и исповедует христианскую веру. В этом смысле «Благолюбие» рассчитано не только на монахов, но и на всех, кто понимает христианство как борьбу, как постоянный и вечный подвиг. Да и кто не нуждается в молитве, терпении, кротости, молчании, раскаянии? А поскольку диавол нападает одинаково как на монахов, так и на мирян, постольку этим обеим дружинам воинствующей церкви потребны одинаковые способы защиты. Эти способы и постигаются при внимательном и благоговейном чтении прекрасных и поучительных рассказов «Благолюбия».

* * *

Когда мы отдавали «Благолюбие» в типографию, то осознавали, что преподносим неоценимое пособие всем, желающим спастись и прийти к познанию истины, идет ли он непроторенным путем монашеского идеала или несет крест семейных обязанностей.

Этот текст – подлинник, как в рукописи, без единого языкового и стилистического исправления. Однако, чтобы сделать его более доступным для простых людей, которые искренне хотят утолить свою жажду (познаний) чистой водой из святоотеческих родников, но не могут постичь содержания (т.е. понять древний язык – прим. ред.), мы снабдили наше издание множеством пояснений, поместив их на полях: тем самым текст остался неприкословенным для знатоков, а для остальных – пояснения всегда под рукой. Более того, для прилежного читателя пояснения станут источником знаний. Те, кто искренне хотят приобщиться к святоотеческой сокровищнице, но встречаются с трудностями в понимании текста, пусть не отчиваются при первых попытках, а продолжают терпеливо и усердно заниматься дальше. И с помощью пояснений они довольно быстро начнут свободно понимать весь текст. Еще мы дополнили издание большим количеством сносок с комментариями, поместив их под текстом – они тоже помогут читателю, если у него возникнут вопросы.

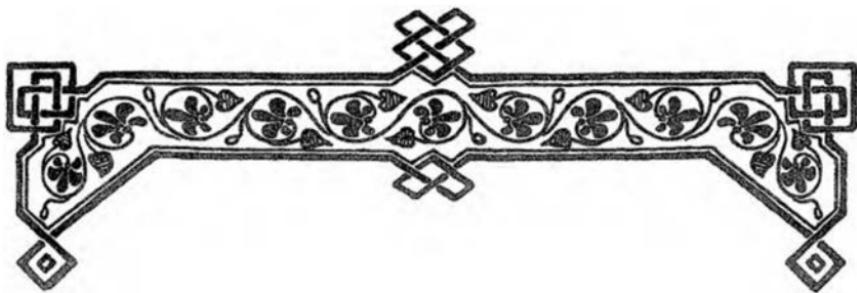
Точно так же в каждой главе нашего труда мы пронумеровали все отдельные отрывки, будь то рассказ о случае, взятом из жития преподобного отца, или самостоятельное поучение. Такой нумерации не было в предыдущих изданиях, что придало нашей книге особое достоинство.

Как мы надеемся, это пятое издание «Благолюбия» после всех улучшений и добавлений, иллюстраций и оформления будет радушно встречено благочестивой христианской паствой.

Мы молим Господа, дабы Он помог читателю постепенно, со ступеньки на ступеньку восходить по лестнице к красоте духовного совершенства. И в своих молитвах просим Его укрепить нас и наших братьев, наших достойных сотрудников иеромонаха Матфея и монаха Илию в их служении – переиздании душеполезных святоотеческих книг, столь необходимых в такое опасное, смутившее и тревожное время.

*Ничтожнейший из монахов
и смиреннейший из священоигуменов
священоигумен Виктор,
святой Владычный монастырь
Преображения Спасителя,
Кронизи, Кувара, Аттика, 1 ноября 1957*

ВВЕДЕНИЕ к настоящей книге

, превышающий понимание всего постижимого из умопостижимых сущностей, предвечный и пресущественный Радзум и постижимый не умом, но верой! Он стоит у начала всякого блага и по самой Своей природе благодетелен. Он сотворил вселенную из ничего и ничем, преисполнил ее Богом Словом, оживотворил Духом и пожелал, чтобы она подчинялась определенным правилам и установлениям.

В горных пребывая, Он управляет высшими нематериальными сущностями по определенным надмирным законам, по которым они движутся в божественной гармонии и порядке. Сущности, пребывающие вверху, наслаждаются доступным им светом, а находящиеся внизу соответственно принимают свет от высших. А в тела, находящиеся в этом материальном мире, Он заложил некие существенные силы – еще их называют законами природы. По этим законам и в соответствии с ними они должны двигаться и развиваться, выполняя действия, которые им предписаны, чтобы мир мог служить прообразом истины.

А в человека Он вселил некую разумную и самостоятельную способность мыслить и в помощь ему дал заповедь, называемую нравственным законом. Следуя этому закону и по нему, как по точнейшей мерке, человек должен исправлять себя, всеми силами избегать всякого зла, поскольку оно является отклонением от прямизны нравственного закона, и разумом стремиться ко всякому благу и добродетели, потому что именно в этом благе и есть цель нравственной философии.

Что же ждет и что ищет для Себя в этом миротворческий Разум? Разве не того, чтобы во всеобщем стройном, упорядоченном движении по установленным законам получить Свою славу? Ведь любое творение, каким бы оно ни было совершенным или ничтожным, в какой-то мере прославляет или порочит своего творца. Об этом где-то в Священном Писании сказано: *Небеса поведают славу Божию*. А о человеке говорится: *Дабы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф 5, 16). Все остальные создания, по воле Создателя, за небольшим исключением, остались в отведенных им пределах. Ибо, как говорится, предел положи, и не мимоидет (Ср.: Пс 148, 6). Несказанные голоса многозвучным хором, кто как только мог, славили Бога. А человек? Увы! Именно человек (можно ли говорить об этом без слез!) стал единственным из земных созданий, кто ожесточился против своего Создателя только потому, что получил полную свободу и был обманут завистливым дьяволом. Он не только уклонялся от прямизны заложенного в нем истинного Слова, но и отвергал те нравственные устои, которые давались ему в разное время. Он полностью запамятовал о добродетели и благе, стал родоначальником зла и, какое несчастье, множества гибельных страстей. Тем самым он пренебрег славой, приготовленной ему Богом, и стал посмешищем в собственных глазах.

Единородный Сын и Бог Слово сжался над его несчастным падением. В последние дни Он стал Человеком и вновь возродил нравственные законы, которые были установлены раньше, и, сверх того, нравственную философию Евангелия еще снабдил более общими правилами и целями, совершеннее прежних, и тем придал ей исключительную красоту. И Он первый воплотил Свою философию в дела и прославил Бога на земле, передав ее нам, чтобы мы шли по Его стопам и показали себя делателями всяческих добродетелей и прославили ими своего Творца. Только так мы сможем вернуться к нашей изначальной цели.

Большинству людей Он заповедовал твердо соблюдать нравственный закон и стать как бы частью его. А кому под силу пойти дальше и сделать больше, Господь позволил все то, что они поревнуют ради любви к Нему. Он Сам косвенно указал на это. Прежде всего, когда говорил о таинственном скопчестве девства: *Кто может вместить, да вместит* (Мф 19, 12). А потом, когда упоминал о двух динариях, то есть о Ветхом и Новом (Завете): *Если издергсишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе* (Лк 10, 35). (*По толкованию святых отцов, напр., блж. Феофилакта, в притче о милосердном*

самаритянине два динария прообразуют заповеди Ветхого и Нового Завета, которые нужно исполнять – прим. ред.)

Однако несмотря на все это, на то, что этика Евангелия призывает к себе всех, некоторые, хотя не понимают, как это можно, занимаются всеми прочими разновидностями философии. Одни всю свою жизнь тратят на математику или физику, другие – на метафизику или общие занятия словесностью. Но и те и другие полностью забывают о нравственной философии, хотя она (совершенно) необходима и превыше всех остальных. Они изучают и небо, и землю, и прочее, как все в них целесообразно и упорядочено. Но из них лишь единицы беспокоятся о том, чтобы самих себя привести в порядок и украсить чистотой нравов. Скорее всего им неизвестно, что куда важнее позаботиться о себе, чем о посторонних вещах, что одно лишь знание без дел бессмысленно и по существу чистый мираж. Как говорит святой Максим (Исповедник): «Подумайте, какая мне польза от философствования обо всем остальном, если мою душу смущают страсти самым недостойным и нефилософским образом. Я, по крайней мере, этой пользы не вижу». Поэтому нужно проявить заботу о нравственной философии, чтобы не стать ущербными в самом главном.

Однако пусть они остаются такими, какие они есть. Те же, кто отдал предпочтение священному учению преподобных отцов и своим умом острее заметил, насколько и чем полезна философия такого рода, кто усвоил ее, легко могли бы овладеть и всем остальным. К тому же, если они знали, что этика – ровесник человеческому роду и по своей древности выше всех иных видов философии, и совершенно пренебрегли всем остальным и посвятили себя ей одной. По слову Павла, они загнали себя *в пустыни и горы, в пещеры и ущелья земли* (Евр 11,38) и обращались к тому, что насущно, – к непрестанному безмолвию. Их целью стало с точностью определить главные корни страстей и как полностью отсекать их. К тому же они стремились не только добиться склонности к добродетелям и их относительному познанию (ибо этого можно добиться и случайно), но и опытно проникнуть и преисполниться добродетелей, словно своей второй натурой, сделать их своими наперсниками и вместе, через многие труды и многолетние подвиги, прийти к старости.

Общие законы Евангелия, о них уже упоминалось раньше, эти люди приняли как главнейшие принципы своей философии и изучали их днем и ночью. А затем из тех добродетелей, что в краткой форме даются в этих законах, они извлекли более частные случаи. Они прошли через многие искушения, как от людей, так и от бесов.

Они истощали и изнуряли свое тело воздержанием и всяческим страданиями. После множества трудных подвигов они достигли всех добродетелей и овладели опытными знаниями. Тогда-то они внесли важное прибавление к Евангелию (по крайней мере для тех, кто достаточно смыслил в этом) и щедро распорядились собственным выбором, не только выполнив заповедь, но став выше ее.

И понятно, они вернули Владыке Его талант с прибылью в добродетелях и этими добродетелями прославили Бога, в чем, как мы уже говорили, и была с самого начала Божия воля. Потом в своих сочинениях, преисполненных опытного знания добродетелей, они передали его нам, как добрым менялам. Все это для того, чтобы мы взяли с них пример и тоже подвигли себя, насколько хватит сил, совершившись в добродетелях. Поясню сказанное доступным примером. Кто изучает естественные науки, определяет свойства тел с помощью сотен приборов в бесчисленном множестве экспериментов и химических анализов. Точно так же и эти люди: в сотнях испытаний и практических опытов на протяжении многих лет (а, бывало, что одно-единственное слово исследовалось ими пятьдесят лет) и, конечно же, водительством просвещающего Духа они открывали глубины нравственной философии. Каждую из добродетелей они очистили от излишеств и недостатков и потому особо учат о четырех родах бесстрастия: о послушании, ведущем к совершенству, о смиреннии, исполненном добродетели, о всепросвещающем рассуждении, о гостеприимстве, приносящем радость, и богоподобном сострадании, о душеспасительном милосердии, о непрестанной молитве, об уничиженном покаянии, о правдивой исповеди, о безупречной совести, о божественной любви и о прочих звеньях золотой цепи добродетелей.

Кроме того, они установили, какие добродетели относятся к телу, какие – к душе, а какие – к уму и каким образом, насколько и какие причины способствуют их обретению, а какие нет. Они также определили, какие страсти общие, а какие бывают только их частным проявлением. Опять же, какие из них относятся к душе, какие – к телу, какие – к уму и каким образом от них легче избавиться. Проще говоря, все, что совершенствует человека во Христе, они объясняют с высочайшей точностью. Самое дивное, что слова этих блаженных старцев, при всей их бесхитростности и просторечии, настолько действенны и побуждают к действию, что способны убедить едва ли не всех, кому попадут в руки. Многие, и такое бывает часто, ведут беседу и приводят множество разных текстов, но никого не могут убе-

дить. Но одно лишь слово или поступок такого премудрого отца западает в душу и мгновенно убеждает слушателей, заставляя их согласиться. Если у философов цель этики – убеждать словами, то в рассуждениях отцов, кроме убедительности, явно присутствует что-то властное, так сказать, добровольное понуждение. Это оттого, что в них есть самоочевидная достоверность истины. Если назвать эти рассуждения отцов своего рода нормой, правилами или незыблемыми принципами нравственной философии, то мы нисколько не погрешим против истины.

Их несравненную для всех пользу понимал преподобнейший из монахов Павел, ктитор святой обители образа Божией Матери Благодетельницы (Евергетиды), названный в Ее честь Благолюбивым. То, что прежде было в разрозненном состоянии, он собрал вместе и для удобства чтения распределил по отдельным темам, затем разделил на четыре книги и свел в единое целое, дабы легким стал обзор святоотеческих глаголов. Для сведущего человека эта книга была желанной и крайне необходимой, но, если учесть труды и расходы, которых стоило изготовление ее копии вручную, то мало кому доступной. Люди несведущие, из-за ее редкости и так как она никогда не издавалась, даже не знали о ее существовании. Поэтому, как не трудно догадаться, она ждала того, кто издаст ее для общей пользы, кто предоставит это чистое и мысленное золото духовным менялам. И таким издателем стал господин Иоанн Канна, человек в высшей степени безупречный, благочестивый, благородный, боголюбивой души и христоподражательного нрава, свободолюбивого ума и к тому еще и нищелюбивый, чьи разносторонние достоинства блестательны и всем очевидны.

Он всегда сражался за благое дело, никому не уступая первенства, и, как говорится, первым брался за самое трудное, чтобы другим досталось что полегче. Он употреблял на деле все свои усилия и настолько хотел быть первым во всех благих дела, что любое его действие служило к общей пользе. Именно он отнесся к делу как к неслыханной удаче, дышал искренней ревностью о братьях, но лучше сказать, был вдохновлен благодатью свыше. Причем, он сам по собственному желанию взялся за это дело. Так и только так должно было произойти: кто сам блистал нравственными добродетелями, тот взял на себя право издать книгу нравственности.

Из-под спуда и пыльного мрака забвения господин Иоанн извлек этот ярчайший светоч нравственности. Кроме того, построил на свои средства типографию, эту высокую свещницу, словно

устремленный ввысь маяк, который стал источать яркий и видный всем свет и открыл его едва ли не всей вселенной, куда только смогли проникнуть его спасительные лучи. Тем самым этот благодетельный муж подвиг и других к деланию добродетелей, а через добродетели – к Божией славе. Эта слава, вне всякого сомнения, выше любой другой славы. Видите, как высока такая честь!

И вот выходит в свет это тончайшее мерило добродетелей, этот образец бесстрастия, эти опытные рассуждения мудрых отцов, благочестивое изложение советов старцев, словом, единственная в своем роде сокровищница всех нравственных благ. Да умолкнут Солоны, да расточатся Ликурги, да померкнут Сократы, да закроются Аристотели и Платоны и все прочие из внешних мудрецов, кто когда-либо писал о нравственных добродетелях! Все они вместе да уступят старшинство этой книге. Они далеко отклонились от цели этики – от истинного блага. Цель их этики не Бог (Он один высшее из всех благ, только обращаясь к Нему, всякая добродетель обретает истинную цену), а благо земное и временное. А раз они ошиблись в цели, то ясно, что подлинным добродетелям учить не могут. Во всяком случае, по их же словам, всякое состояние вещи определяется ее целью.

И теперь вы, все, кто призван быть причастником небес и православия, кто взирает на единого Бога и стремится украсить свою душу всякого рода добродетелями, прострите ваши руки, *словно златые столпы*, и с глубокой радостью примите эту книгу в святые объятия как священный начаток и свет закона. И когда будете ее читать и перечитывать и срывать спелые плоды духовной пользы, не откажите, прошу вас, помолитесь Господу о том, чьими средствами эти плоды были выращены и, конечно же, о том, кто вскормил их своим трудом. Ведь и в этом можно выказать свое стремление быть благодарным. И если будете любить отцов этой книги (ибо любить их благоволил Господь) и всякий день будете вопрошать их, тогда вы устроите свою жизнь по мудрым советам старцев, как по определенному мерилу, согласно заповеди: *Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе* (Втор 32, 7). А устроив так свою жизнь, вы станете делателями нравственных добродетелей. И в трудах над этими добродетелями прославляйте *Отца нашего, Иисуса на небесах, со единственным Его Сыном и животворящим Его Духом, единственного Бога всяческих, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.*

*О том, что никому, даже
самому большому грешнику
никогда не следует
отчаиваться, но каяться
и надеяться на спасение*

A. Из святого Палладия

реподобный отец наш Иоанн Ликский¹ (о нем подробнее пойдет речь ниже в главе о необходимости избегать общения с женщинами), рассказал нам:

— В одном городе жил юноша, погрязший во множестве тяжких грехов, но по Божьему произволению раскаялся в своих бесчисленных пороках, пошел на кладбище, закрылся в гробнице и, пав ниц, принял оплакивать свою прежнюю жизнь, стеная из самой глубины сердца.

По истечении недели ночью явились бесы, которые и прежде отравляли ему жизнь, и закричали:

— Вот ты где, нечестивец! Столько времени наслаждался блудом, а теперь вдруг ни с того ни с сего надумал стать целомудренным и благочестивым. Поздно, брат! Доброго христианина из тебя уже не выйдет. Ты по уши погряз в наших пороках — на

¹ Лико, или Ликополь (Волчий город — греч.) — один из древних городов Среднего Египта, расположенный на левом берегу Нила. Собственно именем Ликополя в древности, как и ныне, назывался Сиут, считавшийся священным городом.

что надеешься? Лучше вставай и пойдем скорее отсюда. Заживешь по-прежнему — блудницы и кабачники ждут тебя. Неужели откажешься напоследок повеселиться всласть? Все равно у тебя нет никаких надежд на спасение — суд над тобой будет скорым. Что зря убиваешься и спешишь поскорее получить наказание, несчастный? Кара и так неминуема. Ты совершил столько всякого зла — не скроешься. Что молчишь? Или забыл нас и больше не хочешь с нами знаться?

Но юноша продолжал скорбеть, не отвечая им, будто не слыша. Ничего не добившись, бесы набросились на него и, избив до полусмерти, исчезли. Бедняга лежал неподвижно, весь в синяках и чуть живой, продолжая тяжко стонать и каяться.

Тем временем разыскивавшие беглеца родственники, обнаружив его на кладбище в плачевном состоянии, поняли, что с ним произошло, и принялись уговаривать беднягу вернуться домой, но он отказался.

На следующую ночь опять явились бесы, избили юношу пуще прежнего и все же не смогли заставить его покинуть гробницу. Когда снова пришли родственники, он не согласился уйти оттуда, сказав им, что скорее умрет, чем вернется к распутству.

На третью ночь бесы били его с особым остервенением и чуть было совсем не лишили жизни. Но убедившись, что сломить затворника не удастся, унеслись с воем:

— Ты победил! Победил! Победил!

С тех пор ничего подобного с ним больше не случалось. До конца своих дней он оставался в гробнице, живя в чистоте и подвизаясь в добродетелях, превратив могилу в спасительную обитель, и Господь удостоил его дара явлений и чудес.

Б. Из жития святой Синклитикии

Блаженная Синклитикия говорила, что души беспечные и ленивые, не преуспевающие в доброделании и склонные к от-

чаянию, нужно хвалить. Если они сделают даже какое-нибудь незначительное добро, восхищаться и превозносить его, а самые большие и грубые ошибки называть малыми и незначительными. Ведь дьявол, стремясь все обратить к нашей погибели, научает добродетельных подвижниц утаивать свои грехи и предавать их забвению, дабы разжечь в них гордыню, а грехи новоначальных и еще не укрепившихся душ выставляет напоказ, ввергая их в отчаяние. Подавленных таким путем сестер следует подбодрить, напомнив им о безграничной Божьей доброте и сострадании ко всем человеческим душам, что многомилостивый, благоутробный и долготерпеливый Господь наш сожалеет о человеческих прегрешениях. Нужно напомнить им и свидетельства Священного Писания, показывающие Его безграничное сострадание к согрешившим, но раскаявшимся. Так, Раав¹ была блудницей, но спаслась верой. Павел был гонителем христиан, а стал сосудом избранным — апостолом. Разбойник грабил и убивал, но одним словом первый отверз двери рая. Вспомним еще и Матфея, который был мытарем, а стал евангелистом, и блудного сына, и многих им подобных, призванных Богом, чтобы подбодрить впавших в уныние сестер.

Души же, которые побеждаются гордостью, нужно исцелять многочисленными примерами, подобно опытным земледельцам, которые, когда видят маленький и слабый росток, часто поливают его, тщательно рыхлят землю вокруг, пока он не укоренится и не окрепнет. Если же видят, что растение пустило лишние побеги, их сразу отсекают, иначе оно скоро завянет. Так же поступают и врачи: при одних болезнях советуют обильно питаться и гулять, а при других — меньше есть и двигаться.

¹ Раав — жительница города Иерихона, спасшая израильских лазутчиков от преследования, спустив их по веревке из окна своего дома в городской стене. См. Нав 2.1-21; 6.17-25

В. Из святого Палладия

Говорят, что самый известный в свое время среди скитских отцов Моисей Эфиоп, перед тем как стать монахом, был служкой у одного сановника. Но даже властный господин не смог вынести крайне злонравного, кровожадного и свирепого нрава своего слуги и прогнал его, и Моисей пошел в разбойники. Он отличался необычайной силой и выносливостью, и лихие люди выбрали его атаманом.

Вот один из его разбойничьих подвигов. Моисей затаил злобу на местного пастуха, чьи собаки своим лаем ночью сорвали ему задуманный налет. Решив убить пастуха, он стал следить, куда тот гоняет овец, и вскоре выяснил: на другой берег Нила. Это было во время половодья, когда река разлилась вдвое шире обычного. Моисей разделся, привязал одежду на голову и, взял нож в зубы, вошел в воду и переплыл на другой берег. Но пастух, еще издали заметив пловца, успел убежать и надежно спрятаться.

Моисей, не найдя никого, выместили охватившую его ярость на овцах: заколол четырех самых тучных баранов, связал веревкой и поплыл с добычей обратно. Туши отнес в ущелье, освежевал, развел костер, лучшие куски баранины съел, а шкуры обменял на саидское¹ и выпил восемнадцать италиков². Наевшись до отвала, он вернулся в свой стан, пройдя пешком пятьдесят миль³.

Однако в жизни атамана произошло событие, которое привело его к покаянию. Он осознал свои грехи, ушел в монахи и поселился в пустынной келье, чтобы совершать аскетические подвиги, отличавшиеся особой суровостью.

¹ Вино из египетского города Саида.

² Италик – около 0,54 л

³ Тогда миля составляла тысячу шагов.

Про него рассказывали, что когда он только отрекся от мира и поселился в заброшенной келье в Скиту¹, на него напало четверо разбойников, не знавших, что перед ними знаменитый атаман. Моисей уложил их всех, связал, взвалил на плечи, точно мешки соломы, принес в церковь и спросил братьев:

— Мне никого нельзя обижать, хотя они сами напали на меня. Что теперь с ними делать?

Братья велели развязать их и отпустить. Только тут разбойники догадались, что перед ними (знаменитый) атаман и, увидев его раскаявшимся, порвали с прежней жизнью и по его примеру отреклись от мира и со временем стали опытными монахами.

Авва Моисей взял на себя величайший аскетический труд, о чем подробно рассказано в других книгах. Он воевал с бесами, подвергал себя крайне суровым испытаниям. Своими подвигами он вошел в число великих и наиболее прославленных отцов. Был рукоположен в пресвитера и просиял многими духовными дарованиями. Авва Моисей отошел ко Господу, оставив после себя семьдесят учеников.

Г. Из Патерика²

Воин спросил авву Миоса, принимает ли Господь покаяние. После долгих наставлений авва спросил его:

— Скажи, возлюбленный, если у тебя порвется хламида³, ты выбросишь ее?

¹ Скит, Нитрия и Келии – крупнейшие центры монашества в Египте. Они занимали обширные территории юго-западнее Александрии и были заселены тысячами аскетов, совершивших подвиги под руководством великих старцев. В III–IV веках там подвизались несколько тысяч отшельников (старец и один-два ученика в келье). Самый строгий устав был у пустынножителей Скита. Основателями отшельничества считаются вдохновленные преподобным Антонием Великим аввы Амон, Макарий Александрийский, Макарий Великий, Федор Фермийский. Среди знаменитых подвижников – аввы Исаия, Памво, Аполлос, Пиор, Ор, Арсений Великий, Моисей Мурин, Сисой, Паисий, Иоанн Колов и др.

² См.: Древний патерик, М. 1899, репринт монастыря Параклита, Оропос, Атикас, Греция, 1991 г., с. 202, № 162.

³ Хламида – верхняя мужская одежда, надеваемая поверх хитона, плащ, мантия.

— Нет, — ответил воин, — но заштопаю и снова буду носить.

Старец сказал:

— Если ты так щадишь свою одежду, то неужели Господь не пощадит Свое творение?¹

2. Один брат спросил авву Пимена²:

— Я совершил тяжкий грех и хочу каяться три года.

— Очень много, — сказал старец.

Находившиеся у старца другие братья спросили:

— А сорока дней хватит?

— Очень много, — повторил авва. — Вот что я вам скажу: если человек от всего сердца покается и более уже не будет грешить, то и в три дня Бог простит его.

3. Другой брат спросил авву:

— Если человек впадет в какое согрешение (Гал. 6,1) и покается, простит его Бог или нет?

— Господь, — ответил старец, — заповедал человекам прощать, так неужели Сам Он не поступит во сто крат лучше? Ведь заповедал же Он Петру прощать до семижды семидесяти раз (Мф. 18, 2).

4. Задал вопрос и третий брат:

— Что значит раскаяться в грехе?

Старец ответил:

— Не совершать более греха. Праведники потому и называются непорочными, что оставили грехи и сделались праведными.

5. Брат спросил авву Сисоя³:

— Что мне делать, авва, я пал?

— Вставай, — ответил старец.

Тот сказал:

¹ См.: *Apophtegmata*. P. 301, lin.48 (TLG). См. рус. пер. «Достопримечательные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов». Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993. с. 124 (репринт)

² *Apophtegmata*. (coll. Alphabet. P. 325, Lin. 14. (TGL).

³ Ср.: *Apophtegmata. Collect. Anonyma. e cod. (Coisl. 126), 43, lin. 1 (TGL).*

— Я встал и опять пал.

Старец сказал:

— Вставай снова и снова.

— Доколе же? — спросил брат.

— Пока, — ответил старец, — не будешь взят из жизни сей в благом деле или в грехопадении. В чем человека застанут, в том он и отойдет к Богу.

6. В Египте был некий брат, который постоянно пребывал в своей келье, проводя жизнь в великом смирении. В городе у него осталась сестра, блудница, погубившая немало душ. Старцы не раз говорили ему, чтобы он сходил к ней, вразумил и пресек творимый ею грех, и в конце концов убедили.

Когда брат подошел к ее дому, его узнали и тотчас известили сестру:

— Твой брат пришел — он уже в дверях.

Она обрадовалась всей душой, оставила своих любовников, которых ублажала, и, даже не покрыв голову, побежала встречать его. Увидев родное лицо, она протянула было руки, чтобы обнять брата, но тот остановил ее словами:

— Сестра моя родная, пощади свою душу. Ведь из-за тебя гибнет столько людей. Не обрекай себя на страшные вечные муки.

— Скажи, — спросила она, вся дрожа от страха, — осталась ли у меня хоть какая-то надежда на спасение?

— Осталась, если хочешь спастись, — ответил он.

Она бросилась ему в ноги, прося взять ее с собой в пустыню.

— Пошли, — сказал он, — только покрой голову.

— Пойду так, — сказала она. — Лучше вынести позор из-за непокрытой головы, чем снова вернуться в дом терпимости.

По дороге брат вразумлял ее, готовя к покаянию. Увидев людей, которые шли навстречу, он сказал:

— Кто знает, что ты моя сестра, лучше отойди в сторонку и подожди, пока они пройдут.

Она так и сделала. Когда люди прошли, он окликнул ее:

— Пошли дальше, сестра.

Но ответа не было. Брат вернулся назад и увидел: она мертва, и ноги ее разбиты в кровь — весь путь она прошла босая. Когда он рассказал обо всем старцам, они стали рассуждать о ее участи. Одному из них открылось: так как она не только пре-небрегла всем плотским, но и забыла о своем теле, даже не по-жаловалась на тяжкие раны на ногах, Бог принял ее покаяние¹.

Д. Из святого Амфилохия Иконийского: о том, что никогда не следует отчаяваться

Некий брат, сраженный блудной страстью, грешил каждый день, но всякий раз со слезами молился, прося Владыку сми-лостивиться над ним. Он каялся, но, порабощенный сквернейшей привычкой, был не силах остановиться. И вот однажды после очередного греха он пошел в церковь и, подняв взор на честной и славный Лик Господа нашего Иисуса Христа, пал ниц перед ним и, горько плача, взмолился:

— Помилуй мя, Боже, и избави от коварного искушения. Оно жестоко терзает меня и отправляет ядом сладострастия. Владыко мой, не смею даже поднять глаз своих и взглянуть на образ Твой святой и Лик Твой, ярче солнца сияющий, чтобы сердце мое утешилось и возрадовалось.

После этих слов брат вышел из церкви и снова впал в мерзость греховной страсти, но не отчаялся в своем спасении и, тотчас вернувшись в храм, взмолился, взывая к человеколюбивому Господу и Богу нашему:

— Господи, призываю Тебя в свидетели — никогда больше не совершу этого греха, лишь бы Ты, Блаже, простили мне все, что я доныне сотворил.

Не успел он произнести слова этого страшного обета, как снова впал в мерзость. И вот тут проявилась сладчайшее чело-

¹ Там же (Coisl. 126), 88, lin. 1 (TGL).

веколюбие и беспредельная благость нашего Господа. Он день за днем прощал и терпел неисправимое и лукавое преступление против заповедей и неблагодарность брата и по великому милосердию Своему ожидал от него покаяния и окончательного исправления, ибо тот грешил не год, не два, не десять, а гораздо больше лет.

Видите, братья, какое неиссякаемое терпение и безграничное человеколюбие у нашего Владыки! Он каждый раз по Своей благости терпит, не воздавая нам за наши самые тяжкие прегрешения и беззакония! Достойно благоговейного преклонения обилие Божиих щедрот. Ведь сколько раз брат давал клятвы и обеты, что больше никогда не повторит греха, и всякий раз оказывался лжецом.

И вот не прошло и нескольких дней, как он снова впал в грех и сразу прибежал в церковь, стал плакать, рыдать и со стонами взывать к состраданию благоутробного Владыки, умоляя Его помочь ему избавиться от распутства. Когда брат обращался к человеколюбию Бога, родоначальник зла и губитель наших душ дьявол увидел, что добыча ускользает из его рук, и сеть, в которую он с помощью греха запутал свою жертву, разорвана ее покаянием, нагло и открыто предстал перед кающимся. Он в упор посмотрел на несчастного, потом обратился к честному образу Господа нашего Иисуса Христа и закричал:

— Что Тебе до меня, Иисусе Христе? (Мк. 5,7; Лк. 8,28). Своим беспредельным состраданием Ты победил и растоптал меня, потому что принял этого блудника и разврата, который день за днем обманывал Тебя, презрев Твое всемогущество. Почему Ты не сжигаешь его огнем, а проявляешь к нему великодушие и терпишь этого безумца! Не Ты ли обещал судить прелюбодеев и блудников и истребить всех грешников до единого. Воистину не могу назвать Тебя праведным Судьей, потому что Твоя власть, когда хочет, судит несправедливо и покрывает грехи, а меня за ничтожное прегрешение, какое-то

превозношение Ты низверг с высоты небес в самый ад. А этому лжецу, блуднику и развратнику стоило только пасть ниц перед Ликом Твоим, как Ты милостиво даровал ему Свое благоволение. За что же Тебя называют праведнейшим Судией? Как вижу, Ты по Своей превеликой благости приемлешь таких людей, совершившо попирая правосудие, — возмущался нечистый, извергая из ноздрей пламя гнева.

Когда он замолчал, тотчас же из алтаря раздался Глас:

— О, змий, вселукавый погубитель! Неужели ты еще не насытился своим коварным злом, которым отравил весь мир? И теперь пытаешься завладеть и погубить этого человека, который прибег к Моему безграничному благоутробию и милости. Взял ли ты на себя хоть сколько-нибудь прегрешений, чтобы сравниться с Моей честной кровью, пролитой на Кресте и за него? Я был заклан и умер, чтобы искупить и его грехи. Ты же, когда он начинает грешить, не отвращаешь его от греха, но радуешься этому. Ты не отводишь несчастного от порока и не чинишь ему препятствий только потому, что надеешься завладеть им. Я же милостив и человеколюбив и потому повелел Моему первоверховному апостолу Петру прощать согрешившему до семижды семидесяти раз ежедневно. Так, неужели же Я не помилую и его? Помилую. И когда придет ко Мне, не отвращусь от него, пока он не унаследует Царство Небесное. Ведь ради грешников Я был распят и Свои пречистые дланы распростер ради них, дабы жаждущий спасения пришел и спасся. Никого Я не забуду и не прогоню. Даже если он тысячу раз на день падет и тысячу раз на день придет ко Мне, то не останется без утешения. Ибо Я пришел призвать к покаянию не праведников, но грешников.

Как только раздался этот Глас, дьявол задрожал от страха, не в силах двинуться с места.

— Послушай, лжец, — продолжал Глас. — Ты говорил о Моей несправедливости. Но Я справедлив ко всем. Ибо в чем застану, в том и сужу. Сейчас Я вижу этого брата кающимся, обра-

тившимся и лежащим у Моих ног. Значит, он победил тебя. И Я приму и спасу душу его, потому что он никогда не отчаявался. А ты взирай на славу его и сгори от зависти и стыда.

Лежавший на полу рыдающий брат между тем испустил дух. Тотчас великий гнев огнем пал на сатану и спалил его. Отсюда мы видим, братия, безмерное благоутробие и человеколюбие Божие, сколь благ наш Владыка, и потому никогда не будем отчаиваться и пренебрегать своим спасением.

2. Был еще один брат, тоже покаявшийся в грехах и живший в безмолвии. Но случилось так, что он споткнулся о камень и разбил ногу. Рана оказалась глубокой, и от большой потери крови несчастный лишился сознания и испустил дух. Явились бесы, чтобы забрать его душу, но ангелы сказали:

— Посмотрите на камень. Видите, сколько крови он пролил за Христа.

Как только они произнесли эти слова, душа брата вырвалась на свободу.

3. Некоему брату, впавшему в грех, явился сатана и сказал:

— Ты не христианин.

— Кем бы я ни был, — ответил брат, — в любом случае я пре-взошел тебя.

— Подумай о том, что тебя ждет ад, — сказал сатана.

— Ты мне не судья, — возразил брат, — ибо ты не Бог.

Так сатане не удалось уловить брата, и ему пришлось отступить. А тот искренне покаялся перед Господом и со временем стал опытным монахом.

4. Один брат, впавший в уныние, обратился к старцу:

— Что делать, меня одолевают помыслы, что я слишком по-здно отрекся от мира и теперь мне не спастись?

Старец ответил:

— Даже если мы не попадем в землю обетованную, то пусть лучше наши кости останутся в этой пустыне, чем вернуться в Египет. (См. Евр. 3,17)

5. Другой брат спросил его:

— Отче, почему пророк говорит так загадочно: «Несть спасения ему в Бозе Его»? (Пс.3, 3).

Старец ответил:

— Он имеет в виду помыслы безнадежности, которые внушают согрешившему бесы: «Отныне нет тебе спасения в Боге», чтобы столкнуть его в пропасть отчаяния. Им надо противоборствовать такими словами: «Господь прибежище мое, ибо исторгнет из сети ноги мои».

6. Один из отцов рассказывал, что в Салониках был монастырь дев. Одна из наследниц, поддавшись искущению нашего общего врага, покинула обитель, впала в блуд и в этом грехе пребывала немало времени, но потом по милости человеколюбивого Бога покаялась и пошла обратно в свой общежительный монастырь. Дойдя до ворот, она упала на землю и скончалась.

Одному из святых была открыта ее кончина. Он увидел святых ангелов, которые прилетели и взяли ее душу, а бесы — за ними, и у них возник спор. Святые ангелы говорили, что она покаялась, но бесы возражали:

— Она служила нам столько времени, и теперь наша. Как же вы можете утверждать, что она покаялась, если даже не успела войти в монастырь?

Ангелы сказали:

— С того момента, как Господь, увидев, куда склонилось ее волеизъявление, принял ее покаяние. Она сама была госпожой своего покаяния ради цели, к которой стремилась. А Владыка ее жизни — один Господь.

Бесы были посрамлены и улетели. Очевидец этого явления откровенно рассказал о нем присутствовавшим.

7. Авва Алоний сказал:

— Если человек захочет, то с утра до вечера (дней своих) преуспеет в меру Божественную.

8. Брат спросил авву Моисея:

— Вот хозяин велит сечь раба за то или иное прегрешение, за которое тот в ответе. Что скажет на это раб?

Старец ответил:

— Если сей раб — добродетельный муж, то лишь одно: «Помилуй меня, я виноват».

— И больше ничего? — спросил брат.

— Ничего, — подтвердил старец. — Ибо должно все время порицать себя, видеть свой позор и говорить: «Я согрешил». Тогда господин сразу помилует его.

9. Брат спросил авву Пимена:

— Что мне делать: как только я впадаю в малейшее прегрешение, так меня начинает терзать помысел и осуждать за то, что я натворил?

Старец ответил:

— Если человек впадает в грех, но говорит: «Я согрешил», то сразу обретает покой.

10. У девицы по имени Таисия¹ умерли родители, и она осталась сиротой. Свой дом она сделала странноприимным для отцов Скита и принимала их и служила им. Через некоторое время у нее истощились средства, и она впала в нужду. Сироту окружили развратные люди, которые сбили ее с благого пути. После этого она стала вести себя скверно и дошла до блуда.

Об этом услышали отцы и весьма опечалились и, позвав авву Иоанна Колова, сказали ему:

— Мы слышали о сироте, что она худо живет. А когда она могла, то оказывала нам любовь. Теперь мы окажем ей свою любовь и поможем. Потрудись сходить к ней и по мудрости, которую дал тебе Бог, помоги ей подняться.

Авва Иоанн пришел к Таисии и попросил старуху-привратницу:

— Скажи обо мне госпоже.

Но та стала браниться и гнать его прочь:

— Вы проели все ее имущество! Это из-за вас, монахов, она теперь нищая!

¹ В «Достопримечательных сказаниях» она названа Паисией.

— Скажи: я пришел помочь ей, — успокоил ее авва.

Привратница поднялась к госпоже и сказала о нем. Выслушав ее, девица воскликнула:

— Эти монахи все время ходят у Красного моря и находят жемчужины¹.

Она привела себя в порядок, уселась на ложе и велела привратнице привести старца.

Авва Иоанн вошел, сел рядом и, взглянув на нее, сказал:

— Почему ты винишь Иисуса в том, до чего дошла сама?

Услышав это, она вся съежилась, а старец, уронив голову на грудь, горько заплакал.

— Авва, почему ты плачешь? — спросила она.

Он взглянул на нее и, снова опустив голову, проговорил сквозь слезы:

— Как же мне не плакать, когда я по твоему лицу вижу, как сатана смеется над тобой?

— Возможно ли для меня покаяние, авва?

— Да, — ответил старец.

— Забери меня отсюда куда-нибудь, — попросила она.

— Пошли, — сказал старец, и она тотчас встала, готовая следовать за ним. При этом авва с удивлением заметил, что Таисия не сделала никаких распоряжений по дому.

Когда они пришли в пустынью, сумрак уже покрывал землю. Авва устроил в песке ложе с небольшим подголовником и, осенив его крестным знамением, сказал:

— Усни здесь.

Сделав и себе ложе неподалеку и помолившись, старец вскоре и сам уснул. Среди ночи он пробудился и увидел светлый путь, сходивший с неба к девице, и увидел ангелов Божьих, возносивших ее душу.

¹ Примечательная острота: она указывает, что событие происходит в Верхнем Египте.

Авва Иоанн встал, подошел к ней, тронул ее ногой и, увидев, что она мертва, пал ниц, стал молиться Богу и услышал глас, сказавший, что один час ее покаяния принят лучше, чем тех, кто каётся много лет, но не так горячо, как она.

Е. О блаженном Павле Препростом, ученике святого Антония

Как рассказывали отцы, однажды Павел Препростый, придя в монастырь ради посещения и пользы братии, после обычного приветствия отправился вместе с ними в церковь на службу, но у дверей храма остановился и принял всматриваться в монахов, дабы понять, с какой душой они входят, ибо Господь удостоил блаженного дара видеть внутреннее состояние человека, подобно тому как мы видим внешнее. Он обратил внимание, что у всех входящих взоры ясные и лица веселые, сопровождающие их ангелы радуются за них, и святой сам радовался вместе с ними и благодарил Бога.

Тут появился брат, чье лицо и тело были черные, а окружающие его демоны тащили несчастного за узду. Ангел-хранитель следовал за ним далеко позади, понуро опустив голову. Увидев такую ужасную картину, старец сел подле церкви и, ударяя себя кулаком в грудь, залился горькими слезами, всей душой скорбя о брате, оказавшемся в таком положении.

Монахи, заметив внезапную перемену в состоянии святого, его душевное потрясение и горькие рыдания, подошли к нему и спросили о причине скорби и стали уговаривать пойти вместе с ними в храм на службу. Но он отказался и остался на месте, тяжело скорбя о несчастном брате. Через некоторое время, когда служба закончилась и все потянулись к выходу, старец опять стал всматриваться в каждого, чтобы увидеть, какими они выходят.

И вот авва увидел брата, который вошел черен лицом и телом и окруженный демонами, а теперь выходит из храма с сияющим лицом и весь просветленный, и рядом с ним ангел-

хранитель, торжествующий и безмерно радостный, а демоны понуро плетутся далеко позади. Старец даже не чаял увидеть такое — изумленный, он встал во весь рост и с радостью воскликнул, воздавая хвалу Господу:

— О, неизреченное человеколюбие и благость нашего Владыки! — Он взбежал на верхнюю ступеньку и обратился к братии с вдохновенными словами:

— *Придите и видите дела Господа!* (Пс.45, 9). Как они страшны и преисполнены изумления!

Все, конечно, тут же сбежались к нему, горя желанием услышать слово святого аскета. И преподобный подробно и в красках описал им свои наблюдения: каким брат вошел и каким вышел из церкви и попросил счастливца объяснить такую перемену, и тот откровенно рассказал:

— Я человек грешный и до сего дня жил в блуде. А вот сегодня как только вошел в святой Божий храм, услышал слова пророка Исаии, а точнее, Самого Бога, говорившего: *Омойтесь и будьте чисты; удалите лукавство от сердец ваших пред очами Моими.., научитесь творить добро... И если будут ваши грехи, как багряное, — как снег, убелю... И если захотите и послушаете Меня, то вкусите блага земли* (Ис. 1: 16-19). Эти слова потрясли меня, глубокий стон вырвался из моей души, и я сказал: «*Владыко Господи Боже наш, пришедший в мир спасти грешников*» (1 Тим. 1, 15) и недостойных, даю Тебе, Сердцеведче, мое слово, что отрекаюсь от всего беззаконного и позорного, что доселе творил, и отныне никогда больше к этому ничего скверного не прибавлю, но буду изо всех сил служить Тебе, нашему человеколюбивому Владыке». После сих обетов вышел я из церкви, преисполненный желания сдержать обещания с помощью Свыше.

2. Старец говорил:

— Как потемневшее олово может опять заблестеть, так и ве- рующие, даже покерневшие от грехов, покаянием очищаются вновь. Вот почему веру уподобляют олову.

Ж. Из святого Ефрема

Будь настороже, брат: враг нападает на подвижников и ведет борьбу с ними различными способами. Грех еще не совершен, а враг уже преуменышает его в наших глазах и настолько способен умалить плотское наслаждение, совершающее по страсти, что может показаться: сделать такой грех — все равно, что пролить стакан холодной воды на пол. А если грех совершен, тут лукавый разукрасит брату его беззаконие как нечто самое ужасное, напустит на него мириады волн помыслов, чтобы его рассудок захлебнулся, и он потонул в пучине отчаяния.

Но ты, возлюбленный, заранее приготовься к уловкам врага. Бди, чтобы лукавый не ввел тебя в заблуждение, и ты не совершил греха. Если же обманешься и падешь, не лежи и не отчаявайся в своем спасении, но скорее поднимайся и обратись ко Господу Богу Твоему, дабы Он смилиостивился над тобой. Ибо щедр и человеколюбив наш Владыка, долготерпелив и многомилостив и не забывает тех, кто искренне покаялся, а, напротив, готов принять их сразу и с превеликой радостью.

Когда враг скажет тебе: «Ты погиб, и нет тебе спасения», сразу возражай: «Мой Бог милостив и долготерпелив. Зачем же мне отчаяваться в своем спасении? Бог заповедовал нам до семидесяти семи раз прощать ближнего. Тем более Он Сам прощает грехи тем, кто обращается к Нему от всей души». Тогда брань врага против тебя по благодати Божией прекратится.

3. Из аввы Исаии

Если ты отрекся от мира и вручил себя Богу на покаяние, то даже в мыслях не допускай сомнения, что твои прошлые грехи тебе не простятся. И к тому же не оставляй заповедь Господа, иначе и Он не простит тебе старых прегрешений. И остерегайся, брате, духа, который ввергает людей в

скорбь — для этого у него много ловушек, гибельных для немощного человека.

Скорбь ради Бога — это радость видеть себя живущим по воле Господней. Он Сам говорит: «Куда тебе бежать? (Думаешь,) для тебя нет покаяния? Но это внушает враг, чтобы, в конце концов, лишить тебя самообладания (εὐκρατεῖαν). А скорбь ради Бога не вредит человеку, но говорит: «Не бойся» и еще: «Осознай, человек, свою немощь и обретешь силу».

Пусть твое сердце благоразумно исследует помыслы и избавляет тебя от их бремени. Кто раньше опасался помыслов, теперь избавится от страха. В этом и состоит сила желающих достичь добродетельной жизни. Так что, если братья и падают, то не боятся этого, а стараются (встать и исправиться). Божия доброта в том и заключается, что, если человек каётся даже в свой последний час, то Он принимает его с радостью и не напоминает ему о прежних пороках, как о том написано в притче о блудном сыне. Юноша оставил пищу свиней, то есть свои плотские похоти, и вернулся к отцу со смирением. И потому отец принял его и велел тотчас принести ему одежду непорочности и перстень-символ сыновства (αρράβωνα τῆς υιοθεσίας) (см. Лк. 15, 11-32), которого «кудостаивает Святой Дух», ибо Владыка наш милостив и хочет, чтобы человек обратился. Вот Его слова: «Аминь, аминь, сказываю вам, что на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся...» (Ср.: Лк. 15, 7).

Братья! Раз мы получили от Господа такую великую милость и богатство щедрот, то от всего сердца обратимся к Нему, и Он, наш Человеколюбец, примет нас и приобщит к вечной жизни. А раз ты уж обратился от полноты сердца, а не беспечно, то теперь больше не говори, что ты всего лишь грешный человек и не в состоянии соблюдать все добродетели.

Да и покаяние требует от тебя вовсе не этого. Когда человек, оставив грехи, обращается к Богу, то покаяние тотчас напояет его возрождающей силой, как святые сосцы — младенца

молоком. Оно вскармливает человека, словно горячо любящая мать, которая прижимает свое чадо к груди, оберегая его от всякого зла. Стоит младенцу заплакать, как мать тотчас дает ему грудь, чуточку пожурит его, нахмурит брови, чтоб сосал молочко с трепетом и не капризничал, а расплачется дитя, она приголубит своего благоутробного, станет целовать и согревать его, пока он не возьмет грудь.

Покажи младенцу золото, серебро, жемчуг или любую другую драгоценность, он посмотрит на нее, но как только окажется у материнской груди, сразу обо всем забудет и вцепится в нее ручонками. И отец не наказывает его за то, что ребенок не работает и не идет на войну, чтобы биться с врагами. Ведь он еще крохотный, и у него маловато силенок. Ноги у него есть, но встать на них он пока не может. У него есть руки, но надеть латы, взять щит и меч ему еще не по силам. Поэтому родители терпеливо ждут, пока он подрастет.

А вырастет, начнет ходить, станет бороться с кем-нибудь, тут его и повалят на землю. Отец тоже не рассердится на это, ибо знает, что он еще слишком мал. А вот когда он станет мужем, тут и проявятся его способности, сможет ли он пойтивойной на отцовских врагов. Только тогда отец доверит ему свое имущество, признав его сыном.

Если же после многих трудов, вложенных в него отцом и матерью, из него вырастет несносный мужлан, который будет презирать родителей и высокомерно относиться к их достоинству да еще и подружится с их врагами, отец без всякой жалости выгонит его из дома, не дав ему никакого наследства.

Озаботимся же и мы, братья, тем, дабы постоянно пребывать под покровом покаяния: ведь оно, как мать, — и да будем вскармливаться молоком от ее святой груди, служащее нам и пищей и опорой для возрастания, тогда каждый из нас по воле Божией возродится свыше и придет *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф 4,13).

И. Из аввы Марка

Смертный грех — это грех нераскаянный. Бог милостив и щедр, как никто другой. Но кто не каётся, того даже Бог не прощает. Мы весьма скорбим о своих прегрешениях, но с радостью допускаем их причины.

К. Из Патерика

Некий брат, живший в Монидиях, часто по внушению диавола впадал в блуд и даже чуть было не простился с монашеством, но неизменно, начиная свое правило, со стоном молился:

— Господи, хочу я или не хочу, спаси мя. Ибо сам я прах и вожделею греховной грязи. Только Ты, всемогущий Боже, в силах остановить меня. Если Ты праведного спасаешь, в том нет ничего великого и чистого милуешь, ничто же дивно: они достойны милости Твоей. Но на мне, Владыко, яви Свое милосердие и непостижимое человеколюбие. Ибо я, убогий, оставил Тебя, обнищав всеми добродетелями.

Так обливаясь слезами, брат молился каждый день, когда грешил и когда не грешил. И вот как-то ночью, впав (с самим собою) в обычный грех, он сразу же встал на (монашеское) правило. Демон, изумленный его непреклонным упнованием на Бога, явился ему воочию и сказал:

— Жалчайший человечишко! Как же ты не сгоришь от стыда, стоя перед очами Бога? Как смеешь ты произносить Его имя? Какое бесстыдство именно теперь с такой дерзостью петь Ему псалмы!

— Моя келья — кузница, — ответил брат. — Один молоток дашь, один и получишь (*μιαν σφυραν διδώσ, καὶ μιαν λαμβάνεις*). И тут я буду стоять насмерть, до самого последнего дня. А тебя проклинаю и извещаю: я всей душой уповаю на безграничную благость моего Господа и говорю тебе, что Бог пришел призвать грешников к покаянию и спасти их. Никогда не

прекращу попирать тебя своей молитвой к Богу, пока не прекратишь воевать со мной. Посмотрим, кто победит, ты или Бог!

Выслушав его, демон сказал:

— Воистину больше не стану воевать с тобой, чтобы тебе не достался венец за твое терпение.

И с того дня враг отступил от него. А брат оставался в своей келье, сокрушаясь сердцем и оплакивая грехи. Нередко помысль говорил ему: «Какое благо, что ты плачешь сейчас». Но он возражал: «Если это благо, то анафема этому благу. Богу не нужно, чтобы человек губил свою душу подлыми делами, а затем сидел и оплакивал ее, не зная даже, спасется она или нет».

2. С аввою Пафнутием жил в Скиту один брат, искушаемый блудным помыслом и не раз говоривший вслух:

— Если возьму и десять жен, то все равно не утолю своей похоти.

— Не делай этого, сыне, — увещевал его старец. — Тебя искушают демоны.

Но брат не послушался, ушел в Египет и женился. А через некоторое время авве Пафнутию довелось самому отправиться в Египет. Там он и встретил брата, несшего корзины, полные черепков. Авва даже не узнал его, но тот сам напомнил ему о себе:

— Это я, твой ученик.

Старец, увидев беднягу в таком унижительном состоянии, заплакал.

— Как же ты мог оставить данное тебе честное положение и дошел до такого позора? — спросил он. — И взял ли ты себе десять жен, как ты говорил?

Брат глубоко вздохнул и разрыдался.

— Только одну, отче. — ответил он. — Но и то с горем пополам зарабатываю ей на хлеб.

Старец сказал:

— Возвращайся назад вместе с нами.

— Возможно ли для меня покаяние, авва? — спросил брат.

— Возможно, — ответил старец.

И брат, оставив все, сразу пошел за ним.

А в Скиту, благодаря пережитому, он стал опытным монахом.

3. Некий брат спросил старца:

— Если случится человеку по внушению диавола впасть в искушение, скажем, в блуд, какую пользу могут получить от этого другие?

Старец так ответил на это:

— В Египетской киновии был именитый дьякон. Некий политик родом из столицы, впав в немилость правителя и спасаясь от его преследований, прибыл в эту обитель со всем своим домом. По внушению диявола дьякон пал с одной из прибывших с политиком женщин, и позор лег на всю киновию. Тогда согрешивший пошел к своему любимому авве и рассказал ему о случившемся. Он знал: в келье у старца, в дальнем углу, есть глухой чулан и стал умолять отца пустить его туда, желая похоронить себя в темнице заживо и надеясь, что об этом никто не узнает, кроме аввы, и тот согласился.

Дьякон сидел в полной темноте и искренне каялся Богу. Он оплакивал свой грех, питаясь лишь хлебом и водой, которые старец приносил ему в определенное время. Так прошло немало дней. Наступила весна, а вода в Ниле не поднималась, как обычно бывало. Все служили молебны, подолгу молились Богу, а разлива все не было. И тут одному святому было открыто, что нужно позвать дьякона, скрывающегося у такого-то монаха. Тогда вода придет, и урожай будет спасен.

Старец, которому было откровение, рассказал всем о воле Божией. Слушая его, отцы только диву давались. Они пошли в келью, вывели дьякона из тайника и попросили его помолиться. Как только он помолился, вода хлынула мощным потоком. И соблазнившиеся получили великое назидание от дьяконского покаяния и прославили Бога.

4. Одного брата одолевал бес блуда. Однажды, проходя через египетское селение, он увидел красивую женщину. Она оказалась дочерью языческого жреца. Он влюбился в нее, пошел к ее отцу и сказал:

— Выдай за меня свою дочь.

Тот ответил:

— Не могу, пока не посоветуюсь с моим богом, — и пошел к бесу и спросил:

— Тут один монах хочет, чтоб я выдал за него свою дочь. Выдавать?

Бес ответил:

— Спроси, отречется ли он от своего Бога, от Крещения и от монашества?

Жрец позвал монаха и спросил:

— А ты отречешься от своего Бога, от Крещения и монашества?

Брат согласился и тотчас увидел, будто голубь выпорхнул из его уст и вознесся в небо.

Жрец вернулся к бесу и сказал:

— Он согласился на все.

А бес сказал:

— Не выдавай, потому что Бог не отступил от него и все еще помогает ему.

Мерзостный жрец снова пошел к брату и сказал:

— Не могу выдать за тебя дочь, потому что твой Бог не отступил от тебя и по-прежнему помогает тебе.

Услышав это, брат изумился и подумал: «Воистину Господь явил мне такую великую милость, а я, окаянное ничтожество, отрекся от Него, от Крещения и монашеского обета! Даже и теперь Он помогает мне и не отступил от меня, как я того заслужил после моего отречения. И я даже могу обращаться к Нему, дерзновенно уповая на Его беспредельное человеколюбие!» Он образумился, пошел в пустыню, отыскал старца и исповедовался ему. Тот сказал:

— Поселись у меня в пещере. Три недели постись так: два дня ничего не ешь, а на третий вкушай пищу. А я попрошу Бога за тебя.

Старец скорбел о брате и горячо молился:

— Прошу Тебя, Господи, даруй мне эту душу и прими покаяние ее.

И Бог услышал его. Через неделю старец пришел к брату и спросил:

— Ты ничего не видел?

— Видел голубя, — ответил он, — там, наверху, далеко в высоте небесной, прямо надо мной.

— Внимай себе (Ср.: Втор 4, 9; Втор 15, 9) и моли Бога усердно, — сказал он и ушел.

На второй неделе старец снова пришел к нему и спросил:

— Видел ли ты что-нибудь?

— Я видел голубя совсем рядом, прямо над головой.

— Трезвись и молись.

На исходе третьей недели старец опять пришел к нему и спросил:

— Что ты видел на этот раз?

— Я видел голубя. Он прилетел и парил над моей головой. Я протянул руку, чтобы поймать его, но он сам влетел в мои уста.

Услышав это, старец возблагодарил Бога и сказал:

— Бог принял твоё покаяние. Впредь следи за собой.

Брат ответил:

— Теперь я больше никогда не покину тебя, авва, и буду с тобой до смерти.

Он остался у старца и больше никогда не разлучался с ним.

5. Брат спросил старца:

— Авва, помысел говорит мне, что, если монах, который давно в постриге, впадает в искушение, например, в блуд, то ему подняться трудно, понадобятся большие усилия. Ведь он так долго преуспевал, а теперь вдруг пал. А новоначальному, только пришедшему из мира, от этого большого вреда не будет.

— Монах, впавший в искушение, — сказал в ответ старец, — подобен рухнувшему зданию. И если он благоразумный хозяин, то умело примется за восстановление: ведь у него под рукой много строительных материалов: и основа фундамента, и камни, и бревна, и он быстро и легко все поднимет, ибо ему ничего не стоит подобрать все потребное. А тому, кто не знает, как копать, как закладывать фундамент, какие брать камни и бревна, а лишь тешится надеждой, что сумеет собрать необходимое и построить, конечно же, будет гораздо труднее довести дело до конца.

В том и отличие брата, проведшего многие годы в монашеском делании. Новоначальный тоже может обрести спасение, но опытный монах, если и падет, то обратится, ибо располагает большим количеством спасительных средств, потому что дела, которые он совершил в аскетическом подвиге, уже вошли у него в привычку: молитвенное правило, псалмопение, рукоделие и прочие труды. Он не тяготился, когда их делал, и за многие годы они стали для него правилом. Вот почему в случае падения ему легче восстановить рухнувшую храмину своей души. А новоначальный, который еще только учится, если падет, будет подниматься весьма долго. Ибо ему придется еще учиться находить материалы и правильно вести восстановительные работы.

6. В одном небольшом городе жил епископ. Он тяжело заболел и уже не надеялся на выздоровление. А в этом же городке находился женский монастырь. Его игуменья, узнав о болезни владыки, взяла двух сестер и пошла к нему. Пока она разговаривала с епископом, одна из сестер осмотрела и ощупала его ногу, чтобы понять причину болезни. От ее прикосновений у епископа началась брань, и он сказал игуменье:

— У меня нет никого, кто бы присматривал за мной. Оставь эту сестру, чтобы она мне помогала.

Не заподозрив ничего дурного, игуменья оставила ее. А епископ, подстрекаемый дьяволом, пал с ней, и она забеременела.

Когда живот больше невозможно стало скрывать, клирики начали допытываться у нее:

— Скажи, от кого ты собираешься родить?

Но она ничего не отвечала. Епископ сам вмешался и сказал:

— Оставьте ее — это мой грех.

И ему стало легче на душе. Он направился в церковь, положил свой омофор на алтарь, вышел и, опираясь на посох, зашагал в дальний монастырь, где его никто не знал. Но в той обители оказался прозорливый авва. Бог ему открыл, что к нему придет епископ. Авва позвал привратника и предупредил:

— Будь наготове, брат. Сейчас прибудет епископ. Подгото-
твясь и окажи ему достойную встречу.

Привратник подумал, что епископа торжественно принесут в паланкине в сопровождении пышной свиты. И когда он увидел обычного человека, который шел пешком, то решил непускать его без благословения настоятеля.

Когда авва услышал, что епископ прибыл, сам выбежал ему навстречу. Они облобызались, и авва сказал:

— Добро пожаловать, владыко.

Пораженный тем, что его узнали там, где он никак не ожидал, епископ хотел было отправиться в другой монастырь, но авва остановил его:

— Куда бы ты ни пошел, я пойду за тобой, ибо мне о тебе все открыто.

Тогда гость остался, от всего сердца покаялся, показал великие труды добродетели и с миром отошел ко Господу. Его успение сопровождалось многочисленными знамениями и чудесами Божьими.

*О том, что добро
нужно делать сейчас,
а не откладывать
на потом, ибо после
смерти уже ничего
не исправишь*

2

A. Из Патерика

рат спросил авву Пимена:

— Авва, жили два человека: монах и мирянин. Поздно вечером монах надумал утром снять схиму, а мирянин решил стать монахом. Но в ту же ночь оба умерли, не совершив задуманного. Что им зачтется?

Старец ответил:

— Монах умер монахом, а мирянин — мирянином. Ибо в чем их застала смерть, в том они и ушли от нас.

2. Старец сказал:

— Один глас постоянно вопиет к человеку до последнего его вздоха: «Обратись сегодня же».

3. Некий авва заметил:

— Род человеческий не помнит о сегодняшнем дне и все надеется на завтрашний.

Об одном старце говорили, что помыслы ему постоянно внушиали: «Зачем тебе помнить сегодняшний день — завтра пожаешься?» «Неправда, — возражал он, — нужно каяться сегодня, чтобы завтра исполнилась любая воля Божия обо мне.

5. Старец сказал: «Несодеянное зло, как бы велико оно ни было, не будет считаться злом. И непроявленная праведность не будет засчитана как праведность».

Б. Из святого Ефрема

Братья, сейчас самое время каяться. Блажен, кто еще не угодил в тенета врага. А кто попался, скорее рви сети и беги прочь подальше, пока не поздно. Он тоже блажен, потому что живым и невредимым сумел избежать борьбы, точно рыба, вырвавшаяся из невода. Пока она в воде, даже пойманная, еще может вырваться из сети в открытое море и спастись. А когда ее вытащат из воды, как она спасется?

Вот так и мы: пока живы, Господь дает нам власть и силу рвать путы враждебных нам желаний и покаянием избавляться от бремени грехов, дабы спастись в Царстве Небесном. А когда настанет страшный час смерти, душа нас покинет, и тепло окажется в гробу, мы уже ничем не сможем себе помочь, подобно рыбе, извлеченной из воды и брошенной в ведро.

2. Брат, не говори:

— Сегодня я буду грешить, а покаяюсь завтра. В мире нет ничего постоянного, поэтому доверь Богу заботу о твоем завтрашнем дне.

В. Из аввы Исаака

Кто грешит повторно, надеясь, что опять успеет покаяться, проявляет свое коварство перед Богом: смерть может застигнуть его неожиданно, тогда где возьмет он время на покаяние, на которое возложил все надежды?

*О том, как
должно каяться*

3

А. Из аввы Марка

Мзбегая скорбей и унижений, не надейся удостоиться прощения (от Бога) с помощью иных добродетелей, ибо своей самонадеянностью и жестокосердием ты работаешь греху, [полагаясь на свою природную ловкость]. Если же, совершив какое-либо прегрешение, ты не будешь скорбеть о нем соразмерно своему падению, то скоро снова угодишь в ту же (диавольскую) западню.

Б. Из аввы Исаака¹

Какое благо ты потерял, такое же отыщи снова. Раз ты задолжал Богу золото, то не предлагай Ему взамен жемчуг. Коль ты потерял целомудрие, никакой милостьюней перед Ним не

¹ Из напечатанных здесь семи фрагментов, похоже, только первый принадлежит преп. Исааку (ef. Isaak. Syr. De contemptu mundi, PG 86.822AB). Остальные взяты из различных патериков с позднейшими изменениями и дополнениями. Поскольку нет возможности сверить с ранними греческими изданиями «Благолюбия», в русском тексте сохранены заголовки и нумерация греческого издания 2001 г.

оправдаться тебе, погрязшему в блуде. Господь хочет от тебя телесной чистоты. Но раз ты преступил заповедь, побежденный похотью, то к чему теперь твои бдения, борьба со сном и строгий пост? От этих жертв тебе не будет никакой пользы. Ибо для лечения духовных и телесных недугов нужны разные лекарства.

2. Два брата по плоти отреклись от мира. Один из них поселился на Елеонской горе и однажды, охваченный мучительной жаждой покаяния, спустился в святой город (Иерусалим), пришел к правителью, исповедал ему свои грехи и сказал:

— Покарай меня по закону.

Правитель удивился и, поразмыслив, сказал:

— Поистине, человече, так как ты сам покаялся, не дерзаю судить тебя раньше Бога, может быть, Он тебя простит.

Брат вернулся к себе, заковал ноги и шею в железо и заперся в келье. Когда кто-нибудь заходил к нему и спрашивал:

— Кто это бросил тебя сюда, авва, и крепко заковал в железо?

Он отвечал:

— Правитель.

За день до кончины ему явился ангел. Железные оковы тотчас спали с него, и он встал, освобожденный от уз. Утром увидел его служитель и с удивлением спросил:

— Кто разрешил тебя от оков?

Брат ответил:

— Тот, Кто разрешил меня от грехов моих. Он явился мне позавчера и сказал: «Ради терпения твоего отпускаю тебе все грехи твои», — коснулся перстом Своим оков, и они сразу пали.

Сказав это, брат умер.

3. Другой брат жил отдельно в монастыре Монидиев, и его молитва к Богу всегда была такова:

— Господи, у меня нет страха перед Тобой. Пошли на меня молнию или иное наказание, или немощь, или демона, чтобы страх вошел в мою очерствелую душу. Знаю, — продолжал он свои мольбы, — что много я согрешил перед Тобой, Владыко!

Падений моих не счасть. Поэтому и не дерзаю я просить о прощении. Но все же, если это возможно по великой милости Твоей, прости меня. А если невозможно, то накажи меня здесь, а там избавь от мучений. А если и это невозможно, то воздай мне здесь часть наказания, а там облегчи мои муки. Только начни карать меня прямо сейчас и да будет это Твоей милостью ко мне, а не гневом, Владыко.

Так брат каялся целый год, проливая горькие слезы и вознося от всего сердца мольбы (к Богу) и постом, бдением и прочими лишениями всячески истязая свое тело и душу. И вот как-то раз он сидел на земле и по обыкновению горько стенал и, обессиленный многочисленными бедами и унынием, впал сначала в дремоту, а потом и вовсе заснул. Во сне явился ему Христос и заговорил с ним ласковым голосом:

— Что с тобой, человече? Почему ты плачешь?

Увидев перед собой Бога, брат ответил:

— Потому что я пал, Господи.

— Ну, так встань, — сказал Христос.

— Не могу, Владыко, — ответил брат, — если не подашь мне руку.

Господь простер руку, тот взялся за нее и встал на ноги, все еще угнетенный крайней печалью. Христос снова заговорил с ним тихим и ласковым голосом:

— О чем же ты плачешь, человече? Что печалит тебя?

Брат ответил:

— Господи, неужели Ты не хочешь, чтобы я скорбел и плакал из-за того, что столько раз огорчал Тебя, щедро осыпанный Твоими милостями?

Господь снова простер руку и, положив ее на голову его, сказал:

— Впредь не скорби, потому что на самом деле не тебе печалиться обо Мне, а Мне — о тебе, ведь ради тебя Я пролил Свою Кровь и насколько больше прощу грехов и тебе и всякой искренне покаявшейся душе?

Брат очнулся от видения. Его сердце переполняла безмерная радость — ему было открыто, что Бог сотворил ему Свою милость. И с той поры он пребывал в великом смирении и благодарили Господа.

4. Старец сказал: «Если впадешь в грех, но обратишься и положишь начало скорби и покаянию, смотри не прекрати скорбеть и стенать, обращаясь к Господу, — и так до самой своей смерти. Иначе быстро провалишься в туже самую мерзкую яму греха. Скорбь, отвечающая Божьей воле, — это узда для души, она не даст тебе пасть.

5. Авва Даниил рассказывал об авве Арсении, что он не более одного раза в году менял воду, в которой размачивал прутья. Если воды становилось мало, он только подливал новой. Старец плел корзины и работал до шестого часа. Вода, которую он долго не менял, издавала зловоние. Приходившие к нему старцы спрашивали:

— Скажи, чего ради ты не меняешь воду с прутьями и терпишь такую вонь?

Старец отвечал им:

— За благовония и кремы, коими я довольствовался в миру, положено мне ныне терпеть это зловоние. Давайте и мы будем стремиться противное лечить противным и подвизаться, дабы воспоминания об удовольствиях, коими наслаждались прежде, вытравлять из сознания противоположными тому страданиями.

6. Авва Феодор Фермийский сказал: «Человек, стоящий на молитве с покаянием, уже может обойтись даже без заповеди, удерживающей его от неверных шагов». Это означает: искренне кающийся, если пожелает превзойти данную ему заповедь, не встретит никаких препятствий тому. Старец имел в виду не одну какую-то определенную заповедь, а все то, что Святой Дух возвестил Церкви, и те сугубые наставления, даваемые чадам духовным отцом.

7. Двух братьев одолел бес блуда. Они пошли, взяли себе женщин, но вскоре признались друг другу: «Какая польза нам от того, что мы, оставив ангельский чин, впали в такую нечистоту, да еще получим за это муки нескончаемые и огонь вечный? Давай вернемся в пустыню и покаемся». Вернувшись, они покаялись в содеянном и попросили отцов дать им заповеди. Старцы назначили им: год в затворе, обоим поровну хлеб и воду — братья были даже внешне похожи друг на друга.

Когда исполнилось время покаяния, и они вышли из затвора, отцы увидели, что один из них бледный, унылый и подавленный, а другой цветущий и веселый. Это было весьма удивительно: пищи давали им поровну, в затворе были оба, так почему же они выглядели совершенно различно? Старцы спросили брата, который пришел, понурив голову:

— О чем были твои заботы и о чем ты все время думал, оставшись в келье наедине со своими помыслами?

— Я непрестанно думал о зле, которое содеял, и о мучениях, на которые отправлюсь, — отвечал он. — И от страха мои кости прилипли к плоти моей.

Спросили другого:

— А ты о чем размышлял в своей келье?

— Я, — ответил он, — благодарил Бога за то, что Он не позволил мне погибнуть в грехе, но исторг меня из нечистоты мира, избавил от мучений и вернул в эту ангельскую жизнь. А когда я размышляю о Боге, меня переполняет радость.

Старцы сказали, что покаяние обоих равно в очах Божиих.

А. Из Патерика

Некий брат впал в искушение: совершил грех. Скорбя о своем падении, он перестал исполнять монашеское правило. Всякий раз, когда он собирался положить начало правилу, скорбь мешала ему, и несчастный мысленно твердил: «Как мне найти себя и стать таким, каким я был прежде?» Бедняга впал в малодушие и уже ни за что не мог взяться. Тогда он пошел к старцу и поведал, что с ним произошло. Выслушав его жалобы, старец рассказал ему притчу:

— Было у человека поле, но он его запустил, и оно заросло рогозом и чертополохом. И вот ему захотелось возделать эту землю. Он сказал сыну:

— Пойди очисти поле.

Сын пошел, но, увидев, сколько на нем рогоза и чертополоха, пал духом и подумал:

— Разве я смогу все это выдрать из земли? Нужно уйму времени, чтобы очистить участок!

Он лег на поле и заснул. Проснувшись и увидев чертополох, он впал в уныние. Так он лежал, ворочаясь с одного бока

на другой, словом, как сказано в Писании, вертелся, точно дверь на петлях, ничего не делал и так проводил целые дни.

Пришел отец посмотреть, что сын сделал, и, увидев, что тот совсем не работал, спросил:

— Ты что, до сих пор так ничего и не сделал?

— Отец, — ответил сын, — я пришел сюда работать, увидел заросли рогоза и чертополоха, растерялся и от страха просто упал и заснул.

— Ну, вот что, сынок, — сказал он, — тогда делай себе ложе на поле каждый день. Так работа у тебя и пойдет, нечего опускать руки.

Юноша так и сделал, и через несколько дней поле было очищено.

Так и ты, брат, трудись понемногу и не будешь падать духом. И Бог Своей благодатию опять восстановит тебя в прежнем твоем состоянии.

Брат вернулся к себе, стал терпеливым иноком, учтя уроки старца, и благодатью Христовой обрел покой.

*О том, что нужно
всегда помнить о смерти
и будущем Суде, а кто
ежечасно не ждет
и не думает об этом,
тот легко впадает
в любую страсть*

A. Из жития святого Антония

Святой Антоний говорил своим ученикам: «Чтобы мы не сдавались и не отступали от подвига, славно будет всем нам помнить слова апостола: *Я каждый день умираю* (1Кор 15, 31). И если мы будем жить так же и умирать ежедневно, то разве согрешим? Вот что я вам скажу. Мы встаем каждый день, но подумайте о том, что можем умереть в любую ночь. Ведь природа наша не наделена знанием о том, какова жизнь, а жизнь наша отмеряется только Промыслом.

Если так начнем думать, то не согрешим. У нас даже вожделений не будет, и мы перестанем держать зло на кого-либо и забудем про собирание богатств на земле. Если будем ежедневно ждать смерти, то станем нестяжательными, всех простим, и нас не соблазнит ни вожделение женщины, ни какое другое нечистое наслаждение, ибо все это будет отброшено как нечто преходящее. Вот тогда мы уже не прекратим свой подвиг, видя перед собой Судный день. Ведь гнетущий нас превеликий ужас перед тяжестью мучений постоянно рассеивает обманчивость наслаждений и возвращает к истине уклонившуюся от нее душу».

Б. Из жития святого Иоанна Милостивого

Патриарх Александрийской Церкви Иоанн Великий решил запечатлеть память о смерти в самой глубине своего разума, дабы она всегда у него была перед мысленным взором. И что же он предпринял? Он велел строить ему гробницу, но работу до конца не доводить, а остановить посередине, и подрядчикам в день преславного праздника во время богослужения выходить на середину храма и громко говорить: «Владыко, мы еще не закончили твою гробницу. Повели довести работы до конца — кто знает, в какой час тебя постигнет хищница смерть!»

В. Из Патерика

Авва Агафон сказал: «Монах должен все время видеть перед собой Суд Божий».

2. Некий отшельник, поселившийся у Иордана, много лет совершил подвиг, и Господь удостоил его своего покрова: его обходили бесовские нападения. Можно сказать, он был для них неуязвим. При всех, кто заходил к нему, чтобы получить духовную пользу, он только и делал, что ругал нечистых:

— Да диавол — полное ничтожество и ничего не может сделать подвижнику, разве что если сам подвижник унизится уподоблением ему и начнет усердно служить греху. Вот тогда лукавый увлечет его за собой, — так он говорил, не осознавая, что удостоился благодати свыше, и потому сатана не смеет к нему подступиться.

Однажды попущением Божиим явился ему диавол воочию и сказал:

— Что я тебе сделал, авва? Чего ты меня банишь и так и сяк? Разве я тебе когда-нибудь мешал?

Подвижник плюнул на него и отвечал теми же словами:

— Сгинь от меня, сатана! (Ср.: Лк 4, 8). Ты бессилен против рабов Христовых.

— Ладно. Тебе жить еще сорок лет, так неужели я не придумаю, как тебя сбить с пути? — сказал диавол и, оставив свою приманку, исчез.

Монаха начали одолевать помыслы. «Сколько лет я надрываюсь, — завертелось у него в мозгу, — а воля Божия, оказывается, в том, чтобы я жил еще сорок лет. Тогда у меня еще есть время сходить в мир и повидаться со знакомыми. Побуду с ними годик другой, а потом вернусь, хорошо поработаю и совершу любой подвиг».

Так постепенно от мысли он перешел к делу: вышел на улицу и направился по дороге. Только он отошел от кельи, как человеколюбивый Бог сжался над ним, ибо не желал, чтобы великие труды анахорета пропали даром, и послал ему на помощь святого ангела, который шел по дороге ему навстречу.

— Куда ты, авва? — спросил ангел.

— В город, — ответил отшельник.

— Возвращайся в свою келью. Что ты нашел в сатане общего с тобой. Он тебя обманывает, как хочет.

Старец опомнился, вернулся в келью и через три дня скончался.

3. Старец сказал: «Вот я сажусь за работу, беру в руки веретено и вижу перед собой смерть. Посмотрев, кладу веретено обратно».

«Человек, — продолжал он, — у которого постоянно пред глазами смерть, победит всякий страх».

4. Старец говорил: «При любом занятии постоянно спрашивай себя: как быть, если Господь посетит меня? Внимай, что ответит помысел: если осудит, тотчас оставь все, брось дело, которым занимаешься и берись за другое, чтобы обрести дерзновение в час Божиего посещения. Надобно, чтобы трудящийся был готов в последний путь в любой час. Работаешь ли ты руками, идешь ли по дороге или ешь, постоянно тверди одно: «Если Господь призовет меня сейчас, как мне быть?» Внимай тому, что отвечает тебе совесть, и поспеши сделать то, что услышишь.

А если хочешь узнать, есть ли Божия милость к тебе, спроси свою совесть и спрашивай ее до тех пор, пока сердце твое и совесть твоя не получат извещения свыше, пока она не скажет тебе, что мы веруем в щедроты Бога, всегда творящего нам милость. Внимай сердцу своему, и прочь всякие сомнения. Усомнишься хоть на волосок, милость покинет тебя».

5. Авва Арсений перед смертью, когда уже пробил его час, заплакал. Увидев это, братья спросили:

— Неужели тебе тоже страшно, отче?

Он ответил:

— Поистине, страх, который сейчас меня охватил, никогда от меня и не отступал с тех самых пор, как я стал монахом.

И с этими словами он умер.

Г. Из святого Ефрема

Брат, каждый день жди своей кончины и готовься к такому исходу, ибо ты действительно не ожидаешь страшного и неумолимого часа ее пришествия, и горе тому, кого она застигнет неготовым. Если ты юн, то враг часто будет внушать тебе:

— Пока молод, живи в свое удовольствие, а в старости покаешься. Ты же знаешь, сколько таких, кто и тут насладился и потом покаялся и там удостоился небесных благ. Неужели тебе хочется изнурять свое тело в твоем возрасте — так ведь недолго и заболеть?

Стой твердо и отвечай:

— О, заклятый враг и душегуб! Оставь свои козни. А если смерть застигнет меня в юности, задолго до старости, как я оправдаюсь пред престолом Христовым? Ведь тебе известно: немало и молодых умирает, и старики подолгу живут. Никто не знает, какой час смерти ему предопределен.

Вот почему когда умру, посмею ли я тогда сказать Судие: мне, мол, еще слишком рано (умирать), и поэтому отпусти меня на покаяние? И еще я знаю, как Господь прославляет тех, кто от юности до старости работает Ему. Ведь это Он сказал

пророку Иеремии: Я вспоминаю о дружестве юности твоей и о совершенстве любви твоей, когда последовал ты за святым Израилем¹. А другой пророк, хотя был еще юн, обличил тех, кто смлада до старости следуют льстивому помыслу: *Состарившийся в злых днях! ныне обнаружились грехи твои, которые ты делал прежде* (Дан 13, 52). Поэтому Святой Дух называет блаженными тех, кто с юных лет берет на себя Крест. Отступи от меня, делатель беззакония, лукавый соблазнитель. Господь Бог Своей властью и благодатью да упразднит твои уловки и избавит меня от твоих козней».

Вот почему, возлюбленный, постоянно держи в уме день своей кончины. Когда ты будешь лежать на своей циновке, к нашему неописуемому горю, при последнем вздохании, какой великий страх и трепет охватит душу в тот час! Более того совесть начнет обличать тебя. Если ты сделал какое-нибудь благо в земной жизни, если ты переносил скорбь и поножение ради Господа и совершил добре дело перед Его лицом, то с великой радостью твоя душа вознесется на небеса, сопровождаемая святыми ангелами. Ведь как работник, уставший за целый день, ждет *двенадцатого часа*, дабы после изнурительных трудов с удовлетворением получить свою плату и отдохнуть, так и души праведников чают этого дня.

А души грешников в этот час охватит великий страх и трепет. Ведь как преступник, которого поймала стража и ведет на суд, сопротивляется и вырывается в страхе перед предстоящими мучениями, так и души грешников в такие минуты ужасно дрожат, представляя вечные муки неугасимого огня и другие казни, которым нет конца и края. И грешник станет умолять тех, кто ведет его (на мучения): «Дайте мне еще хоть немного времени — я покаяюсь», никто не пожалеет его. «Когда у

¹ И было слово Господне ко мне: Иди и возгласи в уши дщери Иерусалима: Так говорит Господь: Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню, в землю незасеянную (Иер 2, 2).

тебя было время, ты не каялся, — скажут в ответ. — А теперь обещаешь покаяться? Когда поприще было открыто для всех, ты не пришел на состязание, а теперь, когда все ворота закрыты, игры закончились, ты хочешь состязаться? Разве ты не слышала слов Господа: *Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа* (Мф 25,13)? Так что, возлюбленный, знай это и все остальное и подвизайся, пока еще есть время. И пусть светильник твоей души никогда не гаснет в делании добра и, когда придет Жених, ты будешь готов и войдешь в небесный брачный чертог вместе с Ним и девственными душами тех, кто прожил жизнь достойно Еgo.

Д. Из аввы Исаии

Человеку трудно обрести три вещи, которые хранят все его добродетели: это скорбь, плач по собственным грехам и память о смерти перед глазами. Кто каждый день думает и говорит себе, что сегодня мне придется расстаться с этим миром, никогда не согрешит перед Богом. А кто уповаает на долгую жизнь, запутается во множестве грехов. Кто готовится дать ответ Богу за все свои дела, тому Он очистит путь спасения от грехов. Кто же пренебрегает этим и говорит: «Я еще успею (спастись)», — тот уже попался на крючок лукавого.

Прежде чем совершать свой ежедневный труд, вспомни, где ты сейчас и где будешь потом, когда выйдешь из тела. Поэтому не забывай о душе ни на один день. Внимай себе, чтобы всегда помнить и держать пред мысленным взором смерть и вечные мучения, думая о тех, кого там истязают и пытают. Лучше считать себя одним из них, чем видеть себя одним из живущих (на небесах).

Скоро мы, увы, покинем эту землю, наше временное пристанище, и тем не менее тратим годы на заботы о тленных вещах. В миг неотвратимого переселения в иную жизнь у нас не останется никакого достояния. Горе нам, ибо за каждое действие в земной жизни, за каждое праздное слово, за лукавые и

нечистые воспоминания и представления души мы будем держать ответ перед страшным Судией. А (что делаем) мы? Сколько живем, столько не думаем о наших душах, будто ни за что не придется отвечать.

Поэтому и примет нас там неугасимый огонь гееннский, тьма внешняя, червь неусыпаемый, плач и скрежет зубовный. И перед всяким творением, вышним и низним, — стыд вечный. Горе нам! Ибо мы не терпим укусов ос, оводов, слепней, мух, комаров и даже пчел, а в то же время мысленный дракон каждый день рвет нас на куски, с головой глотает, ядовитыми смертоносными жалами уязвляет, а мы даже и не думаем, что надо спасаться бегством. А после этого как же мы выдержим там страшные и нескончаемые мучения?

Е. Из Патерика

Авва Евагрий говорил: «Всегда помни о вечном Суде, не забывай о кончине, и твоя душа избежит заблуждения».

2. Старец сказал: «Когда сидишь в келье, собери ум свой, помни о дне кончины и представляй свое тело бездыханным. Представь боль разлучения души (с телом). Осознай суетность мира. Подумай о мучениях в аду, о том, каково там душам, в каком они горьком молчании, в каких страшных рыданиях, в каком великом ужасе и трепете. Не переставай тревожиться о нескончаемой боли и невыносимых муках, в которые будет ввергнута душа.

Кроме того, представь себе день воскресения и своего предстояния перед Престолом Христа и еще повергающий в страх и трепет тот Суд, где грешникам (придется) гореть от вековечного стыда перед лицом Бога, Его ангелов и всеми человеками от начала до скончания века, затем вслед за позором, увы, наступят нестерпимые и бесконечные наказания: огонь гееннский неугасимый, червь нескончаемый, скрежет зубовный, тьма внешняя, тартар и прочие бесчисленные муки, которые приготовлены только для грешников.

А праведники в сиянии ярче солнца будут вечно царствовать со Христом, сопричастные Его несказанной славе, и вместе с небесными чинами воспоют победный гимн. Они не будут знать никаких лишений, но только постоянное наслаждение блаженной жизнью и уготованными им на небесах благами, тихой радостью и усладой. Ибо, как сказано, оттуда *удалится всякая печаль и воздыхание* (Ис 35, 10), и они пребудут в вечной радости и непрестанном ликовании, без опасения обладая непостижимыми и вечными благами.

Вот об этом и помышляй непрестанно и все время думай о таких вещах. Всеми силами постараися избежать злой участии грешников, дабы удостоиться грядущих благ, приготовленных праведникам. Гони от себя лукавые помыслы, хотя твой ум и привык увлекаться ими.

3. Авва Илия говорил: «Я постоянно страшусь трех вещей: когда моя душа станет исходить из тела, когда придется давать ответ Богу и когда будет произнесено окончательное определение обо мне».

4. Старец сказал: «Во (второе) Пришествие Христа, когда души людей после воскресения выйдут из тел и увидят разверзающиеся небеса, явление карающего и гневного Бога вместе с неисчислимым воинством небесных сил и собравшееся перед Ним все человечество, то они, если бы могли, снова умерли бы от ужаса, боли и потрясения, ибо разве можно вынести такое зрелище? Вот почему мы должны постоянно помнить об этом и жить так, что мы вот-вот предстанем на Страшном Суде перед Судией, дабы дать незамедлительный ответ за все прожитое».

5. Один усердный брат пришел издалека и поселился в маленькой келье на горе Синай¹. И в первый же день своего

¹ Синай – большой горный массив Синайского полуострова в Египте, и горная гряда, включающая гору Хорив (в просторечии Синай, высота 2290 м), где Бог дал Моисею скрижали Завета. Самая высокая среди них – гора Екатерины (2641 м). Она названа в честь великомученицы Екатерины, чье

поселения нашел небольшую дощечку, на которой некогда живший там брат начертал: «Я, Моисей Феодоров, нахожусь (здесь) и подтверждаю (это)». Взяв находку, брат каждый день держал ее перед собой и спрашивал написавшего как присутствовавшего: «Где ты сейчас и в каком мире и где рука, начертавшая это?» Так поступал он каждый день, размысливая о своей смерти и беспрестанно скорбя. Его ремеслом была каллиграфия, и потому он взял у братьев листы (папируса) и заказы на переписывание, однако умер, так никому ничего и не переписав. Только оставил на каждом листе такие слова: «Простите меня, мои наставники и братья, мне пришлось немного потрудиться тут с одним человеком, и у меня не осталось времени написать для вас».

6. Некий старец пришел к одному из отцов, живших в Раифе, и сказал:

— Авва, я очень переживаю, когда отпускаю кого-нибудь из братьев на послушание, особенно вечером.

Тот сказал:

— Я и сам, когда посыпаю с поручением моего послушника, сижу у ворот и поджидаю его. И если помысл спрашивает меня: «Ну, когда же наконец придет брат?», — то отвечаю, — А если его опередит другой, а именно: восхищающий ко Господу ангел, тогда что?» Вот так каждый день смотрю на ворота, беспокоясь и оплакивая мои грехи, и говорю: «Какой брат придет раньше, нижний или вышний?»

Так старец, получив великую пользу, удалился и держался впредь того же правила.

7. У одного старца, жившего в Раифе, было такое делание: он все время сидел в своей келии, сосредоточенный и согнувшись,

честное тело было взято ангелами и оставлено на вершине этой горы. В ее предгорьях на высоте 1530 м Юстиниан построил большой монастырь, сохранившийся до сих пор и ставший кафедрой архиепископа и игумена горы Синайской (подчиняется патриарху Иерусалимскому). Расположен в 500 км от Иерусалима).

шийся почти до земли. Он постоянно качал головой, тяжело вздыхал и говорил:

— Что же будет?

Старец замолкал на некоторое время, потом повторял то же самое и качал головой. Так он проводил все дни своей жизни, не переставая думать о кончине.

*О том, что неизречenna
радость и слава на небесах,
уготованная святым,
по сему всем существом своим
нам следует стремиться к ней;
ибо ничто из всего известного
нам и сущего не стоит ее*

A. Из жития святой Синклитикии

лаженная Синклитикия говорила: «На этой земле мы находимся как в некой материнской утробе. В материнском чреве мы еще не живем полной жизнью, не можем вкушать эту знакомую нам твердую пищу, да и вообще не можем действовать так, как мы умеем действовать здесь. Да что говорить, даже солнечный свет и любое иное сияние там нам недоступно, а о множестве других здешних наших наслаждений мы и помыслить не можем. Так и теперь, будучи в настоящем мире, мы не имеем ничего того великого и дивного, что есть в Царстве Небесном. Ибо мы уже достаточно испробовали на опыте все здешнее и всей душой устремились к будущему. Всю земную пищу уже перепробовали, и нам теперь нужна только небесная. Здешний свет нас порадовал, однако настоящая любовь у нас только к Солнцу Правды. Мы вожделеем горний Иерусалим, нашу отчизну, нашу мать-столицу и всю оставшуюся жизнь будем жить надеждой на вышнее, где станем вдыхать вечные блага.

Как младенец в утробе, когда обретет свой облик, то восходит от скудной пищи и ничтожной жизни к более пригодному питанию, так и праведники, преуспев в мирском образе жизни, переходят к вышнему жительству, как сказано в Писании, восходят *от силы в силу* (Пс 83, 8). А грешники, как зародыши, еще в утробе умершие, из тьмы ввергаются во тьму. Пребывают они на земле, но так пристрастны ко всему земному, что ходят в сплошной тьме; а скончаются, устремлятся в мрачнейшие темницы тартара. Итак, трижды мы рождаемся в жизни. Первый раз — из материнского чрева и от земли возвращаемся в землю. А через два других рождения мы из жителей земли становимся обитателями неба. Первое из них бывает по благодати Божией, то есть во Святом Крещении, его поистине мы называем новым рождением. А третье — от покаяния нашего и благих трудов: в нем мы только и укрепляемся».

Б. Из Патерика

Старец сказал: «Не удивляйся тому, что, будучи человеком, можешь стать ангелом. Ибо тебе предстоит равноангельская слава: ведь именно к ней Устроитель состязаний призывает соревнующихся»

2. Авва Иперехий говорил: «Помышление твое да будет всегда в Царстве Небесном и тогда скоро унаследуешь его».

3. Братья просили одного старца больше не брать на себя великие труды. Он им ответил: «Говорю вам, чада, что и Авраам стал бы каяться, если бы увидел все превосходство Божиих даров. А почему я должен презирать подвиг?»

В. Из святого Ефрема

Братья, велика и непостижима слава, уготованная святым. Мирская слава увядает, как цветы, и, как былье, быстро пропадает. Много было тиранов и царей, которые владели целыми странами и множеством городов. Но вскоре становилось так,

будто их и вовсе не было. Сколько царей правили многочисленными народами, воздвигали себе статуи и памятники и думали, что таким путем они уж точно останутся знамениты и после смерти. Но приходили иные, уничтожали их изображения, сбрасывали скульптуры, а иногда просто отбивали статуям головы и вместо них водружали изваяния своих голов. Но и их труд пропадал, когда их сменяли другие.

Некоторые строили себе роскошные гробницы, думая таким образом утвердить свое имя в веках, и начертывали они это имя крупными буквами на самом верху. Но рождались новые поколения, и все могилы переходили под их власть. Они как угодно распоряжались этими камнями, грабили все, что можно было разграбить, а мертвые кости выбрасывали, словно мусор. Принесли ли хоть какую-то пользу правителям все их роскошные усыпальницы и пирамиды? Все их суетные труды закончились ничем.

А те, кто прославлены в Боге, не таковы. Ибо им приготовлена жизнь вечная и слава неистребимая. Как свет солнца, луны и звезд от сотворения мира до сего дня не померк и не обнаружил признаков старения, но вечно так же точно молодеет, цветет и ликующе светит по определению Создателя, Который предначертал светилам с самого дня сотворения управлять днем и ночью, так и возлюбившим Его назначил Он Царство Небесное и радость немеркнущую.

Как неложен Он в явных вещах, так и в умопостигаемых. Все пройдет, ибо так пожелал Создатель, а славе святых не будет конца. Будем стараться творить плоды, достойные покаяния, чтобы мы не лишились той радости и не были обречены на вечную тьму, где боль невыносимая. Если угодно, войди в свою спальню, запрись, закрой все двери, окна и даже световые окошки, посиди так и пойми, как тяжело быть во тьме.

И если тебе так тяжело, когда ты просто сидишь, не испытывая тягот и истязаний, да к тому же зная, что вскоре ты вый-

дешь на улицу, то как будешь ты мучиться, пойми, в той тьме внешней, где плач и скрежет зубовный, где огонь неугасимый, вечно карающий тех, кто однажды в него был ввергнут! Подумаем еще и о том, какой позор нас ожидает еще до этих мук, когда мы увидим, что святые облечены в сияющие ярче дневного света и несказанные по красоте одежды, которые они сами себе подготовили своими добрыми делами, а мы увидим себя не просто нагими от молниеносной славы, но и помраченными, окутанными тьмой и исполненными зловония. Такими мы сами себя здесь сделали, творя дела тьмы, мотовства и сладострастия. Будем плакать пред нашим Господом Богом, чтобы обрести Его милость.

Мы не за наше имущество сражаемся. Если кто утратит имущество, то со временем приобретет новое. Мы думаем о том, какие опасности грозят душе. Ее, если потеряем, то вернуть уже не сможем. Как сказано в Писании: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душа своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф 16, 26). Подумаем о том, что в миру воины, которые получают только малоценные награды от земного царя, готовы за него жизнь положить и охотно идут на смерть. А мы, которым обещано самое великое, как можем не посвятить себя делу праведности, чтобы избежать будущего Суда и добиться несказанных благ. Подумаем и о том, что мы не можем вынести даже солнечного зноя и открытого пламени. Как же вытерпим жжение вечного огня, все время попалающего и никогда не испепеляющего?

Если хочешь, возлюбленный, то проверь это сам, чтобы земной огонь показал, сколь невыносимы мучения (в аду). Для этого зажги светильник и поднеси к огню хотя бы конец пальца. Если сможешь вытерпеть боль, тогда можешь не бояться адских мучений. А если не можешь переносить даже такой ничтожной боли, то зачем мы собираемся низвести все наше тело с душой в тот страшный неугасимый огонь?

Г. Из Аввы Исаии

Подумай о той чести, которую получили все святые. Их ревность будет все более привлекать тебя. Подумай и о поношениях, которые достались грешникам. Этот помысел сохранит тебя от лукавства.

Д. Из святого Максима (Исповедника)

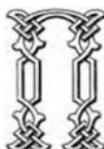
«Если Сын Бога и Отца, Бог Слово того ради соделался сыном человеческим и человеком, да человеков соделает богами и сынами Божими, то да веруем, что будем там, где ныне есть Сам Христос, как глава всего тела (Кол 1, 18), соделавшийся Предтечою о нас к Отцу по человечеству. Ибо в сонме богов, т.е. спасаемых, будет стоящим посреди Бог, разделяя удостоения (сколько кто достоин) тамошнего блаженства, без местного однако ж отстояния достойных одних от других».

По мнению одних, Царство Небесное — это образ жизни достойных на небесах. Другие же определяют его как ангело-подобное состояние спасающихся. Третий — как облик божественной красоты тех, кто несет в себе образ Небесного Бога. Все эти три мнения, как мне думается, согласуются с истиной, ибо всем дается будущая благодать в зависимости от того, сколь велика и какова была праведность каждого.

О том, что души добродетельных людей в час смерти часто утешаются неким божественным осенением и потому легче разлучаются с телом

А. Из Григория Двоеслова

пресвитер города Нурсии¹, с превеликим страхом Божиим пасший вверенную ему церковь, со времени своего рукоположения в священники знал свою жену только как сестру и опасался ее, как врага: никогда не позволял ей не только близко подходить, но ни при каких обстоятельствах не разрешал даже прикасаться к нему и решительно прервал всякие супружеские отношения с ней. У святых мужей бывают такие особенности: чтобы навсегда избежать непозволительного, они не разрешают себе даже многое дозволенное. Так и пресвитер, чтобы не впасть в какой-нибудь грех из-за жены, отказался принимать от нее даже обычные услуги. Так сей достопочтенный муж прожил много лет. На сороковом году своего служения бедняга заболел жестокою лихорадкою и стал близок к смерти. Когда его супруга увидела, что руки мужа помертвели и он вытянулся, как покойник, то приложила было

¹ Нурсия, или Норсия – небольшой город в центральной Италии к северо-востоку от Рима.

ухо к его ноздрям, стараясь узнать, дышит ли он. Хотя священнослужитель находился на последнем издохании, он все же из последних сил напрягся, собрался с духом и отчетливо произнес:

— Отойди, женщина, огонек еще жив, убери солому.

Когда она отошла, у него как бы даже несколько прибавилось телесных сил, и он заговорил с великою радостью:

— Добро пожаловать, господа мои; добро пожаловать, господа мои. Какую честь своим посещением вы оказали мне, такому ничтожному рабу? Я иду, иду. Благодарю вас, благодарю...

Много раз повторил он эти слова прерывистым голосом. Окружавшие его близкие спросили, с кем это он разговаривает. В ответ умирающий удивленно воскликнул:

— Как, разве вы не видите пришедших сюда Божиих апостолов? Неужели не замечаете всехвального Петра и Павла, первоверховых апостолов? — И снова обратившись к вошедшим, сказал: — Иду, иду, — и сими словами предал дух Богу.

Тут очевидно, что такое Божие человеколюбие проявляется к праведникам, дабы подготовить их к смерти: они созерцают святых, явившихся, чтобы избавить их от ужаса предсмертных мучений, и своим внутренним сознанием воспринимают (небесных посланцев) как неких соучастников их освобождения без боли и страха от уз плоти.

2. А вот какой случай, как я узнал, произошел с Пробом, епископом города Реаты¹. Незадолго до своей кончины он тяжело заболел. Его отец по имени Максим пригласил врачей со всей округи, надеясь, что, может быть, им удастся исцелить его. Но собравшиеся отовсюду доктора, пощупав пульс больного, объявили, что конец близок. Когда пришло время обеда и день стал клониться к вечеру, достопочтенный епископ, заботясь более о здоровье гостей, нежели о своем собственном, предложил им подняться на второй этаж своего дома и после трудов

¹ Ныне Риети – древний город центральной Италии, в 40 милях северо-восточнее Рима.

подкрепить себя пищею. Все отправились наверх, оставив с больным отрока, который, по словам вышеупомянутого Проба, жив и доселе. И вот этот отрок, находившийся у смертного одра, вдруг увидел, что к человеку Божию вошли два мужа в белых одеяниях, и лица их сияли ярче одежд. Ослепленный ярким светом и преисполненный страха, отрок громко закричал:

— Кто вы такие?

Епископ Проб, встревоженный его криком, посмотрел на входящих мужей, узнал их и стал утешать перепуганного мальчика:

— Не бойся, сын мой, это пришли ко мне мученики святой Ювеналий и святой Елевферий.

Отрок же, в страхе от невиданного явления, бегом бросился за дверь и рассказал о видении отцу и врачам. Они тотчас спустились вниз, но больного, которого только что покинули, нашли уже бездыханным — его (душу) взяли с собой святые, чье явление не смог вынести отрок.

3. Есть известное присущее таким явлениям очарование в том, что души избранников при исходе из тела часто слышат хвалебное пение с небес и, внимая ему с превеликим упоением, не чувствуют (боли) отрыва от плоти.

Я хочу вам рассказать о том, о чем, помнится, уже упоминал в своих проповедях на Евангелие. У входа в галерею, которая тянется до церкви блаженного Климента, лежал Сервул (ты, разумеется, помнишь его). Он был беден имуществом, но богат дарованиями. Бедняга долгое время страдал от тяжелой болезни. До конца жизни он был прикован к постели, разбитый параличом. Мало сказать, что он не мог стоять, он не мог ни приподняться, ни сидеть на кровати; не мог даже поднести к устам руку или повернуться на бок. При нем (постоянно) находилась мать и его брат. Милостыню, которую ему подавали, больной их же руками раздавал бедным. Никогда не учился он грамоте, но купил себе Библию и, принимая благочестивых людей, постоянно просил их почитать ему вслух. Так ему

удалось выучить наизусть все Священное Писание, хотя и вовсе не зная грамоты, как я уже говорил. Сервул в болезни всегда, днем и ночью пел Богу благодарственные гимны и псалмы. Но вот когда наступило время вознаграждения его за страдания, члены тела его вдруг ожили. Поняв приближение своего последнего часа, Сервул попросил посетителей и больных встать и пропеть вместе с ним псалмы в ожидании кончины. Во время пения он вдруг с ужасом воскликнул, прервав поющих:

— Молчите! Неужели не слышите, какие хваления звучат на небесах?

И в то самое время, когда весь его слух устремился к хвалебным песнопениям, которые он слышал внутри своего сердца, святая душа его разрешилась от тела. При исходе ее вокруг разлилось такое благоухание, что присутствовавшие почувствовали невыразимую сладость и благодаря этому ясно узнали, что душа Сервула принята на небе с хвалебными песнопениями. При этом присутствовал наш монах, который доселе здрав. Он с великим плачем рассказал, что тело умершего источало сладостное благоухание, пока его не предали земле.

4. У матушки по имени Редемпта, принявшей монашество в монастыре в нижней части города Рима, было две ученицы. Одну из них звали Ромилла. Втроем они занимали один дом и вели жизнь, внешне бедную, но в сущности богатую добродетелями. Так вот, Ромилла превосходила соученицу высочайшими достоинствами, ибо была удивительно терпелива, исключительно послушна, держала свои уста в строгой узде, больше молчала и отличалась особым усердием в молитве.

Однако довольно часто те, кого люди почитают уже идеальными, в очах Всесовершеннейшего Творца еще несовершенны, подобно тому, как мы, неопытные люди, рассматривая еще не совсем готовые работы, нередко хвалим их как уже завершенные, а сам художник, хотя и слышит похвалы, продолжает работать над ними, дабы добиться полной законченности. Нечто подобное случилось и с Ромиллой. Она была по-

ражена телесною болезнью, которую врачи называют параличом. Много лет бедняжка лежала в постели, почти полностью обреченная на неподвижность, но терпеливо переносила свои страдания. Напротив, даже телесные недуги служили для нее средством к умножению добродетелей: тем прилежнее она молилась, чем менее было сил делать что-либо иное.

Однажды ночью она позвала свою наставницу Редемпту и соученицу. В полночь, когда они стояли у ее постели, вдруг необычайный небесный свет наполнил всю келью от края и до края. Он сиял столь ослепительно, что сердца присутствовавших охватил великий страх, и они, как потом вспоминали, были не в силах даже пошевельнуться. Послышался громкий шум, как от шарканья множества ног. Дверь в келью затряслась, будто сквозь нее протискивалась огромная толпа. От превеликого ужаса и ослепительного света Редемпта и ее воспитанница будто ослепли. Пораженные ужасом и необычайным светом, они ничего не видели вокруг. Затем распространилось необыкновенное благоухание, и этот аромат успокоил их души, подавленные ослепительным сиянием. И вот когда они уже больше были не в состоянии выносить его нестерпимую яркость, Ромилла начала ласковым голосом утешать стоявшую возле нее дрожавшую Редемпту, наставницу ее в добродетелях:

— Не бойся, матушка, я еще не умираю.

Много раз повторила она эти слова, и свет, нисшедший с небес, начал мало-помалу меркнуть, но появившийся аромат все еще оставался в воздухе. Так прошел второй и третий день, а благоухание, разлившееся по келье, сохранялось по-прежнему. В четвертую ночь она снова позвала свою наставницу и по приходе ее попросила и приняла Святое Причастие. Ни сама Редемпта, ни другая соученица не отходили от ее постели. И вот внезапно на площадке за дверью кельи послышались два поющих хора, и, как рассказывали, по голосам можно было понять, что они принадлежат обоим полам: мужчины пели псалмы, а женщины вторили им. Во время небесного

отпевания за дверью кельи святая душа Ромиллы разрешилась от тела и вознеслась на небо. И чем выше взлетали хоры поющих, тем слабее слышалось псалмопение, пока не исчезли, наконец, вовсе и голоса, и благоухание.

5. Часто для утешения исходящей (из тела) души является Сам Владыка и Воздаитель нашей жизни. Об этом, помнится, я уже говорил в другом месте, когда рассказывал о своей тетке Тарсиле, которая от двух других своих сестер отличалась энергией, усердной непрерывной молитвой, трезвой жизнью и воздержанием и сими добродетелями достигла святости. Ей явился в видении мой прапрадед Филикс, бывший Патриарх Римской Церкви и, показав ей обитель вечного света, сказал:

— Приходи, и я приму тебя в обитель света.

Вскоре после этого Тарсила заболела лихорадкой и приблизилась к смерти. И, как обычно бывает, при кончине знатных жен и мужей сходится для утешения их много родственников, так и в час успения моей тетушки ее предсмертное ложе окружали важные персоны.

Вдруг умирающая подняла свой взор кверху и увидела шествующего Иисуса и в величайшей устремленности своей души к Явившемуся ей на помощь громко воскликнула:

— Отойдите, отойдите! Иисус идет.

И когда все свое внимание она обратила на Явившегося, ее святая душа вышла из тела. Тотчас же повсюду разлилось удивительное благоухание, которое сладостью своей показало, что точно являлся к ней Владыка утешения. Когда же тело по обыкновению раздели для омовения, стали видны на локтях и коленах покойной большие, как на ногах верблюдов, нарости, образовавшиеся от продолжительных коленопреклоненных молений. Так мертвая плоть засвидетельствовала постоянный подвиг ее души при жизни.

6. Благочестивый Проб рассказывал мне о своей сестре, маленькой отроковице по имени Муза, как однажды ночью явилась ей в видении Пресвятая Богородица и Приснодева

Мария и показала равных ей по возрасту отроковиц в белоснежных одеяниях. Музе захотелось присоединиться к ним, но она не посмела (испросить на то позволения). Пресвятая Дева Мария спросила, не желает ли она быть вместе с ними и проводить жизнь в служении Ей. Отроковица ответила Богородице: «Желаю», — и тотчас получила от Нее заповедь, чтобы отныне она не делала ничего детского и легкомысленного, воздерживалась от смеха и игр и знала, что в тридцатый день придет на служение Ей вместе с отроковицами, которых видела. После этого видения Муза совершенно изменила свое поведение: оставила детские забавы и вела строгую жизнь. Родители удивились такой перемене и спросили о причине этого. Муза рассказала, что заповедала ей Богоматерь, и объявила, в какой день отойдет на служение Ей. Через двадцать пять дней она заболела. В тридцатый день, когда приблизился час ее кончины, Музе снова явилась Богоматерь с отроковицами, как было раньше. На зов Богоматери она, благоговейно потупив очи, громко воскликнула:

— Видишь, Госпожа моя, я уже иду! Видишь, Госпожа моя, уже иду!

С этими словами она испустила дух. Душа ее покинула девственное тело и отправилась на жительство вместе со святыми девами.

7. Расскажу тебе и о случае с благочестивым отцом Стефаном. Он был крайне беден, терпелив и постоянно пребывал в молитве. Теперь расскажу о его делах, чтобы по ним и другие могли многому научиться. Однажды он отвез сжатую пшеницу на гумно. Кроме этого зерна, у него ничего больше не было для пропитания своих учеников в течение всего года. Но один человек по внушению диавола поджег зерно. Другой же, увидев огонь, пришел к рабу Божию и сказал:

— Ах, отец Стефан, какое горе постигло тебя!

Но тот с радостным лицом и светлым взором невозмутимо ответил:

— Ах, какое горе постигло того, кто это натворил! А со мной-то что случилось?

Из этих слов очевидно, какой высотой и силой обладал его святой ум. Вот почему именно так он отнесся к потере всего годового запаса, оставаясь спокойным и непоколебимым и больше жалея совершившего позорный грех, нежели себя, хотя и потерпел убыток.

При кончине отца пришло много народа, чтобы при исходе его святой души из тела вверить ей свои собственные души. Собравшиеся стояли вокруг смертного одра: одни видели явившихся ангелов, но не в состоянии были вымолвить ни слова, другие же ничего не видели, но всех охватил страх. И как обычно, кто видел что-нибудь и кто ничего не видел, но от превеликого страха все разбежались. Никто не смог находиться там и вынести отделения святой души от тела. Было очевидно, какие силы принимали эту исходящую святую душу, и ее исход ни один смертный был не в состоянии вынести.

8. Да будет тебе также известно, что достоинства души не всегда проявляются при исходе ее (из тела), но со всей очевидностью открываются лишь после смерти. Вот почему даже мертвые кости святых мучеников, претерпевших многие жестокости от иноверцев, сияют чудесами и знамениями. Иногда же, напротив, после кончины всемогущий Бог укрепляет некоторые робкие умы некими откровениями, чтобы во время явления смерти ничем не напугать их.

В одном монастыре со мной находился брат по имени Антоний. Своими ежедневными беспрерывными скорбями и плачем он стремился удостоиться радости (пребывания) в небесном отечестве. С особым рвением и упорством брат постигал откровения Священного Писания, искал в нем не познания глаголов, но плача и сокрушения, дабы с этими мыслями вразумиться и, оставив земное, переселиться в небесное отчество через созерцание вознесения смертных.

И вот во время ночного видения ему было сказано:

— По повелению Господа приготовься в дорогу.

Он сказал, что у него еще не все готово в дорогу. И тотчас услышал в ответ:

— Если ты говоришь о своих грехах, то они отпущены тебе.

Такое он уже слышал однажды, и его охватил великий страх и трепет. На другую ночь он услышал те же слова, а через пять дней у него поднялся жар. Окружившие его братья со слезами молились за него, и он, ликуя, отошел ко Господу.

9. В том же монастыре был брат по имени Мерул. Он отличался постоянным плачем и милосердием. Молитва почти никогда не переставала исходить из его уст, кроме разве что еды и сна. И вот ночью ему было видение: с неба спустился на его голову венок белых цветов. Вскоре после этого его поразил телесный недуг, и душа его отошла (ко Господу), легко и радостно. А через четырнадцать лет настоятель этого монастыря Петр начал копать могилу рядом (с покойным Мерулом) и (тут), по его словам, из могилы Мерула изошло такое благоухание, как будто там были собраны ароматы всех цветов. Это явление показало: то ночное видение было истинным.

Б. Из жития святого Саввы (Освященного)

Из Вифании прибыл старец по имени Анфим, чье достойное житие было украшено многими трудами во славу Божию, и соорудил себе келью на противоположном берегу потока на восточной стороне напротив башни, основанной блаженным Саввой. Он прожил в ней тридцать лет, потом заболел. Прикованный недугом к постели, старец сильно страдал. Дивный Савва, увидев его ослабевшим от болезни, решил перевести его в келью поближе к церкви, где братьям было бы легче навещать его и ухаживать за ним, но тот отказался и просил ради Бога дать ему умереть там, где он поселился с самого начала.

Однажды ночью Савва, встав по своему обыкновению на молитву задолго до утренней службы, вдруг услышал чудное

многоголосое пение. Ему подумалось, что это поют на утрени в церкви, и удивился, как это могло произойти без него и без его непременного благословения. Он направился в церковь, но там никого не оказалось, и двери были крепко заперты. Авва пошел обратно, размышляя, что за голоса он слышал, и вдруг чудное пение зазвучало снова. *Я ходил в многолюдстве, — пели голоса, — вступал с ними в дом Божий со гласом радости и славословия празднующего сонма* (Пс 41, 5). Поняв, что дивные звуки летели из кельи блаженного Анфима, Савва догадался, что старец скончался, тотчас же разбудил назначенног на тот день служащим монаха и велел ударить в било, дабы собрать братию. Когда все пришли, то, взяв с собой нескольких монахов, авва направился в келью старца с кадилом и свечами. Но, войдя внутрь, они никого там не обнаружили, кроме усопшего старца, чья душа отошла ко Господу с ангельским пением. Благоговейно завернув святое тело и совершив положенный по уставу обряд, они предали его земле.

В. Из жития Даниила Столпника

О преподобном Данииле Столпнике рассказывали, что за три дня до его кончины среди ночи ему явились вековые пророки, апостолы, мученики — все святые и все силы небесные. Они ласково приветствовали великого святого и велели ему отслужить Божественную литургию. По их желанию он и совершил ее, сам причастился непорочных Таин и причастил всех пришедших с ним проститься, кто был достоин. Перед последним вздохом, когда его столп обступило множество иноков, одержимый бесом человек, приблизившись к столпу, увидел шествие святых к преподобному. Он громко возопил о видении, назвал по именам всех явившихся, не забыв и сопровождавших их ангелов, и затем добавил, что в третий час дня Даниил отойдет ко Господу, а нечистый дух, столь долго мучивший его, будет изгнан по Божьему велению. То и другое исполнилось в упомянутое время.

Г. Из Патерика

Об авве Сисое рассказывали: перед самой кончиной, когда отцы сидели подле него, лицо его просияло необычайно ярко.

— Вот авва Антоний пришел, — сказал он и немного погодя добавил. — Вот лик пророков пришел, — и лицо его засветилось еще сильнее. — Вот лик апостолов пришел, — лицо его заблистало нестерпимо ярко, и он заговорил с кем-то (невидимым).

Старцы спросили:

— С кем ты разговариваешь, отче?

— Ангелы пришли, чтобы взять меня, — ответил он, — а я прошу их оставить меня для покаяния хотя бы ненадолго.

— Ты не нуждаешься в покаянии, отче, — заметили старцы.

Но авва Сисой возразил им:

— Нет, поистине я еще не положил даже начала своему покаянию.

И все поняли, что он совершенен.

Тут лицо его засияло, как солнце, и всех охватил страх. Авва Сисой сказал:

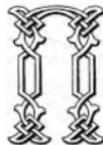
— Видите, Господь пришел и говорит: «Несите ко Мне этот сосуд пустыни», — и тотчас испустил дух, и весь стал, как молния, а дом наполнился благоуханием.

Об умирающих и вновь возвращающихся к жизни; и о том, что такое случается по божественному замыслу нашего спасения; и что часто грешники при последнем изыхании видят в аду мучения и бесов и трепещут, и от страха душа их отделяется от тела

8

А. Из Григория Двоеслова

етр: Что это за явление, которое многие испытывают, когда, как им кажется, душа берется из тела, и оно на время остается бездушным, а потом обратно возвращается (в тело)?

Григорий: Ты, Петр, об этом (сам) хорошенько подумай. Тут не обман, а вразумление. Ибо Бог по Своему состраданию просто проявляет величайшее милосердие ко многим, делая это для вразумления, когда Он душу после исхода снова возвращает обратно в тело, чтобы люди увидели адские страдания, о которых слышали, но не верили, и еще больше устрашились этих мучений.

2. Монах по имени Петр присоединился к старцу монаху по прозвищу Эвваса¹, (жившему) в низменном лесистом месте пустыни. Старец охотно поведал ему, как во время своего пустыннического жития он занемог и умер, но (отлетевшая) душа вскоре опять вернулась в тело. После ее исхода, расска-

¹ Прозвище Эввасса буквально означает «Видевший мучения в аду»

зывал он, ему довелось увидеть мучения в аду и бесчисленные охваченные пламенем места и подвешенных в огне сильных мира сего. Его тоже хотели бросить в огонь, но явившийся блистающий ангел не допустил этого и предупредил его:

— Теперь возвращайся и смотри, как после всего увиденного тебе следует жить дальше.

После этого тело его постепенно ожило. Он пробудился от вечного сна и рассказал обо всем, что произошло с ним. Вразумленный страшным случаем, монах предался такому посту и бдению, что, даже если бы язык и умолчал, сама его жизнь показывала: он видел адские муки и с ужасом вспоминал о них. Так милостью всемогущего Бога ему была дана смерть, чтобы он не умер вечной смертью. Но бывают такие черствые сердца, что даже лицезрение мучений не может пробудить в них раскаяние. Не вразумившиеся и после этого только умно-жают тяжесть своего будущего наказания. Ведь если они видели все это и, вернувшись к жизни, не раскаялись, как потом оправдаются перед Судией?

**Б. Из беседы Григория Двоеслова
с тем же диаконом Петром о том, что нередко души, находясь
еще в теле, видят некоторые адские муки, причиняемые
духами злобы; такое показывается для вразумления, с одной
стороны, их самих, а с другой, — слушающих**

Ко мне в монастырь поступил вслед за своим братом (больше по необходимости, чем по доброй воле) очень беспокойный отрок по имени Феодор. Он был нетерпеливым и все время тяготился, если ему говорили что-нибудь во благо спасения, потому что не только сам не делал ничего доброго, но даже и слышать об этом не хотел. Феодор клятвами, гневом и насмешками давал понять, что никогда не примет святой монашеский образ. Однако во время моровой язвы, от которой погибла большая часть городского населения, он заболел и оказался на краю смерти.

При последнем издыжании возле Феодора собралась братия, дабы молитвою проводить исход его души. И вот его руки и ноги явно похолодели, и только в груди еще теплилась жизнь. И чем заметнее становилось приближение кончины, тем ревностнее молилась братия, прося человеколюбивого Бога смилостивиться над несчастным.

Вдруг умирающий, повернувшись к братии, громко закричал, прервав монашескую молитву:

— Отойдите от меня, отойдите! Я отдан на съедение дракону, но он из-за вас не может сожрать меня. Голову мою он уже поглотил. Освободите ему место, чтобы он больше не мучил меня и делал со мной все, что хочет. Я отдан ему на съедение, зачем вы затягиваете мои муки?

Братья начали уговаривать его:

— О чём ты говоришь, брат? Наложи на себя печать честного и животворящего креста.

— Хочу перекреститься, — во весь голос воскликнул отрок, — но дракон чешуей своей придавил меня!

Услышав это, братья пали ниц и со слезами стали еще усерднее молиться о его спасении, и умирающему тотчас полегчало.

— Благодарю Бога! — громко воскликнул он. — Дракон уже хотел поглотить меня, а теперь бежал. Он не смог устоять перед вашей молитвой. Только не переставайте молиться о моих грехах — я готов раскаяться и совсем оставить мирскую жизнь.

Таким образом, человек, чьи конечности, повторю, уже похолодели, был сохранен для жизни, и он всем сердцем обратился к Богу, изменил весь образ своих мыслей, долго подвизался с сокрушенным сердцем, и только после этого душа его разрешилась от тела.

2. Таким образом, он получил огромную пользу, увидев следующее за смертью наказание. Другие ради нашего же спасения, еще будучи в сознании и увидев мучения, злыми духа-

ми причиняемые, рассказывают нам об этом и только потом мирно испускают дух.

То же произошло и с мужем по имени Хрисаорий. Он был человеком чрезвычайно богатым, накопившим столько же пороков, сколько и денег, надменным и гордым, привыкшим угоджать своим плотским прихотям, корыстолюбивым и алчным до материального добра. Но Господь определил положить конец его порокам, послав ему телесную болезнь.

Хрисаорий оказался на пороге смерти. Но прежде чем душа его покинула тело, он воочию увидел черных и страшных духов, которые стояли подле него, готовые схватить душу умирающего и унести в кромешный ад. Бедняга задрожал от страха, побледнел и стал громко просить об отсрочке и жалобным дрожащим голосом звать своего сына Максима, которого я, будучи уже в монастыре, знал как монаха:

— Максим, беги скорей сюда, ведь я тебе ничего плохого не сделал, прими меня в свою веру!

Встревоженный Максим тотчас прибежал. Собралось все семейство в слезах от горя и трепеща от страха. Домашние не могли видеть сильно мучивших его злых духов, но о их присутствии они догадывались по волнению, дрожи и бледности умирающего. В страхе перед мрачными страшилищами Хрисаорий метался на постели туда и сюда; ложился на левый бок — черные рожи стояли перед ним, отворачивался к стене — и там они были. Крайне подавленный их присутствием, несчастный уже не чаял, как избавиться от непрошеных гостей, и отчаянно возопил:

— Дайте отсрочку! Хоть до утра! Хоть до утра!

И во время крика душа его была взята из тела. Очевидно, такое видение было не для него, а для нас, чтобы явленное ему зрелище принесло пользу нам, все еще испытывающим долготерпение Господа. Ибо какую пользу мог получить он от того, что перед смертью увидел духов тьмы, просил об отсрочке и не получил ее?

3. Наш пресвитер Афанасий рассказывал мне, что в Иконии, откуда он пришел к нам, находился так называемый монастырь Галатов. В нем был монах, которого все воспринимали как умеющего в высшей степени вести правильную скромную жизнь. (Однако) при его кончине обнаружилось, что он был далеко не таким. При братиях он постился, но втайне от них ел. И вот он заболел, и приблизилась его кончина. Поняв, что жить ему осталось немного, он позвал к себе монастырскую братию. Монахи охотно собирались подле него в надежде услышать нечто великое и полезное от столь, как они полагали, добродетельного мужа, который уходил из жизни. Тот же, скорбя и дрожа от страха, признался им:

— Когда вы думали, что я пощусь вместе с вами, я ел тайно от вас. И вот теперь отдан на съедение дракону. Он опутал своим хвостом мои ноги, голову засунул мне в рот и исторгает из меня душу, — и с этими словами бедняга скончался. Дракон, которого он видел, не ждал, когда тот покается и освободится от него. Видение было явно дано исключительно для пользы братии: ведь сам умирающий знал, что не сможет избежать врага, которому (при жизни) служил.

В. Из повести о странствиях святого апостола Фомы

Великий апостол Фома по воле Божией был отдан¹ купцу Амвану как искусный строитель и вместе с ним прибыл в Индию, где его представили царю, который с интересом спросил гостя о его занятии. Апостол подтвердил, что он опытен в таких делах и много и подробно рассказывал о строительстве, и из слов гостя все заключили, что перед ними — великий архитектор. Поэтому царь (повелел) выдать ему много денег, чтобы Фома (в определенном месте) поставил царские

¹ απὸ τοῦ Κυρίου πραθεῖσ (греч.) — буквально: «Господом продан или отдан». В Житиях Дм. Ростовского: купец Аван «нанял Фому... как человека, опытного в строительном искусстве».

палаты, И святой получил сумму, необходимую на такие нужды. Через некоторое время царь послал своих людей посмотреть стройку. И как оказалось, Фома даже и не начинал работы, а все доверенные ему деньги раздал нищим. Царь был вне себя от гнева и приказал немедленно схватить апостола. Чтобы узнать, почему Фома не сдержал данного ранее слова, царь спросил:

— Ты построил мне дворец?

— Да, — ответил Фома, — и вельми прекрасный.

— Пойдем, покажешь мне его, — сказал царь.

— Государь, — заговорил святой, — в этой жизни ни один человек не может увидеть его. Только после разлучения с этим миром, там предстанут перед тобой весьма вожделенные палаты, и ты возрадуешься.

Царь Гундафор (так его звали) воспринял слова апостола как насмешку и не поверил ему. Между тем стало известно, что Фома нищий, и ему нечем отдать долг. Царь, потеряв надежду вернуть свои деньги, сильно разгневался и решил, что только смерть Фомы может его утешить и приказал содрать с него кожу живьем и бросить в огонь.

Но Всеустроющий и Приводящий в гармонию со Своей волей поразил смертью Гада, брата Гундафора. Тот больше своего брата был разгневан делом со строительством дворца. И, гневаясь более царя и считая Фому насмешником, убедил государя подвергнуть архитектора жестокой казни. Но не успели отправить Фому на казнь, как Гад скончался.

По случаю траура пришлось отложить исполнение приговора, поскольку глубокая скорбь заставила царя забыть об отданном приказе и заняться похоронами. Но и здесь Бог совершил поразительное чудо, ибо Он не желает смерти грешника, но ждет, когда он обратится от греха к истинной и добродетельной жизни.

Как только Гад умер, ангелы подхватили его душу и показали ей вечные и нетленные обители, ради которых в ином,

земном мире следует хранить себя от греха. Душа Гада была поражена красотой, величием и небывалым блеском небесных палат, которые переходят одна в другую, и настоятельно стал просить сопровождавших его ангелов позволить ему поселиться хотя бы в самой малой из них.

Но ангелы отказали ему в просьбе, заверив, что все эти палаты принадлежат брату его Гундафору и что он построил их с помощью некоего чужестранца по имени Фома. Как только Гад услышал это, стал с еще большим пылом умолять ангельское шествие вернуть его обратно в мир, чтобы купить у брата это сверкающее сооружение.

И что же было после? Бог, Который единым велением движет всем в этом мире, благоволил, чтобы душа Гада снова вернулась в мертвое тело: тогда и апостол будет избавлен от смертного приговора, и многие души обретут спасение, узрев воскресение скончавшегося Гада. Те, кто обряжали покойного, вдруг увидели, что бездушное тело стало понемногу оживать. Они задрожали от изумления и сообщили царю Гундафору об этом прежде неслыханном событии.

Изумленный царь со всех ног побежал к своему умершему брату. И о чудо! До сего мгновения недвижимый брат, словно пробудившись от сна, раскрыл запечатанные смертью уста и начал настойчиво просить:

— Брат, если ты меня любишь, прошу тебя об одном: продай мне дворец, который на небе построил тебе христианин Фома.

Царь выслушал его, понял смысл его слов и убедился, что Фома — сущий апостол Божий, и Бог, Которого он возвещает, поистине благ и человеколюбив. Душа его просветилась лучами веры, и он ответил:

— Брат, я не могу продать тебе этот дворец, ибо приобрел его не так просто. Лучше я сохранию его за собой, а тебе отдам искусного строителя, который Промыслом Божиим жив и здоров, и он для тебя построит такой же.

Тогда было повелено привести заключенного. Фому освободили из-под стражи и от уз. Когда апостол вошел, оба брата упали ему в ноги и попросили простить их беззаконие против него, ибо совершили его по неведению. Они велели ему провозглашать по всей стране прежде неведомого Бога и повеления Его, чтобы им провести оставшиеся дни своей жизни в согласии с волей Его и сподобиться вечных незримых благ, образы и явления которых его брат удостоился лицезреть еще при жизни.

Апостол Фома выслушал их с изумлением и удивился глубине Божественного Промысла. Тотчас же он поблагодарил должным образом Бога и просветил царственных мужей в христианской вере, потом покрестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа, как и бесчисленное множество других индийцев, уверовавших в Бога после того, как они увидели произошедшее чудо.

Г. Из Патерика

Как-то один старец отправился в город продавать свои изделия и присел отдохнуть у дороги возле ворот богача, бывшего при смерти. И так он сидел, как вдруг увидел черных коней и черных всадников на них с горящими головнями в руках, внушавших ужас. Они подъехали, оставили коней у ворот и вошли в дом по одному. Когда больной увидел их, закричал во весь голос:

— Господи, помилуй меня и помоги!

Приезжие сказали:

— Почему же ты не вспоминал о Боге до заката солнца твоей жизни? Ведь когда свет дня сиял, ты не просил Его о помощи? А теперь у тебя уже нет никакой надежды, и даже утешения ты не узнаешь, — и они силой вырвали из него несчастную душу и покинули дом.

Д. Из святого Ефрема

Братья, великий страх охватит нас в час смерти. Ибо пройдут перед душой в час разлучения с телом все дела, которые она совершила и в дневное время, и в ночное, благие и лукавые. И ангелы будут торопить ее, чтобы она скорее выходила из тела. Душа грешника, видя свои дела, со страхом будет расставаться с телом. Ангелы повелят ей скорее собираться, а она, со страхом вспоминая содеянное, обратится к ним:

— Дайте мне хотя бы еще часок и потом я выйду.

Но они ответят ей:

— Ты сама продала нас в рабство (греху). Поэтому сейчас мы вместе с тобой пойдем на Суд Божий.

В страхе и скорби она оставит тело, чтобы предстать перед престолом Божиим и вечным Судом.

Е. Из Патерика

Старец рассказывал об одном брате, который хотел уйти в анахореты, но его не отпускала родная мать. Тем не менее он не оставлял своего намерения и говорил: «Хочу спасти свою душу». Мать долго уговаривала сына, но, будучи не в силах удержать его, наконец, отпустила. Удалившись и сделавшись монахом, он в беспечности проводил свою жизнь. И вот сначала умерла его мать. А вскоре и он тяжело заболел и в исступлении был восхищен на Суд, где встретил свою мать среди осужденных. Когда мать увидела его, то в изумлении воскликнула:

— Что я вижу, сын мой? И ты здесь среди осужденных! Где же твои слова, которые ты говорил: «Хочу спасти свою душу»?

От смущения он поник головой, не зная, что ответить. И тут он услышал Глас:

— Возьмите его отсюда.

Тотчас он очнулся от видения, рассказал всем о том, что видел и слышал, и искренне прославил Бога за то, что Он всеми средствами помогает спастись грешникам.

Поправившись после болезни, брат ушел в затвор ради своего спасения. Он каялся и оплакивал свои прежние грехи, которые он творил по нерадению. И его раскаяние и плач были настолько сильными, что многие просили сделать хоть небольшое послабление, опасаясь, как бы чрезмерный плач не нанес бы ему (непоправимого) вреда. Но он оставался безутешен.

— Если я не мог вынести материнского упрека, — говорил он, — то в день Суда как вытерплю позор перед Христом, святыми ангелами и всеми творениями?

Давайте же, братья, и мы внимать себе и изо всех сил стараться жить в согласии с нашими обетами и в почтении к нашим кровным родным и близким, которых мы с их согласия оставили, чтобы угодить Богу. Если же поступим иначе (не приведи Господь!), то какой позор нас ждет на Страшном Суде! И не только перед небесными и земными созданиями, но и перед теми, кто некогда были нашими близкими и знакомыми и кого мы покинули, чтобы приблизиться к Богу! Ибо в таком случае, даже если мы будем осуждены вместе с ними, то, кроме всех прочих наших бед, еще и они станут нас укорять и осуждать за то, что, как сказал один святой, мы «оставили сенаторство, но монашества не достигли», хотя ради него и ушли из мира.

*Объяснение того, куда
идут души умерших
и что с ними бывает
после исхода из тела*

9

А. Из жития святого Павла Фивейского

Святой Антоний отправился к Павлу Фивейскому, чтобы отнести ему одеяние старца Афанасия, как и повелел этот старец. Когда авва шел пустыней и до пещеры подвижника оставалось совсем немного, то около третьего часа дня он воочию увидел прямо перед собой на дороге (только некоторые удостаиваются видеть такие чудеса) ангелов чины, апостолов шествия, пророков лики, мучеников строй и среди них — душу самого Павла. Она была белее снега и сияла ярче любого земного света и взносилась на небеса с превеликим ликованием.

Б. Из жития святого Пахомия

Когда Пахомий Великий жил в монастыре, ему сказали, что в обители Хинобоскиев¹ один брат заболел, мучается и просит причастить его. Божий человек как только это услышал, сразу встал и отправился к больному. Когда оставалось примерно

¹ По-греч. букв.: обитель гусятников. Такое название монастырь получил, потому что его монахи разводили гусей.

две-три мили до места, где лежал занедуживший монах, он услышал священный глас и чудесное псалмопение в вышине. Святой поднял взор и увидел душу брата, которая возносится пресветлым путем в сопровождении ангельских песнопений к блаженной жизни. Между тем братья, которые шли вместе с ним, не слышали ни звука и не видели ничего необычного. Старец Пахомий долго пристально смотрел на восток. Увидев, что он застыл на месте, монахи спросили его:

— Что ты остановился, отче? Пошли быстрее, а то не успеем.
— Куда спешить! — ответил святой. — Я вижу, как он уже возносится к вечной жизни.

Братья попросили рассказать, каким образом он мог соизерцать душу, и авва поведал, как все было. Некоторые из братьев поспешили в монастырь и там узнали точное время успения брата, и поняли, что именно в это самое мгновение их духовный отец и видел, как почивший брат во славе возносился на небеса.

В. Из Патерика

Старец рассказывал об одной целомудренной старице, весьма преклонного возраста, преуспевшей в страхе Божием: «Я спросил ее о причине ее отшельничества, и она поведала свою историю:

— О досточудный, с раннего детства, с самого младенчества, я хорошо помню своего отца, по характеру доброго и кроткого, но телесно слабого и болезненного. Большую часть своей жизни он проводил, прикованный к постели, но как только ему удавалось поправиться, трудился изо всех сил. Отец не оставлял трудов, когда был здоров, и, терпя все тяготы, приносил домой плоды своих рук. Он отличался такой молчаливостью, что незнакомые принимали его за немого.

Родительница же моя была его полной противоположностью. Ее интересовало даже то, что происходило далеко от нашей родины. Она так много говорила со всеми и обо всем,

что можно было подумать, будто вся она — сплошной язык. Мать моя постоянно ввязывалась во всякие склоки, бранилась, произнося нечестивые и хульные слова. Постоянно хмельная от вина, она проводила время с распутниками. Как всякой блуднице, ей была свойственна расточительность, так что даже нашего весьма крупного состояния нам не могло хватить надолго, тем более что отец сам отдал наше имущество в ее полное распоряжение. И вот даже при такой жизни телесно она никогда не знала ни болезни, ни малейшего страдания, хотя бы даже случайного, и с рождения вплоть до самой смерти оставалась здоровой.

Когда отец умер под тяжестью застарелых недугов, в воздухе тотчас началось движение: дождь, молнии и гром заполонили небосвод, ливень не прекращался ни на миг. Поэтому тело его три дня лежало непогребенным на смертном одре, и от удивления жители селения качали головами.

— Какое зло жило среди нас, — часто говорили они, — а мы об этом даже не подозревали! Конечно же, этот человек был враг Божий, раз даже земля не принимает его к себе в могилу.

Мы опасались, что из-за трупного тления долго невозмож но будет войти в дом, и как только бури и ливни немного утихли, поспешили предать тело земле. Мать, получив полную свободу, стала еще бесстыднее предаваться плотским утехам, превратив дом, можно сказать, в блудилище. Свою жизнь она теперь проводила в необузданном распутстве и с такой ненасытностью погрузилась в непрерывные наслаждения, что от накопленного отцом состояния мне достались лишь крохи.

Прошло много лет. И когда пробил ее смертный час, она удостоилась таких умираемых похорон, что, казалось, даже воздух участвует в погребальной процессии.

После кончины матери я, уже вышедшая из детского возраста, когда во мне пришли в движение и распалились плотские вожделения, как-то вечером задумалась о том, какой образ жизни мне выбрать? И я спросила сама себя: «Не выбрать

ли мне жизнь отца с его добротой, кротостью и целомудрием? Но он ничего не достиг в жизни, ничего хорошего не видел, измученный болезнями и страданиями, даже погребения человеческого не удостоился. Если бы его образ жизни был угоден Богу, то почему ему выпало столько горя? А у матери? Вот это была жизнь! Она всегда жила усладительно и сладострастно и не знала ни хворей, ни страданий. Ну, так и я должна жить! Ведь лучше верить своим глазам, а не чужим словам».

И я, несчастная, решила пойти по стопам матери. Наступила ночь, и я забылась сном. Во сне мне явился некий муж, величественный и грозный. Он гневно взглянул на меня и сурово спросил:

— Скажи мне, почему твое сердце никак не может вразумиться?

Я вся задрожала от страха, не смея даже взглянуть на него. А он снова строго спросил:

— Скажи, что это ты себе надумала?

Увидев, что от страха у меня отшибло память, и я уже не понимаю, что делаю, он сам напомнил, о чем я накануне вечером думала. Немного прия в себя, я поняла, что теперь уже нечего оправдываться и стала просить проявить ко мне хоть чуточку снисхождения и со слезами умоляла его о пощаде. Он взял меня за руку и сказал:

— Пойдем, посмотрим сначала, где твой отец, потом, где мать, а дальше, какую захочешь жизнь, ту и выбирай.

Незнакомец привел меня в бескрайнюю райскую долину. Там росли разнообразные деревья неописуемой красоты и очарования, их ветви прогибались от обилия всевозможных плодов. Мы шли вместе с ним, и вдруг нам навстречу вышел мой отец. Он обнял меня и стал целовать, называя любимым чадом. А я лишь слегка прикоснулась к нему и попросилась остаться у него.

— Пока это никак невозможно, — сказал он. — Но если ты пойдешь по моим стопам, то весьма скоро окажешься здесь.

Я же продолжала настаивать, но ангел взял меня крепко за руку и сказал:

— Пойдем. Теперь посмотрим на твою мать, чтобы ты на деле поняла, какой образ жизни предпочтительнее.

Он привел меня в громадное, совершенно жуткое здание, наполненное зубовым скрежетом, суматохой, и показал печь, в которой полыхал огонь, и каких-то страшилищ, суетившихся вокруг нее. Вглядевшись, я увидела в самой печи свою мать, охваченную пламенем по самую шею, и грызших ее бесчисленное множество червей. Бедняжка от боли только стучала и скрежетала зубами. Она заметила меня и закричала сквозь рыдания:

— О, горе мне, чадо! Какая невыносимая боль. О горе! Какие нескончаемые муки! Горе мне, несчастной! Из-за ничтожных наслаждений я обрекла себя на такие муки. Горе мне, беспутной! За временные наслаждения я осуждена на вечные истязания. Но, дитя мое, помилуй меня, твою родную мать, горящую и тающую. Вспомни, что я тебя вскормила, скалься надо мной, протяни мне руку и выведи отсюда.

Но мои спутники не дали мне этого сделать, даже подойти к ней ближе, хотя она, заливаясь слезами, умоляла:

— Чадо мое, помоги мне, не отвратись от рыданий родной матери, не презирай так жестоко истязаемую гееннским огнем и пожираемую, неусыпающим червем.

Я жалела ее всей душой и протянула было руку, чтобы вытащить оттуда. Но огонь чуть только лизнул мою руку, как я вскрикнула от нестерпимой боли, заплакала и зарыдала. От боли и собственного крика я проснулась, разбудив всех домашних. Они сбежались ко мне, зажгли светильники и долго не могли понять, почему я так горько рыдаю.

Когда я осознала, к чему был этот сон, то рассказала им, что видела и, конечно, возлюбила житие отцовское и молюсь, чтобы достичь и сподобиться той же доли, что и он. Сами дела известили меня благодатью Божией, какая честь и какая

слава уготована избравшим праведную и благочестивую жизнь и какие муки ожидают тех, кто сами всю свою жизнь губят сладострастием.

Г. Из Григория Двоеслова

Божий человек Венедикт, как-то сидя в своей келье, поднял глаза и увидел, как душа преподобной родной сестры его, выйдя из тела, возносилась в виде голубицы на небо. Сорадуясь такой сестриной славе, он воздал благодарение всемогущему Богу в песнопениях и хвалениях, сказал о ее смерти братии и велел им перенести честное тело покойной в монастырь, ибо место, где подвизалась эта дева, было не так далеко от монастыря. Братья послушались его и, найдя ее скончавшейся, перенесли святые останки и положили в гробницу, которую Божий человек Венедикт подготовил для себя. Мысленно они с сестрой были едины в Духе Святом, и святые тела их и после смерти обоих оказались тоже неразделенными.

2. Однажды, когда братья уже спали, Венедикт встал на ночную молитву у окна и молился всемогущему Богу. Была глубокая ночь. Внезапно ночную тьму озарил свет. Он был такой яркий, что полуночный мрак рассеялся, и вокруг стало светлее, чем днем. И преподобный, как потом он сам рассказывал, увидел и проследил чрезвычайно поразительное таинство: перед его взором предстал весь мир, собранный как бы в одном солнечном луче. Достопочтенный авва устремил пристальный взгляд на блеск небесного света и увидел душу епископа Капуи¹ Германа, возносимую ангелами на небо, как бы в светящемся шаре. Утром отец Венедикт послал в Капую

¹ Капуя (Саруа) – древний город Италии, столица провинции Кампания. Известен в истории как место битвы Ганнибала с римлянами, которых Ганнибал разгромил в 216 г до Р.Х. Христиане появились в Капуе рано. Уже при Константине Великом там была базилика святых апостолов. Город был разрушен в 840 г. по Р.Х. сарацинами. Его руины использовались при постройке современной Капуи в 4 км. северо-западнее старого города.

расспросить о владыке и узнал, что святой Герман скончался именно в тот самый момент, когда Венедикт видел вознесение его души на небо.

Петр: Чудное и весьма поразительное для меня явление. Но твои слова о том, что Венедикт увидел весь мир, собранный как бы в одном солнечном луче, не понятны мне. Ведь никто никогда не видел ничего подобного. Я не могу себе представить, как человек мог увидеть сразу весь мир.

Григорий: Послушай, Петр, внимательно, что я тебе скажу. Когда душа созерцает Творца, тогда вся вселенная видится ей маленькой, ибо при созерцании божественного света душа настолько сильно увеличивается в самом уме и настолько сильно расширяется и раздвигает границы своей сущности, что становится выше любой твари. Когда же она достигает такого состояния и видит самую себя, насколько она возросла, тогда осознает, как она была мала, когда пребывала в жалком теле, и не могла ни думать, ни созерцать. Что же тут удивительного, если этот муж, пребывая в сиянии божественного света, сам был им настолько сильно увеличен и расширен, что увидел весь мир как бы плотно сжатым перед собой. Однако это вовсе не означает, что небо и земля слились в одну точку. Однако его ум, тем мысленным светом восхищенный и вознесенный к Богу, сильно расширился и потому с легкостью созерцал то, что видел, поскольку всякая сущность пребывает в Боге. И в этом свете, что сиял перед телесными глазами святого, внутренний свет озарил его мысленный взор. И в этом свете он увидел и душу, возносимую на небо, и то, насколько тесен мир, лежавший внизу.

Петр: Согласен.

Григорий: И вот, когда этому святому мужу пришло время оставить временную жизнь и отойти к Богу, он заранее предупредил о дне своей кончины учеников, тех, кто был рядом, и тех, кто находился далеко. При этом последним он передал,

что, когда его душа будет разлучаться с телом, они увидят знамение. За шесть дней до кончины он велел открыть свою гробницу. Тут же у него начался жар. Шесть дней его тело боролось с горячкой. На седьмой он попросил учеников взять его и перенести в молельню. Они перенесли его туда, и он приобщился Пречистых Тайн. Ученики подняли умирающего и, поддерживаемый ими, авва воздел руки к небу. Так, подняв взор свой горé и молясь, он предал дух свой.

В тот же час два его ученика (один безмолвствовал в келье, а другой находился далеко от тех мест) увидели одно и то же видение. И тому и другому было явлено, будто от кельи преподобного до самого неба на востоке идет чудная дорога, устланная блестящими одеждами и шелками, и по ней чинно шествуют дивные мужи со светильниками в руках. Один из этих мужей, светлый лицом и в блестящем одеянии, остановился возле учеников и спросил:

— Знаете ли вы, чья эта дорога, которой вы восхищаетесь?

Они ответили, что не знают.

— По этой дороге, — сказал муж, — восходит на небо возлюбленный Богом Венедикт.

Когда они пришли в себя после этого видения, тот и другой поняли, что их святой отец умер, и увидели это так ясно, как если бы сами присутствовали при его кончине.

Д. Из Патерика

Авва Макарий Великий рассказывал, что однажды, идя по пустыне, он нашел череп мертвеца на земле. Старец, тронув его пальмовым посохом, спросил:

— Кто ты?

И услышал в ответ из черепа:

— Я был главным жрецом у идолопоклонников и язычников, живших в этом месте. Когда ты, духовносный авва Макарий, жалеешь мучающихся в аду и молишься о них, они чувствуют некоторое утешение.

Авва Макарий спросил:

— Что же это за утешение?

— Насколько небо отстоит от земли, — был ответ, — столь велик и огонь под нами. Мы стоим, с ног до головы объяты пламенем, и не видим лиц друг друга, потому что привязаны спина к спине. Когда же ты помолишься о нас, то частично мы видим лица друг друга. В этом наше единственное утешение.

Услышав это, старец горько заплакал и сказал:

— Несчастный день, в который родился этот грешник. Лучше б ему совсем не родиться, как Господь сказал об Иуде (См. Мф 26, 24).

Он снова спросил:

— А нет ли другого более тяжкого мучения?

Череп ответил:

— Под нами еще более страшное мучение.

Старец спросил:

— Но кто же может находиться там?

Череп ответил:

— Мы не ведали Бога и потому еще несколько помилованы, а познавшие Бога и отрекшиися от Него и не творившие волю Его ниже нас, их муки еще страшнее.

После этого старец взял череп, закопал его в землю и пошел своим путем.

Да убоимся, услышав эту повесть. Если мучения отрекшихся от Бога страшнее, чем самых неверных, будем следить за собой, чтобы нам не отречься от Господа вершением дел тьмы и тем самым избежать такого страшного воздаяния. Ведь отречься можно не только делом или словом, но и любыми нечестивыми деяниями, даже тем, что человек исповедует Бога только на словах и лишь для видимости. Свидетель тому будет нам апостол, сказавший: *Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит 1, 16).

2. Брат Господень Иаков сказал: *Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но оболь-*

щает свое сердце (тем, что полагается на веру), *у того пустое благочестие* (Иак 1, 26), *ибо вера без дел мертва* (Иак 2, 26). Справедливость этих слов совершенно очевидна. Сам Бог предупредил через пророка: Горе тем, через кого *имя Мое бесславится* (Ср.: Ис 52, 5). Ведь нас называют народом Божиим, Его святым уделом и тому подобными именами. А мы своими бесчестными делами оскорбляем Бога и поступаем так, что наше доброе имя поносят неверующие. Разве за это не заслужили мы наказания как виновники этой хулы и бесчестия, причем, наказания страшнее, чем неверующие? Кроме того, Сам Спаситель, справедливый и непогрешимый Судия, сказал: *Тот, который знал волю господина своего... и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал... и не сделал, бит будет меньше* (Ср.: Лк. 12, 47-48).

Так что устрашимся этого, братья, и станем подвигаться по мере сил, сколько даст Господь, и доказывать нашу веру делами и совершать поступки во славу Божию, чтобы люди, глядя на нас, прославляли Препрославленного.

3. Как-то авва Силуан сидел вместе с братьями, пришел в исступление, пал ниц, но вскоре поднялся и заплакал. Братья спросили:

— Что с тобой, отче?

Он молчал и только плакал. После долгих уговоров наконец ответил:

— Я был восхищен на суд Божий и видел, что многих монахов уводят в ад, а многие миряне идут в Царство Небесное.

С тех пор старец постоянно скорбел и уже больше не выходил из своей кельи. А если против воли ему приходилось покидать ее, то он закрывал свое лицо куколем.

*О том, что душа после
исхода из тела проходит
ужасные мытарства
в воздухе: злые духи
встречают и мешают
ее восхождению*

10

A. Из жития Антония Великого

днажды святой Антоний, встав около девятого часа помолиться перед вкушением пищи, почувствовал, что его ум пришел в исступление. И самое удивительное, он увидел самого себя как бы со стороны, будто он вышел из собственного тела и какие-то люди поднимали его в высоту, а некие страшные мрачные чудища остановили его. Антониевы провожатые заспорили с ними, но те сказали, что Антоний им много задолжал, начиная со дня рождения, но его спутники возразили:

— Что было от рождения его, то изгладил Господь. Ведите счет с того времени, как он стал монахом и дал обет Богу.

Тогда страшилища принялись обвинять его, но доказать ничего не смогли, и пришлось им пропустить его. И тотчас он увидел, что опять возвращается в самого себя и становится прежним Антонием. После этого, забыв о вкушении пищи, остаток дня и всю ночь он плакал и молился. Его потрясло, как много врагов борется с нами и как трудно пройти воздушное пространство. Тогда святой вспомнил, что именно об этом говорил апостол Павел: *по воле князя, господствующего в возду-*

хе (Еф. 2, 2). Господство врага в том и состоит, чтобы бороться и не пускать души, которые возносятся к небу! Вот почему апостол советовал: *Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злый* (Еф 6, 13), то есть, чтобы враг не мог сказать о вас ничего плохого и был посрамлен.

2. В следующий раз святой Антоний повел беседу с пришедшими к нему (братьями) о состоянии души после смерти и о месте, куда она попадает. После этого ночью он услышал глас свыше:

— Антоний, встань, выйди и смотри.

Он вышел (ибо понимал, что должен повиноваться) и, подняв свой взор, увидел перед собой нечто безобразное, страшное и высокое, которое головой касалось облаков, и еще увидел другие крылатые создания, поднимавшиеся вверх. Гигант останавливал их, поднимая руки и преграждая им путь. Одни задерживались, другие пролетали мимо и направлялись дальше своим путем. Великан скалил зубы им вслед и злорадствовал, когда повергал кого-нибудь вниз. И Антоний снова услышал глас:

— Разумей то, что ты увидел.

И тут ему открылся смысл видения. Он понял, что это восхождение душ, а великан — дьявол, завидующий верующим. Он останавливает тех, кто в его власти, и не пропускает их дальше, а тех, кто ему не подвластны, он не может задержать, потому что они пролетают выше него. Увидев это и припомнив прежние видения, авва принял с еще большей ревностью совершение своих ежедневных подвигов.

Б. Из Патерика

Два брата по обоюдному согласию вместе ушли в монахи. После пострига они построили себе по келье на некотором расстоянии друг от друга и стали жить отшельниками. Много лет они не видели друг друга, потому что не выходили из келий. И вот один из них заболел, и отцы пришли проведать его.

Они увидели, что больной то впадал в исступление, то снова приходил в себя. Отцы спросили:

— Что ты видел?

Тот ответил:

— Я видел ангелов Божиих. Они пришли к нам и взяли меня и брата и понесли на небо. Нас встретили вражеские силы, в неисчислимом множестве и ужасные видом. Однако как они ни старались, ничего не смогли нам сделать. Когда мы миновали их, они закричали:

— Как велико мужество у чистоты!

С этими словами брат умер. Тогда отцы послали сказать об этом его брату. Но посланный монах и другого брата нашел почившим. Отцы удивились и прославили Бога.

В. Из аввы Исаии

Возлюбленный брат! Кто погряз в делах этого бренного мира и, если они преуспевают или получают выгоду, те не думают о положенных трудах, но радуются успеху, которого добились. Насколько же сильнее, представь себе, радуется душа того, кто начал и завершил свой подвиг ради Бога? И при исходе (из тела) добрые дела будут сопровождать ее, и ангелы порадуются, что она освободилась от власти тьмы. После разлучения с телом они понесут ее, потому что все силы зла выйдут ей навстречу, чтобы завладеть ею и примутся пытать, нет ли у нее чего-нибудь такого, что принадлежит им. И тут уже не ангелы борются с нечистью, но сами дела, которые она совершила, защищают ее от духов злобы и не дают им завладеть ею. Если ее дела победят, то небесные посланники с пением отводят ее туда, где она с ликованием увидит Бога. В такой миг она забывает обо всем, что в этом мире, и о всех своих мучениях. Блажен тот, в ком князья тьмы не найдут ничего своего, и его радость, честь и покой станут безграничны.

Давайте по мере наших сил плакать перед Богом, дабы Он по своей благости смилиостивился над нами и ниспослал нам

помощь, чтобы и мы могли добиться победы над князьями тьмы, подкарауливающими нас впереди. Позаботимся и о том, чтобы с сокрушенным сердцем обрести стремление к Богу и простоту, что избавляет нас от рук духов, когда они выступят против нас. Возлюбим любовь к нищете — она спасет нас от сребролюбия, когда оно выступит против нас! Возлюбим мир со всеми, малыми и великими, — он спасет нас от ненависти, которая выйдет против нас! Проявим терпение во всем — оно сбережет нас от равнодушия, которое выйдет против нас! Возлюбим всех наших братьев, ни к кому не питая ненависти и никому не воздавая злом за зло! Это избавит нас от зависти, которая выйдет против нас! Возлюбим смиренномудрие, с терпением принимая всякое слово ближнего, даже если он ударил нас или оскорбил — это избавит нас от гордыни, которая выйдет против нас! Станем уважать честь ближнего, никого не укорять и не унижать — это избавит нас от клеветы, когда она выйдет против нас! Отвергнем желания этого мира и его почести, чтобы спастись от злословия, когда оно выйдет против нас! Приучим себя к постоянному богомыслию, правде и молитве, дабы уберечься от лжи, которая выйдет против нас! Ведь все это станет препятствием для души, когда она покинет тело, а добродетели, если она обрела их, облегчат ей путь. Всякий мудрый человек захочет вручить свою душу смерти, чтобы избавиться от всего этого. Так приложим к этому и мы все наши усилия, и Господь наш Иисус Христос, а сила Его велика, поможет нашему смирению. Ибо Бог весть, слаб человек и потому Он дал ему покаяние на все времена, пока душа еще в теле, до последнего вздоха.

Г. Из Патерика

Блаженный архиепископ Феофил говорил:

— Братья! Какой страх и трепет и какие муки испытывает душа во время отделения от тела и после отделения! Ибо предстанут перед ней все начала и власти тьмы и предъявят все ее

вольные и невольные грехи от рождения до последнего часа, когда она выходила из тела, и начнут злобно обвинять страдалицу. Святые силы противостоят духам, лицом к лицу, и в оправдание приведут те благие дела, какие душа совершила. Каякая дрожь и смятение тогда охватят бедную на таком страшном и непогрешимом суде в столь грозной обстановке! Невозможно ни словом выразить, ни умом постичь тот ужас, который потрясет душу, пока не вынесут решения о ней и она не освободится от задержавших ее. Такие мытарства будут продолжаться до тех пор, пока праведный Суд не вынесет ей приговора.

Как только она получит свободу, ее обвинителей немедленно постигнет позор, душу у них заберут и возведут в неизреченную радость и славу, в которых она отныне пребудет. Но если за нерадивую жизнь ее сочтут недостойной освобождения, тогда она услышит горький приговор себе: Да возьмется нечестивый и не будет взирать на величие Господа (Ср.: Ис 26, 10). Тогда наступит для нее день гнева, день плача и нескончаемой скорби: брошенная во тьму кромешную, низвергнутая в ад и осужденная на вечный огонь, она будет страдать в нем веки вечные. Тут (она поймет:) где мечты и блеск этого мира? Где тщеславие, роскошь и удовольствия пустой и суэтной жизни? Где деньги? Где знатность? Где мать и отец, братья и дети? Кто из них может избавить твою душу от пожирающего огня и других невообразимых ужасных наказаний и мучений?

*О том, что после смерти
каждый окажется вместе
с себе подобными*

11

А. Из Григория Двоеслова

б избранных в Евангелии сказано: *В доме Отца Мое-го обителей много* (Ин 14, 2). Ведь если бы все пра-ведники получали в блаженной вечности одинаковое воздаяние, то там была бы одна обитель, а не много. Много же их потому, что избранные размещаются в них по своим до-стоинствам, дабы вместе радоваться о своей праведности. Все наследники многих обителей получают по динарию (Ср.: Мф 20, 1-16). Это означает, что блаженство одно и все наследни-ки пользуются им. Однако (там) одна и та же плата имеет раз-ную цену за разные дела.

Что же до грешников, то о судном дне над ними Господь ясно сказал: Тогда Я скажу жнецам: *соберите прежде плеве-лы и связите их в снопы, чтобы сжечь их* (Мф 13,30). Это означает, что жнецы, т. е. ангелы, связуют грешников с себе подобными (жгутами) истязаний (как снопы): гордых с гор-дыми, блудников с блудницами, сребролюбцев со сребролюб-цами, лжецов с лжецами, завистников с завистниками, неве-рующих с неверующими — и отправят всех на мучительное сожжение.

2. Петр: Хотелось бы знать, почему в последние времена открывается много такого, что раньше было скрыто от нас? Может быть, для того, чтобы через эти явные откровения показать нам будущий мир?

Григорий: Именно так, как ты думаешь. И чем ближе конец этого мира, тем ярче в очевидных знамениях открывается пришествие грядущего. В нынешнем веке мы не в состоянии читать мысли друг друга, а в будущем будем видеть, что на сердце у каждого. Этот мир подобен ночи, а будущий — дню.

Когда ночь рассеивается и брезжит утро, то перед восходом солнца свет и тьма неуловимым образом сливаются — ночная мгла уже растаяла, а свет нового дня еще не окреп. Вот так же и конец этого мира: он уже смешался с зарей будущего, и то, что не было видно здесь, подчас проявляется, смеясь с духовным миром. Поэтому (только теперь) мы начинаем понимать многое в нынешнем мире, но пока не все еще ясно окончательно — ум видит вещи как бы в полусвете, точно в предрассветной мгле.

Б. Из жития святого Евфимия (Всехвального)

Когда преподобный отец наш Евфимий почил, его изможденное многими подвигами тело с благоговением отпели и похоронили в гробнице. После него остался Дометиан, великий ученик великого учителя. Он был верным и преданным продолжателем его святой жизни и прослужил ему более пятидесяти лет. После погребения Евфимия Дометиан остался у гробницы и не покидал ее шесть дней. Жизнь ему была не в жизнь, и даже белый свет казался не мил без учителя. А на седьмой день ночью ему явился с радостно сияющим лицом сам Евфимий и сказал:

— Приди и вкуси уготованной тебе славы — Бог даровал нам и в будущей жизни быть вместе.

Тогда Дометиан пошел на собрание братии и рассказал им об этом, а потом и сам в надежде на будущие блага с радостью оставил эту жизнь.

В. Из аввы Исаака

«Многими обителями Отца» Спаситель называет меру разумения тех, кто живет в ином мире. То есть имеется в виду различное восприятие ими благодати. Спаситель назвал «многими обителями» различие мест не по местонахождению, но по степени благодатных даров. Каждый из нас наслаждается чувственным солнцем в зависимости от чистоты своего зрительного восприятия, хотя оно не разделяется на множество световых источников, но светит всем одинаково. Так и праведники в будущем веке: все они пребывают в одном месте, но каждый воспринимает свет и радость мысленного солнца и наслаждается им по мере собственной чистоты, то есть настолько, насколько способен вместить.

Г. Из Григория Двоеслова

Петр: Думаю, досточтимый владыко, что раз человеческий род погряз в неисчислимом множестве страстей, то Небесный Иерусалим по большей части будет населен младенцами.

Григорий: Это верно, что все крещеные дети и умершие новорожденные входят в Небесное Царство. Однако не все из начавших говорить попадают туда, потому что многим детям закрывают вход в рай собственные родители, когда дурно воспитывают их. Три года назад у всем известного в нашем городе мужа был сынишка, кажется, лет пяти. Отец чрезвычайно по-плотски любил его и баловал. Если ребенку было что-нибудь не по душе, то он по своему обыкновению начинал (даже страшно сказать!) хулить величие Божие.

Три года назад, когда в городе случился мор, мальчик заболел и уже был при смерти. Отец все время держал его на руках. По словам очевидцев, ребенок увидел злых духов, которые пришли за ним. От страха он задрожал и, закрыв глаза, закричал:

— Папа, спаси меня, спаси!

Так кричал он, уткнувшись лицом в отцовскую грудь, словно желая спрятаться в ней.

Отец, увидев, что его колотит дрожь, спросил, что он видит, и тот ответил:

— Черные люди пришли и хотят забрать меня.

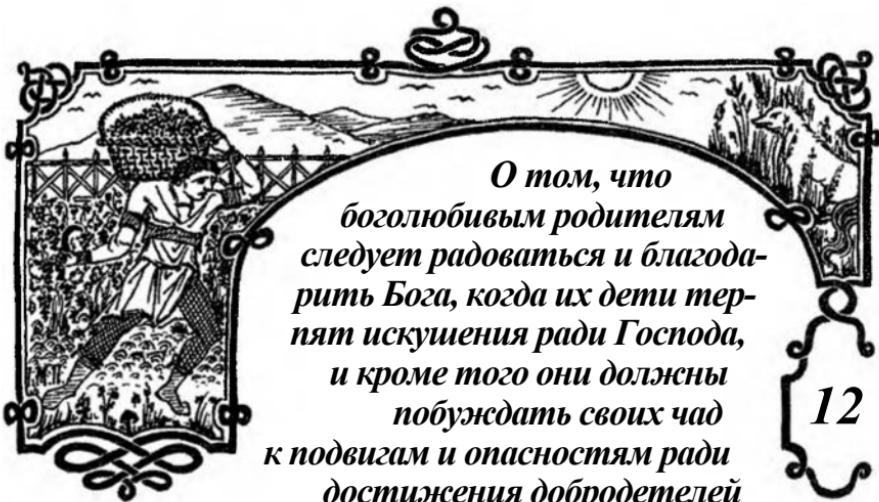
После этих слов он опять произнес хулу на имя Всемогущего и тут же испустил дух.

Всемогущий Бог попустил, чтобы ребенок умер с таким грехом, чтобы было очевидно, за что он отдан мучителям. Отец не хотел останавливать его, когда тот был жив, и мальчик рос богохульником, а Бог долго терпел. По праведному суду и Божьему попущению он умер с богохульством на устах, чтобы отец понял грех сына, ибо своим небрежным отношением к душе маленького ребенка он воспитал не маленького, но страшного грешника в пищу гееннскому огню.

Д. Из Патерика

Старцы советовали: «Братья, наказывайте своих чад, чтобы они потом сами не стали для вас наказанием».

О том, что

*боголюбивым родителям
следует радоваться и благодари-
ть Бога, когда их дети тер-
пят искушения ради Господа,
и кроме того они должны
 побуждать своих чад
к подвигам и опасностям ради
достижения добродетелей*

12

А. Из повести об избиении святых отцов в Синае и Раифе

дин подросток оказал мужественное сопротивление варварам и был убит в своей келье, где подвизался.

Весь покрытый ранами, он не покинул келью и не снял с себя монашескую одежду, хотя варвары обещали ему жизнь, если он сделает то или другое. Юный монах не склонился перед варварами и мужественно встретил смерть. Его отвага стала примером для многих.

Мать подростка, узнав об этом, на деле доказала, что в жилах ее и сына текла одна кровь и что она его истинная родительница. Она оделась по-праздничному и с сияющим от радости лицом вознесла руки к небу и обратилась к Спасителю Христу с такими словами:

— Тебе, Владыко, вверила ребенка я, и он теперь спасен Тобой отныне и до века. Тебе вручила сына моего и избрала Тебя хранителем подростка, чтоб Ты поистине сберег его живым и невредимым. И думаю я не о том, что он расстался с жизнью, но избежал, родимый, всякого греха. И не о том, что тело его в ранах и что умер он мучительною смертью. Но

лишь о том, что сохранил он душу чистой, непорочной и светлый дух свой предал в Твои руки.

И чту его я раны, как награды, и страшные удары, как венцы. О! Если б больше ран вместило твое тело, то больше б и наград досталось тебе, сын! Ты возвратил мне долг, что я носила тебя в чреве, страдала в муках родовых, за то, что я кормила тебя грудью и растила.

Да, подвиг твой. И я, как мать, к судьбе твоей причастна. Подростком ты столкнулся с яростью варваров, а я — с жестокостью природы. Ты смерть презрел, а я — душевные страданья. Ты стойко встретил убиенье, я же — мученья схваток родовых. Мои мучения не меньше, но равны твоим.

Ты победил ужасные мученья. Мои ж страданья бесконечны, и в этом преимущество мое. Да, смерть твоя мучительна была — ты через час уже скончался. А мое горе — до скончанья дней. Я пронесу его достойно, по завету мудрых. Я знаю, ты теперь на Небе и наслаждаешься же истинною жизнью. Ты мой заступник перед Богом и защитишь меня до старости моей, когда она, как тот сосуд скудельный, разобьется, и отойду я в будущие веки.

Блаженная средь матерей, я воспитала воина Христова. Блаженна я вдвойне, и потому дерзаю возносить хвалу от всего сердца Богу. Мой сын, ты отошел к Нему и в радости неиссякаемой пребудешь рядом с Ним ты вечно.

Б. Из жития священномуученика Клиmentа, епископа Анкирского

Святому Клименту выпало трудное детство. Когда он был совсем младенцем, умер отец. Его родительница, оставшись без мужа, свои надежды после Бога возложила на сына и отдала много сил, чтобы быть для него не только матерью, но и отцом и воспитателем. Вот в таких условиях растила и воспитывала его любящая мать. Почувствовав близость своей кончины, она ласково обняла и прижала к себе ребенка, которому

еще не исполнилось и десяти. Для нее было важнее всего, чтобы после нее сын получил не фамильное добро, а унаследовал сокровище небесное. Нежно целуя его, она дала ему последние наставления:

— Дитя мое, дитя мое милое, сыночек! Ты познал сиротство, даже не увидев родного отца. Но Господь стал твоим Отцом и твоим богатством — вот каким счастливым обернулось твое сиротство. Я произвела тебя на свет телесно, а Христос породил тебя Духом. Познай своего Отца. Не посрами звания сына. Служи только Христу. И верь лишь одному Ему. Он истинное бессмертие. Он спасение. Ради нас Он снисшел с небес, возвысил и нас до Себя и сделал Своими сынами и богами. Кто вверит себя Владыке, тот избежит всяческих бед и не только одолеет идолопоклонников тиранов и царей, но и посрамит самих демонов, которым они поклоняются, и самого их главаря и начальника дьявола.

При этих словах ее глаза наполнились слезами. Божественной благодатью перед ее взором предстало будущее, и она пророчески сказала:

— Прошу тебя, милое дитятко, очень прошу: ничего мне не надо — только не откажи мне в радости. Времена сейчас трудные, верующие страдают от безбожных гонений. Я хорошо знаю — и тебя приведут, как сказал Господь, к владыкам и царям за Него. Но ты, сыночек, не посрами меня: стой твердо за Бога и храни исповедание мужественно, до конца. Я уповаю на моего Христа, сладкий мой, уповаю, что и твою головушку Он скоро украсит мученическим венцом.

— Так что готовься, — продолжала она. — И пусть твоя душа преисполнится мужества, чтобы в нужный час не оказаться не готовым к борьбе. Это не какая-то борьба со случайностями или драка с первым встречным. Тут противники иные — сам лукавый с приспешниками и прислужниками. А цель борьбы — вечная жизнь и слава или нескончаемый позор и адские муки. Словом, впереди у тебя радости победы или ужасы поражения.

Какой позор, сынок, что воины охотно умирают за царя, такого же смертного и такого же раба, как они сами, а мы не готовы отдать жизнь за Царя бессмертного. А ведь воины не получают от своего царя ничего достойного их самопожертвования, да и какие дары сравнимы с жизнью и какая от них польза мертвым? А вот если ты умрешь за нашего Владыку всех Христа, то, вместо временной жизни, удостоишься вечной; вместо тленных радостей, славы и богатства, насладишься вечным блаженством. Ведь если мы не умрем сейчас, потом все равно не избежим смерти и оплатим все свои долги. Но, как ни говори, кончину ради Христа в сущности и смертью назвать нельзя, потому что радостные надежды на будущие блага всегда выше ощущений конца.

Прежде всего, дитя мое, тебе следует подумать вот о чем. Создатель всякой твари и Творец нашего рода стал ради нас человеком, сошел на землю и жил среди людей. Скажу больше, ради нас, неблагодарных рабов, Владыка был осужден на смерть, бичеван и распят. Все это Он претерпел ради нас и ради нашего спасения, чтобы уничтожить рабство греху, упразднить прежнее осуждение и снова открыть нам двери рая.

Как же нам, мое дитятко, не благодарить Его, ведь Он, будучи таким Владыкой, ради нас смело отдал Себя на такие мучения и даже неминуемую гибель, а мы не хотим пострадать ради Него хотя бы немножко? Не забывай об этом, сыночек, и пусть ничто не отлучит тебя от любви Христовой: ни угрозы начальников, ни пытки, ни страх перед временными земными царями. Их гнев исчезнет вместе с их величием, огонь угаснет, а ржа съест их меч. Ты же стремись к благам, уготованным мученикам, и наградой тебе станет Небо, предназначеннное для них.

Так весь день матушка укрепляла его, и ее устами говорил сам дух мудрости. К тому же и ребенок был уже не по годам понятлив, и ее наставления глубоко западали ему в душу.

— Таков твой сыновий долг, мальчик мой, — добавила она, — верни его своей матери. Он станет мне наградой за родовые муки, сладкий мой, потому что мать, по слову Павла, спасается через чадородие (1 Тим 2,15) и прославляется своим сыном. Вот, сыночка, я уже с помощью благодати ухожу (она сказала так, потому что почувствовала свой конец) и завтра утром уже не увижу белого света. Теперь ты мой свет во Христе и жизнь. Умоляю тебя, сердце мое, не обмань моих надежд.

В свое время, — продолжала она, — одна еврейская женщина воспитала семерых сыновей-мучеников и благодаря им удостоилась венца¹. Ты же один у меня и ты прославишь меня. Блаженна я средь матерей, потому что прославлюсь тобой. Я ухожу раньше тебя, сыночек! И уже больше никогда не увижу тебя телесными глазами, ненаглядный мой. Но помни, и после моей смерти моя душа останется связанной с твоей навеки. И вместе с ней склонюсь перед алтарем Христовым, как причастница той славной твоей борьбы, ран и страданий и твоего светлого торжества.

Такими словами блаженная мать наставляла сына, покрывая его нежными поцелуями и все время приговаривая:

— Целую мученика, который отдаст свою жизнь за Христа.

Так обнимая и ласково разговаривая с ребенком, она получила блаженным сном на руках любящего сына, отдав свою душу Богу.

Как любящий сын любящей матери, он предал ее тело земле и сразу же ушел в отшельники, по заповеди матери отрекшись от мира ради Христа, чтобы затем за Него и умереть. И с той поры всю свою жизнь он питался одной чечевицей в память о трех отроках, которых пост сделал неприступными для огня страстей и неуязвимыми для пламени чувственной печи.

¹ Имеется в виду святая Соломония и ее сыновья (их память отмечается 1 августа).

В. Из жития святого Алипия

У великого Алипия сердце воспыпало любовью к Богу. Он узнал, что необходимо сделать в настоящей жизни, чтобы постоянно пребывать в единстве с Тем, о Кому мечтаешь, чтобы всем умом созерцать Его и в чистоте слиться с Ним воедино. Для этого, как ему сказали, нужно отречься от всего, удалиться от друзей, родных, знакомых и даже родительницы своей и избрать благо отшельничества. И эти свои мечты он поверил одной родной матери.

— Матушка, — сказал он, — мне страсть как хочется уйти на восток¹. Отпусти меня — там многие, избравшие путь исихаста, достигали боголюбивой и блаженной жизни. Собери меня в дорогу и не откажи мне в твоих молитвах.

Услышав это, она не стала, как все женщины, жаловаться на свое вдовство, ни на свое одиночество, ни на то, что такой добрый сын оставляет ее одну, хотя это невыносимо для матери. Она даже словом не обмолвилась, чтобы отговорить ребенка от дорогого ему намерения. (Ибо желания сына для нее были дороже собственных, и ей самой хотелось поступить так, как для него полезнее всего). Подняв взор и воздев руки к небу, она весь свой ум сосредоточила на молитве.

— Иди, дитя мое, — сказала она, — иди туда, куда влечет тебя дух. Я вручаю тебя Богу, Которым мы живы. Да ниспошлет Он от Своего Лица ангела тебе и направит по Своей воле, *пошлет тебе помошь от святого и от Сиона заступит тя* (Пс 19, 3), *облечет тебя в броню правды и шлем спасения дарует тебе* (Ср.: Еф 6, 17). Ярче полуденного света воссияет праведность твоих дел, потому что ты возлюбил Владыку больше родителей и отечества.

¹ Т. е. туда, где жили исихасты, монахи-подвижники, наложившие на себя обет молчания.

Так говорила истинная мать своего сына. Добродетель в ней была сильнее природы, и она считала недостойным поступать или говорить иначе.

После молитвы мальчик обнял ее, а она нежно прижала к себе свое милое дитя, из их глаз полились горячие слезы. На прощанье они расцеловались, мать вернулась к себе домой, а сын пошел тем путем, о котором мечтал. Однако через несколько дней, когда стало известно о его уходе, все, как и следовало ожидать, перепугались за него. Предстоятель местной церкви, как только услышал новость, не мешкая отправился за ним в погоню и настиг его в Евхайте¹ в день памяти мученика Феодора. Епископ принял со слезами уговаривать юного подвижника вернуться к матери, даже сказал, что во сне ему был глас Божий, который велел юноше не впадать в отчаяние из-за того, что он не дошел до цели. «Ибо всякое место свято, — сказал Явившийся, — где хоть один человек будет жить свято». Так милостью Божьей этот сладчайший плод снова возвратился в отчий дом на родную землю.

После возвращения юноша сразу же отправился на одну из гор, лежавших к югу от города, и, затворившись в небольшой хижине, предался подвижническим трудам. Так он провел некоторое время и успел укрепиться в подвигах добродетели. Все же жизнь в низине, на земле, совершенно не удовлетворяла его. Юношу все время влекло ввысь, ибо он всегда всей душой стремился к Небу и Богу.

Как-то у одной из гробниц Алипий увидел невысокую колонну. Он взял немного досок, закрепил их на ее верхушке и тем самым оградил себя от всякой непогоды. Эти работы делались не без помощи матери, которая и тут не оставила его. Но ангело-подобная жизнь святого взбесила злых духов. Выстроившись

¹ Евхайта — небольшой город в Малой Азии северо-западнее Амасии, где в те времена находилась кафедра митрополии. В этом городке родился Феодор Стратилат. Ныне турецкий город Меджит-Узу.

в фалангу, они принялись метать в Алипия здоровенные камни. Им удалось проломить крышу сооружения и разбить несколько досок. Один весьма увесистый камень попал подвижнику в плечо и больно ранил его. Дабы показать бесам, что их козни для него — детская забава, подвижник утром после молитвы взял у матери тесло, совсем разбил крышу и сбросил доски на землю.

— Это, — сказал он, — чтобы камням ничего не мешало падать.

Мать, как только услышала треск досок и увидела, как они падают сверху на землю, схватилась за голову.

— Что случилось, сынок! — воскликнула она. — Зачем ты разломал свою единственную кровлю? А придет зима? А начнутся проливные дожди? А палящие лучи солнца — ведь они жгут, как огонь?

— Ну и что, мама, — ответил ей преподобный. — Разве не стоит померзнуть здесь, чтобы не попасть в жару там? Здесь потерпеть дневной зной, чтобы там не угодить в вечный огонь? И разве можно как-то иначе удостоиться воздаяния за наши труды?

Так святой убедил мать разрешить ему не только сломать укрытие, но и снять верхнюю одежду. Она не проявляла своей жалости к сыну, хотя сильно любила его, потому что видела, что он страдает за Христа. Ибо она презрела свое естество, и Бог для нее был дороже родной крови.

Вот вам пример истинной матери, которая (всем сердцем) любит своего сына; сына, который радуется боголюбивой матери; и семьи, которая прославляет Бога! Как не благословлять такой плод благочестия! И как не назвать счастливым древо, приносящее такие плоды! Итак, кроме своих прочих добродетелей, мать, как я уже говорил, осталась при сыне. Чтобы заботиться о нем, она рядом соорудила шалаш, откававшись от обычных удобств. Тем не менее женщина так радовалась всему, как если бы жила в раю. Средства на пропитание

она зарабатывала трудом своих рук, обеспечивала сына всем необходимым и еще умудрялась оказывать помощь нищим.

Как-то один благочестивый человек дал ей немного денег. Она взяла их и с позволение сына пошла в город, чтобы купить все необходимое. Но по дороге она увидела нищих, ей стало их жалко, и она раздала им все. Увидев ее, сын заметил, что она идет с пустыми руками.

— А где же покупки, мама? — спросил он. — Они мне очень нужны.

— Они достались Богу и нищим, — ответила она. — Но это нам пойдет на пользу тоже. Поэтому я решила, что наше с тобой пропитание не важнее нужды нищих и не стала гневить Бога. Надеюсь, что по их молитвам мы удостоимся милости тоже.

Божий человек принял ее слова с радостью и как истинный сын благословил свою мать.

2. У дивной Софии было три дочери: Вера, Надежда и Любовь. Перед мученичеством благочестивая и боголюбивая мать утешала их, подготавливая к мукам и смерти. И во время мучений она была рядом с ними и, глядя на их страдания, ласково ободряла каждую, пока не увидела, что все дочери скончались. И она, возрадовавшись всей душой, воздала великую хвалу Богу, а через три дня и сама отошла (ко Господу) вслед за дочерьми, обняв их тела и став сонаследницей их небесной славы.

Г. Из жития святых сорока Севастийских мучеников

Святые сорок мучеников совершили подвиг: всю ночь ониостояли в озере и с непоколебимой стойкостью перенесли холод; на рассвете их вытащили на берег, чтобы перебить им ноги палицами. Мать одного из них видели их страдания. Она смотрела на своего сына. Он был самый молодой из них, и она опасалась, что юность и жизнелюбие могут пробудить в нем малодушие, и он опозорит воинское звание и честь. Мать

пристально смотрела на него и взглядом и всем своим видом старалась внушить ему мужество. Она протянула к нему руки и сказала:

— Дитя мое милое! Ты уже сын Отца Небесного. Потерпи немного, дабы стать совершенным. Не страшись пыток: сам Христос поможет тебе. Ничего страшного или ужасного больше не произойдет. Все это уже прошло. Ты все победил своей доблестью! После этого наступит радость, утешение, покой и веселье. Ты удостоишься всего этого. Будешь соцарствовать со Христом и просить Его за меня, родившую тебя!

Святым раздробили ноги, и они предали души Богу. Мучители подогнали подводы и положили на них тела мучеников, чтобы сбросить их в реку. Вдруг они увидели, что этот юноша, его звали Мелитон, еще дышит. Они не взяли его, решив оставить его в живых. Когда мать заметила, что воины не взяли только его одного, это показалось ей хуже смерти сына и ее собственной. Забыв о своих слабых женских силах и о своих материнских чувствах, она взвалила сына на спину и мужественно пошла за подводами. Для нее сын обретал настоящую жизнь лишь в том случае, если он умирал и оставлял этот мир!

Но пока мать несла его, он умер. Она исполнила свой материнский долг, и смерть сына вызвала в ее душе ликование. Она донесла тело дорогого сына до места, где уже лежали остальные мученики, и положила его со всеми вместе, чтобы он лежал с телами тех, с кем он уже соединился душой.

Между тем служители дьявола разожгли большой костер и сожгли святые тела, а потом из ненависти к христианам бросили их моши в реку. Но по Божественному замыслу спасения моши вынесло на берег, христиане собрали и сохранили их для нас как бесценное сокровище.

*О том, что отрекшийся
от мира должен быть
странником, в чем смысл
странничества, какая от
него польза и какие места
больше всего подходят
для аскетизма*

13

А. Из Отчника

авва Иаков сказал, что гораздо лучше быть странником ради Бога, чем принимать странников.

2. Авва Лонгин однажды спросил авву Лукия:

— А если моя душа жаждет странствований?

Старец ответил:

— Если не обуздаешь свой язык, то куда бы ты ни пошел, странником не станешь. А как обуздаешь свой язык, так ты уже странник.

3. Старец сказал: «Если монах знает место, где можно добиться преуспеяния, но, боясь телесных трудов, не идет туда, он не верит, что есть Бог».

4. Брат спросил старца:

— Авва, почему наше поколение не может держаться аскетизма отцов?

— Потому, — ответил старец, — что не любит Бога, не избегает людей и не возненавидело материальные блага мира. Как только человек станет избегать людей и всего материального, с этого начнется его покаяние и аскеза. Когда загорится поле,

и пожар нужно гасить и, если заранее не убрать сухую растительность на пути огня, то пожар не потушить. Так и тут, если монах не пойдет туда, где трудно даже хлеб добыть, то не сможет достичь аскетизма. Ведь душа, если ничего не видит, то ничего и не жаждет.

5. Брат спросил авву Сисоя:

— Что такое странничество, отче?

Старец ответил:

— Безмолвие и отречение от мирской суеты, куда бы ты ни пошел, — вот в чем истинное странничество.

6. Брат спросил старца:

— Что такое странничество?

— Знавал я одного странствующего брата, — ответил старец. — Как-то он попал в церковь во время трапезы и сел за стол, чтобы поесть вместе с братьями. И тут кто-то спросил:

— А этот как сюда попал?

Тогда страннику сказали:

— Ну-ка вставай и давай отсюда.

Он встал и вышел. Но другие братья сжалились над ним, пошли и привели его обратно. Потом они спросили у него:

— Что было у тебя на сердце, когда тебя прогнали, потом привели обратно?

Он ответил:

— Я положил в своем сердце: ты все равно что собака, гонят — она уходит, а зовут — возвращается.

7. Кто-то из отцов рассказал о двух монахах, которые жили по соседству с ним. Один из них был чужеземец, а другой — местный. Первый был немного ленив, а второй весьма усерден. Так случилось, что сначала умер чужеземец. А их старец был прозорлив, и ему было видение: множество ангелов возносят душу почившего. Когда брат достиг неба и подошел к дверям, возник спор о его судьбе. Тут свыше раздался глас: «Да, он был немного ленив, но за то, что он жил на чужбине, отврите ему».

Умер и второй. На похороны пришла вся родня. Старец, увидев, что подле него нет ни одного ангела, удивился, пал ниц перед Богом и спросил:

— Господи, почему же чужестранец страдал ленцой и сподобился такой славы, а этот брат, такой усердный, не удостоился ничего?

— Когда усердный брат был при смерти, — ответил глас, — открыл глаза и увидел плачущих родных, то его душа утешилась. А чужестранец, хоть и ленивый, когда увидел, что рядом нет ни одного родного лица, горько заплакал, и Бог утешил его.

Б. Из аввы Исаии

Если странничаешь ради Бога, не сближайся с местными (жителями) и в свою речь не вставляй их слов. Иначе лучше б тебе было остаться со своими родственниками по плоти. Если ты возводишь келью в известном месте, не пускай к себе всех друзей подряд. Достаточно одного на случай болезни. Не забывай о смысле твоего странничества. Если ты пойдешь и поселишься где-нибудь, не спеши сразу обзаводиться жильем и обосновываться. Сначала разузнай, какого образа жизни там придерживаются и не будет ли тебе каких-нибудь помех от соседей. А то могут найтись и заботы, и отдохновение, да и друзья начнут ходить к тебе. Если ты мудр, то за несколько дней поймешь, там смерть твоя или жизнь.

Во всяком случае странничество — первый среди всех других подвигов, особенно если ты все свое оставил и пришел на чужбину, храня совершенную веру и надежду, а сердце стойким к собственным похотям. Потому что демоны начнут вертеться вокруг тебя бесконечными кругами и пугать искушениями, ужасной нищетой и болезнями. Они примутся внушать: «Вот попадешь в такое положение: знакомых нет, некому протянуть руку помощи, что ты тогда будешь делать?» А благой Бог ста-

нет испытывать тебя, чтобы ты доказал свою ревность и свою любовь к Нему.

Ну, а если все же ты останешься один в келье, лукавые примутся внушать тебе еще более страшные помыслы. Они станут нашептывать: «Само по себе странничество не спасает человека, а только соблюдение заповедей, — и тут же напомнят тебе о тех, кто общается с миром и родней. — Что, разве они не рабы Божии?» Бесы начнут внушать тебе помыслы о капризах погоды, страх перед телесными трудностями и все прочее в таком же духе, лишь бы ввергнуть тебя в уныние.

Но если в твоем сердце есть любовь и надежда, то злоба их бессильна. Вот тогда и проявится твое устремление к Богу, ведь ты возлюбил Его более, чем телесный покой. Ты должен не только стать странником, но и подготовить себя к битве с врагами и научиться, когда нужно, обращать в бегство любого из них, пока не избавишься от нечисти и не обретешь покоя и бесстрастия.

Брат, если ты оставил все мирское и материальное, остерегаясь беса уныния, иначе из-за душевного опустошения и скорби ты не сможешь стяжать великих добродетелей. А они в том, чтобы не думать о себе, терпеть презрение и чтобы твоего имени не было ни в каких мирских делах. Если ты начнешь подвизаться, чтобы стяжать эти добродетели, то твоя душа удостоится венцов. Ибо беден не тот, кто лишь для видимости отрекся от всего и у кого ничего не осталось, а тот, в ком нет зла и постоянно жаждут только Божией памяти. И бесстрастие обретает не тот, кто скорбит напоказ, а тот, кто заботится о внутреннем человеке и отсекает свою волю, вот он и получит венец добродетелей.

Тебе нужно вовремя понять и тех, от кого тебе нет житья. Для чего это они поднимают столько шума? Чаще всего духи внушают уныние для того, чтобы ты без всякой причины сменил место, а потом раскаивался. Они поступают так, чтобы твой ум стал легкомысленным и ленивым. Однако те, кто зна-

ет их коварство не смущаются и благодарят Бога за место, которое Он дал им для смирения. Ибо смирение, терпение и любовь к трудам и тяготам делают человека благодарным. А нерадение, уныние и любовь к покою ищут место, где их ждут почести. Всеобщее уважение вредит чувствам и делает человека рабом страстей, и от самодовольства и гордыни он лишается внутренней сдержанности.

В. Из святого Диадоха (Фотикийского)

Душа не может расстаться с телом, если она не подготовлена к вознесению на небеса. А поскольку тело каждым своим чувством привязано к земному, то она противится вере, которая обещает ей блага только в будущем. Вот почему страннику и подвижнику не подобает думать о раскидистых тенистых деревьях, журчащих ручейках, цветущих полях, уютных домах и беседах со своими близкими. Он не должен вспоминать о почестях, льстящих его честолюбию. Ему следует радоваться самым необходимым и жизнь рассматривать как долгий путь, лишенный плотских удовольствий. Только обуздав свой ум, мы можем заняться поиском вечной жизни. Ибо зрение, вкус и прочие чувства, если слишком полагаться на них, лишают сердце памяти Божией.

Ева первая убеждает нас в этом. Ведь пока она не смотрела на запретное древо, то тщательно хранила Божию заповедь. Поскольку ее покрывали крылья Божьей любви, она не ощущала своей наготы. Потом, когда она посмотрела на древо с любопытством, в ней загорелось неодолимое желание. Она прикоснулась к нему, а затем вкусила от него плода с сильным внутренним наслаждением — и тут же обнаружила всю свою наготу. Ева сразу была прельщена и нагой устремилась в объятия плоти. Подчинив свою волю страсти, она предалась преходящему наслаждению, а затем и Адама втянула в свой грех, угостив его плодом, приятным на вид. С тех пор человеческий ум с трудом удерживает память о Боге и Его заповедях.

Вот почему мы и в сегодняшней жизни, постоянно заглядывая в глубины нашего сердца и всегда сталкиваясь с бесконечными напоминаниями о Боге, тем не менее, точно слепые, продолжаем спотыкаться о те же самые грехи. Ибо истинная духовная мудрость — в хранении зрения от любви к внешнему. Нас учит этому и многоопытный Иов: *Если... сердце мое следовало за глазами моими* (Иов 31,7). В этом и есть признак и основа самообладания.

Г. Из Исаака

Мир подобен блуднице, которая соблазняет своей красотой и ввергает тех, кто заглядывается на нее, в желание обладать ею. Кто хоть немного охвачен этой страстью и становится рабом ее, тот уже не в силах вырваться из рук мира до самой смерти. Мир разденет его догола и в день смерти выбросит из собственного дома — только тут человек поймет, что мир лжец и обманщик. Кто хочет порвать с этим миром иувидеть его сети, должен уйти из него. Только тогда он сможет увидеть всю его безобразность.

Д. Из Патерика

В Скифополе¹ жил один аристократ². Он совершил довольно много грехов и всячески осквернил свое тело. Но по воле Божией раскаялся, покинул мир, соорудил себе келью в пустынном месте и в тишине занялся своей душой. Кто-то из его знакомых, узнав об этом, стал постоянно присыпать ему хлеб, финики и все необходимое. Увидев это, отшельник понял, что тут ему не дадут покоя, и сказал сам себе: «Такой покой и в самом деле лишит нас покоя в будущем (в раю), хотя я и этого

¹ Скифополь — (греч. Город скифов), расположена в Палестине. Назван так, потому что его основало славянское племя скифов. В христианские времена в нем была кафедра епископа. Сейчас неподалеку от его величественных развалин расположено несколько небольших арабских поселений.

² Ταξεωτης — в греч.-рус. словаре Вейсмана это слово переводится как военачальник и аристократ.

не достоин». Он оставил келью и ушел, сказав: «Пойдем, душа моя, к скорбям. Мое — это трава, пища скотов, потому что сам я творил дела скотские».

2. Может ли человек оставить прежний образ жизни и привыкнуть к нужде и подвижничеству? Телесная жизнь требует удовлетворения потребностей, но пусть ум, насколько возможно, удерживает тело от наслаждений и расслабленности. Пусть удалит от себя все, что расслабляет. Ведь если он видит вещи, которые вызывают такое состояние, то вожделение вспыхивает в нем, как пламя. Тогда ему придется уже изо всех сил сражаться с врагами. Поэтому Спаситель наш и заповедовал тому, кто желает Ему последовать, сначала лишить себя всех вещей, отбросить всякие поводы к расслабленности и последовать за Ним. Он сам, когда начал войну с дьяволом, сражался с ним в суровой пустыне.

3. И Павел советует выйти из города, взяв Крест Христов: *Выйдем к Нему за стан, нося Его поругание* (Евр 13, 13), потому что он пострадал вне города. Когда человек отречется от мира и самого себя, то скоро забывает свои прежние привычки и недолго мучается воспоминаниями о них. Великую помощь в этой бране оказывает, когда монашеская келья бедна, без излишеств, и в ней нет ничего такого, что влекло бы к отдохновению.

Ведь когда нет условий для расслабления, человеку не нужно вести двойную брань: внешнюю и внутреннюю, то есть с чувствами и помыслами. Вот почему кто убрал от себя даже повод к наслаждению, тому проще одерживать победу, чем человеку, у которого под боком есть то, что разжигает страсти. Ведь брань происходит в каждом члене его тела, и потому лучше хранить себя и облегчить войну против самого себя.

4. Авва Пимен сказал: «Нужно избегать всего телесного, то есть того, что разжигает страсти. Когда человек на пороге телесной битвы, — это все равно что стоять на краю страшной

пропасти. Если враг захочет напасть на него, то ему будет легко сбросить его в бездну. А если он далек от телесного, то он подобен человеку, стоящему далеко от пропасти. Как бы враг ни пытался тащить его к обрыву, чтобы сбросить вниз, человек может сопротивляться и просить Божией помощи. И она скоро придет и вырвет тебя из рук врага.

5. Некто рассказал о трех трудолюбивых друзьях, избранных в жизни разные пути. Первый взялся примирять врагов, как по Писанию, *блаженны миротворцы*. Второй — посещать больных. Третий стал исихастом в пустыне и начал совершать подвиги вместе с отцами. Первый устал от бесконечных ссор между людьми, оказавшись не в состоянии угодить всем. Не выдержав, он пошел к тому, кто помогал больным. Оказалось, что и тот впал в уныние, не в силах исполнить заповедь. Тогда оба решили пойти к аскету, чтобы узнать, что полезного он извлек из подвига безмолвия. Когда они встретились с ним, то сначала рассказали ему о себе, какое бесчисленное множество скорбей каждый из них претерпел и до конца не смог довести свое дело, а затем спросили его, что ему дало безмолвие.

В ответ он налил в чашу воды и сказал:

— Посмотрите на воду.

Вода оказалась мутной. Через некоторое время он снова предложил:

— Теперь посмотрите еще раз.

Они посмотрели и увидели в воде свои лица, как в зеркале. Тогда он сказал:

— Вот так бывает и внутри человека. В постоянной суете он не видит собственных грехов. Но если оставить мир и уйти в пустынью, то можно успокоить свои чувства, и тогда станут видны собственные страсти. И тогда, если он захочет, то с помощью Божией благодати сможет себя исправить.

6. Старец сказал: «На большой дороге, где ходят и ездят, трава не растет, даже если посеешь, не взойдет. А там, где никто не ходит и не ездит, она растет. Так бывает и с нами: пока

мы живем среди мирских благ, наш ум смущают и топчут внешние заботы, и поэтому он не может познать скрытые в нас страсти. Но если он успокоится вдали от забот и треволнений, то увидит собственные страсти, как зарождающиеся, так и уже проросшие. А раньше, хотя они и будут в нем, он долгое время будет жить с ними и не замечать их».

7. Брат спросил старца:

— Хорошо ли, авва, поселиться в пустыне?

Старец ответил:

— Сыны Израиля, когда оставили свои заботы в Египте¹ и поселились в шатрах, то лишь тогда познали, как должно бояться Бога. И корабли, пока терпят бедствие в море, не приносят дохода, а только когда придут в гавань и начнут торговаться. Так и человек, пока не осядет на одном месте, не познает истины.

Брат снова спросил:

— Что делать, отче, чтобы удостоиться дара добродетелей?

— Если хочешь научиться какому-нибудь делу, — ответил старец, — оставь иные заботы, предайся постижению его, слушайся и смиряйся перед учителем и так осваивай дело. Точно так же и монах, если не оставит всякие житейские заботы, не будет считать себя хуже других и не вверит себя целиком духовному наставнику, не обретет никаких добродетелей.

8. Старец рассказывал:

— В молодости у меня был наставник. Он любил уходить в самые отдаленные места пустыни и там безмолвствовать. Как-то раз я спросил у него: «Для чего ты, авва, постоянно уходишь в такую глухомань? Ведь и тот, кто остается в миру и ради Бога смотрит на него так, будто его и вовсе нет, получает немалую награду». «Поверь мне, чадо, — ответил авва, — пока человек не достигнет меры Моисея и не станет сыном Божиим, он не получит пользы от пребывания в миру. Я сын Адама и,

¹ Речь идет о исходе евреев из Египта, где они провели в рабстве 215 лет.

как и мой отец, только увижу плод греха, тут же его вожделею, беру, ем и умираю. Поэтому отцы наши уходили в пустыни, где не было предмета страстей, и там легко справлялись с любыми искушениями.

9. Авва Тифой сказал: «Странничество — в том, чтобы хранить свои уста, где бы ты ни был».

Е. Из святого Ефрема

Тихая гавань — это место, где все идет по канонам, а те, кто не умеют упорядочить свою жизнь, падают, как листья (с дерева).

*Откуда изначально
у человека рождается
Божий страх и любовь
и насколько они
необходимы*

14

Из Патерика

рат спросил авву Евпрепия:

— Как изначально приходит в душу страх Божий?

Старец ответил:

— Если человек избрал смирение и нестяжание, то вскоре у него появится страх Божий.

2. Авва Иаков сказал:

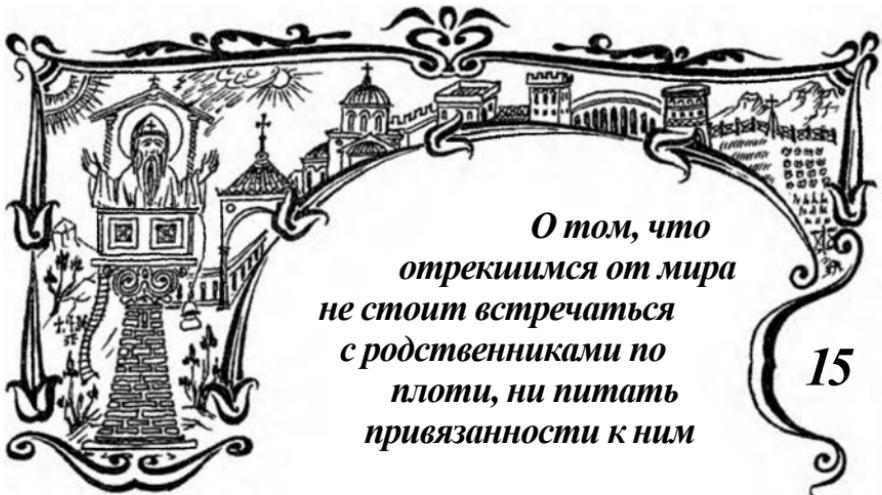
— Как лампа светит в темноте, так и страх Божий. Когда он приходит в сердце, то просвещает человека и учит всем добродетелям и заповедям Божиим.

3. Брат спросил старца:

— Как в душе возникает страх Божий?

Старец ответил:

— Если человек избрал смирение, нестяжание и неосуждение и если во всяком деле испытывает собственную душу, помнит ли она о том, что ей придется отвечать перед Богом, то у него появляется страх Божий.

*О том, что
отрекшиимся от мира
не стоит встречаться
с родственниками по
плоти, ни питать
привязанности к ним*

15

А. Из святого Палладия

екий уроженец Египта по имени Пиор с юных лет отрекся от мира и по избытку любви к Богу ушел из отчего дома. Он дал обет Ему, что больше не увидит своих родных. Спустя пятьдесят лет его сестра, уже состарившаяся, услышала, что брат жив, весьма обрадовалась, предвкушая встречу с ним. Не имея возможности пойти в пустынню, она попросила местного епископа написать святым отцам пустынникам, чтобы они прислали брата повидаться с ней. Старцам пришлось долго уговаривать Пиора, прежде чем он согласился и, взяв с собою другого брата, отправился к сестре. Когда он подошел к дому, сестре сказали, что брат у порога. Пиор, увидев, как сестра спешит к нему, зажмурил глаза и воскликнул:

— Сестра моя! Я Пиор, твой брат, вот смотри на меня, сколько хочешь.

Она, глядя на него, прославила Бога. Но сколько ни старалась, не смогла зазвать его в дом. Он же, сотворив молитву на пороге, снова возвратился в пустынню.

2. Однажды блаженному диакону Евагрию кто-то сказал, что его отец скончался. «Перестань богохульствовать, — возразил диакон, — мой Отец бессмертен».

Б. Из жития святого Пахомия

Родная сестра преподобного Пахомия услышала о его добродетельной жизни и отправилась в монастырь, горя желанием увидеть брата. Когда великий святой узнал, что она уже в дороге, то послал человека сказать ей: «Ты слышала, что я жив, поэтому возвращайся домой и не огорчайся, что я с тобой не увижу. А если хочешь, то будь ревностна к той жизни, которую я возлюбил, чтобы мы вместе обрели милость у Господа. Если ты согласна, братья соорудят тебе келью, и ты сможешь безмолвствовать в ней. Наверное, Господь призовет и других вместе с тобой, и вы вместе спасетесь. Ибо нет человеку никакого другого отдохновения на земле, кроме как творить благое и любезное Богу». Получив такой ответ, сестра прослезилась — он тронул ее сердце и направил ко спасению.

Святой Пахомий узнал о ее рвении и, прославив Бога, велел благочестивейшим братьям построить на некотором расстоянии от монастыря небольшой скит, где сестра его стала совершать подвиг во славу Божию, и вокруг нее стали собираться и другие подвижницы. Когда их число умножилось, она стала матерью-игуменьей над ними, наставляя сестер и показывая им, какой путь для них спасителен. Святой Пахомий поручил почтеннейшему старцу Петру окормлять сестер и составил для них правила, дабы, придерживаясь их, они освоили жизнь по воле Божией.

После в монастырь прибыла мать брата Феодора, того самого, которого Пахомий весьма любил, видя его великое послушание и блестательное подвижничество. Мать долго искала его повсюду и, наконец узнав, где он, пришла в монастырь и принесла с собой письма от епископов с повелением вернуть ей чадо. Она остановилась в женском скиту и отправила письма Пахомию, умоляя позволить ей повидаться с сыном.

Тогда святой Пахомий позвал Феодора и сказал ему:

— Чадо, твоя мать пришла и хочет тебя видеть. Она принесла письма от епископов. Пойди поговори с ней, потому что так велят святые мужи, подпавшие письма.

Феодор ответил:

— Скажи мне, отче, ведь если я увижу ее, и это станет всем известно, чем оправдаюсь перед Господом в день Суда, что после расставания с матерью я решил встретиться с ней в сомнозависимости всем братьям? Если еще до наступления века благодати потомки Левия не встречались со своими родителями и братьями, чтобы принадлежать только Богу, то сколь более я, удостоенный столь великой благодати, должен из-за родителей или родственников не забывать о любви Божией. Ибо говорит Господь: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф 10, 37).

Пахомий ответил:

— Если ты действительно знаешь, о чадо, что это тебе не полезно, я не буду принуждать тебя. Ты говоришь словами человека, совершенно отказавшегося от мира и отрекшегося от всех родных. Монахи должны избегать мирских встреч, от которых им все равно никакой пользы не будет. Ведь они воины Христовы и от всего сердца должны работать Христу и всех людей любить одинаково. А если кто слишком привязан к родным и говорит: «Как я не могу любить родную плоть», — пусть послушает, как в Писании сказано: *Кто кем побежден, тот тому и раб* (2 Пет 2, 19).

Феодор решил не видеться с матерью. А она осталась в скиту вместе с монахинями, сестрами во Христе. Женщина рассудила, что в любом случае, даст Бог, она увидит его среди братьев и так по его слову и свою душу спасет. Так строгость по Богу, когда совершается во славу Его, идет на пользу человеку, хотя поначалу может и показаться жестокой.

В. Из жития преподобного Симеона Столпника

Прошло двадцать семь лет с тех пор, как великий Симеон, этот божественный муж, отрекся от законов природы и от всего мирского. Но в его матери все еще горело пламя нежной любви к сыну и погасить его она могла, лишь отправившись к сыну, хоть и по плоти, но ставшему бесплотным. Ибо она жаждала, если можно употребить такое слово, увидеть родное лицо, услышать его голос, который она не слышала уже столько лет. Святой узнал о ее приходе. Однако обрати внимание: он и мать не обидел, но и закона, положившего заповедь, не нарушил. Он не пошел на встречу к ней, но велел передать через брата: «Мама, если тебе угодно, то отложим нашу встречу до будущего века. И если наша жизнь будет во всем угодна Богу, то после нашего отшествия во Христе мы увидим друг друга там, где все становятся роднее и ближе».

Такой совет он передал ей. Но пламя, сжигавшее ее душу, не позволило ей взять его словам. Она продолжала стоять на своем и все твердила, что хочет видеть его. Тогда он напомнил ей во второй раз: «Мама! Я думал, что ты согласишься с тем, что полезно для нас обоих, и не будешь настаивать на встрече. Но раз я вижу, как ты стремишься к тому, что временно, то сейчас мне нужно побывать одному, а тебя я увижу чуть позже: видно, так угодно Богу».

Мать обрадовалась, получив его обещание. Ее душа ликовала. Она вся преисполнилась ожидания. Ей уже представлялось, как она увидит сына, как будет обнимать, целовать и слушать его голос. И во время такого состояния ее внезапно постигла смерть, и она предала Богу душу. Прожив поистине блаженную жизнь, она удостоилась еще более блаженной кончины: мать послушалась сына и дала ему возможность подняться на более высокую ступень подвижничества.

Божественный Симеон велел внести ее тело в ограду (он построил ее вокруг столпа, чтобы женщины не входили к нему).

Когда усопшую внесли, он, как и обещал, посмотрел на нее и, совершив молитву, похоронил рядом со столпом. Так он оказал честь матери, и Владычною заповедь не просто исполнил, но и превзошел собственным примером.

Г. Из Патерика

Брат, живший на чужбине, сказал старцу:

— Хочу сходить домой.

Старец ответил:

— Знай, брат, что когда ты шел из своего дома сюда, всю дорогу Господь был с тобой, а когда пойдешь обратно, Его с тобой уже не будет.

2. Брат попросил старца благословить его сходить в город. Старец ответил ему: «Не спеши в город, но спеши бежать как можно дальше от города и спасешься».

3. У одного весьма благоговейного брата была мать, (жившая) в бедности. Когда начался страшный голод, он взял хлеб и понес его матери, но услышал глас:

— Ты заботишься о своей матери или Я забочусь о ней?

Брат, поняв смысл этих слов, пал ниц на землю, умоляя Бога:

— Господи, Ты позаботься о нас, — и поднявшись, вернулся в свою келью.

А на третий день пришла к нему мать и сказала:

— Какой-то монах принес мне немного пшеницы, возьми, этого хватит на маленький хлеб, и мы поедим.

Брат, услышав это, прославил Господа и, преисполненный благой надежды, по благодати Божией преуспел во всякой добродетели.

4. В скиту жил монах, у которого в деревне остался сын. Кто-то донес на его сына, и того арестовали. Мать написала монаху, умоляя обратиться с письмом к местному правителью, чтобы сына освободили. Монах сказал посланцу:

— Но ведь если отпустят его, то арестуют другого?

Тот ответил:

— Да, это так.

Старец сказал:

— А какой прок, если я освобожу одного, чтобы порадовать одну мать и тем самым причинить великое горе другой.

5. Этот же старец много занимался рукоделием¹. Из заработанных денег он оставлял себе только на самое необходимое, остальное раздавал бедным. Когда настал голод, мать послала к нему сына попросить немного хлеба. Старец, услышав это, спросил ее сына:

— А есть ли в селе и другие, которые нуждаются, как и мы?

Тот ответил:

— Да, их много.

Монах закрыл перед ним дверь и сквозь слезы проговорил:

— Возвращайся, чадо мое, домой. Тот, Кто заботится о них, позаботится и о нас.

Брат, который был рядом со старцем, увидев, что сын ушел ни с чем, спросил:

— Неужели тебе было не жалко отправлять его с пустыми руками?

Старец ответил:

— Если человек не умеет принуждать себя в любом деле, он не получит никакой награды.

6. У одного монаха был бедный брат в миру, и что бы монах ни заработал, отсыпал брату. Но чем больше он посыпал, тем больше тот беднел. Тогда монах пошел и рассказал обо всем старцу, и тот сказал ему:

— Если хочешь, то послушайся (моего совета): больше не давай ему ничего. Лучше скажи: «Брат, все, что у меня было, я отдал тебе. Теперь ты потрудись и поделись со мной частью

¹ Т. е. изготовлением изделий вручную на продажу: плетением корзин, циновок, веревок, четок и прочее.

твоих доходов». Если даст тебе что-нибудь, прими и, если узнаешь, что поблизости окажутся странники или старики, пойди и отдай им принесенное и попроси помолиться за брата.

Монах так и поступил. Когда появился его брат, он ответил ему, как посоветовал старец, и тот ушел, огорченный, и в первый же день нарвал в своем огороде зелени и принес в монастырь. Монах взял у него зелень, раздал старцам и попросил их помолиться за брата. Получив благословение старцев, милянин вернулся к себе домой. Потом он принес овощи и три хлеба. Монах принял дар и поступил так же, как и в первый раз. Милянин, получив благословение, ушел. В третий раз он принес уже много всякой снеди, вина и рыбу. Монах, увидев такое изобилие, удивился, созвал нищих и угостил всех, а потом спросил брата:

— Может быть, ты сам нуждаешься в хлебе?

— Нет, брат, — ответил он, — вот когда я брал у тебя что-нибудь, то оно огнем входило в мой дом и истребляло и то малое, что у меня было. С тех пор как я ничего не беру у тебя, Господь мне помогает.

Брат пошел и рассказал об этом старцу, и тот заметил:

— Разве ты не слышал, что труд монаха — это огонь. Он сжигает все, куда попадает? Твоему брату больше помогли милостыня от своих трудов и молитва святых и через них благословение.

7. Однажды мать аввы Марка, ученика аввы Силуана, пришла повидать сына, роскошно одетая. Когда к ней вышел старец, она сказала:

— Авва, передай моему сыну, чтобы он пришел, мне хотелось бы повидаться с ним.

Старец пошел к Марку и сказал ему:

— Выйди — к тебе мать пришла.

Марк, как был в фартуке и весь в кухонной саже, так и вышел ради послушания и, закрыв глаза, крикнул всем, кто был во дворе:

— Как спасаешься?¹ — и сразу ушел обратно на кухню, даже не взглянув ни на кого.

Мать не узнала сына и снова обратилась к старцу:

— Авва, пришли ко мне сына, я хочу увидеть его.

Старец спросил Марка:

— Разве я не говорил тебе, чтобы ты вышел к матери?

Марк ответил:

— Я выходил, как ты сказал, авва, но прошу, не говори мне, чтобы я вышел еще раз, ибо тогда я преслушаюсь твоего первого повеления.

Старец пошел и сказал матери:

— Это твой сын выходил к вам и сказал: «Как спасаешься».

Так он утешил мать, и она ушла с миром.

8. Как-то у аввы Пимена собралось много старцев. Пришел и его родственник с ребенком, у которого лицо по сатанинскому действию было повернуто назад, (но он не присоединился к старцам, а сел вместе с мальчиком за стенами монастыря и плакал. К счастью, в это время мимо проходил старец, увидел его и спросил:

— Почему ты плачешь, человече?

Тот ответил:

— Мы пришли к авве Пимену. Видишь, какое искушение с моим сыном. И хотелось бы, чтобы авва благословил его, но я боюсь: вдруг он не пожелает нас видеть и, если узнает, что я здесь, еще и скажет, чтоб меня прогнали. Но когда я увидел, сколько вас пришло, то дерзнул прийти сюда. Не мог бы ты, авва, оказать милость: возьми ребенка с собой к отцу Пимену и помолись за него.

Старец взял мальчика и пошел. Он благоразумно не подвел его сразу к авве Пимену, а сначала к самым молодым братьям, прося каждого:

¹ Σωθείτε – букв., означает спасайтесь. Тут: как одно из приветствий среди православных монахов и мирян: «Как спасаешься?»

— Перекрести ребенка.

Когда все по очереди благословили мальчика, он подошел к авве Пимену, но тот даже не взглянул на ребенка. Тогда все стали просить:

— Как все, так и ты, отче. Авва вздохнул, поднялся и начал молиться:

— Боже, исцели создание Твое, чтобы им не владел больше враг, — и наложил крест на мальчика, и тот сразу же исцелился и вернулся к отцу здоровым.

Д. Из аввы Исаии

Если ты удаляешься от твоих близких по плоти, ставших для тебя далекими, ради Бога не позволяй, когда ежедневно совершаешь подвиг в келье, чтобы наслаждение от воспоминания о них не входило в тебя, и тоска по отцу и матери, образы брата и сестры, жалость к детям или стремление к покинутой жене не бередили твое сердце. Вспоминай об исходе своем и неминуемой смерти, когда тебе никто уже не поможет. Почему бы тебе не лишиться их ради добродетели? Если даже тебе так уж необходимо пойти в свое селение по делу, берегись родственников по плоти, не заговаривай с ними, чтобы не раствориться (в потоке) их слов.

Е. Из Патерика

Об авве Пимене и его родных братьях кто-то из отцов рассказывал, что родом они были из Египта. И вот их матери очень захотелось увидеть родные лица, но ей это никак не удавалось. Тогда она дождалась утра, когда все пошли в церковь, и неожиданно вышла им навстречу. Но увидев ее, они успели забежать в церковь и запереть дверь прямо перед ней. Оставшись за дверью, она принялась громко плакать и умолять:

— Неужели я не могу посмотреть на вас, дети мои любимые.

Услышав это, авва Анув вышел (из алтаря) в храм и сказал авве Пимену:

— Чем мы можем помочь старушке, которая плачет за дверью?

Авва Пимен встал, подошел к двери и, услышав ее плач и крики, спросил ее:

— Почему ты так кричишь, старица?

Она, узнав его голос, еще громче заголосила:

— Я хочу вас видеть, чада мои. Что плохого в том, что я вас увижу? Разве я не мать вам, разве не я вас вскормила? Теперь я вся седая. Вот я слышу твой голос и вся дрожу.

Авва спросил:

— Ты хочешь увидеть нас здесь или в ином мире?

Она ответила:

— Если не увижу вас здесь, чада, увижу ли вас в будущем веке?

Он ответил:

— Если ты понудишь себя не видеть нас здесь, то в будущем веке увидишь.

После этих слов она ушла в радости, сказав:

— Если непременно увижу вас в будущем веке, то здесь видеть вас не желаю.

Ж. Из святого Григория Двоеслова

Одного монаха в монастыре святого Бенедикта по внушению беса одолели фантастические помыслы, и он не хотел больше оставаться в обители с таким суровым уставом. Человек Божий долго пытался вразумить несчастного, но тот даже и слушать не хотел никаких уговоров отца и бесстыдно продолжал требовать от святого немедленно отпустить его к родителям.

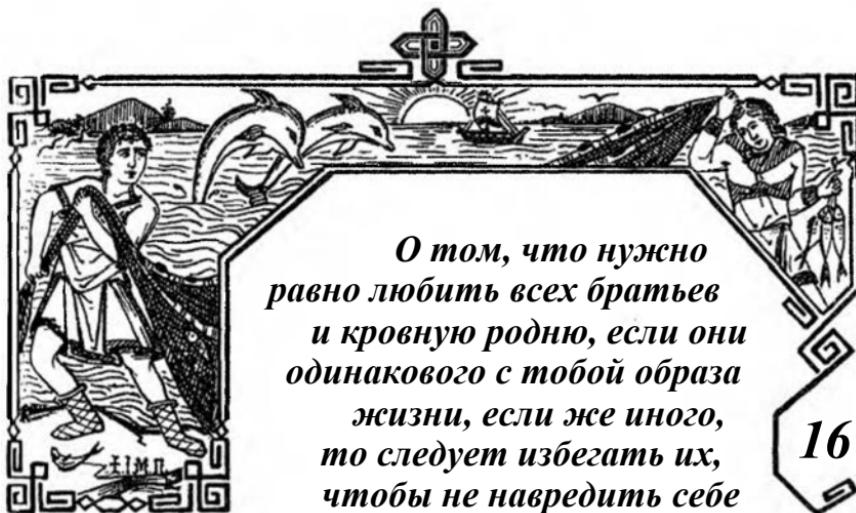
Своей строптивостью он, в конце концов, вывел из себя поченного старца, и тот, разгневавшись, прогнал его из обители.

Но как только монах вышел из монастыря, направляясь к своим родителям, как на дороге прямо перед собой увидел дракона с разинутой пастью, готового проглотить его. Несчастный от страха завопил не своим голосом:

— Братья, скорей на помощь — меня хочет сожрать дракон!

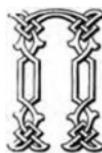
Прибежавшие монахи не увидели дракона, но нашли дрожавшего от страха монаха и привели его обратно в монастырь. Бедняга тотчас дал обещание никогда больше не выходить за ворота и твердо выполнил свое обещание. Так по молитвам святого старца брат узрел дракона, который был невидим, но в пасть которого тот упорно стремился.

*О том, что нужно
равно любить всех братьев
и кровную родню, если они
одинакового с тобой образа
жизни, если же иного,
то следует избегать их,
чтобы не навредить себе*

16

A. Из жития святого Пахомия

прошло много времени после отречения от мира Феодора, ставшего самым усердным учеником святого Пахомия, как в монастырь прибыл и его брат Пафнутий, тоже возжелавший монашества. Но Феодор даже не захотел признавать родного брата (он ведь уже совлекся ветхого человека), сколько Пафнутий ни умолял его об этом и сколько ни проливал горьких слез. Великий Пахомий узнал об этом. Он позвал Феодора и сказал ему:

— К таким людям, брат, нужно быть снисходительным. Ведь только что посаженное дерево требует ухода — вот так и ты снизойди к тому, кто только начал подвиг, пока он не укоренился по благодати Божией и не утвердится в вере.

Услышав это, Феодор поблагодарил духовного отца и начал, как ему и было велено, во всем поддерживать брата — так верно он понял слова старца.

Б. Из жития святого Иоанникия¹

У одного сенатора заболела дочь: у нее отнялись руки и ноги. Она была благочестива и придерживалась христианских обычаев. А зять святого (муж его сестры) с безумной яростью боролся против икон Христа. Блаженный старец Иоанникий встретил их и, совершив молитву и наложив крестное знамение, исцелил больную от тяжелого недуга. А вот зятя, как ни старался, не смог убедить оставить свое безумие и потому прибег к наказанию. Старец, отбросив родственные чувства и ради благочестия забыв о родной крови, своей молитвой лишил иконооборца зрения. Так ревность об истинном благочестии победила природу и истинная любовь к Богу оказалась выше кровного родства. Дочь сенатора, которая не была ему родственницей, но чтила христианские обычаи, святой избавил от недуга. А того, кто боролся против божественных икон, хотя и был его зятем, ослепил — в наказание за помрачение ума лишил телесного зрения.

В. Из Отечника

Благочестивый муж по имени Карион любил жизнь по Богу. А после того как он услышал о праведной жизни отшельников, потянулся к ним. Расспросив о их бытии, Карион пришел в восхищение и сам отправился в Скит. У него был родной сын, которого он тоже взял с собой, чтобы самому воспитывать его. Все, конечно, понимали, что это его родное чадо. Имя ребенка было Захария. Когда он достиг зрелого возраста, братья пришли в немалое смущение (его присутствием). Услышав это, авва Карион сказал сыну:

— Собирайся, Захария, пойдем отсюда — отцы смущаются.

¹ Это отрывок из жития, написанного Симеоном Метафрастом. По словам автора, святой по своему обыкновению сам спускался с горы, где он жил, чтобы встретить паломников внизу и не утруждать их подниматься к нему наверх.

— Авва, — заметил сын, — тут уже всем известно, что я тебе сын. А если мы пойдем в другое место, кто там будет знать об этом.

На это старец сказал:

— Ладно, пойдем в Фиваиду¹, — и они отправились (в путь).

Но, прия в Келии², пробыли всего несколько дней, потому что и там поднялся ропот против сына. Тогда отец сказал:

— Собирайся, Захария, возвращаемся в Скит.

И они опять вернулись туда, где провели много лет и где снова возникло смущение из-за юноши.

Тогда юный Захария пошел на Селитряное озеро³, разделся и вошел в воду по самые ноздри и так провел много часов, насколько хватило терпения, и обезобразил свое тело (оно стало как у прокаженного), потом вылез на берег, оделся и пошел к отцу. Увидев сына, тот едва узнал его. Когда в урочный час они вместе подошли ко святому причастию, то случившееся

¹ Древнее название Верхнего Египта, поименованного так по городу Фивы, который лежал в нижнем Египте и раньше был местом пребывания царей. Развалины этого древнего города сегодня можно видеть между Луксором и Карнакой. Пустынь Скит расположена в 500 км от Фиваиды. В IV в. Фиваида стала центром общежительного, или киновийского монашества. Преп. Пахомий Великий основал там 9 мужских и 1 женский монастырь. Общее число монашествующих достигало 7000 человек.

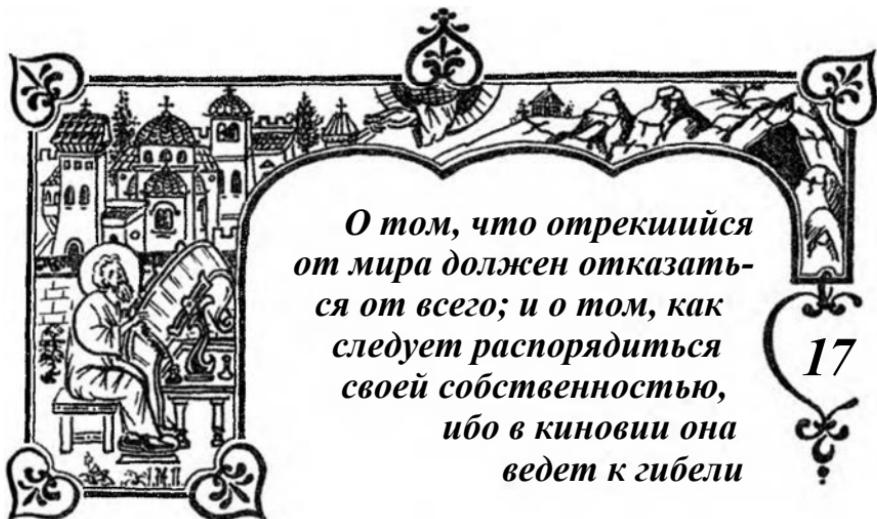
² Нитрийская пустынь, или гора Нитра, пустынь Скит, гора Ферма — обширные области, центры монашеской жизни к юго-западу от Александрии, заселенные тысячами аскетов, которые находились под руководством опытнейших старцев. В III-IV вв. здесь подвизались несколько тысяч монахов-келиотов. Их кельи были разбросаны на небольшом расстоянии друг от друга. Наиболее строгим был устав у монахов Скита. Основателями келиотского монашества считаются ученики преп. Антония Великого авва Амон, преп. Макарий Александрийский, преп. Макарий Великий, преп. Феодор Фермийский. Среди знаменитейших подвижников — аввы: Исаия, Памво, Аполлос, Орсисий, Пиор, Ор, Арсений Великий, Моисей Мурин, Сисой, Паисий, Пимен, Иоанн Колдов и десятки других.

³ Селитряное озеро (ныне Вади-Натрут) находится в Верхнем Египте и наполняется водой во время разлива Нила. После спада воды, оно высыхает, оставляя плотный слой солей и известки (vitrug). Его воды из-за большой концентрации солей и щелока разъедают кожу. В этой долине немало других таких озер, поэтому в древности долина называлась Нитрия и служила пристанищем многим подвижникам.

открылось святому Исидору, пресвитеру Скита. Увидев юношу, он в изумлении сказал:

— Захария, ты приходил в прошлое воскресенье и причащался как человек, а теперь стал ангелом.

*О том, что отрекшийся
от мира должен отказы-
ваться от всего; и о том, как
следует распорядиться
своей собственностью,
ибо в киновии она
ведет к гибели*

17

С

рат спросил старца:

— Мои родственники задолжали мне немного де-
нег, а я хотел бы раздать их нищим, но они не тороп-
ятся возвращать мне долг. Что делать?

Старец ответил:

— Если не отсечешь плотской образ мыслей и не набе-
решься немногого дерзости о Боге, впадешь в человекоугодие.

Б. Из Патерика

Один брат отрекся от мира и раздал свое имущество ни-
щим, но немногого оставил и себе. Он пришел к авве Антонию
и стал проситься в монахи. Авва же узнал, что тот утаил часть
денег, и сказал:

— Если хочешь стать монахом, пойди в деревню, купи мяса,
сними с себя одежду, обложи им голое тело и приходи сюда.

Брат так и сделал. Но по дороге собаки и стервятники на-
бросились на мясо и изодрали все его тело. Все же он добрал-
ся до старца и показал ему свое израненное тело. Тогда святой
Антоний сказал:

— Вот точно так же бесы набрасываются и терзают тех, кто отрекся от мира и имеет деньги.

2. Авва Исидор сказал, что сребролюбие — ужасная и все-пожирающая страсть. Она ненасытна и если уловит душу, то доведет ее до крайности. От нее нужно избавляться сразу, потому что, если она завладеет человеком, то становится неодолимой.

3. Один человек, решивший отречься от мира, пришел к великому старцу и сказал:

— Хочу стать монахом.

— Коли хочешь, — сказал старец, — пойди, отрекись от мира, приходи и живи в келье.

Человек пошел, раздал все, что у него было, оставил себе только сто монет, и вернулся к старцу. А старец вдруг сказал ему:

— Ты не сможешь стать монахом.

А тот возразил:

— Нет, смогу.

Тогда старец сказал:

— Ну, тогда иди и живи в келье.

Тот пошел и поселился в келье. И вот как-то он сидел у себя, и его начали одолевать помыслы: «Вон дверь какая старая — нужно ее заменить». Он пошел к старцу и исповедался ему:

— Помыслы мне сказали, что дверь старая и нужно ее заменить.

Старец сказал:

— Ты еще не отрекся от мира. Пойди, отрекись, а потом приходи сюда.

Брат пошел, раздал девяносто монет и вернулся к старцу:

— Теперь я отрекся от мира, — сказал он.

Старец сказал:

— Иди и живи в своей келье.

Но только брат сел в своей келье, как помыслы опять начали ему говорить: «Крыша ветхая, место тут глухое, да и лев мо-

жет прийти и сократить меня». Он пошел к старцу и исповедал ему свои помыслы. А старец сказал:

— Скажи своим помыслам: «Я только и жду, что все вот-вот обрушится на меня и задавит, да и лев придет и сокрет меня. Но хоть так, но я все же быстро получу спасение». Так скажи им, возвращайся и сиди в келье. Все время молись Богу, ничего не бойся и не беспокойся ни о чем.

Так брат сделал и обрел покой.

4. Некий юноша хотел отречься от мира и много раз порывался это исполнить. И всякий раз, когда он выходил из города и направлялся в монастырь, помыслы возвращали его назад, вовлекая в какие-нибудь неотложные дела и заботы, ибо он был богат. И вот однажды он опять собрался и вышел, но помыслы так закружили его, словно пыль поднялась столбом, заставляя беднягу вернуться назад. И в этот миг юноша вдруг явно почувствовал брань и натиск помыслов и не знал, что предпринять. Тогда он сорвал с себя одежду, отбросил ее прочь и нагим побежал в монастырь, куда хотел попасть. А старец, к которому так спешил юноша, получил откровение от Бога: «Встань и прими моего воина».

Он встал и вышел ему навстречу. Когда он узнал, что с ним произошло, изумился, принял его в монастырь и сразу постриг в монахи. С тех пор, если кто-нибудь приходил к старцу и спрашивал его о помыслах или еще о чем-нибудь, то он отвечал сам. А когда спрашивали об отречении от мира, он советовал обратиться к юноше и говорил: «Об этом лучше расспросите брата».

5. Один старец заболел, но так как он не мог сам себя обслуживать, то его взял к себе духовник киновии и стал заботиться о нем. Братьям он сказал:

— Немного потрудитесь, чтобы страдальцу стало хоть немного легче.

А у больного был сосуд золота, спрятанный под деревянным настилом, на котором тот лежал. Вскоре смерть забрала

беднягу, но он так никому и не сказал про золото. Когда его похоронили, авва сказал братьям:

— Давайте выбросим этот настил.

Когда его подняли, то нашли золото, спрятанное в ямке. Авва сказал:

— При жизни он никому об этом не говорил и перед смертью не исповедался. Значит, возлагал надежду на золото. Я и не притронусь к деньгам. Возьмите золото и похороните вместе с ним.

Когда монахи возвращались с кладбища, сошел огонь с неба и пал на могилу и не гас много дней, пока не сжег и камни, и землю, и всю гробницу. Видевшие это были поражены и изумлены.

*О том, что желающему
спастись следует общаться
с добродетельными людьми,
ибо это весьма полезно, и с
горячим желанием и большой
ревностью спрашивать
и учиться у них спасению*

18

А. Из Патерика

вва Палладий сказал: «Подвизающейся о Боге душе следует или ревностно учиться тому, чего она не знает, или мудро учить тому, что знает.

Если же душа не хочет ни того, ни другого, она безумна. Ибо начало апостасии — нежелание ни учить, ни внимать слову Божию, коего постоянно жаждет боголюбивая душа».

2. Брат спросил старца:

— Авва, о чем ни спрошу старцев и что бы они ни ответили для пользы моей души, ничего не запоминаю из их слов. Может, я зря их беспокою, если ничего не исполняю и не очищаюсь (от грехов)?

Рядом стояло два кувшина. Старец сказал:

— Пойди возьми один кувшин, налей в него масла, сполосни, вылей и поставь на место.

Брат так и сделал и поставил кувшин на свое место. Старец сказал:

— А теперь возьми оба кувшина и сравни, который из них чище.

— Тот, в который я наливал масло, — сказал брат.

— Вот так и душа, — заметил старец. — Даже если она не запоминает ничего из ответов, все равно очищается больше, чем если бы не спрашивала ни о чем.

3. Авва Палладий говорил: «Человеку следует стремиться к общению с преподобными мужами больше, чем к светлому окну, чтобы научиться от них читать в своем сердце, как по добротно написанной книге, и в сравнении со святыми увидеть свою лень или усердие. И даже внешне в этих добродетельных людях заметно много такого, что указывает на чистоту души. Это и цвет лица, освященного благоговейным образом жизни, и манера одеваться, и прямота характера, и скромность в разговоре, и здравомыслие, и сдержанность в обращении. Во все это стоит внимательно всмотреться, чтобы отложить в своем сердце образ добродетели».

4. Брат спросил старца:

— Что лучше, ходить к старцам за советом или безмолвствовать?

Старец ответил:

— Древние отцы почитали за правило ходить к старцам за советом.

5. Как-то один брат пришел к авве Иоанну Колову вечером, намереваясь вскоре уйти. Но они увлеклись разговором и не заметили, как наступило утро. Старец пошел его провожать, и они проговорили еще до шестого часа¹. Старец предложил ему поесть, и после этого брат ушел к себе.

6. Авва Кассиан рассказывал о старце, жившем в пустыне, который просил Бога даровать ему способность не засыпать во время духовной беседы; а когда кто-нибудь начнет оговаривать других или празднословить, сразу впадать в сон, чтобы уши не наполнялись ядом. Он говорил, что дьявол особенно

¹ Имеется в виду византийское время. Оно постоянно меняется: двенадцатый час ночи наступает после заката солнца. Сегодня по византийскому времени живут монахи на святой горе Афон, в некоторых монастырях Греции и других стран, а также у нас.

старателен в празднословии, ибо оно враждебно всякому духовному обучению, и привел такой пример:

— Как-то я беседовал с братьями о чем-то душеполезном, но они были столь отягощены сном, что даже веки не могли разомкнуть. А я, желая показать им работу беса, рассказал глупейшую шутку, и они сразу проснулись и оживились. Я вздохнул и сказал:

— Доселе я с вами говорил о небесных вещах, но ваши очи сковали сон. А сказал одно праздное слово, и вы сразу пробудились. Поэтому, братья, умоляю вас, следите за бесовскими кознями и внимайте себе. Остерегайтесь дремоты, когда вы совершаете или слушаете что-нибудь духовное.

7. Когда авва Пимен был молод, он пошел к одному старцу, чтобы спросить его о трех своих помыслах. Но подойдя к его келье, забыл один помысел и вернулся к себе. И только он стал отодвигать засов, как вспомнил слово, которое забыл, и не отперев двери, опять пошел к старцу. Тот заметил:

— Что-то ты слишком скоро вернулся, брат.

— Я только взялся за засов, — сказал юноша, — как сразу вспомнил то, что забыл, и не стал открывать дверь. Поэтому так быстро и пришел.

А расстояние, пройденное им, было весьма немалое. Старец сказал:

— Ты сущий Пимен, то есть пастырь ангелов, и слух о тебе распространится по всей земле Египетской.

8. Три старца имели обычай ежегодно собираться у блаженного Антония. Двое расспрашивали его о своих помыслах и о спасении души, а третий всегда молчал и не задавал никаких вопросов. Через много лет авва Антоний спросил молчаливого отца:

— Сколько лет ты сюда ходишь, почему ни о чем меня не спрашиваешь?

— Мне достаточно только видеть тебя, отче, — был ответ.

9. Авва Пафнутий говорил:

— Пока не кончилось время жизни моих старцев, я дважды в месяц приходил к ним, хотя жил в двенадцати милях от них, и открывал им всякий помысел, но они отвечали мне только одно: «Куда бы ты ни пришел, не превозносись и тогда обретешь покой».

10. Об одном старце рассказывали, что он провел семьдесят недель, вкушая пищу только раз в семь дней. Он спрашивал Бога о смысле одного изречения из Писания, но Бог ничего не открыл ему. Старец рассудил так: «Если я столько трудов положил, но ничего так и не узнал, то пойду к брату моему и спрошу у него». И только он запер за собой дверь, как явился ему ангел Господень и сказал: «Семьдесят недель твоего поста не приблизили тебя к Богу. А когда ты смирил себя и отправился к брату, я был послан сообщить тебе смысл этого изречения». И открыв ему этот смысл, ангел отлетел.

Б. Из аввы Марка

Человек наставляет своего ближнего в том, что знает сам. А Бог дает слушающему по вере его. Муж долготерпеливый становится весьма рассудительным, и словам премудрости открыты уши его. Не отказывайся учиться и тогда станешь рассудительным.

Нам гораздо полезнее знать домостроительство Божие¹, чем то, что мы надумали сами. Решивший взять свой Крест и последовать за Христом, прежде чем приобретать знания и обучаться навыкам, сначала должен научиться непрестанно исследовать собственные помыслы и направлять их ко спасению, а также расспрашивать единомышленных и единодушных с нами рабов Божиих и научиться их подвигам, иначе он не будет знать, как и куда идти, и пойдет по дороге во тьме без светильника. А кто по собственному усмотрению идет по дороге, не имея евангельского ведения, рассудительности и ру-

¹ Т. е. Божий замысел нашего спасения

ководства, тот часто падает. Он проваливается во множество ям и ловушек лукавого. Так он блуждает, изнемогает и в какие только опасности ни попадает, и не знает, бедный, когда же будет конец этому.

Немало людей прошло через множество трудов, подвигов и страданий, понеся тяжелейшие труды ради Бога. Но своеволие, нерассудительность и безразличие к пользе ближнего обесценили все эти труды, словно их не было вовсе. По возможности нужно стараться находиться рядом со знающими мужами или во всяком случае изо всех сил стремиться чаще с ними встречаться, можно сказать, бороться за это. Если у человека нет в руке светоча истинного знания, тогда ему нужен проводник, чтобы не заблудиться во тьме. В таком случае ему не страшны ни дожди, ни морозы, и не столкнется он с мысленными зверями, во тьме рыскающими и нападающими на тех, кто блуждает без умопостигаемого светоча Божественного слова, чтобы их сразу же растерзать.

В. Из аввы Исаака Сирина

Во всяком деле знай: ты нуждаешься в обучении и тогда сделаешь свою жизнь мудрой.

Г. Из святого Максима

Как родители пекутся о своих детях, которых произвели на свет, так и ум от природы заботится о своих мыслях. Родителям, которые слишком пристрастны к своим чадам, кажется, что их дети — самые достойные и красивые, хотя все везде и всюду находят их жалкими до смешного. И безумцу его мысли кажутся самыми благоразумными, даже если они не стоят и ломаного гроша. Только мудрец относится к своим мыслям иначе. Если он хочет убедиться, что они справедливы и верны, то не доверит собственному мнению. И чтобы его труд оказался не напрасным, он отдает свои мысли и помыслы на суд другим, чтобы от них услышать одобрение.

Д. Из Отечника

Старец сказал: «Входящий в лавку благовоний, даже если ничего не купит, впитает в себя ароматы. Таков и тот, кто обращается к старцам перед тем, как приняться за дело. Они укажут ему путь смирения и станут стеной на пути демонских козней».

2. Брат пришел к авве Филиксу вместе с мирянами и попросил его сказать им слово. Старец молчал. После долгих уговоров, наконец, спросил:

— Вы хотите услышать слово?

— Да, авва, — ответили они.

— С недавних пор слова не стало, — сказал старец. — Потому что (раньше) братья спрашивали старцев и делали то, что им говорили, и Бог давал старцам слово для пользы спрашивающих. Теперь же, поскольку все спрашивают, но не исполняют то, что им говорят, Бог отнял благодать у старцев, и они не знают, что говорить, потому что не стало делателей. Услышав это, они вздохнули и сказали:

— Помолись за нас, авва.

Е. Из святого Ефрема

Не пренебрегай наставлениями святых и станешь знающим человеком. Ведь их наставление — тоже плод знания.

Ж. Из аввы Исаака

Не ищи наставлений у того, кому не знакома твоя жизнь, даже если он весьма премудр. Лучше обратиться со своими сомнениями к простецу с опытом жизни, чем к философу, который рассуждает отвлеченными понятиями и не знает жизни. Опыт не в том, чтобы вникнуть в предмет и изучить его во всех подробностях, не получив никакого полезного знания от этого труда, а в том, чтобы занимаясь этим делом долгое время, на деле понимать, что полезно, а что вредно. Ведь подчас

какое-нибудь дело только кажется вредным, однако в нем скрыта великкая польза. И наоборот, что-то кажется весьма полезным, а на самом деле исключительно вредно. Вот почему многие получают немалый вред от вещей, внешне полезных. Итак, спрашивай совета у того, кто на своем опыте постиг природу и свойства вещей и безошибочно может различать их. Кто сумел правильно распорядиться своей свободой, тому можно, без сомнения, доверить и свободу других.

*О том, для чего
необходимо послушание,
какая от него польза
и как достичь его*

19

А. Из жития святого Феодосия Киновиарха¹

Святой Феодосий, достигнув разумного возраста, загорелся желанием (начать) любомуудрую жизнь. Он оставил отечество и пришел в Иерусалим. С благоговением поклонившись святыням, он задумался, с чего начать новую жизнь и какой путь избрать: чисто отшельнический или же совместный с благочестивыми братьями, стремящимися к той же цели? Но безмолвствовать в отшельничестве он не решался, по крайней мере сразу, (здраво) рассудив, что у него нет опыта в одиночку противостоять злым духам. «Даже в мирских войсках, — говорил он сам себе, — никто, как бы он ни был храбр или настолько глуп, без выучки и опыта не бросится из строя в одиночку прямо в гущу врагов. А духовная брань еще страшней и опасней! И как я, не научив руки мои битве и персты мои браны (Пс. 143,1), не препоясавшись с высоты силою (Ср.: Пс 17,40; 1 Цар 2,4), смогу выступить против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего (Еф 6, 12), против лукавых духов? Выходит, остается одно: идти к

¹ Киновиарх – начальник киновии, общежительного монастыря

святым отцам, закаленным в битвах, и поучиться у них. А когда хорошенько укреплюсь в борьбе с нашим духовным врагом, вот тогда можно будет отправиться за плодами исихазма (безмолвия).

Так премудро рассудил юный Феодосий, который, кроме всего прочего, еще и обладал даром здравомыслия, и сразу же отправился на поиски того, кто своим трудом закалился в добродетелях. Ведь Феодосий понимал, что нужда — лучший учитель и воспитатель. Так он нашел блаженного старца Лонгина, который выделялся добродетелями среди окружавших его отцов. Юноша предался ему, поселился у него и стал вести такой же образ жизни, как и старец. Ему очень нравился характер Лонгина и его обычай, по слову Давида: *к Тебе привлеклась душа моя* (Пс 62, 9). Как верно говорили древние, с кем ты любишь общаться, таким же становишься и сам.

Б. Из Патерика

Авва Антоний говорил: «Послушание и воздержание усмиряют даже диких зверей».

2. Авва Пимен рассказывал: «Один человек спросил авву Паисия:

— Что мне делать с моей душой, если она бесчувственна и не боится Бога?

— Иди и привяжись к человеку, боящемуся Бога, — ответил старец, — живя рядом с ним, ты тоже научишься бояться Бога».

3. Авва Исаия сказал тем, кто начинал послушание у святых отцов, что самая первая окраска долго не линяет и что ветки легко гнутся и сгибаются, пока зеленые. Так же и новоначальные, которые проходят послушание.

4. Авва Моисей сказал одному монаху: «Займись, брат, истинным послушанием: в нем и смирение, и сила, и радость, и терпение, и мужество, и братолюбие, и сокрушение, и любовь. Кто хранит добродетель послушания, тот преисполнен всех заповедей Божиих».

5. К великому Памве пришли четыре монаха из Скита. На них были власяницы, и каждый из них рассказал о добродетели своего товарища. Один много постится, другой нестяжателен, третий обрел великую любовь. А о четвертом сказали, что он уже двадцать два года — в послушании у старца.

— Скажу вам, — заметил авва, — что добродетель последнего брата — самая высокая. Ибо каждый из вас стяжал какую-то добродетель, но по своей воле. А он отсек свою волю и творит чужую. Такие люди — исповедники, если до конца сохранят послушание.

6. Авва Руф говорил, что живущий в послушании у духовного отца получает награду больше, чем отшельник в пустыне.

7. Он же рассказал о случае с одним из отцов, который был восхищен на небо и увидел там четыре чина: в первом оказался больной, благодаривший Бога; во втором — гостеприимный человек, который принимал братьев и служил им; в третьем — пустынножитель, вокруг которого не было ни единой души; а в четвертом — брат, находившийся в послушании духовному отцу и повиновавшийся ему во всем ради Господа. Его грудь украшала золотая эгиды¹, и слава его была выше всех. Увидев это, — продолжал вознесенный на небо, — я спросил провожатого:

— Почему так получается: он самый молодой, а славы ему больше всех?

Тот ответил:

— Потому что гостеприимный и анахорет стяжали добродетели по своей воле, а послушный полностью отсек свою волю и во всем положился на Бога и своего отца, и за это ему и славы больше всех.

8. Авва Иперехий говорил: «Сокровище монаха — послушание. Стяжавший послушание будет услышан Богом и с дерзно-

¹ Эгиды — нагрудник с изображением, один из символов полководческой власти, отсюда выражение «под эгидой»

вением предстанет перед Распятым. Ибо распятый на Кресте Господь был послушен даже до смерти (Флп 2, 8).

9. Два кровных брата пришли в монастырь. Один избрал подвиг аскета, а другой — послушания и что бы ни сказал ему духовный отец, он выполнял не раздумывая. Например, скажет ему: «Ешь утром», и тот ест; скажет: «Не ешь ничего до вечера», и тот не ест. И во всем остальном точно так же: что бы старец ни приказал, он выполнял с радостью. Брат позавидовал ему и подумал: «Ну, я проверю, какое такое у него послушание». Он пошел к игумену и попросил:

— Авва, благослови нам с родным братом сходить на одно дело.

Тот благословил. Они подошли к реке, где водилось много крокодилов, и подвижник сказал брату:

— Лезь в воду.

Тот вошел в воду, а крокодилы подплыли и стали кротко ласкаться к нему, не причиняя никакого вреда. Тогда подвижник сказал:

— Вылезай на берег.

И тот вылез невредимым. Они пошли обратно и увидели мертвца на дороге. Подвижник спросил:

— Нет ли чего-нибудь, чтобы прикрыть тело?

— Давай лучше помолимся, — ответил брат, — может, оживет.

Они начали молиться, и мертвый ожил. Подвижник стал хвастаться, что мертвый воскрес благодаря его подвигу. Но Господь все открыл игумену монастыря. Когда они пришли в монастырь, авва спросил подвижника:

— Зачем же ты так искушал своего брата у реки? Вот видишь, и мертвый воскрес только благодаря его послушанию.

10. Авва Пимен сказал: «Не давай оценку сам себе, но прилепись к тому, кто живет добродетельно».

В. Из аввы Марка

Кто во власти греха, тот не может один спастись от плотской похоти, потому что страсти раздражают и преследуют его беспрерывно. Страстным нужно молиться и пребывать в послушании. Кто борется с похотью послушанием и молитвой, тот умелый боец, ибо воздержанием от чувственного он делает свою духовную брань очевидной.

Г. Из святого Диадоха

Хорошо известно, что среди всех начальных добродетелей послушание стоит первым. Оно отвергает гордость и порождает в нас смиренномудрие. Вот почему кто охотно принимает его, для того оно становится дверью любви к Богу. Адам отверг послушание и погиб в бездне тартара. Господь возлюбил послушание и ради замысла нашего спасения повиновался Своему Отцу даже до смерти. И повиновался несмотря на то, что был ничем не ниже величия Отца, но только для того, чтобы изгладить грех человеческого преслушания Своим послушанием и возвести к блаженной и вечной жизни всех живущих в послушании. Вооружиться послушанием необходимо прежде всего тем, кто собрался на брань с дьявольской гордыней. Если мы прибегнем к нему, то оно безошибочно укажет нам путь к добродетелям.

Д. Из аввы Кассиана

Дьявол только тем низвергает человека в преисподнюю, что убеждает его строить жизнь не по учению и примеру отцов, а по своей воле. Кто опирается только на свой ум и волю, тот никогда не сможет жить спокойно, но будет все время спотыкаться, сбиваться с пути, постоянно подвергаться страшным опасностям, как если бы он ходил в потемках.

Нам необходимо это понять хотя бы на примере искусств и наук. Даже если мы возьмемся за дело обеими руками, все рав-

но не сможем их освоить своими силами. Нам (непременно) понадобится человек, который правильно все объяснит и покажет. А разве *не бессмысленно и не глупо* думать, что без хорошего учителя можно овладеть искусством духовной жизни, самым сложным и трудным из всех искусств и наук? Ибо оно не телесно, не видимо обычным зрением, как прочие искусства, которые занимаются телесным. Оно скрыто и незримо и посвящает себя только душе, и его цель — довершить обожение души. И если оно потерпит неудачу, то причинит не временный вред, а *ввергнет* душу в погибель, муки и вечную смерть.

Е. Из святого Максима

Бог Слово Бога и Отца прикровенно пребывает в каждой заповеди. Бог и Отец по естеству всецело и совершенно неотделим от Своего Слова. Кто принимает и исполняет божественную заповедь, тот вместе с ней принимает и Бога Слова. Принимая Слово через заповеди, он через Него и вместе с Ним принимает и Отца, Который по естеству пребывает в Слове, а также Дух, Который по естеству пребывает в Слове: *Истинно говорю вам: принимающий того, кого я принимаю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня* (Ин 13, 20). Вот почему кто принял и исполнил заповедь, тот сокровенно принял и хранит в себе Святую Троицу.

Ж. Из Патерика

Авва Иосиф Фивейский говорил: «Три вещи бесценны перед Господом. Первое, когда человек с благодарностью принимает болезни и искушения, которые посылаются ему. Второе, когда что бы он ни делал, чисто перед Господом, и в нем самом уже не осталось ничего человеческого. И третье, если он пребывает в послушании у духовного отца и полностью отсекает свою волю. За это он получает высший венец».

2. Старец сказал: «Будь, как верблюд: неси свои грехи и иди на поводу у тех, кто знает путь к Богу».

3. Брат спросил старца:

— Я совершаю в келье все, что положено, но утешения от Бога не получаю.

— Это происходит с тобой потому, — объяснил старец, — что у тебя нет опыта, а ты мучаешь себя и хочешь творить свою волю.

— Что же велишь мне делать, отче?

— Иди, — посоветовал старец, — прилепись к человеку, боящемуся Бога, смири себя перед ним и предай ему свою волю. Вот тогда и обретешь утешение от Бога.

3. Из святого Ефрема

Мы не хотим потерпеть даже малую скорбь ради Господа и вопреки нашей воле впадаем во множество злых скорбей. Мы не хотим оставить свою волю ради Господа и наносим вред и губим свою душу. Мы не терпим ни послушания, ни уничижения ради Господа и сами себя лишаем утешения, уготованного для праведников. А если не принимаем наказания палкой, то нас поглотит неугасимый огонь печи, а в ней утешения уже не получишь...

И. Из аввы Марка

Не иди в ученики к тому, кто сам себя хвалит, не то вместо смиренномудрия научишься гордыне.

*О том, что ни в чем
не следует полагаться
на самого себя, но во всем
слушаться совета отцов и
исповедовать начистоту
тайны своего сердца,
ничего не скрывая*

20

А. Из Палладия

меня был сосед по имени Ирон, уроженец Александрии. Он был молод, красив, остроумен и к тому же отличался чистым образом жизни и крайней худобой от суровых подвигов. Многие из тех, кто знал его, говорили, что он по три месяца мог ничего не есть, кроме причастия и диких трав, и то, если попадутся. Я сам убедился в этом, когда мы вместе с ним и блаженным Альбином ходили в Скит, который был расположен в сорока милях от нас. Дорогой нам пришлось дважды останавливаться, чтобы поесть и попить. Ирон же ни разу ни к чему не притронулся. Он все время шел и читал наизусть псалмы, великий и еще пятнадцать других, потом послания к Евреям и Исаии, отрывки из пророка Иеремии, евангелиста Луки и Притчи. Ирон шел быстро, и мы за ним едва успевали. И вот он, затратив столько великих трудов и пролив столько пота, в своей безумной гордыне превознесся до заоблачных высот, а оттуда низвергся в жалком падении. По дерзостному самопревозношению он поставил себя выше святых отцов и ругал их всех. Он говорил, что вот, мол, они учат нас, а их учение обман и что нечего искать других учителей,

ибо один у вас учитель — Христос (Мф 23, 8-10), и Сам Спаситель говорил: «Не называйте никого учителем на земле» (Ср.: там же).

Позднее Ирон, как и Валент, о котором я писал и раньше¹, помрачился умом и дошел до того, что пришлось заковать его в цепи. Как и Валент, он даже не хотел причащаться Божественных Таин. И в конце концов, точно палимый сильнейшим диавольским огнем, по промыслу Божию несчастный добрался до Александрии, чтобы выбить клин клином.

Беднягу мучила тоска. Он все время проводил в театрах, кабаках и на скачках. В довершение всего его охватила неодолимая страсть к женщинам, и он уже решил согрешить с одной мимической актрисой, с которой постоянно встречался. Но тут случилось так, что по Божиему замыслу спасения, его детородный орган раскаленным углем начала жечь язва. За шесть месяцев болезни он у него совсем сгнил и сам собой отвалился. Потом юноша выздоровел, пришел в себя и вернулся в Скит, но уже евнухом. Несчастный, наконец, вспомнил о Небесном Отечестве и понял Божий замысел. Он покаялся отцам во всем, что натворил, но сделать ничего уже не успел — через несколько дней бедняга скончался.

2. Другой монах по имени Птолемей поначалу вел добродетельную жизнь аскета далеко за пределами Скита. Он поселился в месте, называемом Климанака, где никто из монахов не мог жить, поскольку до ближайшего источника было восемнадцать миль. Отшельник принес с собой кувшины и губку. В декабре и январе, когда выпадала роса, он собирал ее губкой и наполнял сосуды. Так он добывал воду пятнадцать лет, и за это время ни разу не встретил ни одной живой души. Лишенный общения, помощи, наставлений святых отцов и частого причащения Святых Христовых Таин, бедняга помрачился

¹ Св. Палладий говорит о предыдущих главах не этой книги, а о своей работе «Лавсанк»

умом, сбился с истинного пути и впал в ересь отрицания Промысла. Да еще враг внушил ему, что ничего ценного на свете нет, все происходит само собой от автоматического движения космоса.

А внушив ему такие мысли, враг всей нашей жизни взялся за его душу: «Если это так, — говорил он, — то зачем истязать себя напрасно? Ради чего стараться, если воздаяния все равно не будет? Да и какое воздаяние в силах возместить твои труды? И кто тебе даст его? И каким это еще Судом пугают Писания, когда все в мире существует без всякого Промысла?»

Такие сатанинские помыслы овладели несчастным Птолемеем. Он оставил подвиги и стал, как говорится, вести себя странно. Несчастный совсем потерял природный рассудок и по сей день бродит по Египту и предается безудержному обжорству и пьянству. Он ни с кем не разговаривает и так молча шатается по базару. Жалкое и плачевное зрелище в глазах христиан и позорище для тех, кто не имеет понятия о нашей жизни! Вот какое несчастье постигло бедного Птолемея за его безумную гордыню; за то, что он думал, будто знает больше всех святых отцов, хотя никогда не встречался с ними, чтобы получить от них поучительные наставления. А оставшись без (духовного) руководства, несчастный опустился до самого дна пропасти — духовной смерти. *Им же несть управления, падают аки листвie* (Притч 11, 14).

Б. Из жития святого Саввы

Как-то преподобный отец наш Савва по своему обыкновению отправился в пустыню, чтобы провести там весь пост. В это время один из его учеников по имени Иаков, уроженец Иерусалима, юноша (довольно) дерзкий, затеял безумное дело. Собрав подобных себе безрассудных братьев, он решил вместе с ними создать свою Лавру и у озера Эптастома приступил к закладке келий, храма и прочих сооружений, как и подобает Лавре.

Монахи возмутились этим и не разрешили им продолжать стройку. Тогда Иаков к своему беззаконию прибавил еще и ложь.

— Так повелел отец Савва, — сказал он братьям.

Услышав это, монахи не стали им мешать. Тем не менее их не оставляло сомнение, потому что они хорошо видели, как под эту стройку отрезается довольно крупная часть лаврской земли. У них даже и в мыслях не было, что Иаков лжет, и потому они молча решили дождаться возвращения аввы.

После окончания дней поста божественный Савва вернулся в Лавру. Увидев, что произошло, он тотчас позвал Иакова и стал по-отечески увещевать его оставить затею.

— Ты поступаешь не по воле Божией и без согласия братьев, — говорил он. — Это и для тебя самого опасно: без опыта братья на себя ответственность за чужие души.

Так поначалу кратко по-отечески божественный старец попытался было вразумить послушника. Но, увидев, что Иаков спорит с ним и ни в чем не уступает, он оставил в стороне свою обычную кротость и заговорил уже по-другому:

— Я, чадо, думаю, что мой совет тебе полезен. Но поскольку ты меня не слушаешься, смотри, как бы тебе не пришлось самому узнать, в чем твоя польза, да только с большим вредом для тебя.

Сказав это, он поднялся в свою башню. Иакова тотчас же начало трясти и бросило в жар. Семь месяцев он пролежал в постели, страдая от недуга. И только когда у него уже не осталось никакой надежды на выздоровление, умирающий вспомнил, как однажды оскорбил святого своим непослушанием и тут же попросил братьев поднять его и на постели отнести к ногам великого святого.

— Может быть, — сказал он (с надеждой), — авва простит мое преслушание и то, что я своей неблагодарностью сам загубил свою жизнь.

Братья так и сделали: понесли его на постели и положили к ногам аввы. Преподобный печально посмотрел на больного и кротко с жалостью произнес:

— Понял, брат, каков плод самоуправства? Понял, в чем твоя польза? Разве не постыдно получить такое наказание за неповинование и преслушание?

Умирающий с трудом разомкнул спекшиеся от жара губы и сказал:

— Прости меня, честный отче, я уже ухожу навсегда.

— Бог да простит тебя, брат, — сказал святой Савва и протянул ему руку.

Его рука преисполнилась такой силы, что, о чудо, умирающий поднялся. Авва окропил его святой водой и причастил, а после Божественной пищи Иаков вкусила и телесную. Он начал есть и постепенно поправился. На удивление всем, юноша стал таким крепким, что с постели вскакивал быстрее всех. Святой же за его непослушание наложил на него епитимию: никогда больше не подходить к тем постройкам. Когда же Патриарх Илия услышал о произошедшем, то решил, что их даже оставлять нельзя. Он немедленно послал людей и велел все разрушить и сровнять с землей.

Божественный Савва, желая воспитать из него (истинного) сына послушания, поручил ему обслуживать гостей Лавры. Однажды с Иаковом произошел такой случай. Он стал готовить бобы, а опыта в этом деле у него не было никакого, то наварил так много, что их хватило бы не на один день, а на три. Однако на следующий день Иаков взял оставшиеся бобы и, посчитав их ненужными, выбросил в ручей, протекавший у Лавры. Это не укрылось от блаженного Саввы, ибо, как говорится в Писании, *у мудрого глаза его в голове его* (Еккл 2, 14). Авва сразу незаметно прошел к ручью, собрал выброшенные бобы, немного посушил их на солнышке и отнес к себе. Через некоторое время святой позвал Иакова к себе на трапезу. Он взял бобы, которые тот недавно выбросил в ручей, искусно

приготовил их и сделал вкусное блюдо. После трапезы божественный Савва стал испытывать его.

— Прости меня, брат, — сказал он, — если еда не получилась такой, как мне хотелось бы, ведь готовить разные яства я совсем не умею.

Иаков ответил, что все было очень вкусно и что он давно не ел ничего подобного. Тогда святой сказал:

— А знаешь, чадо, что это те самые бобы, которые ты выбросил в ручей как ненужные. Так что подумай вот о чем: если ты не в состоянии распорядиться горшком бобов, чтобы хватило на всех без остатка, то как же ты можешь взять на себя руководство братией? Ведь апостол не случайно говорил: *Кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещь с Церкви Божией?* (1 Тим. 3, 5)

В таком духе святой наставлял Иакова. Он по-отечески помогал ему избавиться от расточительности и вместе с тем обличал его прежнее своеволие, чтобы он впредь не попадался в сети этой страсти. После этого он отпустил юношу с молитвой и благословением.

Позднее, когда Иаков стал безмолвствовать в своей келье, его начали крайне одолевать нечистые плотские помыслы и захлестывать страшные волны похотливых вожделений. Отшельник долго и мужественно сопротивлялся, но потом волны помыслов так потащили его, что ему показалось, что его терзаниям не будет конца (так всегда внушает враг, пуская в ход свои хитрости и козни). Разум у него помутился. Забыв о святых законах, он схватил нож и отсек себе детородный орган — так он попытался зле исцелить злом, к тому же худшим способом. От сильной боли и потока крови, несчастный громко закричал и стал звать на помощь.

Братья сбежались и увидели все это *нечестивое бесчинство*. Они оказали ему помочь, как сумели, и успокоили боль. Однако об этом узнал святой Савва. Как только страдалец поправился, он изгнал его из Лавры за покушение на свое здоро-

вье и членовредительство. Тут несчастного охватило глубокое раскаяние. Горечь отравила его душу, из глаз полились горячие слезы, а из груди вырвались тяжкие стоны. На него было жалко смотреть. И все, кто проходили мимо, от души жалели страдальца.

С этим Иаков пришел к блаженному Феодосию и рассказал ему о том, какую плотскую брань пришлось ему пережить, что он сделал с собой и как тяжело ему переносить изгнание из Лавры. Тот пожалел юношу, пошел вместе с ним к блаженному Савве и стал просить авву простить брата и оставить его в обители, наложив надлежащую епитимию.

А так как просьба исходило от друга, то святой Савва не мог отказать ему, тем более что в душе и сам того хотел. Он позвал Иакова и дал ему другие заповеди, в том числе и такую: ни с кем не общаться ни словом, ни жестом, кроме брата, который будет приставлен к нему. Так юноша снова стал безмолвствовать в своей келье, проявив великое покаяние. Он стал возносить особые молитвы к Богу, пока грех не был прощен ему, а как это произошло, сейчас увидите.

Как-то божественному Савве в видении явился некий муж, излучавший дивный свет. Светлый луч указал святому на покойника, лежавшего у ног Иакова, который молился Богу о мертвце. Тут раздался глас с неба:

— Иаков, твоя молитва услышана. Прикоснись к мертвцу, и он воскреснет.

Юноша прикоснулся, как было велено, и мертвый воскрес. А светоносный муж повернулся к Савве и объяснил, что означает видение: ему следует тотчас же пойти к Якову и сказать ему, чтобы он шел на божественную литургию. Так Яков появился в храме и присоединился к братьям, приветствовав их Христовым целованием. Затем он сходил к блаженному Феодосию и тоже приветствовал его целованием о Христе. А на седьмой день он с радостью покинул этот мир.

В. Из Патерика

Однажды мы пришли к одному из отцов и спросили:

— Если у кого-нибудь появился помысел, и чувствуется, что он вот-вот одолеет человека, который, хотя не раз читал, что отцы говорили об этом помысле, и пытался выполнить их совет, но безуспешно, то как лучше поступить: исповедовать помысел кому-нибудь из отцов или постараться самому применить то, что он читал, и руководствоваться своей совестью?

— Лучше исповедоваться тому, кто может помочь, — ответил старец, — а не полагаться на самого себя. Ибо никто не может помочь сам себе, особенно, если его мучают страсти. Со мной ведь в молодости тоже произошло нечто подобное. У меня была душевная страсть, и она меня мучила. Тут услышал я об авве Зиноне, что он многих исцелил от таких мучений, и решил пойти и исповедоваться ему. Но сатана мешал мне, внушая: если ты сам знаешь, что делать, то применяй то, о чем прочел в книгах и зачем тебе ходить и надоедать старцу? А когда я уже совсем готов был пойти к нему на исповедь, по действию диавола брань прекращалась, чтобы я никуда не ходил. Когда же я решал остаться в келье, страсть снова начинала терзать душу. Так враг долго меня обманывал, не давая исповедоваться. И не раз я уже отправлялся к старцу, чтобы рассказать ему о помысле, но враг не пускал меня. Он бередил мою совесть и говорил: «Ты и сам знаешь, как исцелить себя, так что за нужда рассказывать об этом еще кому-то? Ты и сам (можешь) о себе позаботиться и знаешь то, что говорили об этом отцы!»

Все это враг внушал мне, чтобы я не открывал свою болезнь врачу и не излечился. Между тем старец видел мои помыслы и мои мучения, но не обличал меня и ждал, когда я открою их сам. Он всегда давал мне наставления, как жить, и отпускал. В конце концов, я с горечью сказал себе: «До каких же пор ты, жалкая душонка, будешь увиливать от лечения? Люди приходят

к авве издалека и исцеляются. А у тебя врач под боком, а ты не лечишься?» И воспламенившись сердцем, я встал и сказал: «Вот сейчас пойду к старцу и, если у него никого не окажется, буду знать, что на то есть Божья воля, чтобы я открыл ему помысл». Я пришел, и у старца не было никого.

По своему обыкновению он дал мне наставления о спасении души и о том, как очиститься от скверных помыслов. А я опять постыдился открыться ему и поднялся уходить. Он встал, сотворил молитву и пошел проводить меня до двери. Раздираемый помыслами, сказать или не сказать ему, я шел за ним. Он обернулся и увидел, что меня мучают мысли, тихонько коснулся моей груди и спросил:

— Что там у тебя? Я ведь тоже человек.

Когда авва так сказал, я почувствовал, что он заглянул мне в самое сердце. Я упал ему в ноги и со слезами сказал:

— Прости меня.

— Что с тобой? — переспросил он.

— Разве ты не видишь, что со мной? — ответил я.

— Ты сам должен сказать, — сказал старец.

Тогда я, поборов стыд, исповедовал ему свою страсть.

— Почему же ты так долго стеснялся сказать мне? — спросил он. — Разве я не человек? Или хочешь, чтобы я сам сказал тебе о том, что вижу? Ты вот уже три года ходишь сюда с этими помыслами и не открываешь их, не так ли?

Я признался, что так, снова пал ему в ноги и сказал:

— Прости меня ради Бога.

— Возвращайся к себе, — сказал он, — не ленись молиться и никого не осуждай.

Я вернулся в свою келью. Молитву я не оставлял. По Христовой благодати и по молитвам аввы страсть уже больше не мучила меня. Однако год спустя у меня возник такой помысел: «Может, это Бог по своей милости исцелил тебя, а не старец?» Подумав так, я снова пошел к авве, желая испытать его. Когда мы остались наедине, я поклонился ему в ноги и сказал:

— Прошу твое бого любие, отец мой, помолись за меня о том помысле, который я когда-то исповедовал тебе.

Я остался лежать у него в ногах, а он, немного помолчав, сказал:

— Встань и верь.

Услышав это, я от стыда готов был провалиться сквозь землю. А, встав, я даже не смел поднять глаза на старца и вернулся к себе в келью, изумленный и потрясенный.

2. Старец сказал: «Кто становится безумным ради Господа, того вразумляет Сам Господь».

3. Брат спросил авву:

— Что мне не позволяет свободно открывать помыслы старцам?

Тот ответил:

— Врага больше всего радуют те, кто не открывает своих помыслов.

4. Авва Антоний говорил:

— Я знаю монахов, которые после многих своих трудов пали и сошли с ума. И все потому, что они возлагали надежды только на свои силы и не помнили заповеди: *Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе* (Втор 32, 7).

5. Он же сказал: «Если б было возможно, то монаху лучше было бы оставлять на усмотрение старцев даже, сколько шагов сделать и сколько капель воды выпить в келье, и спрашивать, не погрешил ли он в чем-нибудь. Допустим, брат нашел в пустыне место отдаленное и безмолвное и спросил духовного отца: «Позволь мне поселиться там, надеюсь, что ради Бога твоими молитвами много потружусь». Но авва не разрешил ему поселиться там, сказав: «Поистине знаю, что ты сможешь там много трудиться, но так как рядом с тобой не будет старца, ты будешь полагаться только на самого себя, в уверенности, что твои труды угодны Богу. И так как ты останешься доволен собой, считая, что совершаешь монашеское

дело как следует, то погубишь все свои труды и самый свой ум».

6. Авва Моисей сказал: «Монах, имеющий духовного отца, но не приобретший послушания и смирения, а сам по себе постяющийся или делающий еще какие-нибудь дела, кажущиеся ему благими, не стяжал ни одной добродетели и не знает, что такое монах».

7. Как вспоминал святой Пимен, авва Феон говорил: «Даже если кто-нибудь обретет добродетель, Бог не даст ему благодати, ибо Он знает, что человек может пренебречь своим трудом, но если он пойдет в послушание к ближнему, тогда благодать пребудет с ним».

8. Старец сказал: «Если докучают тебе нечистые помыслы, не смей скрывать их, но тотчас выскажи духовному своему отцу и изобличи их. Чем дольше человек скрывает свои помыслы, тем более они умножаются и обретают силу. Как змея, если выползет из норы, тотчас скрывается с глаз, так и лукавый помысел, будучи выявлен, тотчас гибнет. И как червь точит дерево, так лукавый помысел губит сердце. Открывающий свои помыслы вскоре исцеляется, а скрывающий их болен гордыней».

9. Авва Макарий жил в верхней пустыне и подвизался в одиночестве. А ниже была еще одна пустынь, где было много братьев. Как-то авва стоял у своей кельи и увидел сатану — тот шел по дороге в человечьем облике. Одет он был в льняной стихарь, весь в дырах и в каждой дыре виднелся пузырек. Старец узнал его и спросил:

- Куда путь держишь?
- Иду навестить братьев, — ответил тот.

Старец спросил:

- А на что тебе эти пузырьки?
- Братьям на пробу.
- И так много? — спросил старец.

— Да. Кому не понравится одно, предложу другое. Если и это не подойдет, дам третье. Смотришь, что-нибудь из всего

этого да придется по вкусу, — ответил сатана и продолжил свой путь.

Святой остался ждать у дороги, пока тот не пошел обратно. Увидев его, старец сказал:

— Как спасаешься?

— Какое там..., — ответил сатана.

— Это почему же? — спросил авва.

— Все обозлились на меня, — ответил сатана. — Никто даже на дух не переносит.

— Неужели у тебя нет друзей? — спросил святой.

— Да есть тут один, — ответил тот. — Только он и слушается меня. Как завидит, так крутится, как вихрь.

— А как зовут брата?

— Феопемп, — ответил сатана и пошел дальше.

Тогда старец встал и пошел к братьям. Узнав, что к ним идет Макарий, отшельники вышли к нему навстречу с пальмовыми ветвями в руках. Каждый навел порядок в своей келье, надеясь, что старец остановится у него. Но святой спросил, кто из них Феопемп и, отыскав его, зашел к нему в келью, и тот принял гостя с радостью. Когда они помолились и сели, старец спросил:

— Как поживаешь, брат?

Тот ответил:

— Твоими молитвами, отче, хорошо.

— Не одолевают ли тебя помыслы? — спросил старец.

— Пока все хорошо, — ответил монах, ибо стыдился сказать правду.

— А я вот уже сколько лет подвизаюсь, — сказал авва, — и меня все почтывают, но ведь меня даже при моих годах смущает дух блуда.

— Поверь, отче, и меня тоже, — признался брат.

Старец рассказал и о другие помыслах, которые якобы терзают его, и так вынудил монаха признаться во всем. Затем спросил:

— А как ты постишься?

— До девятого часа.

— Постись до вечера, — посоветовал авва, — подвизайся, учи наизусть из Евангелия и псалмы. А если придет помысел, никогда не думай о земном, но всегда о горнем, и Господь сразу тебе поможет.

Так старец, укрепив брата, вернулся к себе в келью. Как-то он опять стоял и смотрел на дорогу и снова увидел того же демона и спросил:

— А теперь куда путь держишь?

— Иду навестить братьев, — ответил тот и сразу ушел.

Старец решил подождать. Он смотрел на дорогу и вдруг видит, что нечистый идет обратно. Святой спросил:

— Ну, как там братья?

— Ужасно, — был ответ.

— Почему? — спросил старец.

— Злые они все. А, что хуже всего, у меня там был друг, меня слушался, а теперь и он испортился. Меня на дух не принимает и стал злее всех. Так что я зарекся туда ходить. Ну, если только через какое-то время..., — сказав это, он ушел.

А святой авва вернулся к себе в келью и возблагодарил Бога за спасение брата.

Г. Из святого Ефрема

Брат, внимай себе, чтобы не проникло лукавое слово в твое сердце, чтобы ты не принял этот помысел и не скрыл его от своего духовного отца. Иначе ты пострадаешь так же, как в древности тот, кто взял из заклятого (Нав. 7, 11) и скрыл в своем шатре или как Гиезий, слуга пророка Елисея. Не удалось им утаиться не только от Бога, но и от людей. Кто творит зло тайно, тот получает возмездие явно. Первого народ побил камнями (Нав 7), а второму навеки досталась в удел проказа, как и всем его потомкам (4 Цар. 5, 20-27). Ибо не солгал сказавший:

Бог поругаем не бывает. И что посеет человек, то и пожнет
(Гал 6, 7).

Д. Из аввы Исаака

Брат, если согрешишь в деле, не лги от стыда, но сразу же сделай поклон и скажи: «Прости меня», — и грех простится тебе. Пусть не будет на твоих устах одно, а на сердце другое. Ибо Бог поругаем не бывает. Он видит все: и тайное, и явное. Поэтому ничего не скрывай: ни помысел, ни скорбь, ни похоть, ни подозрение — обо всем открыто говори своему авве. И постарайся с верой исполнить то, что услышишь от него, и тогда брань против тебя затихнет. Ничему так не радуются лукавые, как человеку, который замалчивает свои помыслы, и добрые и злые. Вручи свое сердце в послушание отцам твоим, и благодать Божия почнет на тебе. Не полагайся на свой ум, иначе угодишь в руки врагов. Если ты молчишь и не открывашь свои помыслы, значит, ищешь почестей мира и его поズной славы. А кто открыто рассказывает о помыслах своим отцам, тот гонит их от себя. Постоянно советуйся с отцами и всегда будешь спокоен.

Е. Из аввы Кассиана

Признак истинного смирения — открывать отцам не только свои дела, но и помыслы. Такое делание подготавливает монаха к тому, чтобы преодолевать прямой путь без пороков и вреда для себя. Ведь свою жизнь он строит по совету и воле (старцев), и демонам уже невозможно сбить его с толку. К тому же даже просто откровенная исповедь отцам истощает и убивает всякие дурные помыслы. Как змея, стоит только вытащить ее из темной норы на свет, как она старается побыстрее скрыться с глаз долой, так и лукавые помыслы: если их открыть в чистой и откровенной исповеди, то они убегут от тебя.

2. То же самое рассказал мне о себе и авва Серапион: «Когда я был помоложе, то жил у моего аввы. Во время трапезы, пе-

ред тем как встать из-за стола, я по внушению дьявола крал сухарь и потом тайно от аввы съедал его. Так я таскал сухари довольно долго. Это превратилось у меня в страсть, и я уже никак не мог избавиться от нее. Только совесть грызла меня, а признаться в этом моему отцу мне было стыдно.

И вот по домостроительству человеколюбивого Бога к моему старцу пришли братья за наставлением и стали спрашивать его о своих помыслах. Он сказал, что ничего так не вредит монаху и не радует бесов, как сокрытие собственных помыслов от духовного отца. Он говорил им еще и о воздержании. Слушая его, я точно пробудился. Мне стало понятно, что Бог открыл ему мои грехи. Мною овладело раскаяние, из глаз полились слезы. Я вытащил злосчастный сухарь из-за пазухи, который привык таскать, упал в ноги авве, стал просить его простить меня за все прежние грехи и помолиться, чтобы больше такого не было. Старец же сказал:

— Чадо, раз ты покаялся, то, даже если я промолчу, грехи прощаются тебе. Демон терзал тебя до сего момента, пока ты молчал. А рассказав обо всем, ты стер его в прах, изгнал из своего сердца. Отныне в тебе не осталось места для него.

Не успел он проговорить эти слова, я увидел, как бесовская энергия ярким пламенем вышла из моей груди. Она наполнила смрадом всю келью. Можно было подумать, что горит целая гора серы.

— Вот видишь, — сказал старец, — каким знамением Господь подтвердил мои слова и твое освобождение.

И с той поры я навсегда избавился от страсти чревоугодия и диавольского вожделения, и они больше никогда не тревожили мой ум.

3. Из сказанного следует вывод: нет другого пути спасения, кроме как открывать свои помыслы отцам и не пренебрегать опытом наших предшественников. Ибо они не от себя говорили, но от Бога и богодохновенных Писаний передали нам заповедь: спрашивать опытных отцов. Этому можно поучиться

из множества мест Священного Писания, особенно из истории святого пророка Самуила (1Цар 2-3). Мать с детства посвятила его Богу, и он сподобился беседы с Богом. Но даже после всего этого он не поверил своему помыслу. Господь позвал его один раз, позвал другой, а Самуил все же пошел к старцу Илию и поступил по его совету и наставлению. Хотя Сам Бог признал его достойным, Ему угодно было воспитывать Самуила с помощью советов и наставлений старца, чтобы привучить его к смирению.

4. И Павла призвал Христос и говорил с ним. Он мог бы сам открыть ему очи и показать путь к совершенству. Нет, Он посыпает его к Анании и говорит, что Павел узнает путь истины от Анании. Бог сказал ему: *Встань иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно будет делать* (Деян 9, 6). Тем самым Он наставляет, чтобы и мы жили по руководству опытных людей. И апостол знал это и исполнял на деле. В посланиях он рассказывает, как ходил в Иерусалим видеться с Петром и Яковом и *предложил там благовестование, проповедуемое мною..., не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался* (Гал 1, 18; 2, 2). Можно только удивляться! Избранный сосуд! Восхищенный на третье небо и слышавший неизреченные глаголы Божии, кого благодать всюду сопровождала и подкрепляла слово завета последующими знамениями — он признается, что ходил за советом к тем, кто стал апостолом раньше него.

После этого неужели найдется такой хвастун и гордец, который услышит смиренные слова и не испугается? Кто не убоится самомнения, как геенны огненной и вечных мучений? Ибо Господь открывает путь к совершенству только тем, на кого укажут Ему духовносные старцы. Об этом он Сам сказал через пророка: *спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе* (Втор 32, 7)

Ж. Из аввы Варсонофия

Брат спросил старца:

— Меня послали в Святой град по делам киновии, и я спустился к Иордану помолиться, не попросив у аввы благословения. Я правильно поступил или нет?

Старец ответил:

— Без благословения ты никуда не должен ходить. Ибо то, что ты делаешь по собственному помыслу, даже если кажется хорошим, Богу не угодно. Соблюдать послушание пославшему тебя старцу и есть твоя молитва. И она угодна Богу, Который сказал, что Я пришел *не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца* (Ин 6, 38).

Брат спросил:

— А если я пойду куда-нибудь далеко и забуду спросить у аввы, где мне остановиться, как быть?

Старец ответил:

— Нужно поступать по обстоятельствам, но ради душевной пользы. Но не так, будто ты делаешь что-то хорошее, и все время помни: то, что ты делаешь без благословения, есть нарушение заповеди. А твой старец будет извещен об этом и простит тебе.

2. Брат задал еще вопрос:

— Что такое ложное знание?

Старец ответил:

— Ложное знание — это вера собственному помыслу, будто дело таково, как кажется. И если хочешь освободиться от этого, то никогда не верь собственному помыслу, каким бы хорошим он ни казался, лучше скажи себе: «Это бесы смеются надо мной, чтобы я поверил своему помыслу, будто у меня истинные знания и потому мне якобы не надо ни о чем спрашивать старцев и из-за этого стремглав низвергнуться (в пропасть греха). А старец всегда говорит истину, ибо говорит от Бога и не бывает подурашен демонами. Я же для бесов игрушка и посмешище».

3. Из Патерика

Один монах много лет боролся с бесом блуда. Он много трудился, но никак не мог избавиться от страсти. Однажды во время службы бедняга почувствовал, что похоть одолевает его опять. Он восстал против дерзкого бесовского воздействия и попросил братьев помолиться за него, чтобы получить хоть какое-нибудь избавление от страсти. Отбросив всякий стыд, он открылся перед всеми братьями и исповедал действие сатаны на себе, сказав:

— Помолитесь обо мне, отцы и братья. Вот уже четырнадцать лет как я страдают от этой браны.

И за проявленное им смирение брань тотчас оставила его.

2. Другого брата одолевала такая же блудная страсть. Он боролся с нею, усиливал подвиги, не давал уму принимать похотливые вожделения, но брань не прекращалась. Тогда он пришел в храм и объявил об этом всем собравшимся, и священники дали заповедь. Всю неделю монахи подвизались и молились о нем Богу, и брань оставила брата.

3. Еще один брат, боровшийся с блудной страстью, встал ночью, пошел к старцу и исповедал ему свой помысел. Старец утешил его духовным словом. Получив наставление, брат вернулся в келью. Однако брань тотчас же опять возобновилась. Он, не медля, снова вернулся к авве. Тот утешил его, и он пошел к себе. И всякий раз, если помысел беспокоил его, брат, не раздумывая, сразу шел к старцу. И тот охотно принимал его, укреплял и утешал наставлениями и отпускал. При этом он советовал ему не падать духом, но всегда, как только возникнет брань, приходить к нему и открывать козни лукавого. «Ибо ничто так не гонит его, как обличение и откровенная исповедь и вера со смирением», — говорил он. Так продолжалось довольно долго, пока Бог не призрел на терпение брата и великодушие старца и не избавил страдальца от браны.

*О том, что свои
помыслы следует
открывать рассудительным
отцам, а не каким попало,
как нужно исповедоваться
и спрашивать отцов
и с какой верой принимать
их ответ и что это дает*

21

А. Из Патерика

днажды встретились два брата, жившие в уединении. Один сказал:

— Я решил сходить к авве Зинону и спросить об одном помысле.

— Я тоже хочу, — сказал другой.

И они пошли вместе. Авва поговорил с каждым из них наедине, выслушав, в чем заключались их помыслы. Первый брат пал в ноги старцу, слезно умоляя помочь ему.

— Иди и не поддавайся врагу, не изменяй себе, никого не осуждай и не оставляй молитву, — сказал ему авва, и монах ушел от него, исцеленный.

Другой брат, рассказав о своем помысле, только попросил:

— Помолись об мне, авва, — но попросил без душевной скорби.

Через некоторое время оба брата встретились снова. Один спросил:

— Когда мы пришли к старцу, ты все рассказал ему о помысле, который собирался открыть?

— Да, — был ответ.

— Ну, и получил ли ты пользу, открыв ему все?

— Да, по молитвам старца Бог уврачевал меня.

— А я, — сказал другой, — хотя и открыл ему свой помысел, но не почувствовал исцеления.

Тогда брат, получивший от старца духовную пользу, поинтересовался:

— А как ты просил авву?

Тот ответил:

— Я просто попросил его помолиться обо мне, ибо у меня такой-то помысел.

— А я, — сказал исцеленный, — как только открыл ему помысел, оросил стопы его слезами, умоляя помолиться за меня. И по его молитвам Бог меня исцелил.

Старец рассказал нам об этом случае затем, что всякий человек, который просит кого-либо из отцов об избавлении от помысла, должен просить с душевной болью и от всего сердца, как Бога, и тогда получит избавление. А кто говорит о своем помысле равнодушно, тот не только не получает пользы, но и принимает осуждение.

2. Авва рассказывал, что один человек как-то впал в тяжкий грех, но потом раскаялся, с сокрушенным сердцем пошел к старцу и рассказал ему обо всем, но скрыл, что совершил грех, а только спросил, есть ли надежда на спасение для человека, испытавшего подобный помысел. Старец, не имевший представления, что такое различие помыслов, ответил:

— Ты погубил свою душу.

Когда брат услышал такое, подумал: «Раз я погубил мою душу, тогда вернусь в мир».

Но перед уходом он решил попрощаться и рассказать обо всем авве Силуану, обладавшему великим даром различения помыслов. Монах пришел к авве, но не сказал, что совершил

грех, а спросил его так же, как того старца. Отец Силуан ответил, ссылаясь на Писание, что просто помыслы не могут служить человеку в осуждение. Когда брат услышал это, он приободрился душой, обрел благую надежду и сразу стал рассказывать, как все было. Услышав его исповедь, авва, как хороший духовный врач, немедленно применил целительные бальзамы — слова Писания, присовокупив к ним, что есть покаяние для тех, кто сознательно возвращаются к Богу.

Когда мой старец, у которого я был учеником, зашел к отцу Силуану, тот и рассказал ему эту историю, добавив:

— А теперь этот ввергнутый в отчаяние и хотевший уйти в мир монах сияет среди братьев, как звезда.

Мы поведали об этом случае для того, чтобы все знали, насколько опасно доверять свои мысли и дела нерассудительным мужам.

Б. Из святого Ефрема

Если кто открывает тебе свои помыслы, смотри, брат, как бы помыслы не одолели и тебя, особенно, если не особенно бдительно око твоего разума. Тогда ты окажешься, как кормчий на корабле в свирепую бурю. Вот почему ты должен с самого начала догадаться, что последует дальше, и сразу же утешить скорбящего, прибегнув к средствам, которые мы унаследовали от святых мужей и испытали сами. Ибо Богу не угодно, чтобы люди падали один за другим — Господь хочет спасти всех. Ты же, возлюбленный, открывай свои помыслы не всякому человеку, но лишь тем, о ком ты знаешь, что это духовные люди, независимо от внешности или седин. Потому что, как говорил апостол, многие *имеют вид благочестия, а силы его отверглись* (2 Тим 3, 5). И Спаситель предупреждал: *Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их* (Мф 7,15-16).

Поэтому надо смотреть не на внешний вид (ведь дьявольские козни разнообразны), а на рассудительность человека.

Если в ком увидишь плоды Духа, то не скрывай своих помыслов от него. Иначе дьявол отыщет какой-нибудь темный уголок в твоей душе и затаится там, чтобы потом ввергнуть тебя в погибель. Будь осторожен, когда услышишь о грехах брата, бойся унижать его в сердце своем за то, что он сотворил, но больше удивляйся его обращению и откровенной исповеди. Ибо открывать свои падения духовным мужам — это признак исправления, страха Божия, смиренномудрия и веры.

Вот почему должно особенно изумляться этим братом, утешать его со всяческим смиренномудрием, как сказано в Писании, *наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным* (Гал 6, 1). И Бог через пророка Иезекииля говорил; *И ты, сын человеческий, скажи сынам народа твоего: праведность праведника не спасет в день преступления его, и беззаконник за беззаконие свое не падет в день обращения от беззаконаия своего* (Иез 33,12).

В. Из аввы Исаии

Если спросишь старца о помысле, то обнажи его перед ним полностью, раз ты знаешь, что он наверняка сохранит втайне весь разговор с тобой. А если кто-нибудь заговорит о помыслах, которые одолевают и тебя, не слушай их, а то еще начнешь враждовать с ними. Если брат доверяет тебе свои прегрешения, не пересказывай их никому: ведь это будет тебе же в погибель. Если спрашиваешь старцев о помыслах, говори не об уже совершенном, но лишь о том, что досаждает тебе сейчас. Не будь лицемером, который одно подменяет другим, не говори, будто другой это совершил. Но говори истину и будь готов исполнить то, что тебе скажут. Ведь старцев ты не проведешь, а себя выставишь посмешищем, если будешь спрашивать не так, как нужно.

Когда ты спрашиваешь старцев о бранях, не слушайся никаких внутренних подсказок, а только старцев. Сначала помолись Богу со словами: «Сотвори на мне милость и какова

Твоя воля, дай отцам моим сказать мне». Что бы они тебе ни сказали, все выполняй в точности, и Бог дарует тебе покой. Если ты легко поддаешься страстям, то берегись, не позволяй никому откровенно рассказывать тебе о своих страстных помыслах — такая беседа только погубит твою душу. Никогда не открывай своих помыслов перед всеми, чтобы не создать затруднений твоим духовным отцам, и пусть тебя покрывает благодать Божия.

Г. Из аввы Кассиана

Когда мы ходили к святым отцам в Скит, то зашли и к авве Моисею, мужу высокому своей добродетелью и премудрому в божественных делах. Кроме прочих душеполезных бесед, спросили мы его и о том, как исповедовать помыслы и как это делать. Мы сказали, что наша застенчивость и утаивание помыслов происходит обычно от ложного страха, потому что некоторые отцы, выслушав братьев, не только не исцеляли, но и укоряли и повергали их в отчаяние. С такими случаями нам самим пришлось столкнуться в одном районе Сирии.

Некий брат со всей простотой и откровенностью открыл душу одному местному старцу. Преодолев стыд, юноша обнажил перед ним потаенные уголки своего сердца. Старец же от его слов пришел в негодование и принял бранить беднягу за столь дурные помыслы, и многие другие монахи, узнав об этом, стали стыдиться открывать свои мысли святым.

Авва Моисей ответил нам:

— Это хорошо, чада, не скрывать свои помыслы от отцов, но исповедаться свободно и начистоту. И не слушаться своего мнения, а без всяких колебаний довериться опытности отцов. И все же тайны сердца нужно поверять старцам духовным, рассудительным и известным, а не каким попало или старым лишь годами. Ведь многие видят только возраст и внешний вид, открывают свои помыслы и, вместо исцеления, получают отчаяние, потому что не тех слушали.

Так, один брат весьма изнурял себя трудом, тем не менее бес блуда не оставлял его. Он пошел к старцу и открыл ему свою беду. А тот, будучи неопытен, услышав это, возмутился, назвал брата окаянным и недостойным даже носить монашеское одеяние, раз принимает такие помыслы. От его слов юноша пришел в отчаяние, оставил свою келью и пошел в мир. Но по Божию промыслу встретился с аввой Аполлом, самым опытным из старцев. Тот, увидев его очень мрачным и подавленным, спросил:

— Брат, чем ты так расстроен?

От глубокого уныния поначалу брат ничего не отвечал, но старец уговорил его рассказать о причине своей печали.

— Меня мучают блудные помыслы, — начал юноша. — Я пошел и открыл их старцу. И по его словам, у меня нет никакой надежды на спасение, и вот я ухожу в мир.

Услышав это, отец Аполлос долго успокаивал и вразумлял беднягу.

— Не удивляйся, чадо мое, — сказал он, — и не отчаивайся. Меня даже в моем возрасте крепко терзают такие же помыслы. Не падай духом — это искушение. Его исцеляет не столько человеческий труд, сколько человеколюбие Божие. Только об одном прошу тебя, сделай милость, возвращайся в свою келью.

Брат так и поступил. Авва Аполлос проводил его до самой кельи, а потом пошел к старцу, сбившему брата с толку. Он остановился перед его кельей и со слезами стал просить Бога:

— Господи, ты все делаешь к лучшему и даешь искушения для нашей же пользы, пошли напасти молодого брата на этого старца, чтобы он хоть в своем возрасте на себе познал то, чemu не научился за столь долгое время, и понял, что нужночувствовать тем, кого искушает дьявол.

После окончания молитвы авва увидел (черного) эфиопа, появившегося возле кельи и принявшегося метать стрелы в старца. Уязвленный ими, несчастный зашатался, как пьяный.

Не в силах вынести нападения, он выскочил на улицу и направился в мир той же дорогой, что и молодой монах. Увидев его, авва Аполлос вышел ему навстречу и спросил:

— Куда идешь, отче, и чем ты так встревожен?

Тот, сообразив, что святому известно случившееся с ним, от стыда ничего не мог ответить.

Тогда авва Аполлос сказал:

— Вернись в свою келью и впредь осознай свою немощь и пойми, что дьявол либо про тебя еще ничего не знает, либо презирает тебя и поэтому считает для себя недостойным даже воевать с тобой. И это действительно так, ибо ты и единого дня не смог выдержать его нападения. Это случилось с тобою за то, что ты, встретив новоначального брата, воевавшего с общим врагом, вместо того, чтобы воодушевить юношу на подвиг, вверг его в отчаяние. Ты забыл, что требует премудрая заповедь: *Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?* (Притч 24,11); или притчу Спасителя: *Тросты надломленной не преломит, и льна курящегося не угасит* (Ис 42, 3). Ибо никто не смог бы выдержать нападения врага или погасить разжения естества, если бы Божия благодать не защищала человеческую немощь. Вот так и исполнился на нас Божий замысел нашего спасения. Поэтому обратимся к Богу с общей молитвой, чтобы Он отвел скорбь, которую наслал на тебя. *Ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачают* (Иов 5,18). *Он умерицвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит* (1 Цар 2, 6).

Сказав это, авва помолился и тотчас избавил старца от брани и на прощание посоветовал ему просить у Бога дать ему язык мудрых, чтобы он мог словом подкреплять изнемогающего (Ис 50,4).

— Из этого очевидно, — продолжал Моисей, — что не существует иного надежного пути спасения, кроме как открывать свои помыслы опытным старцам, от них получать наставления

в добродетели и не доверяться своей воле и своим суждениям. А то, что встречаются некоторые простодушные и неискушенные старцы, вовсе не означает, что нужно скрывать свои помыслы от опытных отцов и не исповедоваться им. Из-за одного-двух неопытных нельзя пренебрегать и терять доверие ко всем другим. Как и в случаях с врачом, следует сначала убедиться, насколько он искусен, и только после этого открывать ему свои душевые раны. И его лечения не отвергать, а с благодарностью принимать, даже если это больно.

Д. Из аввы Варсонофия

Брат спросил старца:

— Скажи мне, отче, кого должно вопрошать о помысах и можно ли один и тот же вопрос задавать разным святым?

Старец ответил:

— Спрашивать нужно того, кому ты доверяешь и знаешь, что он может понести помыслы, и кому веришь, как Богу. А спрашивать другого о том же самом — признак безверия и искушения. Ибо если ты понимаешь, что Бог говорил (с тобой) через святого Своего, то зачем же искушать Бога, спрашивая о том же самом еще кого-то?

2. Брат спросил:

— Если и после полученного ответа помысел не оставляет, что должно думать и делать?

Старец ответил:

— Если навязчивый помысел и после ответа отцов продолжает смущать спросившего, значит, брат ничего не сделал и, выслушав ответ, явно не пребыл в чистоте и не проявил усердия для выполнения сказанного; он должен исправить ошибку и исполнить услышанное, ибо когда Бог говорит через святых Своих, тут лжи нет.

3. Брат спросил:

— Того же самого святого нужно спрашивать еще раз о том же деле или другого? Видишь ли, отче, как-то я обратился к од-

ному отцу о своем помысле, и он мне посоветовал: не делай этого, но когда я снова спросил его о том же самом, он мне сказал: делай. Как быть в таком случае?

Старец ответил:

— Брат! Божии *судьбы — бездна великая* (Пс 35, 7). Однако знай, что Господь влагает в уста старца ответ по сердцу вопрошающего для испытания его. Если в сердце вопрошающего происходит перемена, то он удостоится услышать иное; или если обстоятельства дела изменились, то Господь вкладывает в уста Своего святого другой ответ. Так, Он через Исаию говорил царю Езекии; ибо, сказал Он, *сделай завещание для дома твоего, ибо умрешь ты* (4 Цар. 20, 1). Сердце царя изменилось, и он опечалился. Тогда Бог через того же Исаию сказал ему: *прибавил Бог к жизни твоей еще пятнадцать лет* (4 Цар. 20, 6). Если бы Он сказал это через другого, произошел бы соблазн из-за того, что святые говорят по-разному (об одном и том же). И опять, говоря сообразно с сердцем ниневитян, Он сказал через Иону: «Через три дня Я разрушу город»¹. Когда же сердца их пременились к покаянию, Бог проявил к ним Свое человеческое и пощадил за то, что они исправились к лучшему (Иона. 3, 10). Поэтому никогда нельзя менять святого, но снова вопрошать его же. Если же возникает необходимость, чтобы Бог по какой-либо причине менял ответ, то это Он совершает чрез того же святого, дабы не произошло искушения.

4. Брат спросил:

— А если я получу наставление отца по какому-нибудь делу, пойду и сделаю, как он сказал, но увижу, что по совету старца ничего не получается, я впаду в отчаяние, не зная, что мне думать и делать?

— Ответ будет сходен с первым, — начал старец, — а в чем, вот послушай. По этому делу тебе сказали: «Делай так-то», но

¹ Ср.: Иона 3,4: Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена! Хотя в Писании сказано иначе, мы оставляем, как в греческом оригинале.

ты поступил иначе. Прежде всего тебе нужно исследовать, не из-за пристрастия ли своего сердца к этому делу ты не открыл всего Богу? И потому Он не допустил делу исполниться по совету отцов. Для своего вразумления пойми, что причина в тебе самом и нужно не приписывать ее ответу старцев, а винить лишь самого себя. (Вспомни) Елисея, он послал своего ученика воскресить мертвого, но тот не воскрес, и причина была не в пославшем, а в посланном, в противном случае как потом Елисей сам смог бы воскресить умершего? (4 Цар. 4, 29-36).

Тебе следует по силам стараться исполнить отеческий совет и вести дело в согласии с ним. В случае же безуспешности твоих стараний пойми, что произошло изменение обстоятельств: или ты действительно сам не смог (поступить так), как тебя заранее предупреждали, или в самом деле, или во внешних условиях действительно произошли перемены, и потому Бог изменил ответ тебе, как (произошло в случае) с Езекией и ниневитянами.

В случае же, когда рядом с тобой не окажется никого, чтобы попросить у него совета, то снова обратись к Богу и, назвав имя того же старца, скажи: «Боже, не попусти мне отклониться от воли Твоей и от совета раба Твоего, но возвести мне, как поступить». И если Он возвестит, что тебе делать, положись на то, что Бог говорил тебе через Своего святого и наставил тебя, и знай, что скорей всего произошли какие-то перемены, из-за чего Бог изменил исполнение ответа.

5. Брат спросил:

— Владыко, сколько раз нужно помолиться, чтобы получить извещение о моем помысле?

Старец ответил:

— Когда не можешь спросить своего старца, надобно трижды помолиться и потом смотреть: куда склонится сердце, хоть на волосок, то и делай, ибо от Бога посыпается полная уверенность, и сердцу будет непременно явлено это.

6. Брат спросил:

— Как должно молиться три раза, в разное время или тотчас же? Ведь нередко бывает так, что дело нельзя откладывать надолго.

Старец ответил:

— Если есть свободное время, помолись три раза в течение трех дней. В случае же крайней необходимости, когда оказываешься в трудном положении, как во время предания Спасителя, возьми за образец, что Он отходил трижды на молитву, и, молясь, трижды произносил одни и те же слова (Мф 26,44), хотя, по-видимому, и не был услышан, ибо надлежало непременно свершиться Божьему замыслу спасения (рода человеческого). Тем самым Он учит нас не печалиться, если во время молитвы не бываем услышаны, ведь Он лучше нас знает, что нам полезно. Наше же дело не прекращать благодарить Еgo, и Он сохранит нас.

7. Брат спросил:

— А если и после длительной молитвы не получаю извещения, что мне делать тогда? Но даже если и придет извещение, по моей вине оно может утаиться от меня, как узнать об этом?

Старец ответил:

— Если и после третьей молитвы не получишь извещения, знай, что ты сам в этом виноват. И если не понимаешь своего согрешения, повинись, и Бог помилует тебя.

8. Брат задал вопрос:

— Как следует поступать спрашивающему отцов: должен ли он непременно исполнять то, о чем спрашивает?

Старец ответил:

— Не все, но только то, что говорится ему как заповедь; ибо одно дело — простой совет по Богу, а другое — заповедь. Совет — это наставление не понудительное, но лишь показывающее человеку правый путь жизни; заповедь же налагается, как ярмо, и требует трудов, чтобы понести его.

9. Брат спросил:

— Отче, ты объяснил мне различие между заповедью и советом, по Богу данным. Объясни мне и признаки, чтобы их распознавать и силу того и другого.

Старец ответил:

— Если ты прибегаешь к отцу духовному, спросив его о чем-либо, не потому, чтобы желал получить заповедь, но для того, чтобы услышать от него лишь ответ по Богу, и он скажет, что следует тебе делать, ты должен непременно это исполнить. Когда поступишь так и получишь скорбь, не смущайся, ибо так бывает к твоей же пользе. Если же не захочешь сделать так, то хотя и думаешь, что не нарушаешь заповеди, потому что принял ее не как заповедь, но тем не менее ты захотел презреть полезное, то должен осуждать себя за это, ибо надобно верить, что все, исходящее из уст святых, служит к пользе слушающих. То же самое надлежит разуметь и тогда, когда старец сам от себя скажет тебе что-либо, подвигнутый помыслом по Богу, хотя ты вовсе ни о чем не спрашивал его, что и случилось однажды. Как-то один брат захотел пойти в город, а другой старец по собственному почину сказал ему:

— Если пойдешь туда, впадешь в блуд.

Тот не послушался, пошел и пал. А когда особенно спрашиваясь о каком-либо деле, желая получить заповедь, тогда должен сделать поклон и просить оную; получив же, опять сделать поклон, чтобы давший ее благословил тебя, и сказать ему:

— Отец мой! Сверх того, что ты дал мне заповедь, благослови меня и помолись, чтобы я исполнил ее.

Знай же, брат, старец дает заповедь не просто, но помогает молением и молитвами, чтобы ты мог сохранить ее. Если же, забывшись, не совершишь перед ним поклона, чтобы получить благословение, не думай, что заповедь была упразднена твоей забывчивостью, ибо она и в таком случае имеет силу, а только ты принял ее не так, как бы надлежало, и не в порядке. И если можешь, то не поленись пойти сделать поклон и

испросить благословение. Если же не можешь этого сделать, то знай: ты принял заповедь без внимания.

10. Брат спросил:

— Когда я прошу заповедь, а старец не намерен давать ее или, напротив, дает, когда не прошу, вменяется ли в таком случае сказанное им как заповедь и следует ли в точности соблюдать ее? Так как существуют правила церковные и изречения отеческие, письменно переданные, то неужели и их мы обязаны соблюдать как заповедь?

Старец ответил:

— Если тот, кого ты спрашиваешь, не намеревался давать заповедь, то сказанное им не вменяется в заповедь, хотя бы ты и сам просил этого. Если же он рассудил дать тебе заповедь, хотя ты сам и не просил об этом, то сказанное им есть заповедь и надобно соблюдать ее. И то надлежит принимать как заповедь, что определяют догматические правила¹ или изречения отцов, сказанные в виде определений. Но утверди это в своих мыслях не иначе, как после беседы с отцами, потому что ты сам не можешь правильно разуметь силу этих изречений. Итак, поговори с отцами и лучше покорись тому, что они скажут, и сохрани их слово нерушимо с помощью человеколюбивого Бога и молитв святых. Аминь.

11. Брат спросил:

— А если я нарушу заповедь по искущению, что тогда?

Старец ответил:

— Приняв заповедь от святых и нарушив ее, не смущайся и не отчаивайся до того, чтобы вовсе оставить ее. Вспомни того, кто сказал: *Семь раз упадет праведник и встанет* (Притч 24, 16). Вспомни и слова Господа Петру, чтобы он до седмижды семидесяти раз прощал брату своему (Мф 18, 22). Если же

¹ Имеются в виду не определения догматов веры, но правила, касающиеся христианской жизни, постановленные на Соборах и написанные некоторыми отцами церкви.

Он людям заповедал так прощать, то тем более простит Сам, преисполненный всяких милостей и превозмогающий все. Господь непрестанно взывает через пророка: *Обратитесь ко Мне, и Я обращуся к вам* (Зах 1, 3), ибо Я милостив и не хочу смерти грешника, — и так далее. Смотри не слушай, будто запрет на грех упразднен. Нет, эта заповедь по-прежнему в силе и учит покаянию. Относиться к ней лениво и небрежно опасно, ибо это серьезное дело. И не подумай смотреть на эту заповедь с презрением, как на какой-нибудь пустяк, но даже если и впадешь в подобную нерадивость, постараися исправиться, ведь ты же знаешь, даже маленькая небрежность ведет к большому греху.

12. Брат сказал:

— Помысел внушиает мне не спрашивать святых, чтобы, уразумев полезное, по немощи моей и небрежению не впасть в грех.

Старец ответил:

— Этот помысел весьма вредный и погибельный, и потому не слушай его. Ибо кто осознал свою греховность, тот всячески осуждает себя. А если не осознал, то никогда не осудит себя, и его страсти останутся неисцеленными. Дьявол внушиает такой помысел, чтобы человек не излечился от страстей. А когда помысел внушиает, что ты не можешь исполнить ответа по немощи, тогда спрашивай так: «Отец мой! Я хочу сделать то-то, скажи, что мне полезно, хотя я знаю, что, если ты скажешь слово, то не смогу исполнить и соблюсти его. Но все же я хочу этому научиться, дабы осуждать себя за то, что презрел полезное». Это ведет тебя к смирению. Господь да сохранит сердце твое молитвами святых. Аминь.

13. Брат спросил:

— Скажи мне, отче, почему, когда меня тяготят помыслы и я прошу старцев помолиться обо мне, только услышу их слова, моя душа сразу успокаивается?

Старец ответил:

— Когда корабль застигает буря, и волны швыряют его из стороны в сторону, если есть на нем кормчий, то он данной от Бога мудростью спасает судно. И пассажиры радуются спасению корабля. Также больной безмерно радуется от одного воспоминания о враче, не говоря уже о его помощи. И путнику на дороге, боящемуся разбойников, становится легче на душе от голосов сторожей и еще больше от их появления. Раз это так, то не больше ли радости и спокойствия дает ответ отца тому, кто слушает его, особенно, если его слово согрето горячей молитвой к Богу. Сам Господь сказал: *Молитесь друг за друга, чтобы исцелиться* (Иак. 5, 16). Отцы берут на себя страдания своего ближнего и с горячими слезами взывают к Своему Владыке Иисусу: *Наставниче, спаси, погибаем* (Ср.: Лк 8, 24).

— Если, — продолжал старец, — много может... молитва праведного (Иак 5,16), как говорится в Писании, то нужно без колебаний просить праведников молиться о нас. Даже если мы и не достойны, но благой Владыка примет ходатайство Своих рабов, как он уже не раз делал, и помилует нас. Потому что Господь, как сказано, *волю боящихся Его сотворит* (Пс. 144,19). И еще: *Воззвавши праведники, и Господь услыша их* (Пс 33, 18). Сколько раз бывало, брат, что разбойники разбегались, заслышав голос того, кто сильнее их. Так и мысленные разбойники, только заслышишт тех, кто превосходит их силой Духа, в страхе бросаются наутек. Потому что людям сказал Иисус, их Владыка и Заступник: *Мужайтесь: Я победил мир* (Ин 16, 33). И еще: *Се даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам* (Лк 10, 19). Так что, — сказал в заключение авва, — будем просить святых молиться о нас и будем вверять себя их представительству, ибо это приносит превеликую пользу.

Е. Из Патерика

Авва Пимен говорил: «Не доверяй свою совесть тому, о ком тебя не известило твое сердце».

2. Один брат впал в грех. Но когда он пришел к авве Лоту, то испугался так, что, едва войдя в келью, сразу же из нее выбежал, не успев даже присесть. Авва спросил его:

— Что с тобой, брат?

Тот ответил:

— Я совершил страшный грех, не могу даже говорить о нем.

Тогда старец сказал:

— Исповедуй его мне, и я возьму грех на себя.

Брат сразу пал на землю и сказал:

— Я покорился блудной страсти и принес жертву идолам, чтобы достичь желаемого.

— Воспрянь духом, — сказал старец, — ибо есть покаяние. Ступай, поселись в пещере и постись, вкушая пищу через день. И я приму на себя половину греха. Брат ушел и сделал так, как велел старец. Когда прошло три недели, старцу было божественное извещение, что Бог принял покаяние брата и простил ему грех. Позвав брата, авва рассказал ему о милости Божией. И брат оставался в послушании у старца до смерти.

3. Брат пришел к авве Пимену и спросил:

— Что делать, отче, если меня терзает блудная страсть? Знаешь, я ходил к авве Ивистиону, и тот сказал мне: «Не давай помыслу закоснеть в тебе».

— Авва Ивистион, — заметил авва Пимен, — пребывает высоко в небе вместе с ангелами, и не видит, что мы с тобой остаемся в блуде. Поэтому знай: если монах сидит в келье, обуздывает чрево и язык, пусть не унывает, ибо он не погибнет.

4. Брат, смущаемый блудным искушением, пришел к великому старцу и попросил:

— Окажи любовь, помолись обо мне, ибо я страдаю от блудного искушения.

Старец помолился Богу о нем. Брат снова пришел и сказал, что искушение его не оставляет. Старец тут же стал молиться Богу такими словами:

— Господи, открай мне, как живет этот брат и откуда такое искушение, ибо я молился Тебе, но он не получил облегчения.

И Бог открыл, что происходит с братом. Старец увидел: брат сидит в келье, и бес блуда рядом с ним. Ангел же Господень, посланный ему на помощь, стоит в стороне и гневается на брата за то, что тот не обращается к Богу, чтобы с помощью молитвы бороться с помыслами, но наслаждается этими помыслами, и весь свой ум предал во власть врага. Авва понял, что вся причина в самом брате, и когда тот пришел, сказал ему:

— Ты сам виноват, что сочетаешься с помыслами, — и научил его, как противостоять им. Брат вразумился и благодаря молитве и поучению старца, обрел успокоение.

5. Брат, мучимый войной с блудными искушениями, пришел к старцу и попросил его помолиться, чтобы прекратилась эта война. Авва сжался над ним и молился о нем Богу всю неделю. На седьмой же день он спросил:

— Как твоя битва, брат?

— Плохо, отче, — был ответ, — я не чувствую никакого облегчения.

Старец удивился. И вот, явился ему ночью сатана и сказал:

— Поверь, старче, с первого дня, как ты стал молиться Богу, я отступил от него, но у него есть собственный бес и своя битва — с чревоугодием. Я не принимаю участия в этой его войне, но он сам на себя ополчается, потому что много ест, пьет и спит, иногда до сытости, а иногда и забывая всякую меру.

6. Брат спросил старца:

— Если придет ко мне скорбь, а рядом не окажется надежного человека, с кем бы я мог разделить ее, как мне быть?

Старец ответил:

— Верю, что Бог ниспошлет Свою благодать и поможет тебе, если ты по-настоящему будешь молиться. Я слышал, что в Скиту было такое происшествие. Жил один подвижник, и он,

не видя вокруг никого, кому можно было бы исповедоваться, с вечера приготовил плащ, чтобы рано утром пойти на исповедь. Однако ночью явилась ему благодать Божия в образе девы и сказала: «Никуда не ходи, но сиди здесь рядом со мной, ибо ничего страшного не произошло от услышанного тобой». Он послушался, остался в келье, и тотчас уврачевалось его сердце.

Ж. Из святого Варсонофия

Брат спросил старца:

— Обо всех ли рождающихся в сердце помыслах нужно спрашивать старцев?

Тот ответил:

— Обо всех не требуется, ибо они быстро проходят, но вот о задерживающихся в тебе и борющихся с тобой обязательно нужно. Человек, которого много бранят, презирает бранящих его и не обращает на них внимания. Но если кто-то из них полезет в драку и изобьет его, то он сразу же обратится к правителью и предъявит обвинение против задиры. Так нужно поступать и с помыслами: если они нападают и не отстают от тебя, то пойди и расскажи о них старцам.

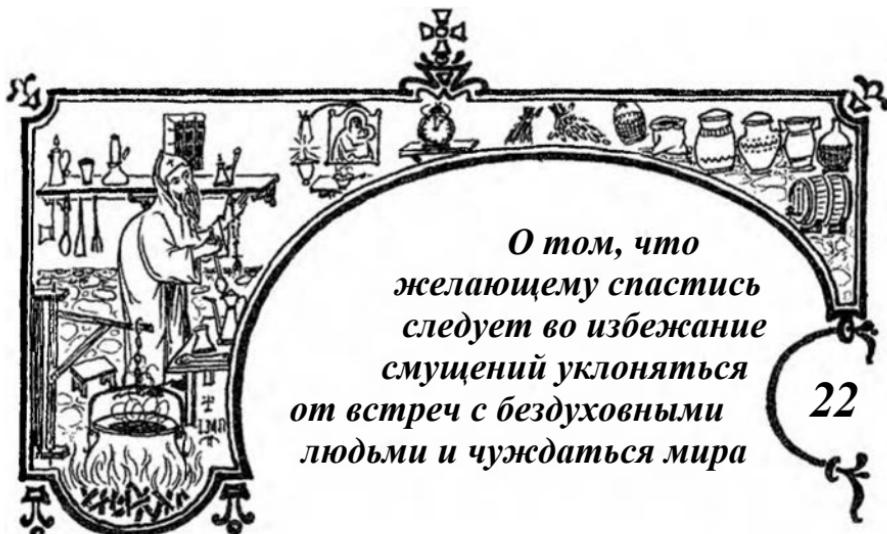
Брат сказал:

— Почему так получается: после того, как я задам вопрос, сразу осуждаю других?

Святой ответил:

— Осуждение других происходит с тобой потому, что в тебе еще не умерло оправдание. Суди самого себя, и перестанешь судить других.

*О том, что
желающему спастись
следует во избежание
смущений уклоняться
от встреч с бездуховными
людьми и чуждаться мира*

22

А. Из Палладия. К сановнику Лавсу¹

збегай, как можешь, общения с мужами бесполезными, до неприличия озабоченными своей внешностью, даже если это монахи, а тем более миряне: от их лицемерия один вред. Конечно, их седая голова и морщины на лице говорят о глубокой старости, а их благородные манеры приятны. Но тебя может задеть в них что-нибудь самое незначительное, и твой разум не устоит. Ты начнешь превозноситься и насмехаться над ними и повредишь себе тем, что впадешь в гордыню.

Б. Из Григория Двоеслова

Некий диакон из Нурсии отправился к Божьему человеку Флорентию, аскету (он безмолвствовал в уединении), дабы попросить его помолиться о себе. Когда он подошел ближе к келье

¹ Взято из предисловия к «Лавсанику», адресованному Лавсу, другу Палладия. Его должность препозит переведена как правитель, но, тут, пожалуй, больше подходит – сановник, высокопоставленный чиновник императорского двора.

святого, то увидел, что все вокруг кишит змеями, и со страху закричал:

— Раб Божий, помолись!

И тут произошло явное чудо. Из кельи вышел Флорентий и, увидев такое множество змей, поднял глаза и руки к небу и начал молиться, чтобы Господь, если Ему угодно, истребил ползучих гадов. Тотчас же грянул гром и убил всех змей. Увидав, что те мертвы, Божий угодник воскликнул:

— Господи! Ты поразил гадов. Но кто же очистит землю от них?

И тут же налетело множество птиц (их было ровно столько же, сколько и убитых гадов), и каждая, взяв по змее, унесла с собой, и все поле полностью очистилось.

Петр. Каким же добродетельным и великим был этот святой муж, если всемогущий Бог так скоро внял его молитве!

Григорий. Чистота и незлобивость сердца, Петр, могут многое удостоиться от Того, Кто Один лишь чист и незлобив. Ведь Его служители далеки от земного. Им чуждо пустословие, и они не допускают своему уму рассеиваться в праздных словах. Они стремятся уподобиться Богу в чистоте и незлобии, и Бог всегда их слышит прежде других. Мы же, погрязшие в мирской толчее, подчас ведем разговоры праздные, а нередко и пагубные. И чем ближе наши уста к суетному миру, тем дальше они от всемогущего Творца. Наше повседневное общение с мирянами низвергает нас (в погибель). Вот почему справедливо укорял себя пророк Исаия, когда явился ему Царь и Господь Саваоф: *Горе мне! Погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами* (Ис 6, 5).

Почему у него такие уста, он объяснил так: *И живу посреди народа также с нечистыми устами*. Пророк страдал от нечистоты своих уст и сказал, откуда она у него — он живет среди народа с нечистыми устами. Ум не может не оскверниться от общения с мирянами. Соглашаясь встречаться с ними, мы незаметно привыкаем к ним, а это нам не полезно. Потому что, в

конце концов, мы с удовольствием продолжаем и не собираемся избегать этого, превращаясь в рабов привычки. Так от празднословия мы переходим к душевредному, от легкомыслия — к греху. А потом уже и Бог не слышит просьб, исходящих из наших уст, по мере того как они оскверняются празднословием.

Ибо написано: не будут услышаны молитвы того, *кто отклоняет ухо свое от слушания закона* (Притч 28, 9). И что же тут удивительного, что Господь не скоро слышит наши просьбы? Мы сами или слишком поздно, или совсем не слушаемся Его повелений. А Флорентий быстро исполнял заповеди Господа, и не удивительно, что его молитва была сразу услышана.

В. Из жития святого Антония

Святой Антоний больше всего любил находиться на своей горе. Все же однажды ему пришлось спуститься вниз ради тех, кому это было необходимо, и ради военачальника, который много раз просил его об этом. Антоний спустился, дал небольшое наставление о спасении и о том, что военачальнику нужно было услышать и собрался было пойти обратно, как тот попросил его задержаться. Святой сказал, что не может дольше оставаться с ними.

— Как задыхаются рыбы, оказавшись на суше, — пошутил он, — так задыхаются и монахи, которые задерживаются и пребывают среди вас. Вот почему рыбе нужно море, а нам — высокие горы, иначе мы потеряем самих себя.

Г. Из Патерика

Брат попросил старца помолиться за него, потому что спешил в город. Старец сказал ему:

— Не спеши в город, но спеши бежать из города и спасешься.

2. Авва Иоанн Колов однажды услышал во время жатвы, как один брат с гневом сказал своему ближнему:

— Да ты такой-сякой...

Оставив жатву, авва покинул поле.

3. Ученики аввы Евлогия рассказывали, что когда старец посыпал их в Александрию продавать рукоделье, то давал заповедь — не оставаться в городе больше трех дней.

— А останетесь больше трех дней, — говорил он, — то вины моей в ваших грехах не будет.

— Почему же, — спросили мы, — другие монахи живут себе в городах и всячах, днем и ночью вращаются среди мирян — и ничего?

— Поверьте, чада, — ответил старец, — после пострижения в монахи я тридцать восемь лет не покидал Скита. И вот однажды мы с аввой Даниилом пошли к патриарху Евсевию в Александрию по одному делу. Едва войдя в город, мы встретили много монахов, и я увидел своим внутренним оком: на одних капают вороны, других обнимают нагие женщины и что-то шепчут им на ухо, третьих бьют по щекам голые мальчики и пачкают их человечьим дерьямом. Увидел я и таких, кто с ножами в руках отсекали человечье мясо и кормили монахов. И я понял: какой страстью кто из монахов одержим, такой бес и ходит за ним по пятам и разговаривает с ним через помыслы. Поэтому, братья, я не хочу, чтобы вы когда-либо задерживались в городе и вас терзали подобные помыслы, тем более бесы.

Д. Из святого Ефрема

Братья, вы знаете, что, прия в монастырь, мы отреклись от мира и всяких его страстей. А раз мы умерли для мира и его житейских забот и суеты, то что же нас тянет к нему опять? Мысль о пропитании, но не о наслаждении. Телесные нужды мы обеспечим собственными руками, и Господь поможет нам в этом. И потому давайте избегать мира и всего мирского. Даже близко подходить к нему не станем, чтобы не нарушать обета. Ибо, как говорится в Писании: *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим 2, 4). И еще: *занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас.* (2 Фес 3, 8)

Ведь даже когда мы сидим в своей келье и безмолвствуем и не в силах достойно противостоять своим страстным помыслам и вещественным образом, то не гораздо ли быстрее мы угодим в плен, если бросимся в самую гущу вражеского войска? Греха нет, когда ты идешь по делу в город или деревню по благословению настоятеля и исполняешь, что тебе велено со страхом Божиим. Но ведь бывают и такие, кто под предлогом послушания услаждают в себе желания ветхого человека. Ты же будь мудр и смотри, как бы тебе, вместо золота и серебра, не всучили грязь да нечистоты, и вместо послушания, не склони себе неприятности за преслушание.

Какую пользу получили спутники Иисуса Навина и Халева от того, что отправили их разведать землю? Они не устояли в истине и по возвращении сказали ложь, отвратив сердца сынов Израиля от Господа! Это, очевидно, было скорее преслушание, чем послушание, и потому они погибли вместе с остальным народом. Отсюда ясно, что когда тебя пошлют на послушание, со страхом Божиим делай, что велено, как если бы сам Бог смотрел на твои дела. Ничего не твори по своей воле: ничего не прибавляй и не убавляй, но все делай так, чтобы иметь в виду цель и делание того, кто тебе это приказал. Тогда за свое послушание ты удостоишься богатой и щедрой награды. Знай, брат, кому нравится общение с мирянами, тот не возненавидел мир. Как дующий на угли костра получает большой огонь, так и разговоры с мирянами разжигают страсти в сердце монаха.

Е. Из Антиоха Пандекта

Поистине хорошо и весьма полезно, брат, отвращаться от неуместных бесед с мирянами, дабы избежать происходящего от этого вреда. Ведь миряне говорят только о делах века сего. От этого ум становится расслабленным и неспособным к духовной деятельности, в нем истощается стремление к аскетизму, а отход от отшельничества ведет к упразднению и монашеских

правил. Поэтому подвижники и убегали в пустыни. Они удалялись от всего этого, чтобы без помех собеседовать с Богом. Пока девица скрывает себя, она мила всем. Но стоит ей показаться, то она уже нравится далеко не всем. Более того многие начинают осуждать ее. Так и монах. Когда он удаляется от людей и предает себя Богу, оставаясь в полной бевзвестности, он в чести у Бога и ангелов, тем более у людей. Но стоит ему сойти с высоты созерцания и (богоугодной) жизни, окунуться в житейские заботы и разговоры, он становится неугодным Богу и презренным для людей.

Нам полезно бежать от мирян и уклоняться от их душевредных разговоров, скрываться в своей келье и так спасаться, *аки серна от тенет и яко птица от сети* (Притч 6, 5). Ибо для стремящихся к спасению мирские беседы — сущие тенета и сети. Они бесполезны, многословны и только переполняют ум, отвлекая его от сладчайшего собеседования с Богом и стремления к Нему, да к тому же своей суэтностью погружают его в пустое суесловие.

Что у нас может быть общего с миром поверхностных людей и с мирскими делами? Неужели нам нужно узнать еще что-то об этом? Монах отрекся от мира и преклонил свою выю под сладостное ярмо Господа и поэтому не имеет уже своей власти. Он уже не оборачивается назад, но стремится в долинах смиренномудрия наполнить амбары божественным зерном, напоенным дождем небесного и живодательного Духа, ибо душа радуется такой влаге, пробуждающей мысли. Кто хочет жить в безмолвии и, не рассеиваясь умом, собеседовать с Богом, тот должен меньше общаться и реже выходить из кельи.

А если возникнет необходимость поговорить с кем-нибудь, с духовными отцами, братьями-сподвижниками или с ищущими пользу монахами — вот с ними и нужно встречаться. Ведь такая беседа считается богословием, и в любом случае ты или принесешь пользу им или сам ее получишь. Иногда

миряне приходят к нам, чтобы получить пользу. Скажем им немного слов, приправленных божественной солью, и отпустим их. Ведь лучше созидать в духовном немногословии, чем в мирском многословии. Но еще лучше — помочь им молитвой, а добродетелям научить самим делом. Хорошо, конечно, словами приносить пользу тем, кто нас слушается, но гораздо лучше давать им в помощники добродетель и молитву.

Ж. Из аввы Исаии

Если кто-нибудь начнет говорить тебе что-то вредное, постарайся не слушать его, чтобы не погубить свою душу. Не стыдись за него, не сочувствуя ему и не терпи сказанное, успокаивая себя тем, что в душе ты, мол, не согласен с ним. Не говори так. Ты ведь не выше перворожденного Адама, которого Бог сотворил собственной рукой, — ему злое нашептывание (змея) не принесло пользу. Поэтому беги и не вздумай слушать его. А когда твое тело побежит от него, а тебе захочется узнать сказанное, то даже если ты хоть краем уха услышишь пол слова, демоны тут же этим воспользуются и убьют твою душу. Так что, уж если бежишь, то беги без оглядки.

З. Из аввы Марка

Не желай слушать о чужих пороках, ибо в таком случае образы этих пороков отобразятся в твоей душе. Если услышишь злословие, то гневайся не на говорящего, а на себя самого. Ведь злые вести — от отца зла и его вестника.

И. Из аввы Исаака

Избегай стяжателей и стяжательства, удаляйся от роскоши, как и от живущих в роскоши. Беги прочь от развратников и разврата. Ведь если даже простое воспоминание о сказанном будоражит сознание, то насколько ужаснее видеть и жить с такими людьми. Лучше будь с праведниками и с их помощью приблизишься к Богу. Дружи со стяжавшими смиление и

учись их образу жизни. Ведь если мы получаем пользу даже от одного воспоминания о них, то насколько же полезней учение, исходящее из их уст.

К. Из Патерика

Однажды к Авве Макарию пришли из Александрии семь братьев, чтобы испытать его, и спросили:

— Скажи нам, отче, как нам спастись?

Старец, вздохнув, отверз свои пресветлые уста и сказал:

— Братья, каждый из нас знает, как спастись, но мы не хотим быть спасенными.

— Мы очень хотим спастись, — возразили они, — но нам не дают лукавые помыслы. Что нам делать?

Старец ответил:

— Если вы монахи, зачем вращаетесь среди мирян и сближаетесь с мирянами? Ибо отрекшиеся от мира и носящие святую монашескую одежду, но при этом остающиеся среди мирян обманывают сами себя. И весь их труд напрасен, потому что они удалились от страха Божия. Ибо что они могут позаимствовать у мирян, кроме телесного отдыха? А где плоть получает отдохновение, там не может пребывать страх Божий, особенно у монаха. Ведь он потому и называется монахом, что днем и ночью собеседует с Богом, только о Нем помышляет, и ничего иного у него нет на земле. Быть же среди мирян, находиться среди них монах может день, ну, от силы два, да и то по нужде, чтобы продать свое рукоделие и купить необходимое для себя, быстро вернуться обратно, покаяться перед Богом за этот один или два дня, проведенные в миру ради удовлетворения насущных потребностей.

Кто поступает иначе, постоянно ходит к мирянам без всякой необходимости, а так, для времяпрепровождения, тот в сущности и не монах вовсе. И, в конце концов, он не получает никакой пользы, вернее всего от жизни с мирянами он приобретает вот такие качества. Поначалу, когда он сближает-

ся с ними, то обуздывает свой язык, постится, смиряется, пока о нем не узнают и не прославят его, что такой-то монах — ну, прямо раб Божий. Вот тут сатана внушает мирянам нести ему все необходимое: вино, золото и тому подобное и говорить про него: «Святой! Святой!» Услышав такое, этот смиренный брат начинает кичиться, садится вместе с ними за стол, ест, пьет и отдыхает. Молитвы он поет громче всех, чтобы миряне потом говорили, что такой-то монах поет псалмы и бодрствует, и прославляли его. От похвал он еще больше гордится и превозносится, и тут смиление оставляет его окончательно.

Стоит кому-нибудь сказать ему грубое слово, он ответит еще грубее. Так, гневливость, подогреваемая гордыней, начнет расти в нем. С яростью загорятся в нем похотливые вожделения, потому что его постоянно окружают женщины, мальчики и мирские разговоры. Он даже не замечает, как из-за этого впадает в прелюбодеяние. Как говорится, *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем* (Мф 5, 28). К тому же теперь он озабочен тем, чтобы запастись всем необходимым на весь год, для себя и для своих гостей. Потом он эти запасы удваивает, дабы как можно лучше удовлетворить тех, кто приходит к нему, и для этого копит золото и серебро. Тем самым он продолжает умножать свою беду, пока демоны окончательно не посмеются над ним, что удалили его от Бога, низвергнув в пропасть сребролюбия. По слову апостола, *корень всех зол есть сребролюбие* (1Тим 6, 10). Как далеко земле до неба, так и сребролюбивому монаху — до славы Божией. Нет большего зла, чем сребролюбивый монах.

Монаху, который участвует в мирских разговорах, потребуются молитвы многих святых отцов, если только им удастся оказать ему хоть какую-то помощь. Ибо кто в силах спасти человека, который сам себя вверг в погибель? Разве мы не слышали, как апостол Иоанн говорил: *Не любите мир, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей* (1 Ин 2, 15).

И брат Господень Иаков сказал: *Кто хочет быть другом миру, становится врагом Богу* (Иак 4, 4). Потому что дружба с миром есть вражда с Богом.

Так что, братья, будем бегать от мира, как от змеи. Ибо если кого ужалит змей, то он или умирает, или остается в живых. И нам лучше вести одну войну, а не бесчисленное множество. Скажите, братья, где наши отцы стяжали добродетели, в миру или пустыне? Конечно же, в пустыне, вдали от мирян. А как мы в миру сможем обрести добродетель? Если мы не будем страдать от голода, жажды и холода, удаляться от всего мирского и не умрем для всех плотских вожделений, как оживем душой? Как мы достигнем Царства Небесного? Ведь если воин не сражается, не побеждает и не приносит богатства, то и не получает почестей. И как же мы удостоимся Небесного Царства, если едим, пьем и живем среди мирян так же, как и до монашества!

Монах, который копит золото, серебро и всякие припасы, не верит, что Бог, питающий зверей, китов и прочих морских обитателей, [не?] может прокормить его. А раз Он не может дать нам хлеб, то не даст и Своего Царства. Тогда ради чего мы страдаем? Скажите мне, братья, ангелы на небесах копят золото с серебром или славу Божию? А мы для чего отреклись от мира? Чтобы опять собирать золото и материальные блага? Или чтобы стать ангелами? Разве вы не знаете, что число низвергнутых с небес ангелов восполнят монахи? Об этом же говорит и наше одеяние, которое так и называется ангельским.

2. Брат спросил авву Пимена:

— Что мне делать с бесполезными дружескими знакомствами, которые у меня есть?

Авва ответил:

— Найдется ли на свете человек, который хрюпит в предсмертной агонии и при этом увлечен мирскими знакомствами? Не приближайся и не прикасайся к мирским знакомствам, и они сами по себе тебя оставят.

3. Старец сказал: «Согрешивший перед Богом должен уйти прочь от всяких отношений с людьми, пока не получит извещение, что стал другом Божиим. Ибо любовь людей не дает любви к Богу».

4. Старец говорил: «Умрет в городе человек и не слышит ни звуков в доме и не видит никого из посетителей. Он переносится в иной мир, куда не доносятся голоса и шум города. Таков и монашествующий. Когда он отрекся от мира и переселился в область монашеской жизни, он должен стать мертвым для всех мирских пристрастий, забыв о попечениях и смятениях суетного и душетленного бытия, ибо он уже так далеко. А если он отрекся от мира, а свое отечество не покидает и живет среди всей этой суеты, то подобен мертвцу, лежащему в доме и смердящему, так что все чувствующие запах бегут от него прочь».

5. Еще он говорил: «Мясо, если не просолено, гниет так, что из-за дурного запаха все воротят от него нос, и черви ползают по гнилому мясу, заводятся в нем и поедают мясо, в котором гнездятся. А если применить соль, то заведшиеся внутри черви уничтожаются и исчезают, и дурной запах развеивается, ибо природа соли губит червей и истребляет зловоние. Таким же образом и монах, предавший себя земным вещам и суете, не безмолвствующий в своей келье, не вооружающийся страхом Божиим и не причащающийся силе Божией, которая есть молитва, пост и бдение, то есть духовная соль, начинает гнить и наполняется зловонием от множества лукавых помыслов. И отвращается лицо Бога и ангелов от ужасного зловония суетных помыслов и тьмы страстей, в таковой душе действующих, и порочнейшего рассудка этого человека. Заведутся в нем умопожирающие черви, т. е. духи лукавства и силы тьмы, для которых чем больше зловония, тем лучше. Они будут пользоваться в нем и размножаться, ибо для них нет лучшей пищи, чем гниль нечистых помыслов и дел. Так и растлится жалкая душа и погибнет.

Если монах почувствует этот вред и прервет все внешние увлечения и всего себя вручит Богу и на Него только будет надеяться и всю свою заботу и все время обратит на то, чтобы благоугодить Ему, то весьма скоро Бог ниспошлет этому молитвеннику духовную соль, то есть благого и человеколюбивого Духа. Когда Дух придет, все страсти и в них и через них действующие бесы тотчас исчезнут и, как дым, рассеются.

Л. Из святого Ефрема

Брат, не лезь в грязную глину страстей и держись подальше от мужей, которые Бога не боятся. Один воробей залетит за ограду, и множество других за собой приманит. Так и тот, кто сам коснеет в грехах, других тоже толкает в пропасть зла. Поэтому избегай тех, кто любят безделье и презирают безмолвие. Уходи от любителей пирров, которые еще имеют дерзость говорить: «Я сейчас тебя накормлю, а ты меня — завтра». Ибо если ты согласишься с их предложением, то жизнь твоя перестанет быть добродетельной, превратившись в обиталище для любых страстей. Подражай тем, кто, пламенея духом, идет узким и скорбным путем. Тогда достигнешь вечной жизни.

*О том, что следует
всячески удаляться от тех,
кто вредит тебе, будь то
друзья или нужные люди*

23

А. Из Патерика

авва Агафон говорил: «Даже если я очень люблю кого-нибудь, но пойму, что он вводит меня в грех, то отсекаю его от себя».

2. Старец советовал: «Нужно бежать от *всех, делающих беззаконие* (Пс 6, 9), будь то друзья, родственники, священники или даже всемогущий царь. Ведь когда мы отвергаем творящих беззаконие, то проявляем свою любовь к Богу, и Он дарует нам мужество».

3. Он же сказал: «Не полезно связываться с беззаконниками в церкви, на рынке, в совете — следует полностью избегать участия с ними в каком бы то ни было деле. Ибо всякий беззаконник достоин отвращения и осужден на вечные муки».

4. Старец сказал: «Не селись там, где увидишь, что кто-то завидует тебе, ибо там ты не преуспеешь».

5. Монах спросил старца: «Если брат оскорбит меня, следует ли мне делать земной поклон перед ним?»

Старец ответил:

— Сделай и отсеки его от себя. Вспомни слова аввы Арсения: «Ко всем имей любовь и от всех держись подальше».

Б. Из святого Ефрема

Братья, остерегайтесь злых советов. Как-то два человека оделись понаряднее и в таком виде пошли на рынок. Один нечаянно споткнулся, упал в грязь и испачкал все свое роскошное платье. От зависти он тут же стал толкать и товарища в грязь, чтобы не одному было позорно. Так поступают многие: сами отпадут от добродетели и стараются других тоже потянуть за собой, чтобы позориться не в одиночку. При этом они говорят смиренно, с елейным видом, лишь бы любыми способами совратить тех, кто им доверится, и увлечь их в ту же яму. Они не только не стыдятся вести себя скверно, но откровенно говорят ближнему:

— Ну, и что тут такого? Все мы грешники. С кем не бывает. Такова жизнь: не согрешишь — не покаешься.

Такое и тому подобное мелют они и даже не краснеют. А чего им краснеть? Они пали и вставать не собираются. Им лишь бы соблазнить других к падению и пороку — как наживку на крючок дьяволу. Подобным лицемерам доставляет особое удовольствие обманывать нестойкие души и ввергать их в погибель. Вот поэтому остерегайся таких людей, возлюбленный, чтобы они не соблазнили тебя сладкими словесами и не увлекли за собой в вечный огонь.

2. Как-то один брат наставлял другого о Господе. Мимо проходил инок, и брат позвал его:

— Вот, я наставляю его, а он не хочет меня слушать.

— Обязательно должен слушать, — сказал инок. — Уверен, что даже если ты дашь плохой совет, он все равно пойдет ему на пользу.

— Ни в коем случае, — возмутился брат. — Он не должен слушать меня, пока не убедится, что это угодно Богу. Если совет — против Божией воли, то не нужно слушать не только меня, но даже пророка. Недаром апостол говорил: *Но если бы даже мы или ангел с неба стал благовестовать вам не то, что мы благовестовали вам, да будет анафема* (Гал 1,8). А кем были

выступившие против Сусанны¹ в Вавилоне? Разве не старейшинами? И не просто старейшинами, но судьями и вождями народа. Но они не были внимательны к себе, поэтому так низко и пали. Даже высокое положение не спасло их.

Брат, трезвись и внимай себе, ибо у врага козней много. Ведь если лукавый заметит монаха, усердного в Божьих делах, тотчас подсыпает к нему самого нерадивого брата. И тот начинает без причины несправедливо оскорблять его, дабы ввести подвзывающегося брата в грех и злопамятство, ставя ему препоны на пути к добродетели и толкая к грехопадению. Если враг видит, что брат терпеливо сносит оскорблений и молится за обидчика, то пытается искусить его иначе. Он стремится подружить его с невнимательным и ленивым братом, чтобы с помощью подобной дружбы смутить его помыслы, подмешать к ним сладострастие и так постепенно довести его до бесчувствия. Однако тот, у кого есть страх Божий, никогда не станет любить ничего, кроме мудрости свыше, ибо в Писании сказано: *Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна...*(Иак 3,17) и так далее.

В. Из аввы Исаии

Авва Исаия говорил: «Если ты хочешь последовать за Господом нашим Иисусом Христом и сораспять Ему своего ветхого человека, то должен отсечь от себя тех, кто пытается свести тебя с креста, и приготовиться терпеть унижения и от (чи-стого) сердца благодарить оскорбляющих тебя».

Г. Из аввы Исаака

Глупый и неразумный друг — источник всякого вреда, а беседа людей разумных — сладостный родник. Сидеть рядом с

¹ Еврейка из Вавилона, обвиненная двумя старейшинами в прелюбодеянии, но спасенная от смертной казни пророком Даниилом, доказавшим клевету старейшин на нее.

неразумными — гибель для сердца. Лучше жить со зверями, чем с людьми злобными. Легче жить со стервятником, чем с ненасытным жадиной. Лучше дружить с убийцей, чем со скандалистом. Лучше находиться со свиньей, чем с чревоугодником, ибо рот ненасытного обжоры хуже свиной пасти. Легче быть с прокаженными, чем с людьми высокомерными.

*О том, что отрекшийся от
мира должен не втягиваться
во всякие житейские заботы,
даже если они кажутся ему
благословенными, но предостав-
ить все промыслу Божию*

24

днажды в Скит пришел чиновник из Рима и принес завещание от одного из родственников Арсения.

Старец взял бумагу и хотел было порвать ее, но чиновник бросился ему в ноги и удержал его. Он объяснил, что за это ему грозит наказание. Арсений вернул завещание и сказал:

— Я умер еще раньше своего родственника, и меня уже больше нет среди живых.

Б. Из Патерика

Старец сказал, что святые усердно потрудились здесь и здесь же частично и упокоились. Так он сказал, потому что святые были свободны от мирских забот.

2. Авва Алоний говорил, что пока человек не скажет в сердце своем: «В этом мире только я и Бог», — он не получит успокоения.

3. Старец сказал: «Если монах после отречения от мира снова погрязнет в заботах этой суетной жизни и займется куплей-продажей, то уподобится нищему, которому не хватает

даже насущного хлеба, нечего есть и не во что одеться. От превеликой лени он предается сну, и во сне видит себя богатым и, вместо грязных лохмотьев, на нем роскошные наряды. В радости он просыпается и снова видит себя таким же нищим, каким и был.

Так и монах. Если он не трезвится, но тратит свои дни на житейские заботы, то становится игрушкой пустых грез — бесы потешаются над ним. Они ввергают его из одного искушения в другое, издевательски внушают ему, что все его заботы и суета — ради Бога. Но в час отделения души от тела несчастный увидит, что он нищ и наг и лишен добродетелей. Только тогда бедняга поймет, какие блага дает трезвение и внимание к себе и какое это страшное зло житейские попечения.

4. Однажды местный правитель посадил в тюрьму кого-то из деревни аввы Пимена. Жители стали просить старца пойти к правителью и вызволить узника.

— Дайте мне три дня, — попросил авва, — и потом я схожу к нему.

И он стал молиться такими словами:

— Господи, не оказывай мне эту милость, иначе тут мне не дадут житья.

А через три дня он пошел к правителью и стал хлопотать о земляке.

— Авва, — удивился правитель, — ты хлопочешь о разбойнике?

И старец обрадовался, что получил отказ на свою просьбу.

В. Из аввы Исаии

Брат, знай, что человек не может преуспевать о Господе, если не оставит заботы о всех делах этого века, ибо его душе мешают две вещи. Одна внешняя — это забота о мирских делах ради телесного покоя, а другая внутренняя — это страсти, препятствующие добродетелям. Если душа не освободится от внешних причин, то она не увидит и внутренних. Вот почему Господь и говорит: *Всякий из вас, кто не отрешится от сво-*

их вожделений, не может быть Моим учеником (Ср.: Лк 14, 35). Внешняя причина ополчается на нас через вожделения, а внутренняя — через внушения извне. И наш Владыка, зная, что главная причина того и другого — наши вожделения, повелевает совершенно отсекать их. Потому что, если душа заботится о внешнем, то ум мертвееет, и тогда внутренние страсти крутят им, а он и не замечает этого.

Если душа отсечет все свои вожделения, то возненавидит дела и попечения этого мира. Сознание в таком случае пробуждается и встает на борьбу, пока не изгонит страсти из своего дома. Оно внимательно следит за душой, не позволяя ей вернуться назад к своим искусителям. Душа — как молодая замужняя женщина: стоит мужу уехать, как она теряет всякий стыд и страх и даже о хозяйстве не очень-то заботится. Но к его возвращению она в страхе тут же оставляет свои увлечения и старается во всем исполнять волю мужа. А когда он вернется домой, то берет на себя заботу обо всем необходимом и за женой присматривает постоянно, пока у них не родятся дети и она не станет их воспитывать.

И они оба становятся единым сердцем, и жена повинуется мужу, как душа — уму. Ум становится ее главой. Как сказал апостол, *жене глава муж* (1Кор 11, 3). Однако эти слова обращены к тем, кто удостоился стать единственным целым о Господе и в ком нет никакого разделения. Точно так же и Господь учит в Евангелии: *Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им* (Мф 18,19).

Ведь Господь хочет, чтобы вы освободились от внешнего и от сокрытого в душе, от всего, что Он упразднил в Своем Теле, в очеловечившись. Он Сам так и сказал: «*Пребудьте во Мне, и Я в вас*» (Ин 15, 4). Прежде всего Он желает, чтобы мы пребывали в Нем своими делами. Тогда Он и Сам пребудет в нас в целомудрии или в созерцании. Душа не может войти в чертог Сына Божия, если она не несет на себе царского отображения. Такую монету ни казначей не оценит, ни царь не примет в казну.

И если душа не несет на себе образ Царя Иисуса, агелы не обрадуются ей, а Он Сам отвергнет ее со словами: «Как ты оказалась здесь, если на тебе нет Моего образа, т.е. любви, которую Я заповедал?» А любви в нас и не может быть, если душа разрывается между Богом, Которого она взыскиует, и миром, который она любит. Как птица не взлетит, если у нее одно крыло или к ней привязан груз, так и душа не может преуспевать о Господе, если она погрязла в этом мире.

Кто всей душой возлюбил Бога, того ничто в мире не может отлучить от этой любви. Как сказал апостол: *Кто нас отлучит от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?.. Ибо Я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее..., ни другая какая тварь не могут отлучить нас от любви Божией во Христе* (Рим 8, 35-38).

2. Он же сказал: «Не позволяй спрашивать у тебя советов или мнений о вещах века сего и не слушай того, кто задает такие вопросы. Пусть твой слух всегда будет обращен к говорящим в тебе, то есть к помыслам, и моли Бога, чтобы Он даровал тебе ведение того, что слушать полезно. Те, кто увлеклись суетой, забыли, что дьявол воюет против них».

Г. Из аввы Марка

Ни один воин не обременяет себя мирскими делами. А тот, кто погряз в мирском и хочет при этом одолеть страсти, подобен человеку, пытающемуся горючим порохом потушить пламя. Увидит дьявол, что человек без всякой необходимости занимает себя телесными вещами, прежде всего отнимает у него свет разума, а затем отсекает, словно голову, надежду на Бога.

Д. Из святого Диадоха

Душа, не освободившаяся от мирских забот, не может ни Бога полюбить, как следует, ни дьявола возненавидеть, как он того заслуживает, потому что она опутана покровом житей-

ских хлопот. В таком положении ум не в состоянии разобраться сам в себе, правильно судить и принимать безошибочные решения. Для этого полезно уединение. Не так уж много людей, кому дано всегда правильно видеть свои ошибки и чей ум постоянно восхищен памятованием Бога. Когда наши телесные очи здоровы, они замечают все, вплоть до летающих в воздухе комаров и мошек. А если их застилает бельмо или какая-нибудь пелена, то они не различают даже крупных предметов перед собой, а тем более мелких. Вот так же и душа. Если она освободится от пристрастия ко всему мирскому, что ослепляет ее, то довольно скоро увидит, что ее прегрешения поистине весьма тяжелы, начнет оплакивать их горькими слезами и с великой благодарностью повторять: *праведные исповедятся имени Твоему* (Пс 139,14). А если душа сохранит свое пристрастие к миру, то что бы она ни натворила такого, что заслуживает наказания или даже смерти, это ее не волнует. И других своих грехов она просто не замечает и считает многие из них своим успехом. Несчастная искренне гордится ими и при этом не испытывает никаких угрызений совести.

Е. Из святого Варсонофия

Брат спросил старца:

— Когда слышу, что кто-нибудь находится в брани или болезни, я как бы сочувствую ему, но скажи мне, отче, это сочувствие благое или от бесов, желающих отвлечь меня от заботы о моих собственных прегрешениях? И потом должен ли я поминать его в молитве, когда сам оказался еще в худшем положении и еще в больших грехах? Между тем как брат просит меня об этом и хочет, чтобы я еще и попросил о том же кого-нибудь из отцов? Неужели молитва о ближнем может научить любви страстного человека?

Старец ответил:

— Слова отцов о том, что никто не должен оставлять своего усопшего и идти оплакивать другого, относятся к более

молодым. Сострадать ближнему — это удел совершенных. А для новоначального сострадать ближнему — это демонам насмех. Ведь он неразумно судит о людях и делах, ибо не обладает (даром) различения (οὐ μέτα διάκισεως ἀπταιστου). Оттого доброе и полезное ему нередко кажется скверным и вредным. Поэтому гораздо полезнее для него вовсе не заботиться о другом, и если и вспомнит о нем в сердце своем, то пусть не страдает и не скорбит, или услышит о нем от других, пусть скажет: «Бог да помилует меня и его!» Сам же отнюдь не просит никого из старцев молиться о других, ибо это означает проявлять своеволие.

Если пожелает, то пусть скажет старцу: «Такой-то в скорби». Старец, услышав это, всеусердно помолится о немоществующем духом. А если кто-то попросит тебя передать об этом старцу, то ради заповеди скажи слово и, когда молишься, говори: «Господи, прости нас» или «Господи, покрый нас в таком-то деле». А сочувствовать кому-либо, даже по любви Божией, тебе еще рано, потому что ты не вошел в нужную меру. Посему если тебя смущает помысел о ком-то, тогда спроси старца и научись, как (в таком случае) нужно и должно поступать.

Ж. Из Патерика

Брат попросил авву Крония:

— Отче, скажи мне спасительное слово.

И старец сказал:

— Когда Елисей пришел к соманитянке, то заметил, что она бездетна. По его ходатайству она зачала и родила (См.: 4 Цар. 4, 14-17).

Брат спросил:

— И что это значит?

Старец ответил:

— Если душа трезвится, не позволяет себе погружаться в хлопоты и совершенно отбрасывает свои желания, тогда Дух

Божий приближается к ней, и она может родить, даже если была бесплодна.

2. Однажды правитель страны захотел увидеть авву Пимена, но старец отказался встретиться с ним. Тогда правитель арестовал сына его сестры и посадил в тюрьму, сказав:

— Если старец придет и попросит за него, я его отпущу.

Сестра пришла к старцу и стала плакать у его двери, но он не отзывался. Тогда она принялась бранить его:

— Смилуйся, бессердечный, ведь это мой единственный сын.

Авва послал ей записку: «Пимен — бездетный», и ей пришлось уйти. Когда правитель об этом услышал, то сказал:

— Старцу достаточно передать мне просьбу насчет племянника, и я сразу отпущу его.

Старец ответил:

— Поступай с ним по законам: если он заслуживает смерти, пусть будет казнен, а если нет, поступай, как тебе угодно¹.

3. Из святого Ефрема

Монах, погрузившийся в житейские дела и обративший свой ум на мирские заботы подобен тому, кто сам себе наноситувечья.

2. Брат, который ждет наследства от своих родителей по плоти, уже после того как отрекся от мира и стал монахом, впадает в искушения. А взыскиющий Господа спасется. Не говори, что вот, мол, когда состарюсь, как смогу добывать себе пропитание? Господь не позволяет думать даже о завтрашнем дне, то как же ты смеешь думать о будущей старости? Тебе нужно искать Царства Божия и правды его, а все остальное приложится нам (Мф 6, 33). Прав Господь, возвестивший нам это. А если мы его не ищем прежде всего, то ясно, что не за то мы

¹ У этой истории есть продолжение: услышав слова аввы Пимена, правитель подумал и отпустил племянника.

ведем борьбу. Возложи заботу на Бога, и Он тебя напитает. Если Господь направит что-нибудь тебе в руки, об этом и думай, ибо ответ тебе придется давать Ему.

И. Из аввы Варсонофия

Монах, совершивший подвиг безмолвия в киновии¹, спросил старца:

— Одна вдова, пострадавшая от несправедливости, обратилась ко мне с просьбой написать доместику² письмо, чтобы он помог ей. Я не знаю, что и думать. Один помысел говорит мне, что я, прия сюда, умер для мира, и если напишу доместику, преступлю обет о смерти для мира. А другой советует: если не напишу доместику, преступлю заповедь, повелевающую помогать нуждающимся. Скажи мне, отче, что мне делать?

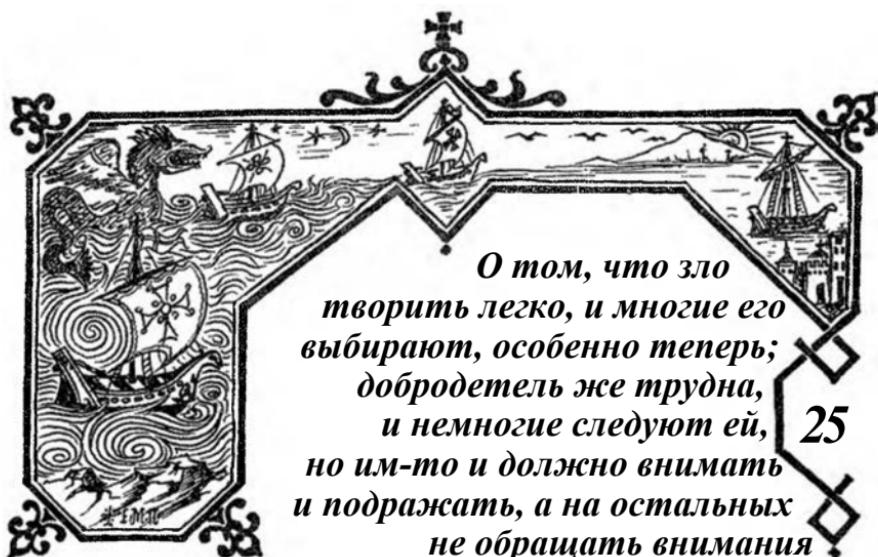
Старец ответил:

— Если ты мертв, и пришла вдова, пострадавшая от несправедливости, как ты можешь ей помочь? Мертвые уже не могут никому помочь. Представь себе, ты ей поможешь, а потом придет другая вдова, попросит о том же, и ты уже всю свою монашескую заповедь напрочь нарушишь. Мертвый ни о чем таком думать не может. Пусть на тебя ворчат, какое тебе до этого дело.

¹ Киновия – общежительный монастырь

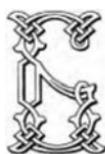
² Доместиком в Византии называли телохранителя императора. Позднее это была придворная и военная должность, а затем – церковный чин.

*О том, что зло
творить легко, и многие его
выбирают, особенно теперь;
добродетель же трудна,
и немногие следуют ей,
но им-то и должно внимать
и подражать, а на остальных
не обращать внимания*

25

A. Из Патерика

рат пришел к авве Феодору Фермийскому и сказал:

— Вот такой-то брат вернулся в мир.

— Ты удивлен? — спросил старец. — Не удивляйся этому. Скорее удивляйся, если кому-нибудь удастся избежать пасти диавола.

2. Старец сказал:

— Лучше жить с троими, боящимися Бога, чем с тысячами, не боящимися Его. В последние дни в общежительных монастырях на сотню и даже на большее количество братьев окажется только несколько спасающихся. А среди пятидесяти, боюсь, найдется ли хоть один. Ибо все обратятся к любимым своим трапезам, чревоугодию, любонаачалию и сребролюбию. Будет много званых, а мало избранных (Мф 20,16).

3. И еще сказал:

— В каком бы месте ты ни находился, когда увидишь человека нуждающегося, не обращай на него внимания. Но если увидишь нищего, не оставляй его, пока не дашь ему хлеба и не утешишь его.

4. Авва Пимен со слезами упрашивал авву Макария:

— Скажи мне слово, как спастись.

Макарий сказал:

— То, чего ты ищешь, теперь покинуло монахов.

5. Авва Иоанн рассказывал о том, как некий старец, прия в исступление, увидел трех монахов, стоящих на морском берегу. И был им глас с другого берега:

— Возьмите огненные крылья и летите ко Мне.

Двое взяли крылья и перелетели на другой берег. Третий же остался на берегу и стал плакать и рыдать. Но потом и он получил крылья, но не огненные, а слабые и немощные. С большим трудом, то падая в море, то взлетая, с горем пополам он все же добрался до берега. Таково и нынешнее поколение: если оно и получает крылья, то не огненные, а слабые и немощные.

6. Святые отцы, пророчествуя о последнем поколении, спрашивали друг друга:

— Что сделали мы?

Один из них, великий по жизни по имени Исхирион ответил:

— Мы исполнили заповеди Божии.

Еще задали вопрос:

— А что сделают следующие за нами?

Старец ответил:

— Они достигнут половины нашего дела.

И отцы снова спросили:

— А после них что?

— У того поколения, — ответил Исхирион, — совсем не будет дел. Однако на их долю выпадет искушение. И преодолевшие это испытание в те времена окажутся выше нас и наших отцов.

Б. Из святого Ефрема

Возлюбленный! Если ты увидишь, что монахи пренебрегают своими обязанностями, то сколь бы почтенными они ни были, будь внимателен, не подражай им. А то последуешь их путем и унаследуешь вечное мучение. Ведь если не смо-

жешь стать с ними воздержанным, станешь превозноситься над ними и впадешь в высокоумие и тем самым предашь себя в руки дьявола. Так что себе внимай и береги душу свою. Ведь нас самих оправдают или осудят не за чужие дела. Мы предстанем *обнаженными и открытыми* (Евр 4, 13) и приведут нас к Судье, каждый даст ответ за себя и сам понесет свое бремя. Поэтому лучше, если мы всегда внимаем себе и подражаем тем, кто ведет богоугодную жизнь, смотрим и берем с них пример.

Пренебрегающие собственным спасением и делающие все только для видимости подобны воину, оказавшемуся среди врагов — на нем царский знак, а он служит врагам Царя. Истинно сказал Господь: *Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха* (Ин 8, 34). Внешний вид подобен листьям, а подвиг — плоду. И ты не смотри на внешность и не завидуй таким людям. Не говори себе, что ты, мол, лучше тех, кто погряз в своих страстях. Лучше вспомни сказанное в Писании, что *в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные, и одни в почетном, а другие в низком употреблении* (2 Тим 2, 20). И если не послушаешься Господа и начнешь совершать дела греха, то превратишься в сосуд для низкого употребления. А если будешь творить дела Божии, ты сосуд избранный, честный, освященный, угодный Владыке и уготованный на всякое благое дело.

Ищи общества добрых людей, а от злых уклоняйся. Ведь ни обманщик, ни разбойник, ни могильный вор не родились такими, а научились от людей, чей ум растянул сатана. Ибо Бог все сотворил *хорошо весьма* (Быт 1, 31). И пусть тебя не прельщают ни бани, ни напитки, ни базарная толчая, ни наслаждения, иначе попадешь в страшную беду. Всегда помни об ужасной участи грешников и бойся оказаться среди них. Разве не приходилось тебе попасть в дом, где кто-то умер? Ты, услышав рыданья и стоны, разве не поспешил уйти оттуда? Временное свидетельствует о вечном. Сказано: *Дай наставление*

мудрому, и он будет еще мудрее (Притч 9, 9). Для спокойствия твоего внутреннего человека будь кроток при исполнении Божьих заповедей, но хитроумен, отражая дьявольские нападения и уклоняясь от вредных встреч.

Не водись с шутами и насмешниками, чтобы не повредить свой ум. Их слова хуже змеиного яда для того, кто слушает их: старики они учат молодиться, а юношей втягивают в беззаконные дела. А если ты живешь в киновии и увидишь, что кто-нибудь из братии неподобающе ведет себя или затевает не богоугодные разговоры, не обращай внимания на них и на их речи. Всегда представляй Бога пред своими очами. Как сказано в Писании: *Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь* (Пс 15, 8). Пусть лукавый не внушает твоему сердцу такие мысли: «Эти старцы столько лет в монастыре, да еще и в подвигах, а так дурно ведут себя. Тогда что же мне остается делать, когда я гораздо моложе их?» Послушай, что говорит Господь: *Много званых, а мало избранных* (Мф 22, 14). И еще: *Мало спасающихся* (Лк 13, 23). И ты будь среди немногих, но избранных, а не с многими, но погибающими. Ибо делатели лукавства, где бы они ни были: в монастыре или в любом другом месте, суть сыны лукавого и подобны плевелам среди пшеницы. А ты будь пшеничным зерном, чтобы Господь убрал тебя в Свою житницу, а не сжег, как плевел, в огне неугасимом (См.: Мф 13, 24-30). Вспомни проретного Лота, ведь он жил в Содоме, но пороки и сладострастие жителей не развратили его, поэтому он и был спасен, как об этом написано: *Ибо сей праведник, живя между ними, ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные* (2 Пет 2, 8). И дальше: *Знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда...* и прочее (2 Пет 2, 9). Хотя Лот и жил среди таких людей, однако не погиб вместе с ними. А Гиезия, служивший пророку Елисею, впал в грех. Так же и Самуил, он был у пророка Илии и жил рядом с его детьми. Но те погибли, а он спас-

ся, потому что всей душой любил Господа и не завидовал беззаконным (Пс 36, 1). А Иуда ходил за Господом вместе с другими учениками, но предал Его беззаконникам.

Каждому из нас все время должно следить за собой. Если мы живем вместе с праведниками, то будем смотреть на них и стараться жить праведно, глядя на примеры добродетели, которые перед нами. А если живем среди грешников, то постараемся не только не завидовать их делам, но и своей добродетельной жизнью показывать им путь к спасению. Кто-нибудь может сказать: вот я, мол, человек немощный, малодушный, и беззаботным людям легко склонить меня ко злу. Пусть он обратится к Писанию и подражает житейству святых отцов, и к нему будет благоволить и Бог, и люди. Пусть он ходит к тем, в ком живет страх Божий и кто умеет исцелять души, и все, что они говорят, воспримет и начнет исполнять с ревностью. Вот тогда вскоре можно ждать от него плода, потому что в Писании сказано: *Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе* (Втор 32, 7). Еще следует понять: если человек, живя в монастыре, не заботится о своем спасении и делает все во вред себе, за это он получит еще более страшные мучения. И не только за себя, но еще и за тех, кто погиб по его вине и кому он давал пример легкомыслия и порочности. А тот, кто стремился к добродетелям и заботился о своем спасении, удостоится великой славы на небесах. Ведь своим братьям он подал пример добродетельной жизни и своей ревностью увлекал и более нерадивых исполнять заповеди. Кто в бою первым врывается в порядки противника, тому и почестей больше. И кто трудится на ниве Господней и всех зажигает своим примером, тот и больше других прославлен у Бога.

В. Из Антиоха Пандекта

Как оса пожирает труд пчел, так и ленивый брат оскверняет добродетельную жизнь монахов. Как трусливый воин развязывает руки врагу, так и нерадивый монах охлаждает

рвение братьев. Такого человека постигнет великий гнев Божий. И лучше, возлюбленные, жить среди немногих угоджающих Богу, чем среди многих пренебрегающих заповедями Господними. Ибо где страх Божий, там любовь и согласие, там и Бог посреди них. А где Бога не боятся, там раздоры и зависть, а где зависть, да ненависть, там потеха для лукавого.

Вот почему предпочтительнее всего жить среди немногих, но добродетельных, чем среди многих людей испорченных. И Божественные Писания заповедуют нам то же самое. Так, в Притчах говорится: *Не желай множества негодных, если нет в них страха Господня. Лучше один праведник, чем тысяча грешников. В сборище грешников возгорится огонь¹.* А другой сказал: *Не желай множества нечестивых... Когда они умножаются, не радуйся на них, если нет в них страха Господня. Не надейся на их жизнь, ибо оплачешь их прежде их смерти. Лучше один праведник, творящий волю Божию, нежели тысяча грешников и нежели иметь детей нечестивых. Ибо от одного разумного населится город².*

Г. Из аввы Марка

Когда увидишь, какую любовь питают друг к другу двое злыдней, знай, что один потакает вожделениям другого. Гордый человек легко споется с тщеславным, потому что гордый хвалит тщеславного за то, что тот работяго унижается перед ним. А тщеславный ублажает гордеца за то, что тот постоянно хвалит его. А ты держись от них подальше, чтобы не получить вреда.

Д. Из Отечника

Брат спросил старца:

— Как избежать соблазна при виде некоторых моих братьев, возвращающихся в мир?

¹ Ср.: ветхозаветную Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова, Сир 16,1-7.

² Перефразирован тот же текст Сир 16,1-5 с незначительными добавлениями.

И старец ответил:

— Представь себе собак, предназначенных для охоты на зайцев. Если одна из них, увидев зайца, погонится за ним, другие собаки будут смотреть не на зайца, а на собаку. Может, какая и побежит следом, но вскоре вернется назад; а собака, приметившая зайца, будет гнаться за ним, пока не настигнет жертву. Ее не смутят вернувшиеся назад собаки, равно как и кручи, буреломы и колючки, она и через непроходимые терновые заросли прорвается, и даже много раз оцарапавшись, не прекратит погоню. Так и тот, кто ищет Владыку Христа, пусть не престанно смотрит на Крест, и когда преодолеет все встречающиеся на пути соблазны, то встретит Распятого.

Е. Из святого Ефрема

Враг старается ополчить нерадивых братьев против усердных. Но если усердные будут внимательны и понесут их немохи ради Господа, то получат благодаря им духовную пользу. Творящий милость ближнему обретает милость у Господа. А кто не творил милости, тому и нет милости на суде. Не помогай брату во грехе, но поптайся по мере сил вызволить его из греха, чтобы были живы ваши души о Господе. Пусть страх Божий будет всегда перед очами твоими, и грех не овладеет тобой.

*О том, что стремящихся
к монашеской жизни нужно
принимать в монастырь после
длительных испытаний, ибо
только после этого из них по
большей части и выходят са-
мые опытные братья; и о том,
какие дела следует поручать им*

26

А. Из жития святого Пахомия

святого Пахомия еще в юности сердце загорелось любовью к Богу, и он решил стать монахом. Он просыпал об анахорете по имени Паламон, который жил в уединении, и захотел поселиться рядом с ним. Юноша подошел к его келье, за которой простиралась пустыня, и постучался. Отшельник приоткрыл дверь и спросил:

— Чего тебе? Кого ищешь? — нужно заметить, что за многие годы уединенного подвига старец стал крайне суров.

— Господь послал меня к тебе, — ответил Пахомий, — чтобы ты постриг меня в монахи.

Старец сказал:

— Ты не можешь стать монахом. Монашеский труд — дело нелегкое. Сюда уже многие приходили, но быстро сникали, не выдержав суровой монашеской жизни.

На это юноша сказал:

— У различных людей и намерения не всегда одинаковы. Прими меня, и время известит тебя обо мне.

Старец посмотрел на него и сказал:

— Я же сказал тебе, что здесь ты не сможешь жить. Иди в другое место и совершай подвиг столько-то времени. Потом приходи, и я тебя приму. Жизнь тут суровая: по Божьей благодати я ничего не вкушаю, кроме хлеба с солью. От вина и елея я вовсе отказался. Сплю только полночи, другую половину провожу в молитве и изучении слова Божия.

Услышав это, юноша почувствовал благоговение перед суровым старцем. По благодати Божией он решил в душе мужественно переносить любые тяготы и сказал:

— Верую Господу, что Он подаст мне силу и терпение и да удостоюсь я твоими преподобными молитвами закончить здесь свою жизнь.

От таких слов святой Паламон проникся спасительной верой и решимостью юноши, отворил дверь, принял его и облачил в монашескую схиму. С этого дня они вдвоем совершали единый подвиг и вместе проводили время в молитвах. Их рукоделием было прядение шерсти и изготовление мешков. Трудились они до изнеможения по заповеди апостола (Еф. 4, 28) не для того, чтобы обеспечить себе покой и не для того, чтобы скопить денег, но только для того, чтобы накормить нищих. Когда Паламон видел послушание Пахомия во всем и его преуспеяние в подвиге, он весьма радовался и прославлял Бога.

Б. Из того же жития

Святой Пахомий всегда молился о том, чтобы на нем исполнялась лишь воля Божия. Когда прошло некоторое время его подвига, он бодрствовал и творил эту молитву, явился ему ангел Господень и сказал: «Воля Божия в том, чтобы ты служил Ему и примирял с Богом род человеческий». Ангел трижды произнес эти слова и отступил от него. Пахомий вознес благодарение Богу и, получив извещение о том же в бывшем ему снова видении, начал принимать всех, кто с покаянием приходил к Богу, и после длительного испытания постригал их в монахи. Он запрещал заниматься житейскими

попечениями и каждого поощрял понемногу в назначенному подвиге.

В. Из жития преподобной Феодоры

Блаженнейшая из жен Феодора, решив отречься от мира и от всего мирского, оделась в мужское платье, чтобы скрыть свои премудрые намерения от лукавого, а также от мужа, который непременно станет упорно ее разыскивать, и потому отправилась в мужской монастырь, расположенный в восемнадцати милях от Александрии. Подойдя к воротам, она попросила братьев принять ее в число подвижников. Отцы, не подозревая, что перед ними женщина, а не мужчина, сказали, что прежде чем ее впустят, она должна провести ночь под открытым небом, дабы доказать свое мужество. Блаженная восприняла эти слова с радостью, хотя знала, что в этом совершенно диком и пустынном месте по ночам звери нападают (на людей), но тем не менее решила исполнить сказанное на деле и всю ночь провела у монастырских ворот, ибо Укротивший некогда свирепость львов ради Даниила провидел, на какую высоту добродетели поднимется преподобная, и сохранил ее невредимой от хищников. Увидев это, монахи поняли, что Богу угодно, чтобы она была вместе с ними, и радушно приняли святую.

Настоятель монастыря, решив поговорить с ней наедине, стал подробно расспрашивать:

— Кто ты такой и по какой причине хочешь стать монахом. Не скрываешься ли ты от заимодавцев, не разыскиваешься ли за убийство и не оставил ли свой дом, потому что не можешь прокормить детей и по этой причине решил отказаться от мирских одежд?

— Отнюдь нет, отче, — ответила Феодора, — просто я хочу уйти от мирских забот и от родственников и оплакивать свои грехи.

— Как зовут тебя? — спросил настоятель.

— Мое имя Феодор, — ответила мужественная женщина.

— Только не думай, брат Феодор, — добавил он, — что здешняя жизнь не знает труда. Но если ты решил взять на себя бремя послушания, то помогай братьям во всех нуждах и не только в самом монастыре, где нужно ухаживать за садом и огородом, терпеливо носить воду и вовремя поливать, но, разумеется, и вне обители. Если понадобится послать тебя в город по какой-либо надобности, не отказывайся. Однако не думай, что эти послушания могут послужить тебе предлогом для освобождения от подвижнических трудов. Более того тебе придется еще и постоянно пребывать в посте и молитве, по ежедневному правилу петь псалмы, вечерню и утреннее славо словие. А кроме того нельзя пропускать ничего из так называемых часов. Трудом и земными поклонами измаждай свою плоть, чтобы отражать нападения врага.

Блаженная крепко запомнила слова настоятеля, восприняв их с душевной радостью, и обещала все исполнять охотно. Так она вошла в истинное монашеское братство. И Феодора, дав обет Богу, с радостью рас прощалась со всеми своими плотскими помышлениями и сразу же принялась за работу, ничего не откладывая (на потом) и не оправдываясь никакими другими делами. В течение восьми лет она поливала сад и огород, обеспечивая потребности монастыря, целыми днями молола зерно, месила тесто, пекла лепешки и варила овощи и всегда успевала вовремя приготовить еду, от которой не отвращались и умерщвлявшие свою плоть монахи. Несмотря на это, блаженная никогда не пропускала ни одной службы в храме, ибо Бога любила всей душой.

И хотя она сама избрала такой образ жизни, преисполненный слишком утомительными трудами, давняя мысль о былом грехе никак не давала ей покоя. А когда к концу дня работа заканчивалась, наступала ночь, и можно было заснуть, воспользовавшись отмеренным монахам отдыхом, бедняжка била себя в грудь, и из ее души вырывались рыдания.

— Прости мой грех, Господи, — говорила она, — что я из-за своей красоты лишилась целомудрия.

Она покупала на рынке масло, зерно и другой необходимый товар и на верблюде привозила его в монастырь. Проще говоря, не было ни одного дела, где бы Феодора не отличалась и не превзошла бы своим рвением других.

Г. Из жития святой Мелании Римляныни

Святая Мелания основала монастырь в Иерусалиме у Елеонской горы, в котором было более девяноста дев, и поставила над ними игуменью монахиню, выделявшуюся среди них (даром) слова и еще своей жизнью. Сама же она стала для них служанкой и любящей матерью: всячески помогала им, исцеляла их и со смирением давала спасительные наставления. Святая учila сестер послушанию и убеждала в необходимости повиноваться начальникам. Ведь и повседневная жизнь, говорила она, стоит главным образом на том, что Царь есть Царь, а подданный — подданный. Если это изменить, нарушится порядок, а с уничтожением сословий не останется и никаких дел, и привела такой пример.

Как-то к великому старцу пришел юноша и попросил принять его в ученики. Чтобы сразу же показать, каким должен быть ученик, старец велел ему изо всех сил бить и пинать ногами истукана, стоявшего неподалеку, что юноша послушно исполнил. Старец спросил его, не сказала ли статуя что-нибудь и не возмущалась ли. Юноша ответил, что ничего такого не произошло. Тогда святой велел снова бить статую и к побоям привавить еще и оскорблений и повторить это трижды. И тем не менее истукан остался истуканом, бездушным и безгласным.

Тогда старец сказал:

— Если и ты вот так же сможешь терпеть и ничем не возмущаться, как этот истукан, как бы с тобой ни обращались, тогда смело приступай и учись у нас в свое удовольствие. В противном же случае даже не пытайся остаться с нами.

Д. Из Палладия

Ученик Антония Великого Кроний, рассказывая мне о Павле, прозванном Простым за свою необычайную незлобивость и простоту нрава, говорил, что упомянутый Павел был человеком деревенским и занимался земледелием. Он был женат на женщине красивой, но распутной. Она давно грешила с соседом, но муж ничего не знал об этом, потому что по своему чистосердечию не допускал даже мысли о такой подлости. Както, вернувшись с поля, он неожиданно вошел в дом и застиг врасплох жену в прелюбодеянии. Павел смущенно улыбнулся и сказал им:

— Хорошо, хорошо. По правде сказать, какое мне дело. И клянусь Иисусом, я отрицаюсь от нее. Забирай ее себе вместе с детьми. А я ухожу в монахи.

Никому ничего не сказав, Павел обошел восемь монастырей и, добравшись до блаженного Антония, постучался к нему в дверь. Великий святой вышел к нему и спросил:

— Чего тебе?

— Хочу стать монахом, — ответил Павел.

— Тебе уже шестьдесят. Ты стар и не можешь монашествовать здесь. Лучше иди в деревню и работай себе. Живи трудом и благодари Бога. Тебе не вынести скорбей пустыни.

— Как советуешь, так я и сделаю, — сказал Павел.

— Я же тебе сказал: ты стар и не сможешь понести тяготы монашеской жизни. А уж коли хочешь в монахи, иди в кино-вию — там полно братьев, вот они смогут понести твои немощи. А тут я один, ем раз в пять дней, и то скучно и не досыта.

Такими словами Антоний пытался отговорить гостя, но тот не отступал. Святой вернулся к себе в пещеру, запер дверь и не показывался три дня. Павел же оставался за дверью и ждал.

На четвертый день Антонию понадобилось по какому-то делу выйти (на улицу). Он открыл дверь, вышел и, увидев Павла, сказал:

— Уходи отсюда, старик, что ты мне надоедаешь? Нельзя тебе здесь оставаться.

— Зачем мне искать другое место для могилы, если помирать, то только здесь, — сказал Павел.

Антоний внимательно посмотрел на него и заметил, что у старика нет никакой пищи, ни хлеба, ни воды — совершенно ничего. И тем не менее вот уже четвертый день, как он стойко переносит голод. Святой испугался, как бы бедняга не умер, ведь тогда на его душу падет позор за жестокое обращение с гостем. Он позвал Павла к себе и, смочив финиковые ветви, сказал:

— Бери и плети веревку, как я.

К девяти часам старик с большим трудом сплел пятнадцать оргиев¹. Антоний посмотрел на его плетение и остался недоволен.

— Плохая работа. Расплети и сделай заново, — сказал он (думая), что Павел в преклонном возрасте и после четырех дней голодания не выдержит и уйдет — так святой испытывал терпение гостя. Но Павел распустил веревку и принял сно-ва плести ее из тех же ветвей, с трудом справляясь с ними, по-тому что они уже скрутились и затвердели. Видя, что старик не возроптал и не смалодушничал, нисколько не обиделся и даже бровью не повел, Антоний сжался над ним и после за-хода солнца предложил:

— Папаша, не съесть ли нам немного хлеба?

— Как скажешь, авва, — был ответ.

И эти слова еще больше расположили к нему Антония Великого, особенно то, что старик не набросился тотчас по первому же зову на еду, но отдал все на его волю. Святой сказал:

— Принеси стол.

Павел исполнил. Тогда Антоний принес четыре сухих куска хлеба унций² по шесть каждый, размочил для себя один, а

¹ Оргий — около 1,85 м

² Унция, примерно 32 г

гостю — три. Затем стал петь псалом, какой знал, и пропев его двенадцать раз, столько же раз помолился, чтобы и в этом испытать Павла. Гость горячо молился вместе с ним. И только после молитв они принялись за трапезу — время уже было позднее. Антоний Великий съел один кусок, но второй не взял. Старик же, евший медленнее, еще не справился с первым. Святой ждал, пока он доест, и когда тот закончил, предложил:

— Отче, возьми еще кусок.

— Если ты будешь, и я буду, — сказал Павел. — А если нет, то и я не стану.

— Мне довольно, — сказал Антоний Великий, — я монах все-таки.

— И мне довольно. Я тоже хочу стать монахом.

Они встали. Антоний прочел двенадцать молитв и двенадцать псалмов. Павел молился вместе с ним. Затем они легли спать. Но не надолго, только до полуночи. А в полночь встали и пропели псалмы до рассвета. Когда Антоний увидел, что старик охотно делает все вместе с ним, сказал:

— Смотри, брат, если выдержишь вот так подвизаться каждый день, то оставайся.

— Если ты хочешь показать мне что-то еще, то не знаю. А все, что мы до сих пор делали вместе, было для меня не трудно.

Через несколько месяцев великому святому было открыто, что Павел весьма совершен душою, бесхитростен и чист, и с помощью Божией благодати, Антоний построил ему келью в трех-четырех милях от своей, и сказал:

— Ну, вот, с Божией помощью ты стал монахом. Теперь поживи один, чтобы обрести опыт бесовских искушений.

И Павел Препростой провел в одиночестве один год. За совершенство в подвижнической добродетели он удостоился благодатного дара исцелять всяческие болезни и изгонять бесов.

Однажды к Антонию Великому привели юношу, с давних пор одержимого демоном, который хулил даже Небо. Святой,

пристало посмотрев на страдальца, сказал приведшим его людям:

— Это дело не по мне. Я еще не удостоился власти над бессовскими начальниками такого ранга, этот дар есть у Павла Простого, — и вместе с пришедшими людьми пошел к старцу и попросил его:

— Авва, изгони беса из мальчика. Пусть он вернется домой здравым и славит Господа.

— А ты на что? — спросил Павел.

— Нет времени. Я сейчас занят другим делом, — ответил Великий и, оставив одержимого, вернулся в свою келью.

Павел встал, помолился и, повернувшись к бесноватому, сказал:

— Авва Антоний повелел тебе оставить человека, чтобы прославить Бога.

— Не выйду, старый обжора и пустобрех, — завопил демон, изрыгая ругательства.

Павел снял с себя мильту и принял колотить одержимого по спине, приговаривая:

— Выходи! Так повелел авва Антоний.

Бес стал еще громче поносить Павла и Антония:

— Ненасытные дармоеды, полудохлые храпуны, алчные жадины. Вы мне не начальники. У нас с вами нет ничего общего. Что вы нас тираните?

— Не выйдешь? — сурово спросил Павел. — Тогда я сейчас же иду к Христу и все скажу Ему. Ох, и достанется же тебе.

Злобный демон начал проклинать Господа и вопить, что не выйдет.

Услышав такое, Павел не мог не разгневаться. Он вышел из кельи прямо в плотный полуденный зной (в такое время жара в Египте, особенно в этой местности, — как в Вавилонской печи). Встав на камне, как столп, он взмолился:

— Ты видишь, Иисусе Христе, распятый на Кресте при Понтийском Пилате, я не сойду с этого камня, не буду ни есть, ни

пить и умру, если Ты сейчас не услышишь меня и не изгонишь демона из человека и не сделаешь его свободным от этого нечистого духа.

Павел еще произносил эти слова, а бес уже принялся кричать из человека, оставшегося в келье:

— Ухожу, ухожу. Уже выхожу. Меня выгоняют. Это насилие. Тирания. Я оставляю этого человека и больше не трону его. Меня выгоняет смирение и простота Павла. И куда мне теперь? Не знаю...

И тотчас нечистый вышел из юноши, обратившись в огромного дракона, длиной примерно в семьдесят локтей¹, и унесся в сторону Красного моря.

Вот какое дело совершил Павел Препростой и (одновременно) смиренномудрый. Тем самым Господь показал, какой чести и славы Он удостаивает людей за простоту и смирение. Демона, от которого не смог избавить юношу Антоний Великий, Павел довольно быстро изгнал благодаря своей простоте и смирению, хотя он подвизался всего лишь год. На нем исполнилось реченное Святым Духом: ...и говорит Господь. А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и трепещущего перед словом Моим. (Ис 66, 2). Обычно низшие злые духи изгоняются мужами высокой веры, а начальники демонов бегут от самых смиренных.

Е. Из Палладия

Святой Пахомий постоянно молил Бога открыть ему Свою волю. И вот через некоторое время, когда он не спал и молился, ему явился ангел Господень и сказал:

— Божья воля в том, чтобы служить Ему и примирять с Ним человеческий род. Поэтому принимай тех, кто с покаянием обращается к Богу, и по уставу, который я тебе дам, станешь руководить ими.

¹ Мера длины, около 46 см

С этими словами ангел протянул ему медную скрижаль, на которой было написано: «Позволяй каждому есть и пить по потребности. Не возбраняй ни поститься, ни есть. Однако тяжелые труды возлагай на таких, кто покрепче и больше ест, а легкие — на более слабых и подвижников-аскетов. В монастыре устрой отдельные кельи — по три монаха в каждой. Трапезничать всем следует в одном помещении. Спать они не должны лежа — сделай для них сидения с наклонными спинками, и пусть они кладут на них свои подстилки и спят полулежа.

Если придет кто-нибудь из другой обители, где иной устав, то с ним не есть, не пить и не впускать его в монастырь, кроме случая, когда его найдут на дороге. Но войдя однажды, он должен остаться с ними навсегда. Раньше трех лет не допускай его к подвигам. Пусть (сначала) усердно потрудится и только через три года выходит на поприще. Головы они должны покрывать гладкими куколями, как у детей, с начертанным на них красивым крестом. Эти куколи должны скрывать лица, чтобы один брат не видел, как ест другой. За трапезой нельзя разговаривать, ни смотреть по сторонам — только на свою доску с едой и на стол, дабы хранить глаза (от греха). Ангел положил братии совершать в течение всякого дня двенадцать молитв, вечером тоже двенадцать молитв и глубокой ночью двенадцать, а в девятый час — три и после каждой молитвы петь псалом».

Пахомий Великий возразил Небесному посланцу, что этих молитв маловато. На это ангел сказал, что такое количество молитв он положил, дабы и слабые могли свободно и без печали выполнять правило, а совершенным нет нужды в уставе, ибо каждый из них, находясь в одиночестве в келье, всю свою жизнь проводит в созерцании Бога. Устав же я дал тем, кто еще не достиг зрелости ума, для того чтобы они, подобно нерадивым слугам, по страху перед Владыкой исполняли свое служение, пока не достигнут свободы духа¹. Дав этот устав и тем са-

¹ См. Палладий. «Лавсаик». О Пахомии, с. 24

мым исполнив свое служение, ангел отлетел. Это правило приняли семь монастырей, где число братьев доходит до семи тысяч и где они занимаются всякими ремеслами. Доходами от своих трудов монахи обеспечивают самих себя да еще женский монастырь, расположенный на (острове посреди) Нила, где около четырехсот насельниц¹, а остатки весьма часто они раздают бедным и заключенным.

Ж. Из святого Ефрема

Брат, если хочешь стать монахом, то первым делом утвердись в осознании того, что ты уже порвал с этой жизнью и потому смотри на этот мир и его славу, как на рухнувшую декорацию. А если ты не подготовишь себя к этому, то не сможешь жить по-монашески, побеждать похоти и мирские страсти, обрекающие человека на адские муки. И потому нет лжи в том, что сказал Господь: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее* (Мф 16, 24-25). Итак знай и то, что с человеком, приходящим к Богу, случаются искушения, скорби, труды, отчаяние, нагота, невзгоды, унижения и тому подобные вещи. Тем самым испытывается терпение человека и раскрывается его стремление к Господу. И полную победу над всеми этими искушениями одерживает тот, кто с открытым сердцем отдает себя под руководство своего Богом данного игумена. Ведь Господь требует от нас только совершенного намерения. Он вселяет в нас силу и дарует победу, как написано: *Защититель есть всех уповающих на Него* (Пс. 17, 31)

Итак, обо всем этом я тебя заранее предупредил для того, чтобы ты, ступив (на новую стезю) и, возможно, столкнувшись

¹ Очевидно, речь идет о Тавенинском монастыре на острове посреди Нила, см. второй том, стр 475.

с (трудностями), не жалел и не говорил, что ты, мол, даже не предполагал, что такое может произойти с тобой. Теперь ты предупрежден о том, что тебя ждет, и подготовишь к этому свое сознание. Фундамент заложить легко, гораздо труднее завершить здание. И чем выше поднимаются стены, тем сложнее работать строителям. Послушай Спасительный глас, нас умудряющий: *Ибо кто из вас, желая построить башню, прежде не сядет и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начал строить и не мог кончить?* (Лк. 14, 28-30). Битва для воина длится недолго, а для монаха — до отхода ко Господу.

Для этого монаху следует браться за свой труд со всем усердием, терпением и очищением (через покаяние). Ведь если ты, возлюбленный, вознамерился убить льва, действуй решительно, не то он сокрушит твои кости, как глиняный горшок. Если ты бросился в море, не падай духом, пока не доберешься до суши, иначе камнем пойдешь на дно. Вот ты сегодня перед входом (к Сущему) обещаешь выдержать все, смотри — завтра на деле не откажись от своих слов. Ибо Божьи ангелы незримо стоят рядом и слышат все, что исходит из твоих уст. Видишь, ни единая душа не принуждает тебя силой, ты сам по своей воле и искренне берешь на себя обеты и потому впредь не нарушай данных Богу обещаний, ибо Он *погубит говорящих ложь* (Пс 5, 7).

Если ты, возлюбленный, заложил доброе начало, то старость твоя будет благословенна, и ты будешь, как светоч, озаряющий путь Господень для многих. Закладывай основание прочное, чтобы твое сооружение росло в высоту. Если после великих почестей суетной жизни ты пошел в монахи, храни себя от беса высокоумия, чтобы он не завладел тобой и не увлек в погибель. И нет ничего зазорного, если ты подчиняешься Господу и своими собственными рукамитворишь благо.

Ведь малые тяготы и скорби, которые ты претерпеваешь ради Господа, становятся для тебя подателями вечной жизни. Да что говорить? Насколько одна драхма меньше тысяч талантов золота, настолько же и все тяготы уединенной жизни мало-значительны по сравнению с грядущей славой, которой удостоятся ревностные и усердные труженики в будущем. Ведь отдаешь малое — обретаешь великое.

Если над тобой поставят начальствующим брата, и ты будешь зависеть от него, не терзай себя мыслью, что я, мол, сын великих и славных родителей, а он — из каких-нибудь ничтожных и жалких нищих, а, может быть, даже из рабов, да еще и профан в мирской премудрости, а я в ней сведущ и после всего этого как я могу подчиняться ему? Терпеть такое положение для меня оскорбительно. Возлюбленный, не думай так и выкинь из головы подобные мысли. Ибо кто так рассуждает, тот еще не совлекся ветхого человека, погубившего себя лживыми страстями. Мы же, возлюбленный, раз Бог отдал нас единодушным с нами братьям в рабство, то будем терпеть, дабы удостоиться свободы праведников. Будем помнить Владыку всех, Кто был богат и ради нас обнищал, чтобы мы обогатились Его нищетой. Он становился и самарянином и бесноватым, дабы исцелить нас от безумия.

И потому без смущения подставь свою выю под это благое ярмо, чтобы обрести покой для своей души. Послушай об этом вот какую притчу.

Два атлета пошли вместе на борьбу с противниками. На одном была роскошная одежда, на другом — рубище. Но оба разделись и вышли на стадион обнаженными. Ибо разве может блестящая одежда повлиять на исход схватки с противником? И потому атлет сразу же отделяется от нее как от совершенно бесполезной для победы, ибо на арене в борьбе с соперниками требуется проявить мужество и мастерство, а вместе и силу. Вот так и ты, не жалей об оставленном, ведь другие тоже оставили (свое имущество) и совлеклись ветхого

человека ради того, чтобы облечься в нового. Однако смиление захвати с собой, зная, что ты вышел на схватку обнаженным, как и другие твои соратники, и помни о сказанном в Писании: *что высоко у людей, то мерзость пред Богом* (Лк.16, 15). И не превозносись мирской мудростью, ибо сказано: *Мудрость мира сего есть безумие пред Богом*. И еще: *Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым.* (Кор. 3,18-19).

Итак, не заботься о прежней жизни, дабы дерзновенно просить у Бога прощения прошлых грехов. Коли ты отказался от ветхого (человека) и смирил свои помыслы, то собирай сокровища некрадомые, служа и принося пользу братьям. Как убирают навоз со двора, так и ты всеми силами старайся выскрести из своего внутреннего человека мирские страсти. Когда станешь очищать кухню от золы, вспомни слова пророка: *Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами* (Пс. 101, 10). А увидишь тленное пламя, подумай о вечном огне и пылающих в нем грешниках, восплачь о совершенных тобой прегрешениях. И при этом используй все, в смиренномудром и доброжелательном смысле, и получишь величайшую пользу, и тем самым обретешь Божию благодать. Как говорится, *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Притч 3, 34). Если ты изнемогаешь от многих трудов, то подумай об изгнанниках, каторжанах, невольниках в горьком рабстве под стражей и подчиняйся своему о Господе наставителю. Ибо терпишь свое рабство не из-за человека, но ради Христа. Неужели позор ради царя усердно трудиться и считать оскорблением честью и тяжкий труд отдыхом? Если же мы не хотим терпеть бесчестие и труд ради Господа, то зачем было оставлять мир?

Возлюбленный, разве не честь и не блаженство ли страдать ради Господа? Если же страдаешь ради Него, знай, что ты даешь мало, а получаешь много. Выходит, терпение необходимо

димо, чтобы творить Божью волю и получить обетование. Как сказал Господь: *Претерпевший до конца спасется* (Мф 10, 22).

Уж если должны смиряться люди, оставившие свои богатства, то насколько же больше следует смирять себя и уничижать тем, кто попал в монашескую жизнь после жалкого мучительного существования. Им нужно смиряться, никогда не превозноситься, даже если (начальствующие), возможно, предпочтут не их, а других, и проявлять всяческую кротость и смиренномудрие, постоянно помнить и размышлять о благодеяниях Господа, от какого отчаяния этого века Он избавил их, дабы они не потеряли благоразумие и не забыли свое прежнее униженное положение. Иначе легко впасть в надменность, а за свою неблагодарность к Благодетелю послушайте сказанное Господом в псалме: *Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают* (Пс 48,13).

Вот почему, возлюбленные, давайте служить Господу в глубоком смиренномудрии во все наши дни, ибо Он *восставляет от земли нищего и от гноища возвышает убогого* (Пс 112, 7). Да удостоит Он в конце и нас славы кротких и смиренных, ибо написано: *Господь... поступающим надменно воздает с избытком* (Пс 30, 24).

3. Из аввы Кассиана

В киновиях Египта и по всему Востоку соблюдают следующие уставные правила. Каждый приходящий в такую общецелительную обитель и желающий стать монахом принимается в братию не сразу, но лишь после того, как пройдет испытание и докажет свое стремление к Богу, смирение и терпение и к тому же еще и проявит послушание. Только после такой проверки его берут в монастырь и наставляют в том, что ему должно отказаться от своего имущества и от накопительства. Он отдает все, что у него прежде было, ему даже не

разрешается носить одежду, которая на нем и в которой он пришел в обитель. Собирается братия, его выводят на середину, снимают с него всю одежду, и авва собственоручно облачает его во все монастырское. С помощью этого чина новичок познает, что совлекается всего мирского, гордыни и самоуверенности и облекается в нищету Христову и (теперь) может без смущения считать себя полноправным членом братства.

Снятую одежду принимает эконом и хранит ее отдельно до тех пор, пока брат в различных искушениях не докажет своего преуспеяния, стойкости и терпения. Если находят, что во всех испытаниях он проявляет мужество, усердие и горячую ревность, как и вначале, то его принимают в братию. А если видят, что новоначальный ропщет или грешит непослушанием, то снимают с него монастырскую одежду, возвращают ему мирскую и выпроваживают за ворота. Все это исполняется в точности, и потому по своему желанию просто так выйти из киновии невозможно. А кто не соблюдает своих собственных обетов, того тоже снова переодевают в мирское платье и отпускают.

И как уже говорилось, после тщательной проверки, если новоначального найдут безукоризненным, все равно не сразу позволяют ему присоединиться к братии, но передают (монаху), которому поручена забота о странниках, чтобы слушаться его и помогать ему во всем. Новоначальный брат должен служить и заботиться о гостях.

Если в течение года новичок безупречно послужит странникам и научится смириению и долготерпению, тогда его присоединят к братии. [Наставник же, принимающий новоначального]¹, должен позаботиться о том, чтобы познакомить брата, каким путем он может достичь совершенной доброде-

¹ Тут пропуск в древне-греческом тексте, восстановлен по переводу на новогреческий (место взято в скобки).

тели, и прежде всего научить его побеждать свои страсти, дабы он умел заставлять себя исполнять дела, которые ему не по вкусу. В противном случае, говорят отцы, человек не сможет обуздывать страсти, избавиться от гневливости, раздражительности, стяжать истинное смижение и установить добрые отношения с братией в киновии, и если прежде всего послушанием не умертвит своееволия.

Когда после обучения и руководства новоначальный преуспеет в своем деле, то его наставляют в том, чтобы не утаивать свои помыслы, но всякий раз, когда они приходят, открывать их духовному отцу. Ибо оценку помыслов не следует доверять собственному сердцу, но только многоопытному отцу, который может достоверно отличить, какой помысел хорош, а какой плох. Также соблюдаются послушания. Никто не дерзнет сделать что-нибудь без (благословения) аввы, даже выйти из своей кельи. Его повеления они стараются исполнить с таким усердием, как если бы их дал сам Господь.

Монахи сидят по кельям, со всем усердием занимаясь рукодельем, чтением и молитвой. Как только послышится стук в дверь, созывающий на общую молитву или послушание, они не медля оставляют дела и дружно идут исполнять повеление, всей душой ревнуя о благодетели послушания, потому что считают ее выше не только рукodelия и чтения, но даже и безмолвия в келье и других добродетелей. Все прочее для них малозначимо. Не стоит напоминать, что ни у кого из монахов нет никакого имущества, кроме верхней и исподней рубахи, сандалий, милоти¹ и циновки. Для них считается позором сказать «моя книга», «мое перо», «моя дощечка»² и вообще еще что-то «мое».

Каждый из них с самого начала своим трудом и потом ежедневно пополняет доход монастыря, который обеспечивает

¹ Милоть – накидка из овечьей или козьей шкуры или из грубой ткани.

² Такие дощечки в стародавние времена использовались для письма.

не только его собственные нужды, но еще хватает и на помочь странникам и бедным. Поступая так, они не кичатся, не превозносятся; никто за свой труд и пот не требует дать ему отдыха больше положенного или приобрести какую-нибудь вещь. Монах рассматривает себя всего лишь как пришельца из данного мира и считает себя скорее рабом и слугой братьев, а не господином хотя бы обычной земной вещи. Если он разобьет чашку или сломает какую-нибудь вещь, должен исповедовать авве свой грех небрежности и после покаяния получить прощение.

Когда монах, если его зовут на работу или службу, поздно откликнется или грубо и дерзко отвечает, или выполняет послушание с ропотом и кое-как, или труду и послушанию предпочитает чтение, или слишком медленно совершают порученные ему дела, или после службы не сразу возвращается к своей работе, или с кем-нибудь вступает в беседу без всякой нужды, или откровенно возьмет кого-нибудь за руку, или сотворит еще что-нибудь в том же роде, то на него накладывается епитимия. Все братья собираются в храме, он повергается ниц и просит прощения за свой грех.

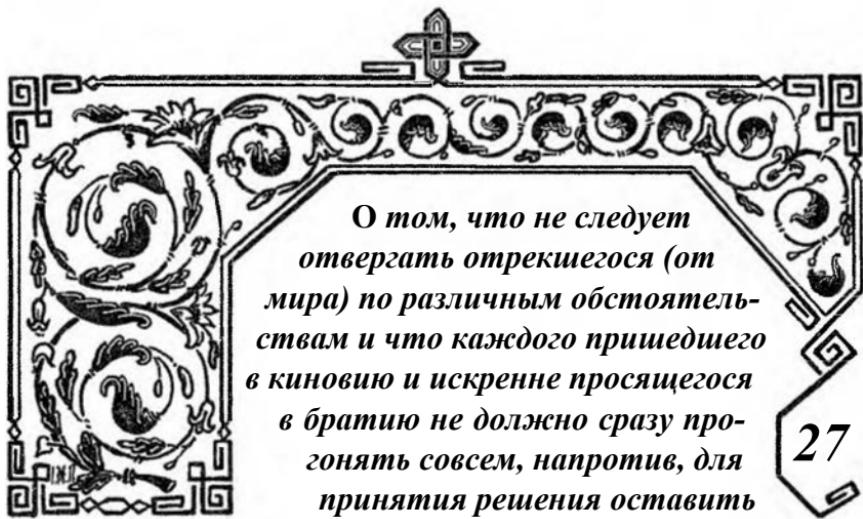
Если обнаружится, что монах повинен в таких грубых проступках, как гордыня, высокомерное прекословие, выход из монастыря без разрешения аввы, встреча с женщинами и с кем бы то ни было вне обители, гневливость, драчливость, враждебность, злопамятство; сребролюбие, которое точно проказа души; приобретение какой-либо вещи, а не получение ее от аввы; вкушение пищи без благословения, т.е. тайноядение, и тому подобные падения, то они наказываются не упомянутой выше епитимией, а гораздо более тяжким и продолжительным наказанием. Если брат и после этого не исправляется, его выгоняют вон. В своем служении монахи проявляют такое смиренномудрие и усердие, точно рабы перед своими господами.

И. Из Постановлений святых апостолов¹

Впервые приступающих к таинству благочестия дьяконы должны отвести к епископу или пресвитерам. И пусть новички объяснят причины, по которым они обратились к Слову Господню, а приведшие их подтвердят сказанное ими. Необходимо тщательно исследовать их поведение и жизнь, рабы они или свободные. И если кто из них окажется рабом, спросить господина, не поручится ли тот за него. Если нет, то отказать ему, пока не представит одобрения от своего господина.

¹ Это отрывок из Апостольских постановлений, касающийся идолопоклонников, которые принимают христианство. По существу изложенные в нем правила вполне совпадают с теми, которые применяются к людям, которые приходят в монастырь, чтобы стать монахами.

*О том, что не следует
отвергать отрекшегося (от
мира) по различным обстоятель-
ствам и что каждого пришедшего
в киновию и искренне просиящегося
в братию не должно сразу про-
гонять совсем, напротив, для
принятия решения оставить
его на время для тщательной проверки
и испытания по предписанию и, убедившись в его
решимости, принять в киновию, если этому не
препятствуют иные положения Божиих заповедей*

27

А. Из Палладия

Мноша по имени Макарий в восемнадцатилетнем возрасте играл со своими сверстниками и нечаянно совершил убийство. Испугавшись, он бежал в пустынью. В страхе перед Богом и людьми он три года напролет провел, бесчувственный ко всему, под открытым небом, на земле, где не бывает дождей. В конце концов, беглец на скопную руку соорудил себе келью и прожил в ней еще двадцать пять лет, удостоившись благодатного дара находить утешение в одиночестве и совершенно презирать демонов.

Я много времени пробыл у Макария и, узнав от него самого про его жизнь и причину отшельничества, спросил, что он теперь думает о своем грехе убийства. Он ответил, что весьма далек от сожаления о содеянном и благодарен этому случаю.

— Ведь невольное убийство, — сказал анахорет, — положило начало моему спасению.

Макарий привел свидетельства из Писания и напомнил о Моисее. Ведь он тоже, если бы не страх (наказания) за убийство египтянина, не бежал бы от фараона, не скрывался бы в земле Мадиамской, не взошел бы на гору Синай, не удостоился бы лицезрения Владыки и столь многих дарований и не записал бы изреченное Духом. Отсюда следует с очевидностью, что иногда благодаря случаю невольно приходят к благу и после этого начинают великое восхождение.

Б. Из святого Ефрема

Если брат придет в киновию по каким-либо обстоятельствам, то пусть будет осторожен, чтобы враг под каким-нибудь благовидным предлогом не завладел им и не стал лукаво склонять его ко злу, внушая:

— Зачем тебе усердствовать и страдать ради добродетелей, все равно не дождешься воздаяния? Ведь ты не по своей воле пошел в монахи. Не случись с тобой того-то, из-за чего тебе пришлось податься в монахи, разве по своему желанию ты пришел бы сюда. Поэтому зачем тебе сейчас стараться понапрасну — Бог все равно не зачтет тебе этого.

Такие и тому подобные мысли враг станет внушать монаху, стремясь ввергнуть его в отчаяние. И если брат не поостережется, не воспротивится решительно лукавому верой и памятованием о Божьих благодеяниях, то обречет себя на отчаяние, помрачится умом да и в своей жизни опустится до лени и равнодушия, утраты страха Божия и окончательной гибели.

Не нужно слушать врага, внушающего это. Лучше еще горячее подвизаться в добродетелях, памятуя о благодеяниях Господа, и говорить самому себе: «Душа моя, как много людей удостоились такой (праведной) жизни продолжительными постами и милосердием, а я так много времени своей жизни провел в беспечности, но благой Господь призрел и на меня и привел к достойной и сосредоточенной жизни. Человеколюбивый

Владыка не спросил с меня за мои тяжкие и неисчислимые согрешения. Поэтому и мы с тобой, душа моя, постараемся вершить дела, достойные покаяния, чтобы нас не покарали вдвойне: за то, что мы отвергли благодать Божию и за то, что не сохранили обетов».

Расскажу тебе, возлюбленный, притчу об этом, дабы укрепить тебя в твоем решении и дабы твой помысел больше не смущал тебя.

В некой стране жил богач. Он купил имение за рекой и сразу уехал. Но перед отъездом созвал рабов, разделил между ними имение и сказал:

— Отправляйтесь каждый на свой надел и трудитесь, а я потом приеду и проверю, кто что сделал.

Благодарные и преданные рабы не стали противиться приказанию господина, но пошли и взялись за дело. Другие же, непослушные и строптивые, начали возражать:

— Мы тебя и слушаться не хотим, за реку переселяться и не подумаем и в имении твоем работать не станем.

Господин не рассердился на них. Он велел своим слугам принести вина и напоить непослушных рабов, потом взять их, переправить на тот берег и положить каждого на свой надел, данный ему хозяином для работы и доставшийся ему по жребию. Слуги все исполнили по слову его и разнесли рабов по их участкам.

После этого один из них, очнувшись от похмелья, увидел, что лежит на другом берегу в имении на участке, который дал ему его господин, и пришел в изумление. «Если мой господин так меня любит и не разгневался за мой ропот, но вытерпел и велел меня спящего переправить через такую большую и бурную реку, избавив от хлопот, и положить прямо на моем участке, то мне нужно усердно трудиться здесь, помня его терпение и милость и все благодеяния, которые он оказал мне», — так подумал добрый раб и с усердием принялся за дело, чтобы догнать тех, кто начал трудиться раньше него.

Затем проснулся и второй раб. Видит, что он на другом берегу реки, в имении господина. Но так как он был лукав и ленив, то подумал: «Господин переправил меня, когда я спал, через такую большую и бурную реку, ну и ну... Оставлю-ка я его целину, как есть, и погляжу, что он сделает», — раб потянулся и снова заснул. И пока он очень долго спал, целина заросла тернием и сорняками, и они скрыли его с головой.

Через некоторое время приехал хозяин посмотреть, кто что сделал. И когда увидел труды добровольно отправившихся в имение, похвалил их. Пришел к первому рабу, которого он велел сонным переправить через реку и, увидел, как хорошо тот потрудился, обрадовался и благословил его. Затем пришел к ленившемуся рабу, чтобы оценить и его усилия, и обнаружил его спящим, а вокруг него все заросло сорняками.

— Раб ленивый и лукавый! — грозным голосом разбудил спящего господин, — почему ты не возделал поле? Разве ты не знаешь, что я тебя сонным переправил через реку и велел отнести на твой участок и не гневался за твоё прежнее непослушание. Почему же ты не стал подражать своему собрату, которого тоже по моему повелению переправили через реку?

Раб молчал, потому что сказать ему было нечего, и господин воздал каждому по делам его.

Итак, разумей смысл притчи. Богач — это Христос, имение — вера, опьянение — обстоятельство, побудившее к отречению от мира, бурная река — богатство и заблуждения сего мира. Ревностные рабы — это отрекшиеся от мира ради любви к Богу. Протрезвевший после опьянения раб — сластолюбивый муж, который в силу обстоятельств тоже пришел к монашеской жизни и по воле Божией стал трудиться. А ленивый раб — тот, кто тоже принял монашество под давлением обстоятельств, но отверг благодать Божию и пренебрег собственным спасением. Вспомни о Савле, который с письмами от первосвященников

отправился в Дамаск, чтобы посадить в темницу верующих в Господа. Отправившись в путь, чтобы сокрушить веру, он стал проповедником ее. Ибо бесконечны милости Божии для всех, воистину взыскующих Его.

В. Из Патерика

Один юноша, решив порвать с миром, отправился в пустыню. Увидев башню, то есть келью, построенную в виде башни, подумал: «Кто бы ни жил в башне, буду служить ему до смерти». Он подошел к башне и постучался. Вышел старый монах и спросил:

— Чего тебе?

— Я пришел за благословением, — ответил юноша.

Старец принял его, дал отдохнуть, потом спросил:

— Не скрываешься ли ты от чего-нибудь?

— Нет, — был ответ. — Но я хочу остаться.

Услышав это, старец оставил его, (но сам он жил в блуде и скрывал у себя женщину). И вот как-то он сказал брату:

— Но если ты ищешь пользы, иди в монастырь. А то тут у меня жена.

Брат сказал:

— Жена она тебе или сестра, мне нет дела, и я буду служить тебе до самой смерти.

С тех пор прошло довольно много времени. Юноша продолжал бесстрастно служить ему. Тогда монах и его женщина задались вопросом:

— Разве нам мало бремени своего греха, которое мы оба терпим, а теперь еще ответим и за его душу? Давай уйдем отсюда, а келью ему оставим, — решили они и, взяв кое-что из своих пожитков, сказали брату:

— Мы уходим помолиться, а ты постереги келью.

Но они не успели уйти далеко, как брат догадался о их намерении и бросился за ними вдогонку. Увидев его, они смущились и сказали:

— До каких же пор ты будешь нам в осуждение? У тебя есть келья. Сиди в ней и внимай себе.

— Я пришел не ради кельи, — ответил брат, — но чтобы служить вам.

Услышав это, они стали сокрушаться, винить себя и решили покаяться перед Богом. Женщина ушла в монастырь, а старец вернулся к себе. Так, благодаря терпению брата спаслись оба.

Вот видишь, хотя старец, как лицо духовное, не мог не знать духовные законы, все же как человек претерпел падение. Поэтому он и открыто не прогнал брата, пришедшего к нему, хотя никого не хотел пускать к себе в келью. Когда же увидел, что тот не собирается уходить, невольно принял его как посланного свыше. Он побоялся согрешить перед Богом, Который привел к нему юношу и Который заповедал: *Приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин 6, 37).

И брат терпеливо прослужил ему немалое время и (всегда) не раздумывая брал на себя любое дело. Старец не мог его прогнать, и потому решил уйти сам. Нельзя было неправедно выгнать того, кто по Божьему промыслу пришел и остался, о чем и было старцу в конце извещение. Давайте и мы неизменно следовать этому закону.

Г. Из святого Ефрема

Не унижай старика, если он решил взять на себя тяготы монашеской жизни. Ведь и Господь не отверг пришедших (наниматься на работу) в одиннадцатый час (Мф. 20, 6). Как знать, может быть, этот старик и есть сосуд избранный.

О том, с чего нужно начинать жизнь аскета, что начинающим следует терпеливо переносить трудности и понуждать себя, ибо (путь) добродетели из-за страстей и предрассудков сначала выглядит тернистым, но потом оказывается весьма легким, что прочное начало приносит великую пользу, а также о том, что невозможно следовать Христу и достичь добродетели, если заранее не подготовить себя к смерти

28

лаженная Синклитикия говорила: «Много подвигов и трудов сначала предстоит приходящим к Богу, но затем их ждет несказанная радость. Ибо как желающие разжечь огонь сначала задыхаются от дыма и плачут, а потом добиваются своего; вот так и мы слезами и трудами должны воспламенить в себе Божественный огонь. Ибо Господь сказал: *Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся* (Лк 12,49). Некоторые же по своей нерадивости устали, дыма не вынесли — они не смогли зажечь огня и скоро ушли, не вытерпев и не устояв до конца».

Б. Из Патерика

Кто-то спросил старца:

- Почему я постоянно в унынии?
- Потому что ты еще не видел солнца, — был ответ.

2. Старец говорил: «Принуждать себя во всем — это и есть путь Божий».

3. Он же сказал: «Принуждающий себя ради Бога подобен человеку-исповеднику».

4. Братья спросили одного из отцов:

— Почему душа не устремляется к обетованиям Божиим, возвещенным в Писании, а уклоняется в нечистоту?

Старец ответил:

— Я скажу так: душа еще не вкусила вышнего и потому вожделеет нечистоты.

5. Брат спросил авву Пимена:

— Тело мое слабеет, а страсти не ослабевают?

— Эти страсти — колючий сорняк, — заговорил образно старец. — Начнешь вырывать его с корнем, раздерешь себе руки в кровь. Поэтому кто хочет искоренить в себе страсти, пусть приложит труд и пот.

6. Авва Иосиф сказал авве Лоту: «Ты не сможешь быть монахом, пока весь не станешь, как пылающий костер, не начнешь презирать почести и покой, не отсечешь сердечных желаний и не научишься соблюдать все Божьи заповеди».

В. Из аввы Исаии

Брат, ни в каком труде не будь беззаботен, чтобы не ворвались в тебя вражеские внушения. Как развалины дома за городом превращаются в смрадное место, так и душа ленивого новичка становится обиталищем всяческих нечестивых страстей.

Г. Из аввы Марка

Всякий крещенный в Православии человек сокровенно получил всю благодать и укрепляется в этой благодати исполнением заповедей. Заповедь же Христова, исполняемая по совести и по своему предназначению, дарует утешение множеству сердечных скорбей.

Д. Из святого Диадоха

Это только новоначальным, возлюбившим благочестие, добродетельный путь кажется чрезвычайно каменистым и мрачным. Не потому, что он таков. Просто человеческая натура с самой материнской утробы ходит по широкой улице наслаждений. Но для преодолевших половину (пути) улица оказывается весьма дружелюбной и удобной. Ибо своим добрым нравом они с помощью блага подавили в себе зло, а вместе со злом погибли и воспоминания о пагубных наслаждениях. А после этого душа уже с радостью ходит добродетельными путями. Вот для чего Господь, направляя нас на путь спасения, говорил: *Сколь тесны врата и узок путь, ведущий в Царствие, и немногие идут по нему* (Ср.: Мф 7,13-14). А тем, кто всей душой решил соблюдать Его святые заповеди, Господь сказал: *Иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф 11, 30).

Вот почему в начале подвига необходимо понуждать свою волю исполнять святые Божьи заповеди, дабы Благой Господь по нашим трудам и скорбям увидел, что мы с превеликой радостью стремимся служить Его славным заповедям, и ниспоспал нам Свою святую волю. В таком случае Господь, конечно же, уготовит нашу волю, чтобы мы со всей душой постоянно творили добро. Тогда мы воистину почувствуем, что это сам Бог Своим благоволением действует в нас и любит и творит.

Е. Из аввы Исаака

Блаженны, кто ради любви к Господу, препоясав чресла свои, с мужеством и надеждой пустились в плавание по морю скорбей, по этой необъятной и неведомой дороге. Они не испугались ни бушующих волн, ни шторма, ни бури не устрашились, (ибо верили), что скоро в заливе Царства (Божия) обретут спасение и покой в обителях во благо потрудившихся и возрадуются радостью, что их надежда сбылась. Ведь кто с надеждой устремляется вперед по извилистому и тернистому пу-

ти, тот уже не возвращается вспять, чтобы исследовать, каков этот путь. Но когда он благополучно преодолеет его, тогда вспомнит, насколько он был извилист и тернист, и возблагодарит Бога за избавление от таких многочисленных и ужасных опасностей, о которых даже не подозревал.

А у кого (слишком) много мыслей и кто хочет поскорее стать *мудрым в глазах своих* (Притч 26, 11) и отдает себя (во власть) вихря помыслов, кто заранее страшится (всего) и силенится предугадать потери, а большинство людей именно такие, — вот они никогда не уходят дальше порога собственного дома. Про них верно сказано в Писании: отправленный в путь *ленивец говорит: «лев на дороге* (Притч 26, 13) *и убийцы на площадях!* Как говорившие: *там видели мы и исполинов, сынов Енаковых, ...и мы были в глазах наших пред ними, как саранча* (Числ 13, 34), так и постоянно мечтающие быть мудрыми совсем не готовы ни на какое дело.

Да не станет твоя такая великая премудрость падением и западней перед лицом твоим. Доверься Богу, загорись и с пылом новичка сделай первый шаг по пути, обильно политому кровью. Совсем не заботься о теле, не твори и не выдумывай ничего лишнего, дабы не остаться голым без сокровенного Божественного ведения. И земледелец поостережется и никогда не станет сеять, пока не дождется нужного ветра (*т.е. хорошей погоды* — прим. ред). Лучше умереть за Бога, чем жить в позоре и лени.

Если хочешь положить начало Божьему делу, прежде сделай завет между тобой и Богом о том, что не будешь жить нынешней жизнью и что хочешь приготовиться к смерти, ибо совершенно разочаровался в настоящей жизни. Держи это в уме, и тогда сможешь с Божией помощью сражаться и победить. Ведь упование на эту жизнь ослабляет разум и не дает человеку преуспеть во благе. Ни двоедушно, ни с ленью не приступай к благому делу, чтобы все твои труды не оказались напрасными, а твоя работа земледельца — непосильной. Но

мужественно, с непоколебимой верой в Бога берись за благое (дело), уповая, что милостив Господь и для взыскующих Его Он скорый Помощник и щедрый Воздаятель. Свою благодать Он дарует не по нашим трудам, но по ревности и вере в наших душах. Ведь Он сам говорил: *Как ты веровал, да будет тебе* (Мф 8,13).

Кто хочет последовать за Христом, пусть, как сказал Сам Спаситель, отвергнет себя (Мф 16, 24) и возьмет Крест — тогда он сможет последовать за Господом. Ибо Крест, как известно, означает готовность ко всякой скорби, мучению и даже смерти. Если человек готов на распятие, то мысль о смерти держится в его уме, и он ведет себя как человек, не помнящий и не имеющий ничего общего с жизнью этого века. Точно так же и тот, кто хочет исполнить слова Господа. «Кто хочет жить в мире сем, — сказал Он, — тот погиб для истинной жизни, а кто в мыслях готов и душу свою погубить ради любви ко Мне, тот без вреда и помехи достигнет вечной жизни. Поэтому отныне и впредь готовь свою душу к совершенной гибели для временной жизни, и Я дам тебе жизнь вечную, как и обещал тебе. А в этой жизни Я докажу делом Свое обещание: еще здесь ты получишь уверение будущих благ и их залог. Но если прежде не отвергнешь настоящую жизнь, ты не обретешь будущей!»

А как только, подготовившись, ты вступишь в бой, (остальное), что тебе кажется трудным и скорбным, потеряет для тебя всякий смысл. И все же невозможно вытерпеть скорби, если не возненавидишь свою жизнь в миру и не возкаждешь будущей жизни.

Вопрос: Кто сбросил с себя все заботы и с готовностью вышел на бой, с чего ему нужно начинать борьбу с грехом?

Ответ: Основа всякой добродетели — пост и бдение. Ибо они дают рассуждение и содействуют человеку во всем благом. А вот начало всех зол — это пресыщенное чрево и покой и сон до расслабления. Они разжигают блудную похоть и при-

тупляют ум, делая его грубым и помраченным. Как у здоровых глаз постоянная жажда света, так и от поста, совершающего с рассуждением, возникает вечная тяга к молитве. Ведь когда человек начинает поститься, в нем рождается потребность беседы с Богом, его ум пробуждается, а тело, легкое от поста и не отягощенное пищей, разве может вытерпеть всю ночь напролет валяться на матрасе? Нет, оно бодро встает и спешит на служение Богу.

Насколько печать поста запечатлевается на человеческой плоти, настолько его сознание проникается благоговением, из его сердца льется молитва, выражение супности ложится на его лицо, нечестивые помыслы обходят молитвенника стороной, ведь он стал врагом злых вожделений и бессмысленных встреч. Пост — великий путь ко всяческому благу, а кто пренебрегает постом, тот теряет все свои добродетели. Пост — это заповедь, данная нашей природе с самого начала для соблюдения его, и потому пост изначален для нас как Божиих созданий.

Из-за этого и произошло первоначальное падение (в раю). По той же самой причине подвижники стали соблюде нием закона воздержанности со страхом Божиим снова подниматься на битву и исполнять все Его заповеди. Даже Сам Искупитель нашего рода борьбу с дьяволом начал с поста. После Крещения Дух возвел Его в пустыню, и Он постился сорок дней и сорок ночей.

Вот так и все решившие последовать за Ним должны на этом фундаменте положить начало своему о Господе домостроительству. Ведь если Сам Законодатель нашего спасения постится, то неужели исполняющие Его законы люди не должны подражать Ему? Ведь до этого человеческий род не знал побед, и дьявол никогда не терпел поражений от нашей природы. Но этим оружием (постом) он был сразу повергнут.

И первый венец в честь этого наш Господь и Источник победы возложил на главу нашей природы. Вот почему теперь

как только вражина завидит это оружие у какого-нибудь человека, то дрожит от страха, вспоминая свое поражение от Спасителя в пустыне, и силы оставляют его перед этим оружием, данным нам Начальником нашего спасения. Пост — самое мощное оружие и крепость, отражающая летящие стрелы врага. К тому же он еще и придает превеликое мужество в борьбе. Ибо человек, окруженный полчищами бесов, чем больше изнемогает и страдает телесно, тем больше его сердце наполняется мужеством и стойкостью. Это помогает ему еще храбрее противостоять неприятелям и сражаться с ними еще яростней и отважней, постоянно пылая ненавистью к врагам. И он не прекратит борьбу даже для краткой передышки, пока все врачи не будут изгнаны и не перебиты благодаря помощи свыше и исполнению прочих заповедей.

И зилот¹ Илия, возревновав о Божьем законе, тоже прибег к подвигу поста, который напоминает, как (Святой) Дух заповедал нам проводить его. Пост — посредник между ветхим законом и благодатью, данной нам Христом. И потому кто преnебрегает им, тот становится слабым и беспомощным для подвигов и проявляет свою душевное бессилие перед врагом, выйдя на бой безоружным. И враг смело набрасывается на него, без труда одолевает безоружного труса и скоро совершенно сокрушает его. Потому что человек весь оказался уязвимым для вражеских стрел, ибо не защитил себя надежным оружием поста, дарованного нам самим Владыкой.

Ж. Из Патерика

Авва Зосима говорил, что Божья благодать всегда сопровождает наше произволение, и благодатью мы добиваемся всякого блага. Сами же мы однако и не пытаемся положить начало благим делам и даже не проявляем ни большого произволения, ни рвения, чтобы удостоиться Божьей благодати в по-

¹ Зилот — ревнитель, ревностный.

мощь себе. Но даже если ради тщеславия мы и проявим свое произволение, то оно будет вялым и недостойным стяжания какого-либо блага от Бога. Неужели не понятно, что наша постоянная забота — сеять и затем собирать урожай? Когда крестьянин сеет на своей земле, то потом он ждет милости свыше, и Господь ниспосыпает Свои дары: и дождь ко времени и погоду впору. Посевные семена проклевываются, возрастают и, наконец, дают зерно. Бросив в землю немногого (семян), крестьянин пожинает большой урожай и немалую прибыль.

Так должно поступать и нам: если щедро посеем искреннее стремление к добру, то получим такую же благодать и от Бога. А с нею мы сможем спокойно и без труда стяжать все добродетели. Очевидно, так бывает в любом деле. Когда кто-нибудь приходит научиться ремеслу, сначала изо всех сил старается, у него ничего не получается, и он часто портит вещи, но не унывает, не падает духом и снова берется за дело. Сколько раз испортит работу, столько же раз и исправит, показывая мастеру свое произволение. А если он с отчаяния бросит дело, то так ничему и не научится. И как бы новичок ни ошибался, мастер всегда поправит, и потому ученик старается — и так трудом и терпением добивается своего. Малопомалу вскоре сам становится мастером, и некоторое время спустя начинает самостоятельно трудиться и зарабатывать себе на жизнь.

Точно так же должен делать всякий, кто хочет приступить к какой-либо добродетели. Для этого ему следует сначала доказать, что у него хватит мужества и силы для выполнения своего произволения, а затем терпеливо творить благо и молить Бога о содействии и помощи. А в случаях неудачи не впадать в уныние, не отчаиваться и не ослаблять своих усилий, иначе никакой добродетели он никогда добиться не сможет. Однако, сколько бы раз ему ни случилось пасть, всякий раз он должен понуждать себя вставать, подогревая себя надеждой и ожиданием Божией милости.

То же самое имел в виду и авва Моисей. Крепость стремяющихся к добродетели, по его словам, заключается в том, что, даже если они падают, то не отчиваются, но снова встают — и за дело. Давайте же и мы приложим все силы к стяжанию добродетелей и *померпим Господа* (Пс 4, 14) нашего, явим Ему свое чистосердечное произволение и призовем Его на помощь. И тогда Он ниспошлет Свою милость на нас и щедро одарит Свою благодатию. А с нею легко и без лишних трудов мы добьемся всякого блага.

2. С одним молодым монахом был такой случай. Как только он собирался вычитывать правило, у него начиналась лихорадка и жар, и голова страшно раскалывалась. Тогда он говорил себе: «Ну, вот, заболел. Так недолго и помереть. Но перед смертью совершу-ка я лучше правило». И таким помыслом понуждал себя исполнять свое дело. После молитвы лихорадка, жар и головная боль проходили. Но как только подходило время опять читать правило, болезнь возвращалась. Тогда он вспоминал свой прежний помысел и силой заставлял себя совершать правило, и в скором времени с Божией помощью избавился от браны.

3. Один из старцев пришел к авве Ахилле и, увидев, что тот харкает кровью, спросил, что с ним.

— Один брат обидел меня словом, — ответил авва, — и я боролся с собой, чтобы не упрекать его, и молился Богу, дабы Он освободил меня от этого помысла. Тотчас слово стало кровью в устах моих, и я выплюнул его, и после этого успокоился и забыл обиду.

4. Некий брат ничего не вкушал с утра и сражался с помыслом не есть, пока не наступит третий час. Подошли три часа, но подвижник опять решил не есть, пока не настанет шесть. Когда исполнилось шесть часов, он размочил хлеб и сказал помыслу: «Подождем еще до девятого часа». В девять он стал молиться и увидел, как сверхъестественная сила в виде дыма

исходит из его рукоделия и исчезает в воздухе. И с этого мгновения (чувство) голода оставил его.

5. Старец взял на себя подвиг не пить воду сорок дней. Когда же наступал (полуденный) зной, и жажда терзала особенно нестерпимо, он брал сосуд, наполнял его водой и ставил перед собой. Брат спросил, зачем он это делает. Старец ответил:

— Чтобы, глядя на воду, я больше страдал от жажды и от того, что не могу попробовать ее, и тем большую награду получил от Бога.

6. Старец говорил: «Мы потому не преуспеваем и даже не знаем своей меры, что не терпеливы в начатом деле и хотим, не напрягаясь, стяжать добродетель и потому легко и без труда переходим с места на место, думая, что найдется уголок, где нет дьявола».

7. Он же сказал: «Если монах несколько дней поработает, затем поленится, потом опять потрудится и снова расслабится, то он трудится без толку и не обретет никакого терпения».

3. Из святого Ефрема

Возлюбленный брат, от юности твоей предайся учению, и до седин твоих найдешь мудрость (Сир 6, 18). С ранних лет засевай свое поле и ухаживай за ним, чтобы на нем не выросли тернии, как на целине. А получишь добрый плод, прославь Того, Кто дает тебе силы.

И. Из аввы Исаака

Основа всех благ (и освобождение души из вражеского плена, и дорога, ведущая к свету и жизни,) заключается в двух вещах: углубиться в себя и постоянно поститься. Иными словами, поселиться в безлюдном месте, упорядочить свою жизнь, благоразумно и рассудительно обуздывать чрево, не-престанно учиться и размышлять о Боге. Кто выполнит оба правила, тот преуспеет во многом и тем самым стяжает все добродетели.

2. Робкий человек страдает от двух недугов: маловерия и жалости к своему телу. А кто презрел это, то совершенно очевидно, что он всей душой уверовал в Бога и ожидает будущей (жизни). Отважное сердце и презрение к опасностям бывают по одной из двух причин: либо от жестокосердия, либо от глубокой веры в Бога. Жестокосердие ведет к превозношению, а вера — к смирению сердца.

*О том, что на подвижников
бесы нападают крепко, а нера-
дивых презирают как своих
рабов, и что Бог помогает
стремящимся к благу,
а брань попускает для
нашей же пользы*

29

A. Из Патерика

то-то из отцов рассказывал, как один трудолюбивый монах был внимателен к себе, но случилось ему впасть немногого в нерадение. И поняв свою лень, он спросил: «Душа, доколе же ты будешь пренебрегать своим спасением? Разве ты не боишься суда Божия? Вот застигнет Он тебя в таком небрежении и предаст вечным мукам?» Такими словами он побудил себя на дела Божии.

И вот однажды, когда он совершал свое правило, ему явились бесы и стали пугать его. Он спросил:

— До каких же пор вы будете терзать меня? Неужели вам мало моего минувшего нерадения?

— Ты был небрежен, — отвечали духи, — и мы пренебрегали тобой. Сейчас ты восстал против нас, и мы восстали против тебя.

Услышав это, монах заставил себя усерднее взяться за Божии труды и с помощью Христовой благодати стал преуспевать.

2. Один старец рассказывал о брате, жившем в свое время в Египте. Как-то этот монах шел по дороге. Наступил вечер, и

он вошел в гробницу, чтобы переночевать и укрыться от холода. Ночью ему явились бесы, и один сказал другому:

— Ты посмотри, какой храбрый монах! Даже ночует в гробнице! Давай напугаем его.

— А что его пугать? — сказал другой. — Он и так весь наш. Делает то, что мы хотим: ест, пьет, пустословит, службой пренебрегает. Стоит ли тратить время на такого? Давай лучше пойдем мучить аскетов, которые молитвами и скорбями воюют с нами и ночью и днем.

3. Старец говорил: «О человече, если ты хочешь жить по закону Божию, твоим Покровителем станет Сам Законодатель. Если же ты хочешь ослушаться заповедей Божиих, твоему падению поможет дьявол».

И еще сказал: «Отдашь волю Богу — обретешь силу».

Б. Из святого Ефрема

Каждый брат должен с большой бережностью постоянно хранить свое сердце и чувства, потому что в этой жизни мы ведем великую войну, а враг свиреп, особенно к подвижникам. Как сказано в Писании, он ходит, *ища кого поглотить* (1 Пет 5, 8). И нужно противостоять ему твердо, призывая помочь свыше. А кто примирился со страстями, как он может бороться с ними, когда сам себя продал в рабство наслаждениям и по добной воле полностью платит дань тирану? Ведь где вражда, там и брань. Где брань, там и подвиг. А где подвиг, там и венцы.

Поэтому кто хочет освободиться от горького рабства, пусть объявит войну врагу. Ведь и святые удостоились небесных благ только после победы над лукавым. Однако, возможно, кто-нибудь спросит: если в самом деле там, где есть ненависть к страстям, то естественно возникает и борьба с ними, как ты говорил, тогда почему же мы видим любителей наслаждений, чрезвычайно порабощенных низменными страстями и не в состоянии прийти к раскаянию? На это отвечу: не ду-

маю, возлюбленный, что люди подобного рода способны на борьбу ради добродетелей или против тирана. В их страстиах скорее больше раболепия и любви к наслаждениям и не заметно даже желания подняться на врага.

Ведь у воюющих нет никакого согласия между собой, и они сами сдались на милость врага и продали себя в рабство страстиам, в таком случае какая же это война? Если они и терпят брань, то это никак не связано с борьбой за добродетели или натиском на врага, но с жестокостью того, кто ввергает их в беззакония, чтобы они платили привычную дань грехам и не могли сделать даже краткую передышку в работе¹ постыдным страстиам, которым они добровольно отдали себя, как рабы. Ведь ясно сказано: *Кто кем побежден, тот тому и раб* (1 Пет 2, 19). Такие люди попали в рабство не насилию и не против собственной воли. Напротив, они готовы сами платить, дабы ублажать волю своего обманщика, и потому и преуспевают во зле, и в них нет ни намека на раскаяние, воздержание, ни решимости не грешить больше.

А битва подвижников не такова. На них нападают — они отбиваются; опаляют огнем — терпят; является соблазн — по страху Божию отвращаются от него; дают подножку — тут же поднимаются. А кто оказался у варваров, под пятой тирана, попал в плен, приспособился да еще и рад, тот без оков и стражи сам останется у врага, будет воевать за него и станет его лазутчиком среди своих соплеменников. А кому тоскливо в пленау, в который они попали, и омерзительны варварские нравы и беззакония этого народа, те постараются поскорее сбежать, лишь улучив удобный момент, чтобы вернуться к родным и обрести прежнюю свободу, и (непрестанно) молятся о помоши соплеменников. Освободившись из вражеского

¹ Автор, сравнивая работу постыдным страстиам, применил глагол [...] – изготавливать саманный кирпич, для чего использовались главным образом глина, навоз и солома, которые перемешивались ногами, – труд тяжелый и грязный.

плена, они сразу же вступают в битву с врагом, сражаются вместе с соплеменниками и плечом к плечу с ними одерживают победу. Вот почему тем, кто хочет избавиться от горького рабства лукавого, должно восстать против его произвола и открыто вступить с ним в борьбу, от всего сердца мужественно повторяя слова отроков: *Да будет известно тебе, дьявол, что мы ни голоса твоего не послушаем, ни воле твоей угодждать не будем* (Ср.: Дан 3, 18).

А во время борьбы еще хорошо призывать Божью помошь и вслед за отроками говорить: *Господи, ныне мы следуем за Тобой всем сердцем и боимся Тебя и ищем лица Твоего. Не посрами нас, но сотвори с нами по снисхождению Твоему по множеству милости Твоей и избави нас силою чудес Твоих, и дай славу имени Твоему, Господи, и да постыдятся все, делающие рабам Твоим зло, и да постыдятся со всем могуществом, и сила их да сокрушится, и да познают, что Ты Господь Бог един и славен по всей вселенной* (Дан 3,41). Даже если беснующийся тиран раскалит печь страстей в семь раз сильнее, *мужайтесь и уповайте на Господа* (Пс 4, 24), и Он тут же остыдит печь прохладной росой, а тиран, которого они боялись, сам будет трястись даже от одной их тени — так велика помощь, ниспосылаемая свыше.

В. Из аввы Исаака

Когда захочешь положить начало благим делам, перво-наперво приготовь себя к искушениям, которые могут постичь тебя в будущем. Ведь враг по своему обыкновению, если видит, что кто-то с горячей верой начал жить благочестиво, то насыпает на него всевозможные устрашающие искушения, чтобы человек испугался и оставил благие намерения. Бог же допускает тебе искушения для того, чтобы ты настойчивее стучался к Нему в дверь, и от страха перед скорбями память о Боге зарождалась в твоем сознании, чтобы своими молитвами ты приближался к Господу, и постоянным памятованием о

Нем освящалось сердце твое. А попросишь Еgo, Он услышит тебя, и ты познаешь, что это Он избрал тебя, и поймешь, Кто вылепил тебя, Кто укрепляет тебя и бережет. Ибо покров и промысел Его — над всеми человеческими родами. Бога невозможно видеть, не очистившись от грехов и не помышляя о Нем постоянно. Однако исключительно явно Божия помощь и промысел обнаруживаются, когда приходится претерпевать немалые искушения ради истины — вот тогда они воспринимаются умом совершенно ясно.

Некоторые видят Божию помощь телесными очами подобно тому, как бывает во время искушений, и, ощущив поддержку, преисполняются мужества, о чем мы знаем по Иакову, Иисусу Навину, трем отрокам, апостолу Петру и другим святым, пострадавшим за Христа. Божия помощь представляла перед их взором в человеческом виде, вдохновляя и наставляя в благочестии. Отцов, которые обжили пустыню, изгнали из нее бесов и превратили ее в обитель ангелов, тоже нередко посещали святые ангелы и всячески помогали им, поддерживали их во всем, укрепляли и избавляли от искушений и от злобных козней, которыечинила им нечисть. Божья помощь и поныне не оставляет людей, которые целиком посвятили себя служению Ему. И Он всегда рядом со всеми, призывающими Его.

Г. Из святого Максима

Говорят, есть пять причин, по которым Бог допускает демонам воевать с нами. Во-первых, чтобы, нападая и защищаясь, мы научились различать добро и зло. Во-вторых, в бою и труде не только обретали добродетель, но и соблюдали ее твердо и непременно. В-третьих, чтобы, преуспевая в добродетели, не превозносились умом, а научились смиренномудрию. В-четвертых, чтобы, претерпев зло, мы раз и навсегда возненавидели его. И пятая причина, которая превыше всего, чтобы, достигнув бесстрастия, мы не забывали ни о собственной немощи, ни о могуществе Помогающего нам.

Д. Из Патерика

Один монах, страдавший от искушений, пришел к старцу и рассказал ему о бесовских кознях.

— Брат, — сказал старец, — не бойся искушений, которые происходят с тобой. Потому что враги, когда видят, что душа возносится на небо и соединяется с Богом, беснуются от зависти. Однако не бывает, чтобы Бог и Его ангелы не были рядом с человеком в искушении и не протянули ему руку помощи. Поэтому ты непрестанно взывай к Нему и смиренно проси помощи. А при искушении памятуй о Его неодолимом могуществе, о нашей немощи и жестокости наших врагов и получишь помощь от Бога.

2. Брат спросил старца:

— Почему люди в миру постов не соблюдают, молитвой пренебрегают, на всенощные не ходят, едят все подряд, с удовольствием тратят время на подсчеты дебета и кредита, друг друга пожирают, целыми днями дают клятвы и сами их нарушают, но тем не менее не падают, не говорят, что, мол, грешен, и не отлучают себя от причастия? У нас же, монахов, и пост, и бдения, и сон на земле, и сухоядение, и никакого утешения для плоти. Да к тому же еще скорбим и плачем и говорим, что погибли и повинны геенне огненной.

Старец, вздохнув, ответил:

— Ты хорошо сказал, брат, что мирские не падают. Потому что они однажды уже пали падением великим и тяжким и не могут подняться, а дальше им падать некуда. Несчастные так и остаются в прежнем падении и в полном неведении и даже не подозревают, что пали. И какая охота дьяволу воевать с теми, кто все время лежит? А монахи открыто противостоят врагу и постоянно сражаются с ним. Вот почему то они побеждают, то их. Они все время падают и встают, наступают и отступают, наносят удары и получают, пока Божией благодатью не спасутся и не избавятся от своих немощей и слабостей. Вот тогда

они совершенно примиряются с Богом и обретут покой и утешение, постоянно очищаясь изнутри Божией тишиной и радостью.

3. Авва Пимен рассказывал, что авва Иоанн Колов молился Богу, и страсти оставили его. Почувствовав успокоение, он пришел к старцу и сказал:

— Вот теперь я спокоен — никакой брань.

Тогда старец ему посоветовал:

— Пойди и моли Бога, чтобы брань пришла, потому что душа преуспевает в брани.

Авва Иоанн стал молиться, и брань началась. Но он уже молился не об избавлении от нее, но говорил:

— Господи, дай мне терпение в брани.

4. Авва Коприй сказал: «Блажен, кто переносит тяготы с благодарностью». Сам он долгое время был прикован болезнью к постели, но благодарил Бога и отсекал собственную волю.

5. Старец рассказывал, как помысел искушал одного брата девять лет. В благоговейном страхе брат осуждал себя и говорил: «Я погубил свою душу». Ибо виновником мысленного искушения считал одного себя. В конце измученный помыслом, он отчаялся в собственном спасении, что не следовало ему делать, и сказал:

— Раз я погубил себя, то лучше вернуться в мир.

Когда он уже вышел на дорогу, то услышал глас: «За девять лет, которые ты терпел искушения, тебе даны венцы. Поэтому возвращайся назад, и избавишься от помыслов». Брат вернулся к себе и обрел покой. Из этого видно, что венцы добываютя в битвах.

6. Старец сказал:

— В первое время после отречения от мира (и принятия монашества) демонам не попускается слишком искушать новоначального, чтобы это не испугало его и не сбило с пути, и он сразу не вернулся бы в мир. Когда же монах со временем

преуспеет в своих трудах, тогда ему попускается брань со страстями и похотями да еще и с гневливостью, ненавистью и иными пороками. И ему нужно смиряться и плакать, осуждая и уничижая самого себя. Благодаря искушениям он накапливает опыт, учится терпению, рассуждению и, наконец, со слезами молится Богу. Кто-то из них, подавленный скорбями погрузился в пучину отчаяния, душой вернулся обратно в мир, а кто-то и телесно. Мы же, братья, никогда не станем отчаяваться и трусить, но мужественно и великодушно перенесем искушения и возблагодарим Бога за все, что с нами происходит. Ибо благодарность Богу разрушает все козни врага.

Как тот, чьи руки в смоле, может отчистить их маслом, так и мы, осквернившись грехом, снова очистимся милостью и человеколюбием Спасителя нашего Иисуса Христа. Будем прибегать к Нему во всех искушениях и благоговейно призывать Его помочь и благодарить за все, что случается с нами. И тогда мы сами убедимся, как легко победить врага и каким слабым и бессильным он станет перед нами.

7. Старец сказал: «Если нам причиняют зло, то Господь попускает это, ибо Он долготерпелив. Но гораздо более он содействует нам, когда мы хотим творить благо».

Е. Из святого Ефрема

Кто хочет угодить Богу и сделаться Божиим наследником в вере, родиться от Святого Духа и стать сыном Божиим, тому следует прежде всего запастись мужеством и терпением, потому что ему неизбежно встретятся и скорби и лишения. Их должно переносить с мужеством и благодарностью, будь то телесные болезни и страдания, издевательства и поношения от людей или всевозможная невидимая брань, которую духи злобы навязывают душе, стремясь ввергнуть ее в бессилие и уныние. Сам Господь по своему замыслу спасения попускает каждому искушения скорбями, чтобы проявились те, кто любят Его всей душой. Такие люди переносят все нападки лука-

вого с мужеством и благодарностью и не теряют надежды и веры, но всегда с верой и превеликим терпением ожидают избавления от скорбей с помощью Божией благодати. Это помогает им преодолевать всякие искушения и достичь обетования. Тогда и они удостоятся Царства (Небесного). А следуя по стопам всех от века святых за Святым Господом, они становятся причастниками не только их мучений, но и славы.

Ты (конечно) согласишься, если вспомнишь, как с самого начала все отцы: патриархи, пророки, апостолы, мученики — шли путем скорбей и искушений. Все трудности они переносили стойко и с радостью, потому что ожидали вожделенной награды и тем самым смогли угодить Богу. Об этом в Писании сказано: *Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искущению: управь сердце твое и будь тверд* (См. Сир 2, 1-2). Другими словами, взирая на Бога и укрепляясь надеждой на Него. О том же и апостол говорил: *Если же оставаешься без наказания, которое всем обице, то вы незаконные дети, а не сыны* (Евр 12, 8). И как сказал он в другом месте: *«Все, что случается с тобой, принимай как благо, зная, что без Бога не происходит ничего»*.

Господь называет блаженными тех, кто ради Него подвизается и терпит жесточайшие страдания либо явно от людей, либо тайно от духов злобы, которые, как уже говорилось, восстают на любящую Бога душу и причиняют ей всяческие скорби, чтобы отрезать ей дорогу к (вечной) жизни и ввергнуть в равнодушие и отчаяние. Так искушениями испытывается душа, любит она Бога или не любит, и отсюда становится ясно, достойна она Бога или нет.

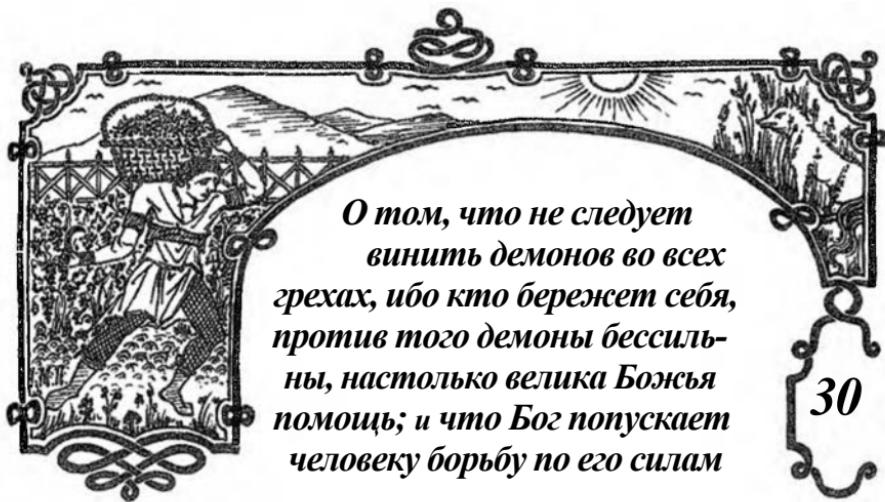
Поэтому каждая душа, которая хочет угодить Богу, должна прежде всего решительно укрепиться в терпении и надежде. Тогда она сможет стойко выдерживать и преодолевать всякие нападения и козни врага. Ибо душа, которая надеется на Господа и терпеливо ожидает Его, Он не попускает тягот и мучений сверх ее сил. И лукавому дозволяется искушать и терзать

человека, не сколько ему заблагорассудится, а сколько допустит Господь. Ведь нашему Творцу ведомо, какое испытание и какой огонь душа может выдержать, такое и попускает.

Когда горшечник вылепит сосуды, он знает, сколько времени их нужно обжигать. Ведь если их не обжечь, то ими нельзя будет пользоваться. Но и в печи он держит изделия не дольше, чем нужно, иначе они растрескаются, и по той же причине не вынимает их раньше времени, а то они тоже будут хрупкими и ни к чему не пригодными. И на выочных животных кладут не одинаковый груз на всех, но по силам каждого. Так же и у корабля есть линия, указывающая предельную нагрузку для безопасного плавания.

Если Бог даровал человеку такое ведение и разумение явлений и тленных предметов, чтобы разбираться в них правильно, то тем более Сам Податель мудрости и рассудительности ведает, каких и сколько испытаний Он соблаговолит послать душе, стремящейся угодить Ему, чтобы она и Ему была любезна и для Царства Небесного подготовлена. Конопля сама по себе тоже ведь ни к чему не пригодна до тех пор, пока из нее не получат тончайших нитей. Но для этого ее нужно сильно поколотить, и чем больше ее трепать и расчесывать, тем она будет чище и ценнее. Вот так и боголюбивая душа. Если она выдержит многие попущенные ей искушения и скорби, то становится чище, утонченней и более подготовленной для духовных трудов и, в конце концов, с радостью войдет во врата Царства и будет наследницей обителей небесных благ на бесконечные века.

*О том, что не следует
винить демонов во всех
грехах, ибо кто бережет себя,
против того демоны бессиль-
ны, настолько велика Божья
помощь; и что Бог попускает
человеку борьбу по его силам*

А. Из Патерика

 авва Антоний говорил, что Бог не попускает нынешнему поколению такую же брань, какую вынесли наши предки, ибо знает, что по своей немощи они не смогут выдержать ее.

2. Авраам, ученик аввы Агафона, спросил авву Пимена:

— Что мне делать, бесы страшно воюют со мной?

— Бесы воюют? — переспросил тот. — Да они не воюют только тогда, когда мы творим свою волю. И это своеvolие стало сущим бесом для нас. Оно мучает нас, чтобы мы исполняли бесовскую волю. Хочешь знать, с кем воевали бесы? Так вот знай: с аввой Моисеем и ему подобными.

3. Брат спросил авву Памво:

— Почему бесы мешают мне делать добро ближнему?

— Не говори так, если не хочешь представить Бога лжецом, — ответил старец. — Лучше говори: «Я не хочу творить милости». Ведь Господь об этом заранее предупредил нас: *Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк 10,19).

4. Брат спросил авву Сисоя:

— Как мне спастись от страстей и бесов?

— Каждый из нас искушается собственной похотью, — ответил старец.

5. Святая Синклитикия сказала: «Чем больше успехов добиваются атлеты, тем сильнее противники попадаются им».

6. Как-то авву Моисея весьма сильно одолела блудная брань — он даже не мог усидеть в келье. Тогда он пошел и рассказал об этом авве Исидору. Старец стал уговаривать его вернуться к себе в келью. Но тот не соглашался.

— Я не вытерплю, авва, — воскликнул страдалец.

Старец взял его и отвел на крышу кельи и сказал:

— Посмотри на запад.

Авва Моисей взглянул и увидел полчища бесов. Они метались, издавая воинственные крики.

— Теперь посмотри на восток, — сказал авва Исидор.

Моисей повернулся и увидел несметное воинство святых ангелов в славе. Старец воскликнул:

— Видишь, это посланцы Господа на помощь святым. А те, на западе, противники святых. Однако наших больше, чем врагов. Поэтому будь смелей и ничего не бойся.

Авва Моисей воспрянул духом и, поблагодарив Бога, вернулся в свою келью.

7. Старец сказал¹:

— В первое время после отречения от мира (и принятия монашества) демонам не попускается слишком сильно искушать новоначального, чтобы это не сбило с пути и не испугало его, и он сразу не вернулся бы в мир. Когда же монах со временем преуспеет в своих трудах, тогда ему попускается брань со страстями, похотями и огорчениями. И ему нужно смиряться и плакать, унижать и винить самого себя в грехах прошлых и настоящих. Благодаря искушениям он накапливает опыт, учится терпению, рассуждению и, наконец, молится Богу со

¹ Частичный повтор. См. Тема 29, Из Патерика, поучение 6.

слезами. Бог же всегда разрушает козни врага и постепенно дает успокоение. А кое-кто по малодушию наложил на себя руки или вернулся в мир, потому что его одолела тоска.

Б. Из аввы Кассиана

Авва Серин говорил, что один демон не может внушать людям любую страсть, но на каждую страсть непременно есть особо предназначенные злые духи, и только они могут внушать ее. Одни из них довольствуются нечистотой, срамным сладострастием и их зловонием, другие — ругательствами. Третья — гневом и яростью. Некоторые радуются горю, некоторые — самомнению, а иные — высокомерию. Кому что нравится, то постоянно они и вносят душу, особенно если видят, что она готова охотно принять это.

Точно так же они вселяют зло и терзают людей не одинаково, но всякий раз по-новому, приоравливая свои козни к сложившимся обстоятельствам и подвернувшемуся удобному случаю, ко времени, человеку и месту. Злые духи или орудуют вместе, или порой сменяют друг друга, однако не соблюдают при этом согласия и не придерживаются никакого порядка. Об этом ясно сказано: *Распутный ищет мудрости и не находит* (Притч 14,6), ибо *сами враги наши судьи в том* (Втор 32, 31). Только в одном они приходят к согласию между собой — это когда воюют против нас, улучив для этого, как я уже говорил, время и место. Ибо человек не может одновременно раздеваться от самомнения и гореть блудной страстью, превозноситься гордостью и при этом унижать себя обжорством, заливаться ребяческими шутками и смехом и в то же время кипеть злобной яростью. Вот почему каждый злой дух должен соблюдать свою очередь — когда сражаться с человеком. Если ему придется отступить, то вместо него в драку ввязывается другой, более сильный лукавый.

Следует знать и то, что не все бесы свирепы и сильны, они различаются между собой и (сверхъестественной) силой, и

способностями и страстью. Воины Христовы в начале своего пути к добродетелям еще немощны, и против них воюют духи послабее. Как только подвижники разобьют слабых, против них в борьбу вступают демоны рангом повыше. Ведь если бы духовная брань была выше человеческих сил, то ни один воин не выстоял бы в столь частых битвах с таким многочисленным и свирепыми врагом. Человеку вообще не хватило бы никаких его сил, чтобы противостоять козням (врагов), если бы в этой схватке не было с ним Христа, человеколюбивого Помощника, Организатора и Судьи, Который следит за тем, чтобы силы противников были равны. Если враг наносит слишком яростные удары, Он их отводит и не дает ему перейти в наступление. Ибо, как сказано в Писании, Он *не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так, чтобы мы могли перенести* (1 Кор 10,13).

Разумеется, что и для самих бесов борьба не обходится без напряжения и боли. Ведь им тоже хватает забот и скорбей, особенно когда в борьбе им противостоят крепкие, стойкие и мужественные воины. Это подтверждает и апостол, который сказал: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей...* (Еф 6,12) и так далее. И еще: *Бьюсь не так, чтобы только бить воздух* (1 Кор 9, 26). И в другом месте: *Подвигом добрым я подвизался* (2 Тим 4,7). А где подвиг, битва и схватки, там неизбежны и страдания, и напряжение, и боль для обеих сторон. Как нас радуют победы и огорчают поражения, такие же чувства испытывают и они. Духи ликуют, когда одержат победу над нами. А если, несмотря на все усилия, им не удастся сломить нас, и они отступают, то на них падет весь позор наших прошлых поражений. Об этом в Писании сказано: *Злоба его обратится на его голову* (Пс 7,17). И еще: *сеть его, которую он скрыл для меня, да впадет в нее на погибель* (Пс 34, 8).

Через все это прошел пророк Давид. Своим внутренним взором он глубоко постиг эту невидимую брань и хорошо

знал, как враги радуются нашему падению и потому обращался к Богу с такими словами: *Просвети очи мои, да не усну я сном смертным; да не скажет враг мой: «я одолел его». Да не возрадуются гонители мои, если я поколеблюсь* (Пс 12,4-5). И еще: *Да не торжествуют они надо мною; да не говорят в сердце своем: «хорошо! [хорошо!] по душе нашей!» да не говорят: «мы поглотили его»* (Пс 34, 24-25). Позор вражеского поражения пророк воспел в своем псалме, молясь Богу: *Да постыдятся... и покроются бесчестием умышаляющие мне зло* (См. Пс 34, 4). А пророк Иеремия говорил: *Пусть постыдятся гонители мои, а я не буду постыжен; пусть они восстремешиут, а я буду беспрепетен; наведи на них день бедствия и сокруши их сугубым сокрушением* (Иер 17,18). Ведь это воистину двойная победа, когда демоны терпят поражение от нас. Во-первых, потому, что люди достигают святости, которая прежде была у лукавых, но они ее лишились. Во-вторых, потому, что они духи, но терпят поражение от плотских земных существ.

В. Из святого Максима

Как говорят некоторые, в (человеческом) существе не было бы зла, если бы нас не совращала к нему некая посторонняя сила. Она (в самом деле) существует и отнюдь не посторонняя. Это не что иное, как невнимание к природной работе ума. Вот почему тот, кто относится к этому внимательно, никогда не творит зла, а всегда только благо. Если и ты хочешь стать таким же, изживи в себе рассеянность и так покончишь со злом. Ведь зло происходит от неверного понимания значения чего-либо, отсюда и результат. От природы в нас заложено разумное начало. Оно подчиняется Богу Слову и господствует над (остальной) неразумной частью в нас. Пусть каждый человек хранит в себе этот порядок. Тогда зла не останется ни в одном существе, и ничто не будет совращать нас к нему.

Г. Из Патерика

Об авве Исаие рассказывали, что как-то он взял плетеный короб и пошел на гумно.

— Дай мне зерна, — попросил он у крестьянина.

— А ты жал, авва? — спросил тот.

— Нет, — ответил старец.

— Как же ты хочешь зерна, если не жал! — воскликнул крестьянин.

— Разве тот, кто не жал, не получает платы? — спросил старец.

— Нет, — ответил крестьянин.

Так авва и ушел ни с чем.

Братья, узнав об этом, сделали земной поклон старцу и попросили его объяснить, для чего он так поступил.

Старец ответил:

— Я поступил так для того, чтобы показать вам: кто не работает, тот не получает награды от Бога.

2. Один старец жил в пустыне в двенадцати милях от источника. Как-то, пойдя за водой, он впал в уныние и подумал: «Какая нужда мне так мучиться? Поселюсь-ка я лучше рядом с водой».

Только он это подумал, как услышал чьи-то шаги за спиной. Старец обернулся и увидел незнакомца, который считает его следы.

Старец спросил его:

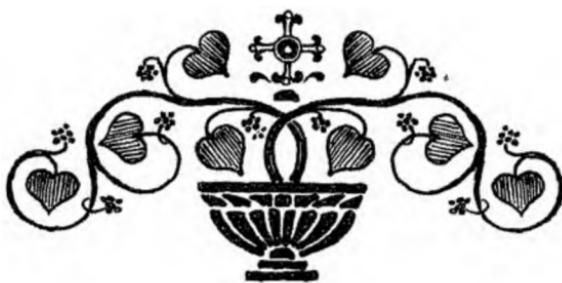
— Кто ты?

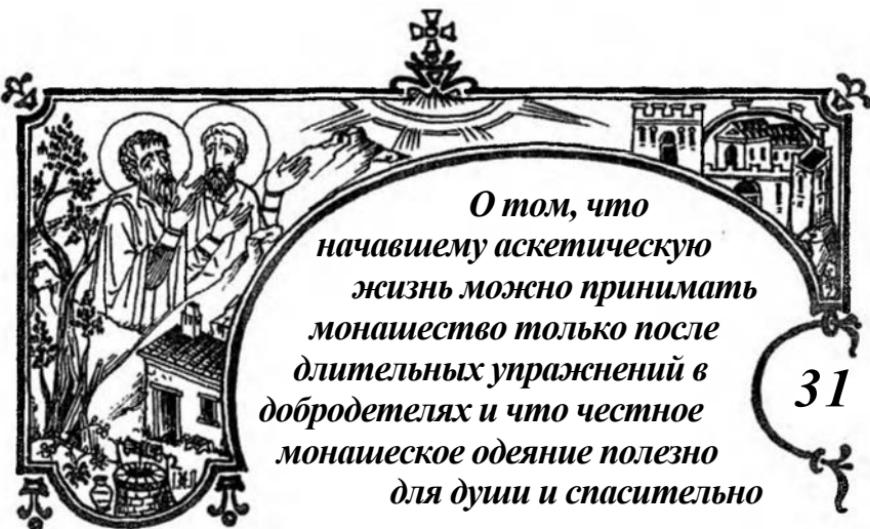
— Я ангел Господень, — ответил тот, — послан сосчитать твои шаги и по ним дать тебе награду.

От его слов старец почувствовал прилив мужества и решительности. Он увеличил расстояние (до источника) еще на пять миль, переселившись еще дальше в пустыню, и до воды стало семнадцать миль.

3. Об авве Херемоне из Скита рассказывали, что от его пещеры до церкви было сорок миль и до воды и болота, где он

резал лозу, — двенадцать миль. Тем не менее авва не жалел, что так много труда тратит на заготовку веток для рукоделия и на дорогу за водой и по своему обыкновению каждое воскресенье приходил в церковь.

*О том, что
начавшему аскетическую
жизнь можно принимать
монашество только после
длительных упражнений в
добродетелях и что честное
монашеское одеяние полезно
для души и спасительно*

31

A. Из жития святого Иоанникия

ивный Иоанникий на двенадцатом году своего пустынножительства удостоился пророчества свыше: оставить свою келью, переселиться в скит под названием Эристийский и принять монашество. (Ибо еще до великих битв в монашеском чине он уже прошел поистине немалую подготовку). Летом Иоанникий добрался до указанного ему скита и рассказал об откровении свыше игумену Стефану. Тот не мешкая совершил над ним положенный чин пострига, завершив обычным священническим благословением, и облек пустынника в монашеский образ. И вот Иоанникий, уже давно живший по-монашески, облачившись в монашескую мантию, стал возрастать от одного подвига к другому, более тяжелому, каждый раз беря на себя все более суровые испытания.

Б. Из жития преподобного Алипия

Слава сделала Великого Алипия весьма известным повсюду, и многие не только мужчины, но и женщины, всей душой жаждавшие покаяния, стекались к нему. Когда их собралось уже немало, он построил два дома вдали друг от друга, один

для мужчин, другой для женщин, разделив их таким образом между собой по природным телесным различиям, (но отнюдь не по духовным подвигам). При этом преподобный дал на сельницам правило и заповедь: никогда не попадаться на глаза мужчинам и не смотреть на них. И те строго соблюдали его слово. Хотя сам святой много раз разрешал сестрам встречаться с родственниками по плоти (в случае смерти близких или по иным обстоятельствам), но они отказывались, тем самым показывая, что заповедь отца духовного для них важнее кровного родства.

Случилось так, что вместе с ними жила и мать преподобного. Она со всеми вместе исполняла те же самые правила, только не хотела стать монахиней, хотя была удивительно добродетельна, как об этом уже говорилось. На многочисленные просьбы сына принять монашеский постриг она отвечала отказом и говорила, что раба (Божия) ничем не отличается от монахини. Однако сновидение от Бога разом переубедило ее, и она сама стала горячо просить сына об этом.

Ей приснилось, будто она слышит стройное пение святых жен. Она возрадовалась духом и хотела было войти в дом, откуда лились голоса и петь вместе с ними. Но привратник у входа не пустил ее. Он сказал, что к отроковицам Божиим не могут входить те, кто не принимает монашеский образ. От его слов она преисполнилась стыда и смущения... и проснулась. Не мешкая она отправилась к святому, рассказала ему о своем сновидении и попросила совершить то, от чего она так долго и упорно отказывалась.

Итак, приняв монашество, мать преподобного стала во всем подобна остальным сестрам. Посадив множество ростков праведности, она теперь с радостью пожинает плоды бессмертия.

В. Из Патерика

Старец говорил: «Поверьте мне, чада, великая похвала и великая слава царю, который отрекся от престола и стал монахом.

И так же велик позор монаху, снявшему с себя монашескую одежду и ставшему царем. Ибо умопостигаемое несравненно достойнее чувственного».

2. Один великий прозорливый старец засвидетельствовал, что благодатную силу он видел во время Крещения и точно такую же силу видел при постриге человека, когда тот облачался в монашеское одеяние.

Г. Из Ефрема

Брат, не торопи время принятия ангельского образа¹. Ведь это враг внушает некоторым неразумное желание удостоиться монашеской мантии, когда к тому еще не пришло нужное время. Но ты, возлюбленный, изо всех сил старайся угодить Богу, терпи и внимай словам апостола: *Если и можешь сделаться свободным, то лучие сделаться рабом*². Посмотри на древние поколения и увидишь, что святые всегда терпением и стойкостью достигали обещанного (Богом) и каждый день просили о том, чтобы стать Его сонаследниками в Царстве Небесном.

Вспомни, патриарх Иаков разве не за Рахиль работал на своего шурина Лавана четырнадцать лет в Месопотамии, где днем зной, а ночью (лютая) стужа? А Иосиф Прекрасный? Разве не проработал он много лет на чужбине? Как сказано в Писании: *Иосиф, семнадцати лет, пас скот (отца своего) вместе с братьями своими*, и дальше: *Иосифу было тридцать лет от рождения, когда он предстал пред лице Фараона* (Быт 41, 46). Моисей, слуга Господа, прожил сорок лет в земле Мадиамской. И сыны Израиля только после сорока лет странствий вошли в землю обетованную. Но прежде всего посмотри на Авраама: сколько лет ему пришлось ждать обещанного. Только

¹ Т. е. монашества.

² Автор выбрал одно из толкований греческого текста. В синодальном переводе это место дается так: *Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся* (См. 1 Кор 7, 21).

проявив терпение, все святые получили обещанное. Итак, со смирением потерпи Господа, и в нужное время *Он совершиит, и выведет, как свет, правду твою и справедливость твою, как полдень* (Пс 36, 5-6).

Если ты удостоился святой монашеской мантии, не превозносись над теми, кому (нужно) терпеть до будущего года. И не думай, что ты первый в добродетели, но готовься терпеть (искушения) до самого конца. Поэтому, когда примешь ангельский образ, не говори даже самому себе: «Теперь я избавлен от грехов». Напротив, с этого мгновения еще усердней работай добродетелям, дабы не причинить самому себе большого вреда. Ведь до сих пор ты всегда желал достичь величайшего (ангельского) образа и отныне не пренебрегай своим спасением. Если раньше ты пребывал снаружи, то теперь вошел внутрь.

И с этого момента станет очевидно, к какому пути ты стремишься: широкому и просторному, но чреватому погибелью или узкому и скорбному, но ведущему к вечной жизни. Поэтому внимай себе, дабы не лишиться достигнутого такими трудами. Если захочешь покинуть келью, никогда не выходи, не одевшись, то есть без мантии, даже по крайне неотложному делу. Сначала надень мантию, потом выходи. Ходить же в одном левитоне¹ или нижней рубахе, как мальчишка, — позор для монаха. Ибо в Писании сказано: *Опоявшись и обуйся... надень одежду твою и иди за мною* (Деян 12, 8).

Д. Из аввы Исаии

Если бы Господь наш Иисус Христос прежде не исцелил все человеческие страсти, ради чего Он и пришел (на землю), то и не взошел бы на Крест. Ведь человек до пришествия Господа во плоти был слепым, немым, расслабленным, глухим,

¹ Нечто вроде современного подрясника с короткими рукавами

прокаженным, хромым и мертвым всей своей природой. Когда же Он сотворил милость и пришел ради нас, то воскресил мертвеца. У него хромой стал ходить, глухой слышать, слепой видеть, немой говорить. Он обновил человека, избавил его от всех болезней и только тогда взошел на Крест. Вместе с Ним распяли двух разбойников. Тот, кто был справа, прославил Его и попросил: «Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем»; а тот, кто был слева, хулил Его. Тут мысль очевидна: ум, пока не очнется от помрачения, не избавится от враждебности.

Если Господь наш Иисус Христос освободит ум от помрачения, поможет ему прозреть и увидеть все, то он сможет взойти на крест. Тогда враждебная сторона станет грубо поносить его, надеясь смутить ум, чтобы он испугался страданий и снова впал в помрачение. Вот что означают два разбойника. Господь наш Иисус Христос разорвал связь между ними. Один из них поносил Его, надеясь, как уже говорилось, отнять у Него надежду. Другой же терпел и просил, пока не услышал: *Ныне же будешь со Мною в раю* (Лк 23, 43), — и вкусили от Древа Жизни.

Е. Из Патерика

Авва Диоскор сказал: «Братья, по Божией милости мы получили святое облачение и столько времени носим его. Так приложим все силы к тому, чтобы в нужный час мы оказались в брачной одежде. Ведь если мы будем в небесном одеянии, то не окажемся нагими. Если же на нас не будет таковой, что тогда станем делать, братья? Наверное, и мы услышим тот же глас: *Бросьте их во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов* (Мф 22,13). О, какое раскаяние тогда охватит нас! О, какой позор, какая невыносимая скорбь будет жечь нас, когда мы увидим, что наши отцы взяты в Царство Небесное, а нас ангелы в наказание бросают во тьму внешнюю и вечный огонь».

*О том, что монашескую
одежду нужно подтверждать
достойной жизнью, а кто
живет не по одежде, тот
не монах; и что старцем
становятся не годами,
а жизнью по Богу*

32

A. Из жития святой Синклитикии

лаженная Синклитикия говорила, что нужно лечить душу не только внешне, но и украсить ее со всех сторон и особенно не забыть об очищении ее внутренних глубин. Мы остигли волосы? Вместе с ними избавились и от язв в мысленной главе, то есть в душе. Наши волосы означают мирскую жизнь с ее почестями, славой, погоней за деньгами, блестящими нарядами, расслабляющими ваннами, изысканными яствами и прочими роскошествами и наслаждениями мира. От всего этого мы решили избавиться стрижкой волос.

И пусть в нас не останется ничего из этого, чтобы не давать повода и никого не вводить в грех. Пока страсти-паразиты скрывались под покровом мирских вещей, никто их не замечал, теперь же они видны всем. И каждой монахине и монаху заметны даже малейшие прегрешения. Как в чистом доме легко обнаружить любую забравшуюся букашку, даже самую мелкую, так и в нас: даже самое ничтожное прегрешение сразу становится известно всем. У мирян же, как в грязных

пещерах, водятся крупные ядовитые гады — только они прячутся под вещами.

Поэтому мы должны очищать храмины наших душ и (все время) проверять, не проник ли какой-нибудь душевредный паразит в ее самые потаенные уголки, и потому будем окуривать наши сердца священным фимиамом молитвы. Как едкие запахи лекарств отпугивают ядовитых паразитов, так и молитва и пост изгоняют нечистый помысел. Мы обрекли себя на изгнание, то есть вышли за пределы тленного мира. А раз уж мы отреклись от всего, то стоит ли возвращаться назад? Там мы были в славе, здесь — в поношении. Там у нас было изобилие, здесь даже хлеба не хватает. В миру преступников сажают в тюрьму против их желания. Мы же за свои грехи по собственному желанию сами себя заточили в неволю, чтобы наше свободное произволение в будущем избавило нас от наказания.

Б. Из Патерика

Старца спросили, каким должен быть монах? Тот ответил: «По мне, он должен быть с Ним один на Один и созерцать только Бога».

2. Его снова спросили, а что должен делать монах. Он ответил: «Всегда работать добру и воздерживаться от всякого зла».

3. Он же сказал, что для монаха позор, если он от своих пошел на чужбину ради Бога, а потом попал в ад.

В. Из святого Ефрема

Монахом делает не постриг, не облачение, но устремленность к Небу и жизнь о Господе. Только по этому и узнается монах. Равно как и мирянин виден не по прическе или одежде, а по дурной жизни и ненасытной жажде мирского и вещественного. У таких людей и душа мерзкая. Если ты отрекся от мира, усердствуй в своем деле, чтобы обрести искомую жемчужину. После отречения от мира некоторые приняли мона-

шество. Одни — после военной службы, другие, — растратив свое богатство. Хуже всех пришлось тем, кто под тяжестью своеволия пал, ибо нет ничего хуже, чем слушаться собственной воли и поступать по своему разумению.

Такие люди через парадные двери удаляются из тленной жизни, а потом возвращаются через окно. Так и сыны Израиля: вырвались из железной печи, то есть из Египта, прошли невредимо через Черное море, насладились такими щедрыми и великими дарами от Бога и после этого стали поступать по собственной воле и уже на берегу потерпели катастрофу. Из такого великого множества исчисленных — из шести десятков тысяч — в землю обетованную вошли только двое: Халев и Иисус Навин, те, кто не ослушались слова Господа и свято хранили волю Всевышнего. Как невозможно просто купить грамотность или ремесло за деньги, так и нельзя стать монахом без усердия и постоянного терпения.

Поэтому будь начеку, брат, как добный воин, и не пренебрегай данным тебе даром. Иначе потом будешь наказан вдвойне: за то, что опозорил людей — своих кровных родителей и за то, что не угодил Богу. Подвизайся, чтобы люди, глядя на тебя, прославляли Бога за твою благую жизнь. В Писании сказано: *Боящиеся Тебя увидят меня — и возрадуются* (Пс 118,74). И еще: *Велик мир у любящих закон Твой, и нет им препятновения* (Пс 118, 165). Ведь если ты оставил мир, своих кровных родных, близких, друзей, отчизну, богатства ради Господа, то какая тебе от этого польза, когда, прия сюда спасаться, ты занимаешься совершенно иным? Ты грешишь против Бога и имя монаха носишь напрасно. Твои прежние знакомые хвалят тебя: «Блажен такой-то. Он возненавидел этот мир, его славу и ложь и больше не думает ни о чем земном. Отрекся от мира и стал монахом». А на деле ты живешь совсем не по-монашески.

Подумайте, какой стыд охватит нас, если миряне, прославляющие ныне монахов, раньше нас войдут в Царство

Небесное. Если те, кто сейчас кланяются нам и просят: «Рабы Христовы, помолитесь о нас», обретут избавление, а мы за наши грехи окажемся в большой беде. Ведь нас будут судить не одинаковой мерой с ними. Ибо, как сказал Господь: *От всякого, кому дано много, много и потребуется. И кто знал волю господина своего и не делал по воле его, бит будет много* (Лк 12,47-48).

Поэтому прошу тебя, возлюбленный, будь бдителен, пока еще есть время у нас. Поприще для состязаний еще открыто для всех, и Учредитель соревнований говорит через апостола: *Бегите, чтобы получить (награду). Все подвижники воздерживаются от тленного* (См.: 1 Кор 9, 24-25). И еще: *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим 2, 4-5). Брат, знай: кто хочет стать монахом, но не выносит брань, презрение и обиду, не может стать монахом.

Возлюбленный брат, если ты, отрекшись от мирской жизни, стал монахом, не ослабляй бдительности, ибо у врага козней много. Как бы он не нашел в тебе лазейки для себя, по твоей невнимательности, и не совратил тебя с прямого пути и не стал внушать: «Вот, ты отлучил себя от людей, сидишь в келье, а зачем? А разве дикие звери не сидят в своих норах?» Но ты запрети ему и скажи: «Господь да покарает тебя, дьявол, за то, что человека, который сотворен по Его образу и подобию, ты сравнил с неразумными животными, и за то, что ты, враг истины и ненавистник нашего рода, извращаешь прямые пути Господни! Слушай же, исчадие ада, чем монах отличается от мирянина. Желающий стать монахом, сначала отрекается от мира, затем от своей воли, а потом берет свой крест и идет за Спасителем нашим Христом. Он не спорит, не проклинает, не клянется, не нарушает клятвы и не исследует лживые мысли в болтливых рассуждениях. Он сдержан и не расточителен, дружит с теми, кто, подобно ему, работают Богу. У него нет врагов

среди людей — один лишь ты, диавол. Монах никого не стесняет и никому не делает зла. Более того, если его обзывают, он переносит это с благодарностью и не помнит зла. Он не ходит с ума по накопленному богатству, потому что сам раздал все, что у него было, и добровольно избрал нищету и ею одной хвалится и гордится. Он не торгует, не заботится о доме или как понравиться женщинам, не хлопочет, как устроить своих сыновей или дочь выдать замуж. Он не погряз в (житейских) заботах, но занят лишь своим спасением.

Монах не ищет славы у людей, не превозносится, но, на-против, смиренномудрствует. Он добр и кроток со всеми, поет псалмы и не унывает. Вместо флейт, тимпанов и музыки, у него псалмопение и молитва. Вместо смеха, он плачет и скорбит в сокровенных тайниках своей души, умоляя простить ему грехи. И молится он не только за себя, но и за весь мир. Образцом ему и примером служат не бесплодные учения, а святые мужи. Он простирает руки не к игральным костям, разоряющим дом и души игроков, но к богоугодному труду и чтению Священного Писания. Он постоянно думает о грядущем Суде и обетовании Спасителя, и память об этом вдохновляет его и прогоняет скуку и лень. А придет телесная болезнь, он радуется, что близок его венец.

Монах борется со всякими телесными наслаждениями, потому что помнит, как горьки вечные муки, ожидающие сладо-страстников. Когда его бранят, он благословляет; проклинают — утешает; на него клевещут — молчит; мучают — он терпит, памятуя о страданиях Спасителя. Такова и даже еще выше вершина подвига настоящего монаха. И после всего этого как же ты, враг всего доброго и человеческого, еще смеешь сравнивать монашескую жизнь с мирской? Сгинь от меня, лукавый! Так повелевает тебе Господь через меня, грешного. А я обращусь к изучению заповедей Бога моего». Так, возлюбленный, противостоянъ тому, кто нашептывает тебе, и Божией благодатию он сгинет от тебя.

Г. Из аввы Исаии

Горе нам, ибо христолюбивые люди кланяются нам и чтят нас, погрязших в телесной нечистоте. Мы *гробы поваленные*, смердящие грехом и смертью. Горе нам, ибо мы, настолько неразумны и невежественны, что любим и стремимся к славе святых, но не к их подвигам! Мы постоянно оскверняем свои души нечистыми помыслами, а еще хотим удостоиться славы и почестей святых.

Д. Из аввы Марка

Знай, брат, если с благоразумным смирением и уничтожением полностью не предать себя кресту и не отдать себя на растерзание, презрение, издевательства, глумление, насмешки, если все это не претерпеть с радостью ради Господа и не отказаться от всего человеческого: славы, почестей, похвал, услаждения яствами, питьем и одеждой, то истинным монахом стать невозможно.

Раз уж нас ожидает такая борьба, подвиги и венцы, то до каких пор мы будем обманывать себя притворным благочестием и лицемерно работать Господу, чтоб люди думали о нас одно, другое же ведал Тот, от Кого не скрыто даже самое потаенное? Многие считают нас святыми, на деле же мы просто святоши, при том дикие. У нас одна видимость истинного благочестия, однако силы его мы не стяжали пред лицом Божиим. Мы думаем утвердиться внешней человеческой праведностью, хотим нравиться людям своими напускными достоинствами, ждем от них почестей и похвал, и у нас нет ни малейшего представления о жизни по совести. Многие считают нас девственниками и целомудренными, но перед Тем, кому ведомо тайное, (открыто, что) внутри мы оскверняемся, сочетаясь с блудными помыслами и грязными страстями, а наши притворные подвиги, да еще и людская лесть отбрасывают нас назад и помрачают наш ум.

Конечно же, *придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор 4, 5), нелицеприятный Судия, Который снимет верхний покров со спрятанной внутри истины, и живущих лицемерно обличит перед Церковью святых, и все небесное воинство восторжествует. И Он с превеликим позором отправит лицемеров во тьму внешнюю, как неразумных дев, которые только внешне хранили телесное девство. (Впрочем, в этом они не погрешили. У них даже было немного масла в светильниках, то есть внешне они не были лишены добродетелей и благочестия, поэтому их светильники могли бы гореть еще какое-то время). Но по своему небрежению, неведению и лени они не позаботились, чтобы очиститься от роя страстей изнутри, и действия врага растали их разум, и они приняли внущенные им помыслы. Отсюда и такой конец: радость Жениха обошла их — брачный чертог на Небесах закрылся перед ними.

Итак, обо всем нам нужно подумать, поразмыслить, взвесить и понять, какие мы на самом деле, чтобы исправиться, пока у нас еще осталось время для покаяния. И если станем совершать наши благие дела в чистоте и без всяких плотских помыслов, то небесный архиерей Христос примет наше раскаяние и не отвергнет как неугодную Ему жертву.

Е. Из Аввы Кассиана (Из наставлений преподобного Пинуфрия новоначальному монаху)

Известно ли тебе, брат, сколько времени ты ждал у ворот до сего дня, когда тебя приняли в монастырь? Так знай, для чего мы не спешили с решением о тебе. Вовсе не потому что не хотели всей нашей душой спасения твоего и тех, кто обращается ко Христу, но чтобы не принимать тебя кое-как, наспех. Мы поступили бы перед Богом несерьезно и легкомысленно и получили бы за то тяжелейшее наказание, если бы взяли тебя сразу, необдуманно, когда ты еще не научился нести тяготы и

строго соблюдать обеты монашества и потом оказался бы ленивым и никчемным. Как работающим Владыке с верой уготованы в будущем честь и слава, так и ведущих монашескую жизнь легкомысленно и лениво ожидает суровая кара. Как говорится в Писании, *лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить* (Еккл 5,4). И еще сказано: *Проклят, кто дело Господне делает небрежно* (Иер 48, 10). Вот почему тебе прежде всего следует знать, для чего нужно отречение, и если поймешь это, сможешь постичь и то, что тебе потом должно делать.

Отречение от мира — это не что иное, как обетование распятия и смерти. Знай, что с этого дня ты умер и распят для мира, а мир — для тебя, по слову апостола (Гал 6, 14). Помни и то, в чем смысл распятия. А он в том, что живешь не ты, но живет в тебе Тот, Кто был распят за тебя. По образу и примеру того, как наш Владыка был распят за нас, и мы должны строить нашу бренную жизнь. Вот и блаженный Давид в своей молитве просит от страха Божия пригвоздить его плоть (См: Пс 118,120).

Как пригвожденное к древу тело не в состоянии двигаться, как ему хочется. Так и тот, кто хранит свой ум в страхе Божием, неподатлив для плотского вожделения. Кто пригвожден к кресту, тот не думает о настоящем, и ему не до собственных намерений. Его не мучают страсти, не терзает жажда наживы. Он не раздувается от высокомерия, не страдает любопрением, не сгорает от зависти, не скорбит от бесчестия и не думает о прежних унижениях (ведь еще немного, и он на Крестестанется с жизнью). Вот так и тот, кто на самом деле отрекся от мира и пригвоздил себя страху Божию, как на Кресте, в любой миг готов оставить эту жизнь, в нем затихают и гаснут всякие желания и плотские устремления.

Вот почему будь осторожен! Никогда не желай вернуть себе то, что ты оставил. Так учит и наш Владыка, *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк 9, 62). Кто оставляет горнее и

спускается к земному и тленному этого мира, тот поступает против заповеди Христа: *и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего* (Мф 23, 17).

Остерегайся и того, чтобы гордыня, которую ты теперь по ревности начинающего попрал своим смирением, вновь не вернулась к тебе, когда ты (наизусть) выучишь Псалтирь или что-нибудь из Писания¹. Как говорил апостол, *если я снова создаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником* (Гал 2, 18). Но раз уж ты с самого начала дал обет смирения пред лицом Бога и ангелами, то соблюдай его до конца.

Постарайся приумножить свое терпение, проявленное тобой в самом начале, чтобы тебя взяли в монастырь. Ведь ты много дней провел у ворот обители и со слезами просил об этом. Воистину и теперь тебе следует с каждым разом укреплять свое первоначальное рвение и не отступать от него, чтобы постоянно восходить к совершенству и не сорваться обратно вниз. Блажен не тот, кто положил начало благому деланию, но тот, кто выстоит в нем до конца. Змей, пресмыкающийся по земле, все время подкарауливает нас, чтобы ужалить в пяту (Быт 3, 15). То есть он постоянно следит за нашим исходом и до последнего нашего издыхания старается низвергнуть нас. Поэтому ни благое начало, ни отречение от мира, ни рвение сами по себе не принесут спасения, если и кончина не будет такой же благой. Обет смирения Христова, который ты ныне дал Ему, исполнишь лишь, когда выдержишь его до конца.

Если же ты, следя Писанию, пришел работать Богу, *уготовь сердце свое* не к покою и удовольствиям, а к искушениям и скорбям (Сир 2, 1). Ибо *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян 14, 22) и *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф 7,14). Так

¹ Тогда в монастырях существовало правило: новоначальный обязан был в течение года выучить наизусть Псалтирь и Евангелие. И не только монахи, но и многие миряне обычно знали наизусть Псалтирь, Евангелие и церковную службу.

что, смотри на таких немногих праведников и по их примеру строй свою жизнь, а на ленивых и легкомысленных, даже если их много, внимания не обращай, *ибо*, как сказано, *много званых, а мало избранных* (Мф 22,14). Мало стадо, которому *Отец благоволил дать Царство* (Лк 12, 32). И учти, что это немалый грех дать обет совершенства, а следовать за равнодушными и ленивыми.

Ж. Из аввы Исаака

Монах тот, кто живет вне мира сего и все время просит у Бога будущих благ. Его богатство — в утешении от молитвенного плача в церкви и в радости от веры, освящающей его до самой глубины души. Он сама скорбь и все дни своей жизни алчет и жаждет в надежде на предстоящие блага. Ибо алчущего ради Бога Всеизвестный окормляет Своим утешением, а того, кто сделал себя нагим ради Него, одевает в бессмертие и славу.

Всеми своими делами, видом и подвигами монах должен служить назиданием для окружающих. Он должен прежде всего презирать все тленное, тщательно придерживаться нестяжательности, совершенно пренебрегать плотью, строго и неукоснительно держать пост и целомудрие во всем. Ему следует проявлять исключительное благоразумие, пребывать в безмолвии, следить за своими чувствами и хранить их, избегать всяких ссор и гнева, говорить кратко, не помнить зла, вести себя просто, но рассудительно. Ему должно презирать настоящую жизнь и стремиться к будущей, бежать от мира, всего мирского и от гостей монастыря, не знакомиться с ними и не связывать себя дружбой или товариществом ни с кем из них, не расспрашивать их и даже ничего не слушать о мире. Монах не должен любить почести и радоваться всяким приношениям, то есть подаркам, но селиться в уединенном, никому не известном месте, беспрестанно усердно молиться и постоянно созерцать истинное и блаженное отечество. От того лицо его

всегда сурово и изборождено морщинами от слез, которые он проливает день и ночь.

Таковы, если сказать вкратце, монашеские добродетели. Они говорят о том, что он совершенно умер для мира и приблизился к Богу. Кто заботится о своей духовной жизни, пусть тщательно проверит, всеми ли перечисленными добродетелями он обладает. Если же окажется, что ему не хватает хотя бы одной из них, то пусть знает, что он еще не совсем достоин звания монаха. Когда же он достигнет этого, тогда и знание остального, о чем он не позаботился, будет дано ему. Тогда и другие люди, глядя на него, станут прославлять Бога. Такой монах еще до ухода из этой жизни приготовит для своей души место упокоения.

3. Из святого Максима

Писание называет материальные вещи миром, а миряне — это люди, чей ум занят такими вещами. Вот их-то и предупреждает Писание: *Не любите мира, ни того, что в мире... Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего* (1 Ин 2, 15-16) и проч.

2. Монах тот, кто отвратил свой ум от материальных вещей и воздержанием, любовью, псалмопением и молитвой предался Богу.

3. Да не обманет тебя никто, монах! Рабы наслаждений и прославия не спасутся.

4. То, что для мирян успех, для монахов — падение, а монашеские падения — успех для мирян. Ибо успехи для мирянина — это богатство, слава, власть, наслаждение, телесное здоровье, дети и тому подобное. Если такое случится с монахом, он погиб. Монашеские же успехи — это нестяжание, поношение, немощь, воздержание, злострадание и так далее. Если такое постигнет любящего мир человека, он сочтет это великой катастрофой. В таких случаях люди порой доходят до петли (некоторые так и поступили).

5. Кто отрекся от земного: жены, денег и прочего — тот лишь своего внешнего человека сделал монахом, но не внутренне-го. А кто отрекся от страстных помыслов, тот стал монахом и внутренне. Сделать своего внешнего человека монахом легко, только пожелай, а вот сделать своего внутреннего человека монахом требует немалой борьбы.

6. Найдется ли среди нашего поколения хоть один человек, полностью свободный от страстных помыслов и удостоив-шийся во всех отношениях чистой созерцательной молитвы? А ведь все это признаки внутреннего монашества.

7. Много страстей скрывается в наших душах, но проявля-ются они лишь при обстоятельствах, которые возбуждают эти страсти.

И. Из Патерика

Игумен Раифского монастыря авва Иоанн Киликс говорил своей братии: «Чада, как мы бежали от мира, так убе-жим и от плотских страстей. Ибо кто убежал от них, тот насто-ящий монах. Вспомните наших отцов. Какую суровую по-движническую жизнь они вели здесь. Давайте подражать им, чтобы не осквернить это место, которое они очистили от бе-сов и освятили. Будем знать, что это место подвигов, а не тор-говли, и потому постараемся жить здесь подобающе.

Знайте и то, что, если вы захотите пойти по стопам отцов и сохранить Божии заповеди, то Он ниспошлет вам Свою bla-годать и сохранит это место. А если вы не сохраните заповеди, то вас тут не будет. Ведь мы остались здесь, потому что соблю-даем Божии заповеди и заветы отцов, уповая, что отцы и по-сле кончины пребывают вместе с нами и помогают нам в на-ших делах. Так и вы поступайте и спасетесь от всякого зла».

2. Один из фивейских старцев рассказывал: «Мой отец был языческим жрецом. В детстве я видел, как он входил в ка-пище и по обычанию приносил жертву идолу. Как-то я вошел вслед за ним и увидел сатану, восседающего на престоле в ок-

ружении всего своего воинства. Тут один из бесовских князей вышел вперед и поклонился сатане, и тот, обратившись к нему, спросил:

— Откуда ты пришел?

— Я был в такой-то земле, — ответил тот, — разжег войну, пролил море крови и явился доложить тебе.

Сатана спросил:

— Сколько времени ушло на это?

— Тридцать дней, — был ответ.

— Только и всего-то ты совершил за такое время? — возмутился сатана и приказал бить его плетьми.

Другой князь вышел вперед и поклонился ему. Сатана спросил его:

— А ты где был?

— Я был на море, поднял бурю, топил корабли, погубил много людей и пришел доложить тебе.

— Сколько времени ты потратил?

— Двадцать дней.

— Почему ты так долго возился с этим? — воскликнул сатана и тоже приказал бичевать его.

Вышел третий бесовский князь и поклонился. Сатана спросил:

— А ты что сделал?

— Я был на свадьбе в таком-то городе и устроил скорую, пролил много крови, были убиты жених и невеста, и вот пришел доложить тебе.

— Сколько времени ты потратил?

— Десять дней.

Сатана повелел бичевать и его за напрасную трату времени.

Тут вышел вперед еще один князь, поклонился сатане, и тот спросил:

— А ты где был?

— Я был в пустыне, где уже сорок лет воюю с одним монахом, и этой ночью, наконец, вверг его в блуд.

Услышав это, сатана встал, облобызal князя, снял с себя корону и надел ее на княжескую голову, усадил на престол рядом с собой и воскликнул:

— Ты совершил великое дело!

Когда я увидел это, — сказал старец, — то подумал: поистине велик монашеский чин и как он страшен для демонов. И по Божиему благоволению мне посчастливилось стать монахом».

К. Из святого Ефрема

Братья, мы с превеликой гордостью считаем время жизни в монастыре, но те моменты, когда впадали в нерадение, учитьвать не станем. Ибо муж удостаивается похвал совсем не за (потраченное) время, а за преуспечение в Боге. Преуспечение же определяется не сединами, а достижением добродетельной жизни.

Стяжи, монах, вечную жизнь, к которой ты призван, и исповедуйся благим исповеданием перед лицом множества свидетелей, т. е. перед всякой горней и земной тварью. Ибо еще немного, и Грядущий придет и не замедлит.

Кто же такой монах и с кем сравнить его? Монах подобен мужу, который, падая с высоты, увидел в воздухе веревку, ухватился за нее и повис, непрестанно вопия к Господу, потому что знает, как только он ослабеет и разожмет пальцы, то полетит вниз и разобьется до смерти.

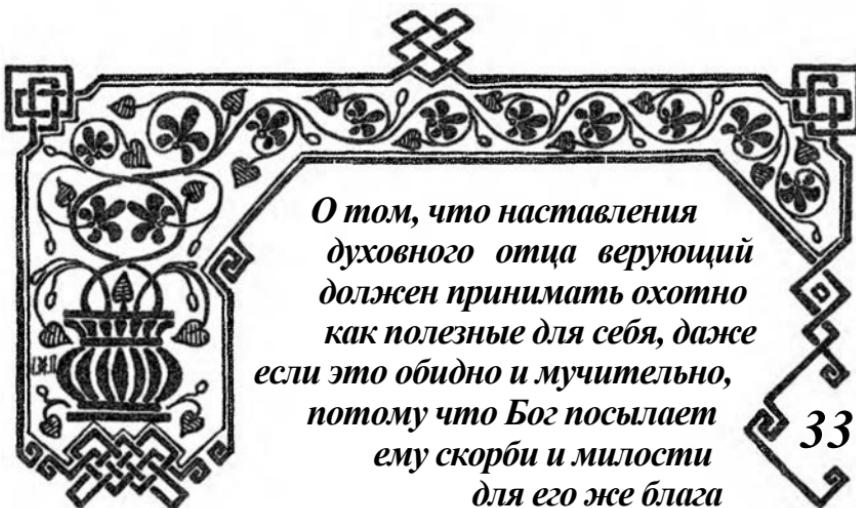
Возлюбленные братья! Вы приняли ангельский образ — не общайтесь с дьяволом, но стремитесь к ангельской жизни, насколько хватит сил. Ибо внешний облик требует подобающей жизни и дел. Без дел же он ничто. Разве ангелы на небесах проводят жизнь в раздорах и расприях, как это бывает среди наших монахов?

Старайтесь, братья, дабы не стать нам камнем преткновения, ни соблазном для посторонних и дабы честной образ (монаха) из-за нас не хулили, а, напротив, хвалили. Иначе, чем мы оправдаемся перед Судией в страшный час испытания

(Суда), если пренебрегаем своим спасением? Что еще Он должен был сделать для нас, но не сделал? Разве мы не видели Бога Слова смиренным в образе раба, чтобы и самим стать смиренными? Неужели мы не видели оплеванным Его пречистый лик? Тогда почему же нас так бесит грубость и оскорблений? Разве мы не видели, как он предал Свою святую спину бичеванию, но сами так не стали во всем послушны нашим игуменам и всем монахам? А разве мы не видели, как били по лицу Того, Кто *призирает на землю, и она трястется* (Пс 103, 32), и несмотря на это, мы не в состоянии без злобы перенести уничижения? Разве нам не достаточно слов, которые Он сказал: *Я ничего не могу творить Сам от Себя, — и дальше: — Я не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин 5, 30), чтобы и нам раз и навсегда оставить дерзость и самоволие? Да неужели же мы не слышали, как Он говорил: *Я не воспротивился и не отступил назад* (Ис 50, 5). *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (МФ 11, 29) и еще: *Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мф 20, 28).

Не говорил ли он и многое другое, чтобы и мы постарались быть такими же? Ведь нельзя же добиться преуспеяния и спасения, не подражая во всем Господу. Вот почему я призываю вас, братья, избранное стадо Христово, будем начеку, пока еще есть время, и станем жить в соответствии с нашим образом, чтобы потом сподобиться ангельского достоинства.

*О том, что наставления
духовного отца верующий
должен принимать охотно
как полезные для себя, даже
если это обидно и мучительно,
потому что Бог посыпает
ему скорби и милости
для его же блага*

33

А. Из Григория Двоеслова

ак-то настоятель, принявший монастырь после смерти святого Гонората, ужасно разгневался на богообязанного Либертина и даже поднял на него руку. А так как поблизости палки не оказалось, то он схватил скамейку для ног и принял ею колотить беднягу. От побоев все лицо и голова монаха покрылись синяками и шишками, и тот едва добрался до кельи и слег. Однако на следующий день у него было одно неотложное дело для монастыря. И утром после пения молитв избитый брат пошел к настоятелю и со всем смиренением попросил его благословения.

Игумен знал, как все почитали и любили Либертина за высоту его добродетельной жизни, и подумал, что тот после избиения решил уйти из монастыря, и потому спросил, куда он собрался.

— По неотложному монастырскому делу, отче, — отвечал Либертин. — И я обещал, что сегодня приду.

И только тут настоятель осознал всю свою жестокость и все смиление и кротость Либертина. Из его души вырвался глубокий стон. Он вышел из кельи, пал избленному в ноги и

стал каяться в своем грехе, что он такому святому мужу причинил жестокие страдания. Либертин тоже повергся перед ним ниц и, лежа в его ногах, уверял, что это грех не игумена, а его самого, что во всем виноват он сам и сказал, что получил по заслугам за свои грехи. От этих слов настоятель проникся превеликой кротостью. Так добродетель ученика научила смирению самого учителя.

Получив благословение, Либертин отправился по своему делу. Многие знакомые, мужи благородные и почтенные, увидев его лицо в синяках и шишках, спрашивали, что с ним случилось. Монах отвечал им, что вчера вечером по своим грехам он налетел на скамейку и... как видите. Так праведник ни гнева отца не выдал, ни в грех лжи не впал.

Вот так, Петр, сила смирения, я уверен, намного выше чудес и знамений, которые совершал этот великий муж.

Б. Из жития святого Пахомия

Пахомий Великий еще в юном возрасте стал послушником святого Паламона. Он всегда повиновался учителю охотно и без рассуждений и слушался его со смиренным сердцем, несмотря на величайшее и даже сверх всякой меры суровое к себе отношение. Одним из многих тяжких послушаний Пахомия был постоянный сбор хвоста в горах. Ходил он туда босым и часто ранил себе ноги, наступив на колючки терновника. Но юноша терпеливо переносил боль, вспоминая о гвоздях, которыми были пронзены руки и ноги Спасителя на Кресте.

В. Из жития святого Антония Нового, бывшего при иконоборцах

Преподобный отец наш Антоний был родом из архонтов¹, но предпочел монашеское житие в уединении, где в течение

¹ Архонт (греч) – правитель

многих лет безмолвствовал и совершал поистине суперейшие подвиги. И вот как-то он читал божественную «Лествицу» о добродетелях и в конце главы о послушании нашел поучительные слова: «Кто живя в безмолвии, познал свою немощь, и, пришедши, продал себя послушанию, тот, бывши слеп, без труда ко Христу прозрел»¹. Эта мысль поразила его своей ясностью, и он подумал: «После стольких трудов и аскетических подвигов, я все еще слеп? И когда же я прозрею?». Преподобный оставил свое отшельничество и направился в монастырь, чтобы жить вместе с братией.

Антоний пришел к знаменитому Кионскому монастырю в Вифинской епархии. Несколько дней он пробыл в странно-приимном доме вместе с нищими, никому ничего не говоря о себе, и обедал вместе с нищими. Но подвижник не мог есть хлеб даром, поэтому пошел в горы, набрал вязанку хвороста, принес ее на себе и положил у ворот монастыря. Когда гостиник, которому было поручено заботиться о гостях, увидел это, то спросил:

— Что ты делаешь, авва? Монастырь не нуждается в твоих трудах. Все, кто приходят сюда, едят даром и благодарят Бога.

— Знаю, — ответил Антоний, — но не могу сидеть без дела. Когда я работаю, мне как-то спокойнее.

Преподобный продолжал приносить хворост к монастырским воротам, никому ничего не говоря. Гостиник сказал об этом игумену. А игуменом был славный Игнатий, который своими трудами ради Господа воздвиг монастырь. Он посоветовал монаху:

— А ты спроси его, чего он хочет, если так упорно трудится за воротами.

Монах так и сделал.

— Я же пришелец, — ответил ему Антоний, — и хотел бы, если Бог даст, остаться у вас для духовной пользы.

¹ Иоанн Лествичник. Лествица. Артос-Медиа. М. 2007 с. 128

Узнав об этом, игумен велел привести Антония в монастырь. Игнатий понял, кто он (ибо давно слышал о высоком образе жизни отшельника), и спросил:

— Зачем ты так утруждаешь себя, авва?

— Хочу научиться у вас добродетели, которой мне до сих пор не хватает, — ответил Антоний.

— Тебе поздно идти в ученики, — сказал игумен. — Ведь ты столько лет прожил наедине с собой и Богом! От этого многие отшельники коснеют в своеолии. За какую бы добродетель они ни брались, добиваются ее, будь то воздержание, пост, нестяжание или изнурение плоти. Но как только приходят в обитель с общежительным уставом, становится очевидно, что они не крепки даже в тех добродетелях, в которых казались сильными, потому что им не хватает смирения.

— Это и я понял из боговдохновенных наставлений святых отцов, — сказал Антоний, — и еще то, что не положил даже начала добродетелям. И потому пришел сюда, чтобы предать самого себя в рабство братии и с вашей помощью начать, если позволит Христос, жизнь по вашим благоразумным наставлениям.

После этих слов Антония приняли в монастырь. Игумен дал ему сначала послушание в храме. Оно было довольно трудное, и многие уклонялись от него. Преподобный исполнял его некоторое время. Но поскольку тяжесть этих трудов ему показалась недостаточной, он пришел к игумену и сказал:

— Я пришел сюда, чтобы больше работать. А ты мне поручил легкое дело.

Услышав это, игумен направил его старшим на виноградник — обрезать лозу вместе с братьями. Так как преподобный был неопытен в таком деле, то часто ранил себе пальцы, и поэтому работа казалась ему невыносимой, но он терпел, пока она не закончилась. Но тут пришло время окапывать виноград, и пришлось работать еще усерднее. А когда созрели плоды, ему поручили охранять виноградник.

Однажды пришли к нему несколько братьев. То ли по нерадению, то ли для испытания его, они хотели нарвать винограда.

— Простите меня, братья, — сказал Антоний, — я не разрешу вам это сделать. Но виноградник перед вами. Хотите — рвите. Но если вы так сделаете, то мне придется сказать об этом игумену.

А ему Антоний каждый день исповедовал свои помыслы.

После таких слов братьям пришлось уйти ни с чем.

Часто старец оставался один, скрываясь от полуденного зноя в шалаше. Приводя в порядок свою истрепанную одежду, он говорил своим помыслам: «Когда я был отшельником, вы уверяли меня, что мои страдания бесполезны и в моих аскетических трудах нет никакого смысла. А теперь, когда вы привели меня сюда, называете счастливыми мучения прежней отшельнической жизни. Неужели сейчас вам нужно вырвать меня и из жизни с братией?» — так с плачем и сердечной скорбью часто размышлял и говорил себе Антоний. Об этом узнал один духовносный старец и с братской любовью утешил его, и Антоний стал преодолевать искушения ради воздаяния в будущем.

Когда же пришла пора сбора винограда, старца направили в трапезную. Там работа оказалась еще тяжелее. Почти до третьего часу ночи¹ не прекращалась суета: люди входили и выходили, всех нужно было обслужить, те же частенько брали его, но он принимал это с благодарностью. В этом послушании он пребывал довольно долго. Его одежда и сандалии совсем износились. Обувь он стал носить лишь по просьбе блаженного епископа Павла, а до этого все время своего подвижничества ходил босиком.

Итак, как я уже сказал, вся одежда на нем истлела, а уже наступила зима. Антоний страдал от холода, но игумен все мед-

¹ Имеется в виду византийское времена. Здесь третий час после захода солнца. См. сноска на стр. 164.

лил с выдачей одежды, и закаленному подвижнику было нечем защитить (от холода) бренную плоть. Однако настоятель так поступал для назидания нерадивых, а старец стяжал бы еще большую награду. Антоний ходил босым по мраморному полу, от холода кожа на его ногах потрескалась, и это причиняло ему боль. Братья видели его страдания и нужду. Один принес ему овчину, другой — калиги для ног, но подвижник ничего не брал у них, ожидая решения настоятеля, а братьям говорил:

— Я знаю, нашему отцу ведомо, чего мне не хватает и в чем я нуждаюсь. И заботу обо мне я оставляю ему, пока не известит его Господь, ради нашего смирения.

Так прошла зима, наступила весна, а затем лето. Антоний по-прежнему не оставлял своих подвигов, но его осаждали внутренние помыслы и телесные нужды. Тогда он пришел к настоятелю и сказал:

— Владыко, если монастырь не в состоянии дать мне необходимое, благослови обратиться к друзьям и позаботиться о себе самому.

Божественный пастырь, увидев, что привел старца в нужное состояние, сказал:

— Мой монастырь, слава Богу, кормит всю округу, и, думаешь, не может одеть и обуть тебя? А мне говорили, что ты подвижник и можешь переносить телесные лишения. Но что-то в тебе не видно этого. В миру ты оставил все свое состояние ради Господа, обрек себя на труд и нищету, долгое время благополучно отшельничал в пустыне и перенес плотские испытания, а придя к нам, стал малодушным и не можешь вытерпеть даже незначительных трудностей. Ведь таких послаблений просят только самые ленивые, но не те, кто ревнует о великой награде от Христа.

Тем самым он смирил Антония, которому нечем было оправдаться, и отпустил его.

После такой строгой отповеди воин Христов продолжал переносить скорби ради Господа. Каждый день он обливался

слезами и телесным воздержанием очищал свою душу. Настоятель позволил Антонию поститься и работать по своему усмотрению, чтобы ему не казалось, будто он еще не достиг той меры подвига, какая была у него в пустыне. Поэтому подвижник не позволял себе спать лежа на кровати, но лишь сидя на низком, специально сделанном для этого стульчике. Он вставал ночью еще до ударов била¹, пел стихословия и псалмы, заботясь о благодатном окормлении своей души.

Благодаря своему превеликому терпению Антоний многому научился, и настоятель и монахи ценили его за это. Работавшие в поле братья взяли его с собой и дали ему мотыгу, чтобы он срубал и выкорчевывал заросли кустарника. И старец, обливаясь потом, работал до изнеможения и лишь устами своего сердца втайне обращался к Господу: *Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои* (Пс 24,18). И вот как-то ночью он увидел во сне светлого мужа с весами в руках. На левой чаше весов лежали все его прегрешения с самых юных лет, а на правой — мотыга, которой он работал во славу Божию. Мотыга потянула вниз и перевесила грехи на левой чаше, и те пропали. А светлый муж сказал Антонию:

— Видишь, Господь Бог принял труды твои и простил все грехи твои.

После всего этого настоятель, убежденный в том, что Антоний столько времени хранит терпение и что он уже давно закалился в огне послушания и приучил свой разум великодушно сносить ради Бога любые тяготы, призвал его к себе и сказал ему наедине:

— Да вознаградит Господь тебя, отче, за души, которым ты помог здесь своим житием во славу Божию. Никогда еще братии не было от меня такого назидания, какое они получили здесь от твоего присутствия и послушания.

¹ Длинная деревянная доска, по которой бьют деревянной колотушкой, созывая монахов на службу.

С этими словами игумен дал ему одежду, сандалии и все необходимое. С тех пор у Антония было все для удовлетворения телесных нужд, как и у остальных братьев. Если же игумен видел, что старцу чего-то не хватает, он тайно приносил вещи в его келью, которые Антоний потом находил, вернувшись к себе.

Г.Из Патерика

Авва Арсений сказал авве Александру:

— Когда нарежешь веток¹, приходи обедать ко мне. А если придут странники, поешь с ними.

Авва Александр трудился спокойно и обстоятельно. Когда же пришло время обеда, он решил дорезать ветки до конца. Между тем авва Арсений, увидев, что Александра нет, решил, что к нему пришли странники, и поел один. Авва Александр появился лишь, когда уже наступил вечер. Увидев его, старец спросил:

— У тебя были странники?

— Нет, — был ответ.

— Тогда почему же ты не пришел? — снова спросил он.

Тот ответил:

— Ты же сказал мне, чтобы я пришел, когда нарежу веток. Исполняя твое слово, я не приходил, пока не закончил работу.

Услышав это, старец изумился его точности.

— Быстрей заканчивай свой пост, — посоветовал он, — соверши молитвословие и выпей воды, иначе твое тело скоро ослабеет².

2. Однажды Авва Авраам пришел к авве Арию. Когда они сидели вдвоем, один брат подошел к старцу Арию и спросил:

— Сажи, что мне делать, чтобы спастись.

¹ Монахи использовали свеженарезанные ветки для плетения корзин и продажи их на рынке для пропитания.

² В пустыне днем стоит нестерпимая жара и работать на солнцепеке да еще без еды и питья невозможно.

Старец ответил:

— Иди и весь этот год вкушай хлеб с солью вечером. Потом приходи, и я скажу, что тебе делать дальше.

Брат ушел и делал так. Через год он снова пришел к авве Арию и опять застал у него старца Авраама. Авва Арий на этот раз посоветовал ему:

— Иди и постись весь этот год через каждые два дня.

Когда брат ушел, авва Авраам спросил:

— Почему всем братьям ты налагаешь легкое бремя, а на него — тяжелое?

Авва Арий ответил:

— Братья, чего ищут, о том и получают от меня ответ. А этот ради Бога приходит услышать слово, потому что он подвижник, и что ему ни скажу, все исполняет усердно. Вот почему я и говорю ему слово Божие.

3. Об авве Иоанне Колове рассказывали, что, удалившись в Скит к одному фивейскому старцу, он поселился в пустыне. Его старец взял сухое дерево, посадил его в землю и сказал:

— Каждый день поливай это дерево кувшином воды, пока не даст плода.

А источник был далеко: Иоанн уходил за водой вечером и возвращался (только) к утру. Через три года дерево ожило, и на нем созрел грецкий орех. Старец, сорвав его, отнес в церковь и сказал братьям:

— Примите, ядите плод смирения.

4. Один Фивейский житель пришел к авве Сисою, желая стать монахом. Старец спросил:

— Не остался ли кто-нибудь у тебя в миру.

— Сын, — ответил тот.

— Пойди и брось его в реку и тогда станешь монахом, — сказал старец.

Фивеец взял сына и пошел с ним к реке. А старец тут же послал вслед за ним брата, чтобы остановить его, если тот вдруг надумает и в самом деле так поступить. Только отец собрался

было бросить сына в реку, как брат преградил ему путь и стал отговаривать его, но фивеец сказал монаху:

— Отойди! Авва велел мне бросить его в реку.

— А теперь велит не бросать его, — сказал монах.

Тот остановился, пошел к старцу и стал опытным монахом.

Подобный случай приводится и в рассказе Патермуфия, о котором упоминает святой Кассиан.

5. Как рассказывал кто-то из отцов, некий схоластик¹ из Феополя², человек благочестивый, попросил одного отшельника принять его и помочь стать монахом. Старец сказал:

— Если хочешь быть принятым, пойди, продай свое имение и раздай нищим, как заповедал Господь, и я приму тебя.

Тот так и сделал. Тогда старец сказал:

— Теперь исполни и другую мою заповедь: не разговаривай.

Схоластик согласился и за пять лет не проронил ни слова, и некоторые принялись прославлять его, и тогда авва сказал ему:

— Тебе не полезно оставаться здесь, лучше отправлю-ка я тебя в Египет, в киновию. Но посылая молчальника в Египет, старец не сказал, должно ли ему продолжать безмолвие или можно говорить. Схоластик же продолжал соблюдать заповедь и не разговаривал.

Принявший его авва, желая проверить, он на самом деле немой или нет, дал подвижнику послушание — переправиться через разлившуюся реку на другой берег, чтобы ему потом пришлось сказать: я не смог перебраться через реку. Вслед за ним он послал и брата, чтобы проверить, как все будет.

Схоластик подошел к реке и, убедившись, что преодолеть ее невозможно, стал на колени. К нему тут же подплыл крокодил и подставил спину. Он влез на него, и хищник перевез его

¹ Схоластик — ученый, ритор, адвокат, учитель красноречия, представитель школы или вида религиозного учения, распространенного в Средние века

² Феополем была названа Антиохия после разрушения ее персами в 540 г. по Р. Х. и заново отстроена Юстинианом.

на другой берег. Когда он исполнил послушание и снова подошел к реке, крокодил опять подплыл к нему и перевез его обратно. Брат, посланный вслед за схоластиком, рассказал о виденном авве и братьям, и те пришли в изумление. Через некоторое время ученый почил. Египетский авва написал авве, который направил покойного к нему: «Ты мне прислал хоть и немого, но ангела Божия». «На самом деле он не был немым, — ответил отшельник, — но молчал, соблюдая заповедь, которую я дал ему с самого начала». Услышав это, все удивились и прославили Бога.

6. У одного старца был ученик, выкупленный им (из рабства) и отличавшийся совершенным послушанием. Как-то старец сказал ему:

— Пойди растопи хорошенъко печь, возьми книгу, которую мы читаем на службе, и брось в огонь.

Тот пошел и сделал так без колебаний. Как только книга упала в печь, пламя погасло.

7. Старцы сказали, что, если веришь кому-нибудь и отдашь себя в послушание ему, тогда тебе не нужно внимать Божиим заповедям, но свою волю предать отцу — и ты не согрешишь перед Богом. Ибо Бог не требует от новоначальных ничего, кроме беспрекословного послушания.

8. Один брат в скиту, прежде чем отправиться на жатву, пошел к великому старцу и спросил:

— Скажи, что мне делать на жатве?

Старец спросил его:

— Я скажу, но послушаешься ли ты меня?

— Послушаюсь, — ответил брат.

— Тогда слушай: откажись от этой работы, возвращайся и сиди в своей келье до пятидесятницы, каждый вечер ешь один хлеб с солью. Потом придешь, и я тебя извещу, что делать дальше.

Брат ушел и сделал так, как было велено, а после пятидесятницы снова пришел к старцу. Тот, увидев, что брат — по-

движник, объяснил, как должно пребывать в келье. Юноша пошел к себе, пал ниц на землю и три дня провел в плаче перед Богом. Тут помыслы начали внушать ему:

— Гордись, ты стал великим.

А монах принял вспоминать свои прегрешения пред лицом Бога:

— Вот посмотри, сколько у меня грехов, — и начал перечислять грехи. Тогда помыслы стали нашептывать ему все наоборот:

— Да, ты натворил много преступлений, и тебе уже не спастись.

На это брат отвечал:

— Но я исполняю свое малое служение Богу и верю в Его несказанную доброту и в то, что Он проявит на мне Свою милость.

Так долгое время брат нападал и защищался. Наконец, духи злобы поняли свое поражение, явились ему воочию и сказали:

— Ну, ты нас совсем запутал.

— Как это? — удивился он.

— Когда мы превозносим тебя, ты уходишь в смирение. Когда смиряем, ты возвышаешься.

Тогда брат запретил им говорить, и они исчезли.

9. У одного человека в миру было три сына. Он ушел в монастырь, а детей оставил в городе. После того как он прожил в обители три года, его начали мучить помыслы. Воспоминания и тоска по детям терзали бедного отца, и сильная скорбь сдавила его сердце. Правда, с самого начала он не сказал авве, что у него дети. Тот увидел, что бедняга постоянно мрачен, и потому спросил:

— Что с тобой, отчего ты такой печальный?

Тогда мирянин признался ему:

— В городе у меня осталось трое сыновей, и я хочу привести их в монастырь.

Авва благословил.

Когда мирянин пришел в город, оказалось, что двое детей его умерли, а третий жив. Он взял его с собой и повел к авве, которого нашел в пекарне. Отец подвел сына к старцу, тот обнял мальчика, взял его на руки, поцеловал и спросил отца:

— Любишь его?

— Да, — ответил отец.

— Тогда возьми и брось его в печь — пусть горит, — сказал авва.

Отец взял сына и не раздумывая своими собственными руками бросил его в печь. Но огонь тотчас же превратился в прохладную росу, и ребенок не сгорел, а отец его удостоился такой же славы, как и патриарх Авраам.

10. Старец сказал: «Начало учения Спасителя — в скорби и страданиях. А кто избегает начала, тот избегает Божественного ведения. Как с буквarya начинают обучать детей постижению знаний, так и монах сначала в трудах и скорбях обретает послушание, а потом становится сонаследником Бога и сыном Божиим¹.

11. Авва Пимен, наслышанный об авве Нисфере, в юном возрасте ставшем насельником киновии, захотел познакомиться с ним и попросил его игумена прислать святого к нему. Нисферой пришел к нему вместе с экономом монастыря. Старец спросил:

— Авва Нисферой, откуда у тебя такая добродетель: какая бы беда ни случилась в киновии, ты молчишь и не вмешиваешься?

Старец долго добивался от него ответа, наконец, Нисферой сказал:

— Прости меня авва. Как только я пришел в киновию, то сказал самому себе: что осел и что ты — это одно и то же.

¹ Ср.: Рим 8,17: наследники Бога, сонаследники же Христу.

Осла бьют — он молчит, ругают — не отвечает. И ты будь таким же.

И псалмопевец думает так же: *Как скот был я перед Тобою. Но я всегда с Тобою* (Пс 72, 22-23).

12. Авва Пимен сказал: «Человек, который живет рядом с близким, должен быть, как столп. Его ругают — он не гневается, прославляют — не превозносится».

13. Об Иоанне Фивейском Младшем, ученике аввы Аммоя, рассказывали, что он двенадцать лет прислуживал своему старцу, когда тот болел. Он жил вместе с ним в ущелье, и старец часто срывал на нем свой гнев. Иоанн отдавал больному все силы, но тот даже ни разу не сказал ему, что он спасется. Только когда стал умирать, окруженный старцами, схватил его руку и воскликнул:

— Ты спасешься! Спасешься! — и передал его старцам со словами:

— Он ангел, а не человек!

14. Один из отцов просил Бога открыть ему, какой меры подвига он достиг. И Бог открыл, что в такой-то киновии есть брат, который выше его. Старец встал и отправился в киновию. Увидев этого великого и славного старца, игумены приняли его с радостью.

Старец попросил:

— Я хотел бы встретиться со всеми братьями и поприветствовать их.

Игумен велел позвать всех братьев. Но среди них не оказалось того, о ком было откровение старцу.

— Не осталось ли еще какого-нибудь брата? — спросил святой.

— Да, есть тут у нас один — ковыряется в саду. Правда, он глуповат.

— Позовите его, — попросил старец.

Его позвали. Когда брат пришел, старец встал, подошел к нему, поцеловал его и, отведя в сторону, поговорил с ним наедине:

— Скажи мне, каково твое делание?

— Да, я человек глупый, — ответил брат.

Но старец продолжал расспрашивать его, и тот сказал:

— Авва каждый день ставит в моей келье вола, который используется для вращения машины, и тот каждый день рвет мои веревки для циновок, которые я плету. И вот уже тридцать лет как я терплю все это и ни разу не позволил своему помуыслу подумать что-либо против моего аввы, и ни разу не ударил вола, но терпеливо плету циновки и благодарю Бога.

Услышав это, старец пришел в изумление и по одному этому понял остальное его делание.

Д. Из святого Ефрема

Брат, если ты находишься на послушании у отцов, то в этом проявляешь твердость своей веры, а не в том, чтобы все с тобой нянчились и обращались мягко и вежливо. Ты показываешь, что готов терпеть, если тебя унижают и бьют. Понятно, даже зверь становится кротким и послушным, когда его ласкают. И ты не обижайся на того, кто наказывает тебя, если хочешь стать сосудом избранным, но во всем с кротостью повинуйся своему наставнику. Ведь и Сам Господь, когда вочеловечился, слушался, сначала Мать и названного отца, как об этом пишет Евангелист: *И был в повиновении у них* (Лк 2, 51). А затем и Своего истинного Отца Небесного. Он был, по словам апостола, *послушлив даже до смерти, и смерти крестной* (Флп 2, 8).

С благодарностью принимай выпавшие на твою долю скорби и наказания от своего настоятеля. *Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?* — сказал апостол. — *Если же останетесь без наказания, которое всем обеще, то вы — незаконные дети, а не сыны* (Евр 12, 7-8). Тебя побили? Радуйся этому и постараися исправиться. Тебя побили ни за что? Тем больше твоя награда. Ведь даже апостолов, возвещавших спасение миру, бивали в городах, точно злодеев. А они не обижа-

лись и не гневались, но радовались, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бессмертие (Деян 5,41).

Но, может быть, какой-нибудь самый нерадивый скажет:

— Мне обидно, что я положил столько трудов в монастыре, а со мной так поступили.

Тогда я бы спросил его:

— Вот на что ты, оказывается, обижен, раб Божий? Тогда пойми, что после стольких лет и таких трудов, о которых говоришь, ты все еще не одолел свои страсти. Если себя считаешь опытным, хотя на деле ты ничто, то обманываешь сам себя. Свое умение кормчий проявляет во время бури, а монах — во время бесчестия и побоев, принимает ли он их с радостью как величайшее благо для себя или же обижается и оправдывается. Кто превозносится и говорит: «Я уже столько лет живу монашеской жизнью», а на деле никак не показывает своего умения и даже не усвоил навыка благочестивой жизни, — это все равно, что браться за инструмент, не научившись им пользоваться.

Ты состарился в монашестве? Тогда как человек опытный стань примером для молодых и неискушенных. Пусть все изумляются твоему терпению и незлобивости. Пусть Дух Святой, обитающий в тебе, радуется твоему величайшему воздержанию, и тем более тебе следует радоваться самому, что терпишь страдания для своей же пользы.

Думаю, для того, кто взял на себя руководство тобой, в том нет никакой радости: ведь потом ему придется отвечать за тебя перед Господом. Его порадует лишь, когда он представит тебя Ему совершенным. Поэтому тебе должно с благодарностью терпеть от него все, даже если это больно, как от врача, а не как от мучителя. Но если ты не в состоянии пережить даже малые скорби и искушения ради Господа, как же ты вынесешь большие? И если не можешь претерпеть издевательства, засуления и раны, как же возьмешь свой крест, который с самого начала обещал нести? А если ты не возьмешь его (свой

крест), то как станешь наследником небесной славы вместе с теми, кто говорит: *Все это пришло на нас, но мы не забыли Тебя и не нарушили завета Твоего*. И дальше: *за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание* (Пс 43,18 и 23).

Возлюбленный брат! Неужели мы забыли, что Владыка всяческих претерпел ради нас? Его оскорбляли, уничижали, говорили: «В Тебе бес», но Он не гневался. Его били, истязали, глумились над ним, пригвоздили к Кресту, поили уксусом и желчью, копьем пронзили бок. Он все претерпел ради нашего спасения. А мы ради Него не можем перенести даже малую брань. Как ответим Ему в день Суда? Чем оправдаемся, если ко всем прочим благодеяниям, которые Он сделал для нас, присовокупит еще и эти? И что представим в противовес обвинениям? Вот почему, возлюбленный, давай (поскорей) избавимся от лени, возродим и укрепим свое сердце и скажем вслед за апостолом, что мы готовы не только принять побои и раны за Христа, но и умереть за Него (См.: Деян 21, 13). Ибо если мы сострадаем Ему, то с Ним и будем прославлены, с Ним и унаследуем Царство.

*О том, что нужно
повиноваться настоятелям
о Господе даже до смерти,
любить их и благоговеть
перед ними*

34

А. Из Григория Двоеслова

днажды святой Венедикт безмолвствовал в своей келье, а в это время его ученик Плакид пошел за водой на реку; которую местные жители называли Лакк. Только он хотел зачерпнуть воды, как кувшин выпал у него из рук, и течение понесло его. Брат попытался было поймать со- суд, но поскользнулся и сам упал в воду. Течение было стреми-тельным, и беднягу отнесло от берега на полет стрелы. Тем временем Божий человек, как уже упоминалось, безмолвство-вавший в своей келье, прозрел о случившемся и, позвав ученика, сказал:

— Брат Мавр, беги скорей — там брат Плакид упал в Лакк, и течением уносит его от берега.

Услышав повеление отца, Мавр со всех ног побежал на по- мощь. Подбежав к реке, он увидел, что Плакиду уже далеко от-несло от берега. Но ученик с твердой верой и воодушевляе- мый молитвами старца, шагнул на воду и побежал по ней, как по суше, догнал Плакида, схватил его за волосы, вытащил из воды, и вместе с ним вернулся тем же путем на берег. Только

тут Мавр пришел в себя и понял, что он ходил не по суше, а по воде, и что такое могло случиться только по чудотворным молитвам аввы. Его изумлению не было конца. И одновременно его охватил ужас, когда он представил в уме картину произшедшего. Вернувшись к святому, он рассказал о Божием знамении, которое было явлено ему.

Но отец Венедикт приписал это чудо не своей святости, а послушанию Мавра. Ученик же возражал, что он всего лишь выполнял его повеление, потому что откуда бы у него самого взялись такие дарования, чтобы пешком ходить по воде. Спассенный монах Плакид внимательно слушал преисполненный богоугоднейшего смиренномудрия и любви спор двух сторон, а потом сказал:

— Когда меня вытачивали со дна на сушу, я увидел над собой милоть моего аввы, и понял, что это он спас меня из воды.

Б. Из жития святого Феодосия, начальника киновии

Феодосий Великий понимал: тем, кто избрал жизнь по Богу, ничто так непосредственно не поможет стяжать и сохранить добродетели, как умение чем-нибудь оживить память смертную. И что же он предпринял для этого? Он велел ученикам заранее подготовить гробницу. Святой поступил так для того, чтобы гробница, с одной стороны, служила напоминанием (так оно и есть на деле), что все они смертны, с другой, укрепляла их стойкость в духовной борьбе и преумножала их стремление к желанным добродетелям и одновременно еще и для захоронения умерших. К тому же, помимо всего прочего, старец прозревал будущие события и тщательно готовился к ним.

Как только гробница была закончена, святой Феодосий подошел к ней, окруженный своими учениками. Он уже тогда внутренним взором своего проницательного ума видел, что произойдет, и, обратившись к братии, как бы в шутку сказал:

— Ну вот, гробница совершенно готова. Но кто же из вас станет первым ее поселенцем?

Этой шуткой он скрыл свою радость от предвкушении того, что должно было произойти.

А среди братии стоял некий Василий. Он был священник, и в его пылком стремлении ко всему добруму прослеживался спасительный характер самого аввы Феодосия. Василий добродетелями был очень похож на духовного отца, как родные дети походят на своих кровных родителей. Ему стало понятно, что учитель не напрасно затронул эту тему, и первым уловил смысл его слов, готовый охотно принять смерть, не как что-то насильственное, но весьма угодное и полезное. Он тотчас же преклонил колени и пал ниц на землю.

— Благослови меня, отче, — сказал он, — стать первым поселенцем гробницы.

Что сын просил, то отец и исполнил, и гробница приняла Василия. Авва велел служить по нему панихиды, как положено по канонам служить об усопшем, на третий, девятый и затем сороковой день. И на сороковины Василий без жара, без головной боли, в полном здравии, словно уснув тихим сладостным сном, отошел ко Господу. Тем самым он совершил подвиг послушания и готовности перейти в иной мир (явный признак отреченности от всего земного), первым из братьев предстал перед Богом и первым удостоился венца.

А еще через сорок дней во время вечерней службы авва Феодосий увидел и услышал божественного Василия среди храмового монашеского хора. Он стоял вместе с ними и пел. Однако то, что видел и слышал Великий Феодосий, больше никто ни самого Василия не видел, ни голоса его не слышал, кроме Аетия. Он был учеником аввы Феодосия и во всем следовал по его стопам и не только видел дела учителя, рассказывал всем о них, но и старался подражать ему. Аетий пел на клиросе и слышал голос Василия, но его самого не видел. Тогда он спросил учителя, слышал ли он голос усопшего. Феодосий

ответил, что не только слышал голос, но и видел его, и обещал показать, как только тот явится снова.

И вот наступила ночь, и уже шла служба, как святой Феодор-сий снова увидел Василия. Тот стоял среди певцов и пел вместе с хором. Авва указал на него Аетию перстом и помолился: «Господи, отверзи очи брату сему, да узрит великую тайну великих дел Твоих». И Аетий тотчас увидел Василия, узнал его и хотел было броситься и обнять брата, но Василий стал невидим, только послышался его голос:

— Спасайтесь, отцы и братья, спасайтесь! Больше вы меня не увидите.

Все это самое подлинное и точное подтверждение слов Христа в Евангелии: *Верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин 11, 25).

В. Из жития преподобной Феодоры.

Неподалеку от монастыря, где подвизалась блаженная Феодора, находилось озеро, в котором обитал крокодил. Стоило кому-нибудь подойти близко к берегу, человеку или животному, мелкому или крупному, тот доставался на ужин хищнику. Крокодил наводил ужас на всю округу. Градоначальнику Александрии Григорию даже пришлось приказать поставить стражу, чтобы никого близко не подпускать к озеру.

Настоятель монастыря, конечно, понимал, что житие Феодоры почти равноподобно ангельскому и дабы не умалить ее благодати от Бога, позвал ее и сказал:

— Чадо Феодор (в монастыре святая выдавала себя за мужчину), возьми кувшин и поскорей принеси воды из ближайшего озера.

Феодора знала, что апостол заповедал *повиноваться наставникам* (Евр 13, 17) и пошла выполнять повеление настоятеля. Никто не отваживался ходить туда, потому что это была бы верная смерть. Но упование на Бога придало Феодоре смелости, необходимой для исполнения подвига послушания,

что дает жизнь, а не смерть. И миновав стражу, преподобная добралась до берега, и (о, дивны дела Твои, Господи!) прошла по спине хищника с кувшином в руке до воды, наполнила его, так же по спине вернулась обратно и поднялась на берег. Тут, на земле, она уже была в безопасности. Феодора наложила запрет на хищника, и он тут же издох, заплатив сполна за все свои злодеяния.

О ее подвиге узнали многие. Очевидцы с радостью рассказывали о нем другим и прославляли Бога за подвиг послушания Феодоры.

Г. Из Патерика

Авва Исидор сказал, что ученики должны любить настоящих учителей, как отцов, и бояться, как правителей. Но любовь не должна отменять страх, а страх — омрачать любовь.

2. Об Иоанне, ученике аввы Павла, рассказывали, что у него было необычайное послушание. Поблизости находилось кладбище, и там жила гиена. Старец видел в том месте много дикого луга и велел Иоанну пойти и нарывать зелени. Тот спросил:

— Авва, а что делать с гиеной?

— Если набросится на тебя, вяжи и тащи сюда, — пошутил старец.

Вечером брат пошел на кладбище. Гиена напала на него. А он, как и велел старец, бросился на нее и хотел поймать. Но дикое животное пустилось наутек. Иоанн погнался за ним, приговаривая:

— Авва велел мне связать тебя.

В конце концов, он поймал и связал гиену. Тем временем старец сидел и ждал ученика, очень волнуясь за него. Тут он увидел ученика — он тащил за собой связанную гиену. Увидев эту картину, авва пришел в изумление. Но желая преподать ему урок смирения, ударил его.

— Сам дурень, да притащил мне сюда еще и эту дрянь, — он развязал гиену и отпустил ее.

3. У блаженного Сериды, начальника киновии в Танафе, был любимый друг египтянин, живший вместе с учеником в Аскалони. Как-то зимой египтянин отправил ученика к авве Сериду с просьбой прислать ему скиталу¹ папируса для письма. Когда ученик пришел в киновию, разразился такой сильный ливень, что река Тиат² вышла из берегов. Юноша отдал письмо авве Сериду и хотел было взять скиталу и сразу уйти, но авва остановил его:

— Посмотри, какой ливень. Ну, куда ты сейчас пойдешь?

— У меня заповедь — я не могу остаться, — сказал он.

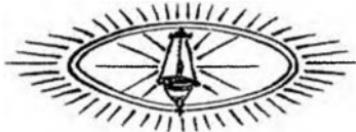
Так как ученик настаивал, то старец отдал ему скиталу, и юноша, получив благословение, ушел.

— Идите за ним, — сказал нам авва, — и посмотрите, как он будет перебираться через реку.

И мы вместе с аввой Дорофеем пошли за бесстрашным юношей и увидели, как он, дойдя до реки, далеко отошел по берегу вверх по течению, разделся, замотал папирус в одежду, положил сверток на голову, привязал его хорошенько и, крикнув братьям:

— Помолитесь обо мне, — вошел в реку, на которую и смотреть-то было страшно.

Нам казалось, что бедный парень вот-вот погибнет, но он продолжал упорно бороться с волнами и плыть против течения, которое отнесло его довольно далеко. Все же он добрался до берега, оделся и, низко поклонившись нам, поспешил к своему авве.

¹ Короткая палка, на которую наматывали папирус, пергамент и т.п., используемые в те времена для письма.

² Тиат — небольшая речушка в Палестине.

*О том, что нужно
в простоте душевной пови-
новаться своим о Господе насто-
ятелям и принимать от них
наказания как исходящие от
Бога и не сомневаться в них, не
исследовать и не исправлять их,
как бы они ни казались нам непо-
лезными в настоящий момент*

35

А. Из Григория Двоеслова

Sлагоговейнейший епископ Фортунат своими молитвами избавил одного одержимого от беснования, и злой дух вышел из человека. Когда день уже стал клониться к вечеру, лукавый обратился странником, пошел бродить по городу и кричать:

— Ну, и Фортунат! Ну, и епископ! Нет, вы только послушайте, что он со мной сделал! Выгнал странника из своей кельи. Мне даже негде преклонить голову. Неужели во всем городе не найду приюта для себя?

В это время один человек с женой и ребенком сидел у домашнего очага. Он услышал крики прохожего, подозвал его и спросил, что у него произошло с епископом. Потом пригласил диавола в дом, посадил рядом с семьей поближе к огню. Так они сидели и разговаривали. В это время злой дух вошел в ребенка, бросил его в огонь и мгновенно убил. Только тут несчастный отец догадался, кого епископ прогнал и кого он пригрел в своем доме и на деле убедился, что нельзя считать себя лучше и человеколюбивее епископа.

Б. Из жития святого Евфимия

В Лавре преподобного отца нашего Евфимия находился брат Авксентий, родом из Азии. И хотя он был умелым погонщиком молов, но сколько лаврский эконом Дометиан ни просил его взять на себя заботу о животных как послушание, Авксентий все время отказывался и не хотел даже слышать об этом. Но кто-то же должен был ухаживать за мулами. Тогда Дометиан, взяв с собой священников Иоанна и Кариона, пошел к несговорчивому брату, чтобы снова просить его принять на себя эту работу. Но тот даже и слушать не захотел. Настала суббота. В этот день каждый мог обратиться к преподобному Евфимию. Тогда эконом пошел и рассказал святому про Авксентия. Старец тотчас же вызвал к себе непокорного брата и стал увершевать его, что нельзя, мол, жить только по своей воле, отказываться от дела, которое нужно всей братии, да еще проявлять такое упрямство и несговорчивость.

Но Авксентий даже бровью не повел, не устыдился даже самого святого и продолжал упорно отказываться. Какие только доводы он ни приводил в оправдание своеволия: и что он иноземец и не знает местного наречия, и что боится плотских искушений и бесчисленных козней лукавого.

— Вот враг заметит, — сказал он, — что я удалился куда-нибудь от вас, сразу совратит меня и сделает орудием зла. Кроме того, я погрязну в мирской суете и многопечальности, забуду о главном и утрачу мир и душевный покой.

Тем самым он рассчитывал, что, говоря о вреде, который может быть нанесен его душе, переубедит преподобного. Но Евфимий Великий сказал ему:

— Чадо, мы будем молиться Богу, чтобы за твоё послушание ничто тебе не навредило. Ведь Сам Господь говорил: *Я пришел не для того, чтобы Мне служили, но чтобы послужить* (Мф 20,28). И еще: *Не ищу Моеей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин 5, 30).

Но Авксентий еще больше уперся и даже не думал уступать. Тогда божественный Евфимий заговорил с ним строже.

— Так вот что, чадо, — сказал он, — мы советовали тебе то, что, по нашему мнению, тебе самому полезно. Но ты упорствуешь в своем заблуждении. Тогда ты, как никто другой, узнаешь, каков плод непослушания.

Не успел великий святой произнести эти слова, как Авксентия всего скрутило, и несчастный упал на землю. Его было жалко до слез. Стоявшие рядом братья преисполнились сострадания к нему и принялись упрашивать святого Евфимия помочь и помочь бедняге — тот лежал на земле, претерпев всю тяжесть расплаты за непослушание. Святой и сам был не прочь пожалеть ослушника и упрямца. Он взял Авксентия за руку и поднял его, еще дрожавшего и страдавшего от ломоты во всем теле, затем, вместо лекарства, наложил на него крестное знамение, и бедняга тут же избавился от страданий и исцелился.

Авксентий пришел в себя. Он вспомнил о своем прегрешении, о постигшем его несчастье и осознал, что виной всему — только его непокорность. Беднягу стала мучить совесть, и в раскаянии о содеянном он пал в ноги авве Евфимию и стал просить у него прощения за то, что натворил, и заступничества в будущем. Преподобный Евфимий тут же его простил, (а как же иначе, при виде раскаявшейся души кто не сменит гнев на милость!). Осененный молитвой святого на будущее, брат охотно и даже с радостью взялся за труды, (от которых недавно отказывался). Как говорится в Писании, *наказание Господне отверзает уши* (Ис 50, 5) и исправляет ум: тот, кто раньше страдал непокорством, получив наказание, стал послушным.

B. Из жития святого Пахомия

Ученик Великого Пахомия Федор, о котором уже говорилось в предыдущих темах этой книги¹, хотя и был юн, но,

¹ О Федоре, ученике Великого Пахомия, говорится также в 15 и 16 темах этой книги.

укрепляясь духом, весьма преуспел в добродетелях, потому что во всем подражал своему учителю и ради Бога подчинялся ему, как Самому Господу. Но поскольку душу обычно учат терпению, закаляя ее преодолением многих трудностей, то святой часто укреплял юношу, давая ему всякие поручения. Если он велел Федору сделать что-нибудь, то как бы ученик хорошо ни исполнил поручение, старец приходил, ругал его и говорил, что работа никак не годится и велел переделать ее. Так Великий Пахомий учил его постоянно бороться с помыслом самодовольства.

Эти отеческие упреки Феодор принимал спокойно и благоразумно. И даже в мыслях не держал спорить или оправдываться перед ним. Об учителе он всегда говорил всем, что это непревзойденнейший подвижник и смиренный раб Христов. «Неопытным, — говорил Федор, — многие вещи кажутся в одном свете, знающие же люди видят их совершенно иначе. Вот так и мне, грешному, нужно оплакивать себя, пока Господь не управит моего сердца ко благу и я не удостоюсь послушания святых отцов. А без помощи Господа дела человека, особенно его уверенность в себе, — прах и пепел».

Г. Из повествования о путешествиях святого апостола Петра, составленного святым Климентом¹

Однажды, когда вся община собралась в Риме, первоверховный апостол Петр, которому уже надлежало оставить жизнь, взял меня, Клиmenta, за руку и вывел на середину храма.

— Послушайте меня, чада мои и братья, — сказал он. — Путь мой подходит к концу. Сегодня я рукополагаю вам Клиmenta в епископа. Вверяю ему проповедь с кафедры и передаю власть

¹ Отрывок из апокрифического сборника Pseudoclementivae, авторство которого приписывается святому Клименту Римскому, но, судя по всему, принадлежит разным авторам и имеет более позднее происхождение.

вязать и решать. Он хорошо знает каноны церкви и будет вязать то, чему следует быть связанным, и решать то, что должно быть решено.

Слушайтесь его и не забывайте: кто огорчает епископа, представителя истины, грешит перед Христом и гневит Бога Отца всяческих и потому жить не будет. И вы никогда не забывайте воздавать честь и слушаться вашего Отца. Тогда и вы, пастыря, будете благоденствовать, и он станет вашим истинным пастырем, а не наемником и позаботится о стаде. Я говорил и еще раз скажу: кто огорчает пастыря и наставника в делах Божиих, тот огорчает Дух Божий, ибо в ведении пастыря и мести и кафедра Святого Духа. Кто отвергает слово пастыря, отвергает Христа и становится нарушителем закона.

Д. Из Патерика

Кто-то из старцев рассказывал, как однажды святой Василий прибыл в киновию. После надлежащего наставления он спросил игумена:

- Нет ли у кого-нибудь из вашей братии (настоящего) послушания?
- Все здесь твои рабы, владыко, и стараются спастись, — ответил игумен.
- И все же есть ли брат, стяжавший истинное послушание? — спросил святой Василий.

Тогда старец подвел к нему одного брата, и святой велел ему прислуживать за трапезой. После обеда брат принес воды, чтобы гость омыл руки. Василий омыл руки и сказал:

— А теперь я тебе омою руки.

Брат повиновался, и Василий полил ему воды на руки.

— Когда войду в алтарь, — сказал он, — напомни, чтобы я рукоположил тебя в диакона.

Брат без ропота все исполнил, и за такое послушание святой Василий рукоположил его в пресвитера и взял с собой в епархию.

2. Про авву Силуана рассказывали, что у него был ученик по имени Марк. Он был писцом и отличался великим послушанием. За это авва очень любил его. У Силуана было еще одиннадцать учеников, и они весьма завидовали, что отец больше всех любит Марка, и пожаловались старцам. Узнав об этом, те крайне огорчились и, прия к авве Силуану, стали укорять его. Тогда авва взял их с собой и повел по кельям, постучался в одну, другую со словами:

— Брат, выйди, ты мне нужен.

Однако ни один из них не вышел. Когда же он подошел к Марковой келье, постучался и позвал:

— Марк! — тот, как только заслышал голос своего наставника, тотчас выбежал к нему, и старец дал ему поручение.

— Ну, а где же остальные братья, отцы мои? — спросил Силуан спутников. Он вошел в келью, взял работу Марка и увидел, что ученик только начал писать. Когда старец позвал его, он не стал заканчивать начатое и сразу выбежал на зов. Силуан взял рукопись и показал ее старцам, и те сказали:

— Воистину, авва, кого любишь ты, того и мы любим, потому что его любит Бог.

3. Про того же авву Силуана говорили, что как-то он прогуливался по Скиту вместе со старцами и решил показать им послушание своего ученика, дабы они поняли, за что он любит его. Авва, указав на маленького дикого кабана, спросил ученика:

— Чадо, видишь вон того буйволенка?

— Да, отче, вижу, — ответил юноша.

— А видишь, какие у него здоровенные рога? — снова спросил авва.

— Да, отче.

Старцы изумились его ответам и убедились в его послушании.

4. Как рассказывали, у аввы Муиса был ученик авва Саис. Как-то старец, желая искусить ученика, сказал ему:

— Иди воруй.

Тот пошел и стал воровать вещи у братьев ради послушания и благодарил Бога за все. А старец брал эти вещи и тайно возвращал братьям.

5. Старец рассказывал: «Как-то я пошел к авве Сисою, он жил тогда на Клисме¹, и попросил его сказать слово. Но тот ответил:

— Прости меня, я человек простой.

Тогда я пошел к авве Ору и авве Афре. Авва Ор болел вот уже восемнадцать лет. Я поклонился обоим святым до земли и попросил их сказать мне слово.

— Что сказать тебе? — начал авва Ор. — Иди и делай, что соштешь необходимым. Бог всегда с тем, кто понуждает себя.

Авва Ор и авва Афре, хотя и родились в разных местах, но прожили в согласии между собой всю жизнь до самой кончины. Ибо велико было послушание аввы Афре, и смиренному дрие аввы Ора тоже было немалым. Я провел у них несколько дней, видел не только их жизнь, но и чудеса, о которых расскажу. Кто-то принес им небольшую рыбку, и авва Афре решил приготовить ее старцу. Только он начал потрошить рыбку ножом, как его позвал авва Ор. Он тотчас же пошел на зов, оставил нож в рыбе, не доведя дело до конца. Я удивился его великому послушанию. Ведь он мог бы сказать: «Погоди немного — я сейчас управлюсь с рыбой». Я спросил его:

— Откуда у тебя такое послушание, авва?

— Послушание не у меня, — ответил он, — а у моего старца. Если хочешь, сейчас сам убедишься в этом.

Он стал готовить рыбку и нарочно пережарил ее, потом так и подал ее старцу. Тот съел и ничего не сказал. Авва Афре спросил:

— Ну, как, хороша рыбка, отче?

— Очень хорошая, — ответил старец.

¹ Клисма (греч. — букв.: взморье), город и местность в Египте на побережье Красного моря.

Потом он принес еще кусочек рыбы, хорошо приготовленный, и подал ее старцу со словами:

— А эта пережарена, отче.

Старец попробовал и сказал:

— Да, немножко пережарена.

После этого авва Афре спросил меня:

— Теперь ты убедился, каково послушание у старца.

Я покинул старцев и с тех пор всеми силами храню то, что увидел у них.

Е. Из святого Ефрема

Брат спросил старца:

— Авва велел мне работать в пекарне, печь хлеб для братьев. А работники там мирские, говорят неподобающее, а мне не полезно это слушать. Даже не знаю, что делать?

Старец ответил:

— Разве ты не замечал, как дети учатся грамоте? Они сидят все вместе, но каждый учит свой урок, а не чужой. Так и ты, внимай себе и изучай свое сердце. Если тебя начнут одолевать страсти, скажи авве об этом и поступи так, как он посоветует, ибо он лучше знает, что тебе полезно.

Ж. Из аввы Исаии

Если авва собрался послать тебя на чужбину по делу, задай ему только один вопрос:

— Куда ты велишь мне пойти и что я должен сделать?

Исполни то, что он скажет. Ничего не прибавляй и не убавляй, даже милостыни не подавай нищему, если заранее не спросишь авву об этом. А если сделаешь что-нибудь втайне, без его ведома, согрешишь.

З. Из святого Варсонофия

Брат спросил старца:

— В каких делах должно отсекать свою волю, в хороших, средних или в тех, которые, как кажется, нарушают Божию за-

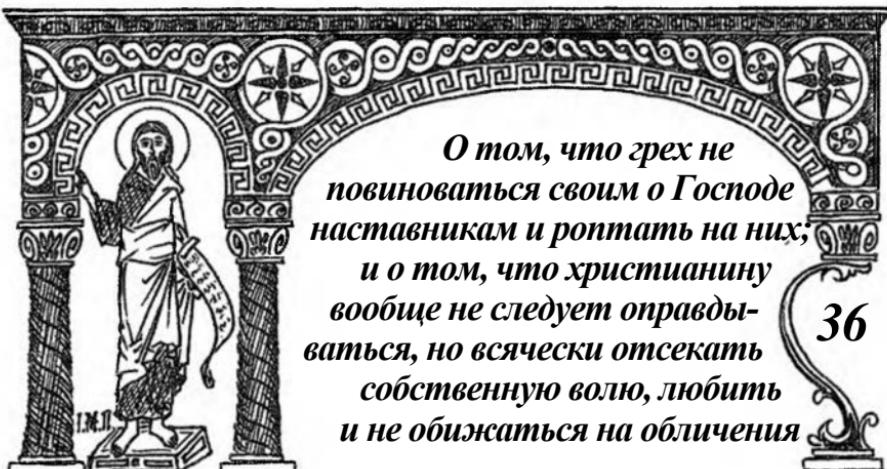
поведь? И если поручение окажется выше моих сил, должен ли я отказаться от него, чтобы потом не впасть в скорбь и смущение?

— Брат, — ответил старец. — Кто хочет быть монахом, тот вообще ни в каком деле не должен проявлять свою волю. И Господь учит нас этому. Я пришел в мир, сказал Он, *не для того, чтобы творить волю Мою* (Ин 6, 38). Кто хочет одно делать, а от другого отказывается, тот либо стремится показать себя рассудительней приказавшего ему старца, либо стал игрушкой бесов. Но и то, и другое суть дела злые и диавольские. Так что тебе следует повиноваться во всех случаях. Приказавший тебе авва берет на себя твою вину и ответит за тебя. Если приказание выше твоих сил и кажется тебе тяжелым, поговори с аввой и оставь все на его усмотрение.

А если тебе приказали братья, и ты видишь или считаешь, что дело тебе не полезно или выше твоих сил, опять же спроси авву, и что скажет, то и делай. Если хочешь различать не только дела, но и людей, навлечешь на себя скорбь. Однако когда дело окажется благим, яви послушание братьям. Если же твой помысел колеблется, или дело тебе не по силам, или вредно, обратись к своему авве, и действуй по его рассуждению, ибо он знает, что делать и как позаботиться о твоей душе. Поэтому будь спокоен и верь: все это, что бы тебе ни говорили, — от Бога. А то, что от Бога, полезно и не приносит ни скорби, ни смущения. Потому что от добра зла не бывает. *Всякое дерево доброе приносит и плоды добрые* (Мф 7, 17).

— А что такое отсечение воли? — снова спросил брат.

— Отсечение воли, брат, — ответил старец, — означает преуспеяние в Боге. Оно в том, чтобы во всем благом исполнять волю не свою, а святых, а в плохом ты и сам избежишь того, что не подобает.

*О том, что грех не
повиноваться своим о Господе
наставникам и роптать на них;
и о том, что христианину
вообще не следует оправды-
ваться, но всячески отсекать
собственную волю, любить
и не обижаться на обличения*

36

A. Из Антиоха Пандекта

Гратья, нам не следует роптать по всякому оправданному и даже, если нам кажется, неоправданному поводу, но во всем слушаться и повиноваться и благодарить Бога и тех, кто Господом поставлен над нами. Если же возропщем на что-нибудь, то уподобимся преступным и неблагодарным иудеям, которые роптали на Того, Кто заботился о них, как написано: *И возроптало все общество сынов Израилевых на Моисея*, а Моисей сказал: *Не на нас ропот ваш, но на Господа* (Исх 16, 2.8). За свой ропот они и полегли все в пустыне.

Их потомки в точности унаследовали неблагодарность и непослушание своих отцов. Они роптали на учеников Господа: «Почему вы едите и пьете с грешниками?» Роптали и на Самого Спасителя, когда Он сказал: *Я хлеб живой, сшедший с небес* (Ин 6, 51). Вот почему и сказал им Господь: *Никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего* (Ин 6, 65), иными словами, человеку не будет дано, пока Отец не найдет, что он послужен, благодарен и не ропщет, как мы. И работники первого часа роптали на хозяина дома за то, что других работников он нанял в одиннадцатом часу, а заплатил и тем и

другим поровну, и так далее (Мф 20,1-15). На это Господь им ответил: *Друг! Я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и пойди.* Куда же Он отправляет ропотника? На левую сторону, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его. Это ясно из слов, которыми Господь обличает этих работников в лукавстве и зависти: *Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?* (Ср: Сир 32,17 и Притч 6, 32-33).

Б. Из аввы Марка

Кто к приказанию тайком примешивает своеволие, тот прелюбодей, как об этом говорится в книге Премудрости (См.: Сир 32, 17 и Притч 6, 32-33), и по скудости своего разума терпит скорби и бесчестие. Как невозможно соединить воду с огнем, так и нельзя соединить смирение и самооправдание. Если хочешь спастись, возлюби слово истины и никогда не будь настолько безрассуден, чтобы избегать обличений. Слово Истины обращало к покаянию порождения ехиднини и внушало им бежать от будущего гнева (Лк 3,7). Кто принимает слово истины, тот принимает и Бога Слова. И Господь говорит: *Принимающий вас Меня принимает* (Мф 10, 40). Спущеный через кровлю расслабленный — это грешник, которого верующие обличают ради Господа, и по их вере ему прощаются грехи. Кто ненавидит обличения, неизбежно по собственной воле остается в страстях. А кто любит, тот переносит их благоразумно.

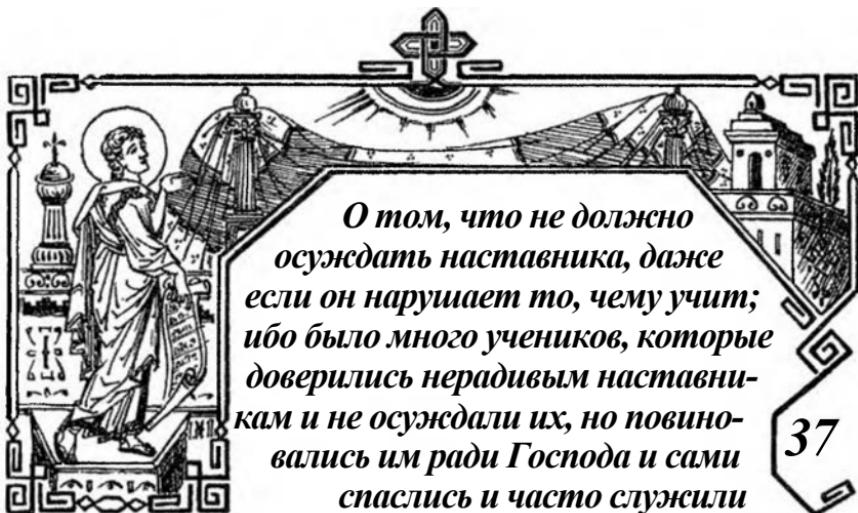
Как плывущие по морю с радостью переносят солнечный зной, так и ненавидящие зло любят обличения, потому что солнце защищает от ветров, а обличения — от страстей. А кому нипочем писаные заповеди и наставления, ну, тогда тому поможет конский хлыст и ослиное стрекало. А если и это не проймет, то Господь их обуздает уздою и удилами (Пс 31,9).

В. Из святого Максима

Как преслушание само по себе есть порождение греха, так и послушание само по себе есть плод добродетели. Как

преслушание ведет к преступлению заповедей и отлучению от Заповедавшего, так и послушание ведет к соблюдению заповедей и неразрывному соединению в любви с Давшим заповедь. Кто преступил заповедь по преслушанию, тот сделал грех и отлучил себя от единства в любви с Заповедавшим.

*О том, что не должно
осуждать наставника, даже
если он нарушает то, чему учит;
ибо было много учеников, которые
доверились нерадивым наставни-
кам и не осуждали их, но повино-
вались им ради Господа и сами
спаслись и часто служили
спасению и своих наставников*

37

А. Из Патерика

дин рассудительный анахорет решил поселиться в келье, но не мог подыскать себе подходящую. А у некоторого старца, знавшего анахорета, как раз была временно свободная келья, и он предложил отшельнику занять ее, пока тот не найдет себе другую. Анахорет пришел и поселился в ней. К нему стали ходить местные жители как к гостю издалека. Они приносили ему, кто что мог, и тот принимал приношения. Старец же, который дал ему келью, стал завидовать и поносить его.

— Я столько лет тут подвизаюсь в великих трудах, а ко мне никто не ходит. А этот проходимец, не успел появиться, как народ валом повалил к нему, — ворчал он, а потом сказал ученику: — Пойди и скажи ему: «Уходи отсюда — теперь келья мне самому понадобилась».

Ученик пошел и сказал анахорету:

— Мой авва велел спросить, как твои дела.

— Прошу его молитв, а то у меня что-то живот разболелся, — пожаловался гость.

Брат вернулся к пославшему его наставнику и сказал:

— Старец велел передать: «Как только подберу келью, сразу уйду».

Через два дня старец сказал ученику:

— Пойди, скажи ему: «Если не уйдет, я сам приду и выгоню его палкой».

Брат пошел и сказал:

— Мой авва как только услышал, что ты болеешь, сильно расстроился и послал меня проводить тебя.

— Передай ему, — сказал гость, — по его молитвам мне уже лучше.

Ученик вернулся и передал своему старцу:

— Анахорет сказал: «До воскресного дня освобожу келью, если будет воля Божия».

Когда же наступило воскресенье, анахорет и не думал уходить. Старец взял палку и пошел сам побить его и выгнать в шею. Тогда ученик попросил своего старца:

— Лучше я пойду вперед. Вдруг там люди, и это послужит им соблазном.

Он пришел к отшельнику и сказал:

— Мой авва идет сюда, чтобы пригласить тебя к себе.

Когда анахорет услышал о такой любви старца, сам вышел к нему навстречу, издали поклонился ему до земли и воскликнул:

— Отче, не утруждай себя, я сам иду к твоей святости.

Бог явно призрел на труды юноши и привел его авву к раскаянию: старец бросил палку, поспешил навстречу анахорету, обнял его и повел в келью, догадываясь, что отшельник, наверное, и не слышал, что он грозил ему через ученика.

Старец спросил юношу:

— Ты ничего не передавал ему из того, что я велел?

— Нет, — ответил тот.

И старец несказанно обрадовался этому. Он понял, что зависть внушил ему враг. К гостю он отнесся ласково, а потомпал в ноги юноше и воскликнул:

— Это ты мне отец, а я тебе ученик. Ведь своими трудами ты спас души нас обоих.

2. Кто-то из старцев рассказывал про отшельника пьяницу. Тот каждый день плел по циновке. Сплетет циновку, продаст в деревне, а деньги пропьет. И вот однажды пришел к нему один брат, остался у него и тоже стал плести каждый день по циновке. Старец брал свою и его работу, относил на продажу, все деньги пропивал, а брату приносил только ломоть хлеба и то поздно вечером. Так он поступал три года. За все это время брат не упрекнул его ни единым словом. Но однажды ему пришла такая мысль: «Сижу я тут разут, раздет, и хлеба едва хватает. Встану и уйду отсюда». А потом опомнился: «А куда мне идти? Опять искать? Но ведь Бог уже определил меня в эту киносию». Только он подумал об этом, как явился ему ангел и сказал: «Никуда не уходи, завтра я приду за тобой».

На следующий день ученик попросил старца:

— Никуда не уходи, отче, сейчас придут за мной и заберут.

В конце дня старец сказал:

— Уже поздно, чадо, и сегодня за тобой уже вряд ли придут,

— Нет, авва, обязательно придут, — возразил он и с этими словами почил.

— Какое горе, чадо! — со слезами воскликнул старец. — Я много лет живу здесь в нерадении, а ты за короткий срок одним терпением спас свою душу.

После этого старец образумился и стал опытным монахом.

Б. Из святого Ефрема

Братья! Ученикам не должно быть непослушными и прекословить своим о Господе наставникам, но проявлять всяческое смиренномудрие перед Богом и людьми. Если же случится так, что учитель на словах будет проповедовать добродетель, а на деле ее преступать, то по одному этому поводу не позволим сатане развратить наши души. Вспомним слова Господа: *На Мoiseевом седалище сели книжники и фарисеи; и*

так, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, но не делают (Мф 23 1-4).

К этому же нас призывает и апостол Петр: *Повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если делая добро и страдая, терпите, то это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах его. Будучи злословим, он не злословил взаимно; страдая не угрожал, но предавал это Судии Праведному* (1 Пет 2, 18-23). Есть у вас, братья, еще и пример смирения пророка Самуила. Он не превознесся в сердце своем перед священником Илией, даже после того как услышал такие суровые Божии слова об этом муже, но смиренно оставался у него в послушании (1 Цар 1, 9-15).

Да сподобимся же, возлюбленные, нашего спасения! Будем готовы с покаянием принять всякое слово, какое бы мы ни услышали, даже если оно от нашего о Господе наставника. Как вода тушит огонь, так и покаяние укрощает ярость и гасит жажду мести. Пусть будет тебе примером пятидесятник, который пришел к Илие и своим смирением смягчил гнев пророка, и тем спас себя и всех своих людей (4 Цар 1,9-15).

Итак, возлюбленные, слушайтесь своего о Господе наставника. Исполняйте его слово в точности и никогда не пренебрегайте тем, что он говорит. И тогда с вами будет Тот, Кто сказал: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф 18, 20). Возлюбленные! Даже если наши игумены несправедливы к нам (да не будет этого!), будем служить им с добной совестью, как Самому Господу, а не как людям, крепко памятуя, что награду мы получим от Господа.

В. Из Патерика

Некий старец жил в так называемых пустыннических кельях под Александрией. Он был крайне гневлив и малодушен. И вот один молодой брат, прослышиав про него, дал обет Богу: «Господи, за то, что я творил в миру, пойду и буду жить у этого старца и своими трудами упокою его». Изо дня в день старец обращался с ним, как с собакой. И Бог увидел смирение и терпение брата. Через шесть лет его послушания ему было видение во сне: некий (человек) держал в руках длинный свиток, одна половина записей была стерта, а другая осталась. Он показал свиток брату и сказал: «Половину твоего долга простил тебе Владыка Бог. Подвизайся и ради остальной половины».

Неподалеку жил другой старец, муж весьма духоносный. Он знал историю брата и часто слышал, как старец выходит из себя и без причины оскорбляет брата, как юноша кладет ему поклоны, а старец все не унимается. Каждый раз встречая брата, духоносный старец спрашивал:

— Как твои дела, чадо? Как прошел сегодняшний день? Стяжал ли ты и нынче себе венок? И стер ли еще одну запись в списке?

Если же изредка выпадал такой день, когда старец не бранил брата, не оскорблял и не выгонял его вон, юноша приходил вечером к соседу и со слезами жаловался:

— Беда, авва, сегодня у меня скверный день. Я ничего не заработал и день прожил напрасно.

Прошло еще шесть лет, и брат почил. И духоносный старец увидел, что брат пребывает в сонме мучеников и с превеликим дерзновением вымаливает перед Господом своего старца: «Господи, как за него Ты помиловал меня, так и его помилуй по великим Твоим щедротам и ради меня, раба Твоего». Через сорок дней Господь взял к Себе и старца в место упокоения. Сколь же великое дерзновение обретают перед Богом те, кто ради Него терпят скорби!

A. Из жития преподобного Ефрема

Еликий Ефрем постоянно предавался мысленно Богу и непрестанно созерцал своим разумом день Суда и потому все время плакал и, по слову Псалмопевца, *удалился, бегая от всякого житейского шума, смятения и суеты, и водворился в пустыне* (Ср.: Пс 54, 8). Ради душевного спасения и пользы он переходил с места на место, движимый Духом Божиим, и однажды покинул родину и по Божиему велению, как Авраам, добрался до города Эдессы¹. Ему хотелось поклониться находившимся в нем святым мощам и встретить какого-нибудь ученого мужа и набраться от него премудрости. И об этом Ефрем стал просить Бога: «Иисусе Христе, Владыко и Господи всяческих, удостой меня войти в град Эдессу и встретить мужа и услышать от него то, что мне нужно для душевной пользы и спасения».

¹ Эдесса (город в Месопотамии), известен тем, что Ефрем Великий ок. 353 г. основал в нем богословскую школу (ок 353 г. по Р. Х.). Задолго до этого городом правил достопамятный Авгарь, кто попросил у Господа и получил Нерукотворный Образ Иисуса Христа.

После молитвы он вошел в городские ворота, сосредоточенный, настороженный и обеспокоенный только одним: как отыскать такого мужа, как поговорить с ним и как услышать от него полезное для себя. Он шел, погруженный в свои раздумья, как вдруг ему встретилась женщина, да еще и блудница. Но это было явно от Бога, ведь нередко Господь тайно посыпает нам спасение через нечто совершенно противоположное и неожиданное в глазах многих. Святой Ефрем, которому, вопреки его ожиданиям, попалась блудница, в растерянности остановился и внимательно посмотрел на нее. Смущение и огорчение охватили его душу: разве он искал встречи с блудницей? Значит, не сбылось то, о чем он молился, и ему послано прямо противоположное? Блудница заметила, что прохожий недоуменно разглядывает ее, и окинула его вызывающим взглядом. Так они долго разглядывали друг друга. Наконец, великий (аскет) решил преподать ей урок и призвать к стыду, который подобает женщине.

— Что же ты не краснеешь от стыда, женщина, так пристально разглядывая меня своими глазами? — спросил он.

— Мне-то, между прочим, так и полагается смотреть на тебя, — ответила она. — Ведь я сотворена из твоего ребра. А вот тебе нужно не на нас смотреть, а на землю: из нее ты взят и в нее уйдешь.

Услышав эти слова, оказавшиеся выше всех его ожиданий, Ефрем выразил женщине превеликую благодарность за ее полезное назидание и горячо возблагодарил Бога за то, что Он неожданно творит то, что гораздо лучше наших надежд и чаяний.

Б. Из жития преподобного Пахомия

Великий Пахомий знал, сколь благоразумен во всяких спорных делах его ученик Федор, который, несмотря на юность, поддерживал более слабых в аскетических подвигах, и весьма радовался за него. Так было заведено, что братия каждый вечер собиралась в определенном месте монастыря,

чтобы послушать наставления великого (святого). И вот как-то, когда все уже собрались, авва велел Федору, а он, как уже говорилось, был молод, ему только исполнилось двадцать, сказать братии слово Божие. И тот послушно, без какого-либо прекословия отверз уста и сказал много полезного для братии. Однако некоторые почтенные старцы, увидев такое, и слушать его не захотели.

— У нас есть архиереи, они нас и наставляют, а его не будем слушать! — возмутились они и, покинув собрание, разбрелись по кельям.

После окончания Федоровых наставлений, Великий Пахомий велел позвать старцев. Они пришли к нему, и он спросил их:

— Почему вы покинули собрание и разошлись по кельям?

— В монастыре столько старцев и преуспевших монахов, а ты поставил учить нас мальчишку!

Услышав эти слова, Пахомий тяжело вздохнул и с горечью спросил:

— Знаете, откуда в мире взяло свое начало зло?

— Откуда? — спросили они.

— От гордости, — ответил святой. — Из-за нее *упал с неба денница, сын зари, и разбился о землю* (Ис 14, 12). Из-за нее оказался среди зверей Навуходоносор, царь вавилонский (Дан 4). А разве не известны вам слова Писания: *Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем* (Притч 16, 5)? Несужели вы не слышали: *кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится?* (Мф 23,12). Несужели вы не слыхали об этом, и над вами так насмехался диавол, что вы потеряли всю вашу добродетель? Ибо мать и начало всякого зла есть гордыня. Вот почему, когда вы ушли, вы отвернулись не от Феодора — вы бежали от слова Божия и отлучили себя от Святого Духа. Поистине, вы достойны всякого презрения! Как же вы не догадались, что на это вас толкнул сатана?

— О, великолепное чудо! — продолжал он. — Ради нас Бог *смирил Себя, быв послушен даже до смерти* (Флп 2, 8). Невместимый и Превосходящий всякое естество смирением спас мир, хотя одним Своим взглядом мог бы испепелить вселенную. А мы, земля и прах, самые жалкие из жалких, превозносимся, того не понимая, что тем самым низводим себя в *преисподнюю земли*. Разве вы не заметили, с каким огромным вниманием я слушал наставления? Признаюсь, что, послушав его, я получил большую пользу. Я поручил ему сказать поучения не для того, чтобы испытать вас, мне самому хотелось получить пользу.

Насколько еще важнее было для вас послушать его с великим смирением, — заметил преподобный. — Скажу вам правду, что я, ваш о Господе духовный отец, слушал его так, будто до этого не мог отличить, где правое, а где левое. Как перед Богом скажу: если вы не принесете покаяния, большего, чем ваш проступок, вам не простится этот грех, и вы погибнете. И если не уничтожите этих злых всходов, проросших в вас, то вас постигнет величайшее из всех возможных осуждение.

Такими словами преподобный прижал язву их гордыни, а потом отеческими увещеваниями уврачевал и сам недуг. Пахомий Великий, когда нужно, бывал резок, но в то же время и мягок, если требовалось, обличая и побуждая к благу тех, кто грешил.

2. Другой раз преподобный пришел туда, где плели циновки, и сел за работу. К нему подошел мальчик, который на эту неделю был поставлен прислуживать работающим. Мальчик, как только увидел, как Пахомий Великий работает, сказал:

— Ты не так подворачиваешь концы — это плохая работа.
Авва Феодор плетет по-другому.

Преподобный встал и сказал:

— Научи меня, чадо.

Мальчик показал, и преподобный с большой радостью снова сел за работу, смирив в себе дух гордыни. Если бы он был плотского образа мыслей, то не послушался бы мальчика да еще бы и обругал его за то, что тот разговорился не в меру.

В. Из жития святого Арсения

Великий Арсений обладал многими познаниями как во внешних науках, так и в духовных. И как известно, среди современников ему не было равных в учености и добродетели, так что из всех мужей выбрали именно его воспитателем Гонория и Аркадия, детей императора Феодосия. Позднее этот ученый муж долгое время подвизался в Скиту и стяжал более глубокое ведение божественного. Тем не менее по избытку смирения он не стеснялся расспрашивать сельских простецов и извлекать из их ответов полезные плоды для себя, насколько это было возможно. Как-то один человек увидел, как Арсений расспрашивает египетского монаха о помыслах и советуется с ним. Весьма удивившись, человек спросил преподобного о причине такого поступка. Тот ответил:

— Не отрицаю, что я в какой-то мере не чужд образования. Но, признаюсь, что мне не знакома даже азбука этого простеца.

Тем самым он дал понять, что речь идет о божественном делании и ведении.

2. Однажды дивный Арсений, оказавшись на берегу реки, собрался было уже войти в воду и переплыть на другой берег, но какая-то эфиопка схватила его за милоть. Он возмутился и стал ей строго выговаривать.

— Если ты монах, Арсений, — сказал она, — твое место в горах¹. И Арсений нашел (большой) смысл в ее словах.

Г. Из Патерика

Однажды авва Антоний получил от императора Константина послание, чтобы он пришел в Константинополь, и, не зная, как поступить, спросил своего ученика авву Павла:

— Полезно ли мне идти туда?

— Если уйдешь, будешь Антонием, а если не уйдешь, останешься аввой Антонием.

¹ Т. е. там, где живут духовно-духовные старцы-отшельники.

Он послушался и не пошел.

2. Брат спросил маленького монаха, почти ребенка, какие слова важны в разговоре:

— Если слова пустые, — ответил тот, — оставь их при себе. Если же добрые, при удобном случае скажи. Но даже если они и добрые, говори мало и кратко и не беспокойся.

3. Авва Олимпий рассказывал: «Языческий жрец спустился однажды в Скит и зашел ко мне в келью переночевать. Увидев, как живут монахи, он спросил:

— И при такой жизни ваш Бог ничего не являет вам?

— Ничего, — ответил я.

— А вот когда мы священнодействуем перед нашим богом, — сказал он, — то он ничего не прячет от нас и открывает все свои тайны. А у вас столько трудов: бдение, отшельничество, акетизм — и говоришь: ничего не видите? Если вы ничего не видите, то у вас в сердце наверняка дурные помыслы, вот они-то и отделяют вас от вашего Бога, и потому Он не открывает вам Свои тайны.

Я пошел и передал старцам слова жреца. Они удивились и сказали, что жрец прав, ибо нечистые помыслы отделяют человека от Бога».

4. Авва Макарий рассказал:

— Когда я был моложе, мне надоело сидеть в келье, и я пошел в пустынью. Там я сказал своему помыслу: «Кого ни встрету, попрошу назидания». Мне встретился мальчик, пасший быков, и я спросил его:

— Мальчик, что мне делать — я голоден?

— Поешь, — ответил он.

— Я уже ел, но все равно хочу есть.

— Еще поешь, — посоветовал он.

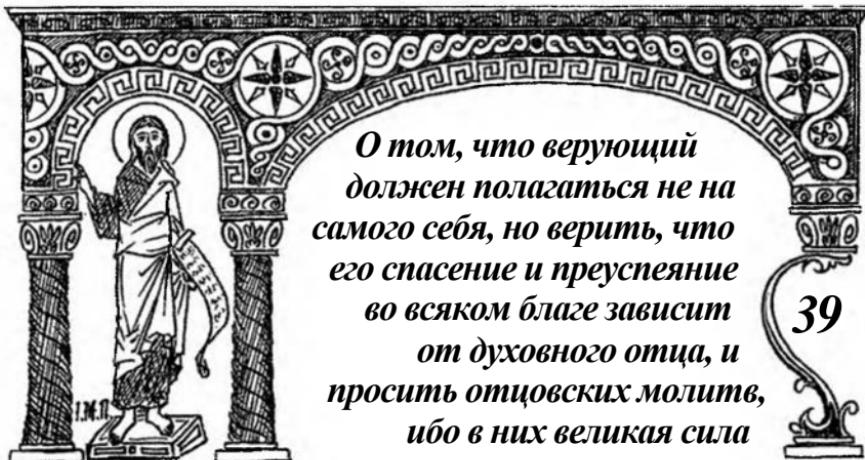
Я сказал ему, что уже много раз ел, но голод не проходит. Тогда он спросил:

— Разве ты осел, авва, что всегда хочешь есть?

Получив пользу, я ушел.

5. Старец сказал: «Хочу учиться, а не учить».
6. Авва Макарий спросил авву Захария:
— Скажи, какое дело монаха?
— Разве меня об этом надо спрашивать? — сказал тот.
— Мне было откровение о тебе, чадо Захария, — сказал Макарий, — и как бы побуждение свыше спросить тебя.
Тогда авва Захария ответил:
— По-моему, отче, дело монаха — во всем понуждать себя.

*О том, что верующий
должен полагаться не на
самого себя, но верить, что
его спасение и преуспеяние
во всяком благе зависит
от духовного отца, и
просить отцовских молитв,
ибо в них великая сила*

А. Из Григория Двоеслова

днажды игумен, заменивший на этом посту скончавшегося Гонората, послал гоноратова ученика Либертина, о котором упоминалось в предыдущих главах, по какому-то монастырскому делу. А этот Либертин так любил своего учителя, что куда бы ни отправлялся, всегда носил за пазухой его калигу¹. Когда он въехал в Равенну², то увидел женщину, которая несла умершего сына. Как только несчастная мать заметила раба Божия, в ней вспыхнула надежда — она схватила за узду коня Либертина и поклялась, что не даст святому сдвинуться с места, пока он не воскресит ее сына. Монаху ни разу не доводилось творить такие чудеса, а материнская надежда да еще и ее клятва привели его в ужас. По скромности своей он хотел было проехать дальше, но она не выпускала узду из рук. Все же сострадание взяло в нем верх. Либертин

¹ Калига — распространенная в древности обувь на деревянной подошве не только на Востоке. В наших былинах упоминаются калики (от «калига») перехожие, которые носили калиги.

² Равенна — итальянский город на побережье Адриатического моря. При Гонории был столицей западной части Римской империи. В 539 г. его захватил Велисарий, полководец Юстиниана. В нем до сих пор можно увидеть великие памятники византийского зодчества.

сошел с коня, преклонил колени и воздел руки к небу. Затем он вынул калигу из-за пазухи и положил ее мертвому ребенку на грудь. Во время его молитвы душа возвратилась в тело ребенка, и мальчик тотчас же встал. Монах взял воскресшего за руку и вручил его рыдающей матери, а сам продолжил свой путь.

Петр: Объясни, что же сотворило чудо, сила святости Гонората или молитва Либертина?

Григорий: В этом чуде вера матери соединилась с силой того и другого святого. И, думаю, Либертин смог сотворить его потому, что больше верил в силу учителя, чем в свою. Поэтому он и положил калигу учителя на грудь умершего, словом, считал, что тем самым он получит исполнение своей молитвы. Вот так и Елисей, носивший милоть учителя, подошел однажды к Иордану и ударил милотью по воде, но она не расступилась. Но стоило ему произнести: «Где Бог Илии?», и снова ударить учителевой милотью по воде, и она расступилась, и открылась дорога посередине (См.: 4 Цар 2, 14 - 15: *Где Господь, Бог Илии — Он Самый?*). Обрати внимание, Петр, какой силой обладает смиренномудрие при совершении чудес? Ведь пророк смог повторить чудо учителя, как только прибег к его помощи и с верой призывал его имя.

Б. Из жития святого Григория Чудотворца

Однажды великий Григорий, как обычно, молился Богу вместе с братией на горе¹, как вдруг услышал многоголосый шум отдаленной битвы. Стоявшие рядом тоже заметили, что он весь захвачен неким видением, переживающее происходящее и напряженно вслушивающееся во что-то. Прошло немало

¹ На этой горе близ Неокесарии нашел убежище святой Григорий вместе с учениками, спасаясь от гонений идолопоклонников. Неокесария – город в Каппадокии (Малая Азия) на берегу Черного моря (нынешняя Абхазия). См. примечание во втором томе на стр. 480 — прим. издателя.

— (— . . .), . . .
(† . 279 .) — из энциклопедии «Древо».

времени, а он все еще продолжал оставаться неподвижным и напряженным. Только после того как видение будто бы благополучно закончилось, к нему вновь вернулось его обычное состояние, и он громко воздал хвалу Богу, радостно воспев Ему победную и благодарственную песнь: *Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их* (Пс 123, 6).

Обступившие его ученики были удивлены этим и хотели узнать, что за картина предстала его взору. И, как рассказывают, он ответил им, что видел сейчас великое падение: сатана был повержен неким юношей по имени Троадий, которого язычники привели к нечестивому архонту, и после долгих пыток он удостоился мученического венца.

Стоявший тут же ученик святого был потрясен рассказом. Прежде он был смотрителем, потом Григорий рукоположил его в диаконы, чтобы юноша помогал при совершении Божественных Таинств. Диакон не дерзал не поверить святому, но считал, что это выше человеческих сил рассказывать о происходящих далеко от города событиях (о которых никто не извещал братию) да еще и так, будто они совершаются рядом. Он попросил учителя разрешить ему самому познакомиться с этими событиями и беспрепятственно отправиться туда, где произошло чудо.

Григорий предупредил, что крайне опасно оказаться среди убийц и что по внушению диавола с ним может произойти много неожиданного и нежелательного. Но диакон с уверенностью сказал, что он уповаает на его молитвенное покровительство.

— Ты вручи меня Богу, — сказал он, — и тогда никакой враг мне не страшен.

Святой отпустил своего ученика, благословив и пожелав ему Божией помощи в дороге. И тот с молитвой отправился в путь, и чтобы ни встречалось ему, он шел, нигде не останавливаясь.

Вечером он был уже в городе и решил дорожную усталость смыть в бане. А в тех местах свирепствовал демон-человекоубийца. Он как раз поселился в этой бане и действовал в темноте, убивая всякого, кто появлялся там. Вот почему после захода солнца вход в нее запирали, и она не работала. Диакон подошел к бане и попросил смотрителя открыть ее, чтобы он мог помыться.

Но тот принялся отговаривать его, что, мол, в такой час никто не осмеливается войти в воду, потому что с наступлением сумерек там хозяйничает демон. И много народа пострадало по неведению. Они надеялись на отдых, а получили горе, слезы и могилу. И многое другое рассказал ему банщик, но диакон не отступал. Он настаивал на своем и всячески уговаривал пустить его. Наконец, банщик, чтобы не отвечать за опрометчивого пришельца, взял с него плату, отдал ключ от двери и поспешил прочь.

Когда диакон разделся и вошел внутрь, демон принялся нагонять на него всевозможные ужасы и страхи. Появились безобразные изрыгающие дым и пламя чудища с человечьими и звериными рожами. Они таращили глаза, с ревом и воем кружились вокруг него, подлетая все ближе и ближе. Диакон осенил себя крестным знамением и, призвав имя Христово, спокойно миновал предбанник.

Но как только он вошел в купальню, появились еще более жуткие страшилицы, демон обернулся ужасным чудищем, все здание задрожало, как от мощного землетрясения, и, казалось, вот-вот рухнет. Крыша трещала, пол под ногами разверзся, и на дне расщелины полыхало пламя, а из воды вырывались искры. Диакон применил то же оружие: крестное знамение и имя Христа и молитвенную помощь учителя — и ужасные страшилицы рассеялись. Юноша искупался и поспешил к выходу. Но демон преградил ему путь к двери и не давал выйти. Но и это препятствие разрушила сила крестного знамения — и дверь открылась. Когда диакону удалось ис-

полнить все, что он задумал, демон закричал человеческим голосом:

— Не думай, что ты своими силами избежал погибели. Это голос твоего заступника спас тебя, вручив Тому, Кто хранит всех.

Итак, как уже упоминалось, случай с диаконом привел в изумление местных жителей, ведь раньше никто из тех, кто в такое время осмеливался войти в воду, не оставался в живых. Диакон рассказал им о том, что с ним случилось, и сам узнал от них о подвигах мучеников, которые пострадали именно так, как было явлено великому Григорию в пустыне. К этим чудесам он прибавил и то, что сам видел и слышал, и что на собственном опыте испытал силу веры святого, и демон это подтвердил.

После этого юноша вернулся обратно к учителю. Он оставил всем христианам, как своим современникам, так и будущим, особый завет¹ — вверять себя Богу через Его священников. И поньне во всех церквях, особенно в тех местах, сохраняются те слова как память о молитвенной помощи Григория этому мужу.

В. Из Отченика

Авва Даниил рассказывал, как однажды авва Арсений позвал его и сказал: «Успокой своего ближнего, чтобы, когда он отойдет ко Господу, молился о тебе, и будет тебе благо».

2. Один брат пришел из Скита к авве Аммуну и сказал:

— Мой духовный отец посыпает меня на послушание, а я боюсь искушения блуда.

— Всякий раз, — посоветовал старец, — когда придет искушение, скажи: «Боже сил, молитвами отца моего избавь меня от искушения».

¹ Речь идет о филактире — хранилище: собств. талисман, амулет, священный текст, который носили с собой. Скорее всего это были какие-то общепринятые молитвы.

И вот однажды, как только девица заперла за ним дверь на ключ, брат закричал громким голосом:

— Боже отца моего, избавь меня от искушения, — и тотчас оказался на дороге в Сkit.

3. У одного старца был помощник из соседней деревни. Но однажды случилось так, что он не пришел в урочное время. У старца уже были на исходе запасы, а тот все не появлялся. А потом они и вовсе кончились, не осталось даже материалов для рукоделия, которым занимался старец в своей келье. И старец опечалился, что у него нет ни работы, ни еды. И тогда он сказал ученику:

— Может, сходишь в деревню?

— Как скажешь, так и сделаю, — ответил тот, хотя он и боялся ходить туда, чтобы не впасть в соблазн. Тут он согласился, дабы не ослушаться духовного отца.

— Иди, и верую Богу отцов моих, что он покроет тебя от всякого искушения, — и с молитвой старец отпустил его.

Брат пришел в деревню, нашел дом помощника и постучался в дверь. Однако хозяина и домочадцев в деревне не было — все они ушли на поминки, и дома осталась только его дочь. Когда брат постучался, она открыла дверь и увидела монаха. Узнав, что ему нужно, она пригласила его в дом и даже потащила его за руку, как он ни упирался. С большим трудом она все же одолела его и уже было притянула к себе. Тут брат понял, что он вот-вот согласится с блудным помыслом. Из глубины его души вырвался стон, и он взмолился:

— Господи, молитвами моего духовного отца спаси меня в час сей!

Как только он произнес эти слова, сразу очутился у реки на дороге, ведущей в гору. Так, не согрешив, он вернулся к своему отцу.

4. Как-то бес ввел в искушение Авраама, ученика аввы Сисоя. Старец, увидев, что ученик пал, встал, воздел руки к небу и взмолился: «Боже Спасителю наш, не хотящий смерти греш-

ника, но да обратится и жив будет, исцели и раба твоего Авраама и освободи его от искушения бесовского». И Авраам тотчас получил исцеление.

5. Кто-то из старцев послал своего ученика на колодец за водой. Колодец был далеко. Ученик пошел, а веревку забыл. И вспомнил о ней лишь, когда подошел к колодцу. Тогда он взмолился Богу и, о чудо! вода поднялась до краев колодца. Брат наполнил кувшин, и вода опустилась на прежнее место.

Г. Из аввы Варсонофия

Брат спросил старца:

— Если я получил от святых отцов заповедь и мне придется пойти по какому-нибудь нужному и благочестивому делу дорогой, где водятся разбойники, как мне, отче, идти — прямо и не раздумывая, уповая только на заповедь, или иначе? А если меня вдруг схватят разбойники, то какой помысел должен быть у меня о себе самом и своем положении? И если я забыл заранее предупредить авву о разбойниках, нужно ли мне вернуться назад и сказать об этом?

Старец ответил:

— Если кто-нибудь из святых дал нам заповедь, то мы должны быть твердо уверены в том, что получили помощь Божию. Даже в миру, если кто-нибудь отдаст свой дом какому-нибудь влиятельному человеку, тот непременно будет беречь жилище из уважения к дарителю. Сколь более совершенны у Бога заповеди святых, которые они вверили Ему. В Писании говорится о Боге: *Желание боящихся Его Он исполняет, воль их слышит и спасает их* (Пс 144,19).

Вот почему всегда в любом деле должно считать заповедь святых совершенной, полезной и спасительной для души. И не стоит впадать в уныние, если, получив заповедь, мы столкнемся в нашем деле с осложнениями и скорбями или попущением Божиим впадем по дороге в искушение, то не отнесемся к этому пренебрежительно и не станем думать, что наши

покровители бессильны. Не следует и соблазняться, что вот они, дескать, за нас ручаются, а наше дело не вышло и нам достались раны и побои. Будем помнить и о том, что божественному Апостолу, хотя он был могучим и совершенным в своей святости, тоже пришлось претерпеть немало скорбей и пройти через множество злостраданий. Но он этим только гордился: Сколько опасностей я претерпел, и *от всех избавил меня Господь* (2 Тим 3, 11). И еще: *Многи скорби праведным, и от всех их свободит я Господь* (Пс 33, 20). И еще: *Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян 14, 22). И потом говорится, что муж неискушенный неопытен и неискусен¹. Будем помнить, что ни одно доброе дело не обходится без скорби, потому что ему противится зависть дьявола.

Когда же нам удастся выполнить все без скорби, то не следует превозноситься и думать, будто мы по своим достоинствам избавлены от скорбей. Напротив, будем думать, что Бог, зная нашу немощь и бессилие перенести скорбь, по заповеди святых мужей защитил нас от нее. Ибо о терпящих скорби и искушения в Писании сказано: *Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан...* и так далее (Иак 1,12).

Но даже если за тебя молятся святые, будь сам осторожен и внимателен на своем пути. И потому, если в дороге услышишь или узнаешь о подстерегающих тебя опасностях, береги себя и всеми силами постараися избежать беды. Но молись Богу и вспоминай заповеди святых и постараися либо вместе с кем-нибудь другим преодолеть опасный путь, либо расспросить, как безопаснее пройти по этой дороге или лучше по другой. А если ты идешь по благочестивому делу или, как ты говоришь, к святым отцам и услышишь о разбойниках или других опасностях в пути, то не полагайся только на то, что у

¹ Ср.: Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получает венец жизни, который обещал Господь любящим Его (Иак 1,12).

тебя благая цель. Нельзя отправляться по этой дороге, не предприняв мер безопасности. Лучше поостеречься, чтобы тем самым избежать легкомысленного пренебрежения опасностью. Не стоит ввергать себя в искушение по своей воле, но с благодарностью терпеть то, что попускает нам Бог. Ведь известно, что некоторые святые собирались навестить других отцов в отдаленной пустыне, но, услышав о разбойниках и опасностях, они отложили свое путешествие. Это пример смирения для нас.

Если ты заранее знаешь или слышал, что дорога чревата опасностями, спроси авву, как, по его разумению, нужно поступить. Как скажет, так и делай. А если забудешь спросить и, получив послушание, отправишься в путь и только по дороге вспомнишь, что не посоветовался с ним, не нужно возвращаться назад. Ты лучше помолись Богу и скажи так:

— Владыко, прости мне мое нерадение. Ради заповеди Твоего святого и по благости милосердия Твоего управь меня по Твоей воле и спаси меня и сохрани от всякого зла и лукавства.

Д. Из Патерика

Ученика великого старца одолела блудная страсть. Он ушел в мир и решил жениться. Его старец был огорчен и взмолился Богу: «Господи Иисусе Христе, не попусти рабу твоему оскверниться». И только брат лег с женой, как отдал Богу душу, не оскверненный.

2. Один старец жил в пещере на Фиваиде. У него был опытный ученик. Каждый вечер старец по своему обыкновению давал ему какой-нибудь полезный совет, а после назидания совершал над ним молитву и отпускал спать. Однажды случилось так, что несколько благочестивых мирян, знающих о великом подвиге старца, пришли к нему с гостинцами. После их ухода старец вечером снова стал в келье давать наставления ученику и во время беседы заснул. А брат ждал, когда он проснется и прочтет над ним молитву.

Он ждал довольно долго, но старец все не просыпался. Хотя помысел терзал юношу, он не уходил. Семь раз помысел нападал на ученика, но тот стойко держался и не ушел. Старец проснулся лишь глубокой ночью. Увидев, что ученик все еще сидит рядом, он спросил:

— Как, ты до сих пор не ушел?

— Нет, — ответил ученик, — ты же меня не отпустил, авва.

— А почему ты меня не разбудил? — спросил старец.

— Я не осмелился тебя будить, чтобы не нарушить твой сон, — был ответ.

Они встали и начали совершать утреню. После службы старец с молитвой отпустил брата и остался в келье. И тут он пришел в исступление и увидел некоего человека, который показывает ему какое-то необычайно светлое место и посреди него ослепительно сверкающий престол, а на престоле семь венцов. Старец спросил:

— Кому эти венцы?

Тот ответил:

— Твоему ученику. Это место и престол Бог даровал ему за послушание тебе. Семь венцов он получил этой ночью.

Очнувшись, старец позвал брата и спросил:

— Скажи мне, что ты делал сегодня ночью?

— Прости меня, авва, — ответил он, — ничего я не делал.

Старец решил, что он не хочет признаваться по смиреннию, и сказал:

— Я не отпущу тебя, пока не сознаешься, что ты делал или о чем думал ночью.

Но брат помнил, что он ничего такого не делал, и ничего не мог ответить и только сказал:

— Авва, я ничего не делал. Только семь раз мне не давали покоя помыслы, чтобы я ушел без отпустительной молитвы, но я не ушел.

Когда старец это услышал, то понял: сколько раз ученик отражал помыслы, столько венцов он и получил от Бога. Но

юноше он ничего не сказал. Однако в назидание рассказал об этом только духоносным мужам, дабы все поняли: даже за малые труды Бог дает сверкающие венцы, дабы мы научились ревностно просить благословения у отцов и не дерзали ничего делать, ни даже уходить от них без благословения и без заповеди.

Е. Из святого Ефрема

Всей крепостью своей почитай своего отца и не пренебрегай исполнением заповедей того, кто родил тебя о Господе. Только поэтому духи злобы ничего не смогли поделать с тобой. В Писании сказано: *Почитающий отца будет иметь радость от детей своих и в день молитвы своей будет услышан. Уважающий отца будет долгоденствовать — и в день кончины своей обретет радость... Делом и словом почитай отца твоего.., чтобы пришло на тебя благословение от него... Не ищи славы в бесчестии отца твоего, ибо не слава тебе бесчестие отца.* Слава человека — от чести отца его (Сир 3, 3-11).

Если живешь у великого старца, не только говори о его добродетелях, но и подражай его жизни. Ведь это полезно тебе: ты не только на словах, но и на деле покажешь свое духовное родство с ним.

*О том, что не следует
с легкостью бросать свое
место или уходить из монаст-
ыря, где ты обещал Богу
остаться до конца жизни, и
что отцы даже не покидали
свою келью и получали от
этого великую пользу*

40

А. Из Палладия

Нафанаил, так звали отшельника на горе Нитре, не остался бы в своей келье, если бы не его превеликое терпение, потому что бесы своими кознями с самого начала отравляли ему жизнь. Но он дал себе зарок, что не уйдет оттуда.

Однажды утром, когда Нафанаил сидел в своей келье, все же это ему надоело, и он ушел оттуда, построил себе келейку поближе к селению и стал жить в ней. А через три-четыре месяца, как-то ночью вдруг с улицы послышался грохот, будто кто-то бил в барабан из бычьей кожи, как обычно бывает перед казнью. Это оказался с виду солдат — не солдат, одет в лохмотья и колотил он в барабан, не переставая.

— Кто ты такой, что пришел ночью к чужому дому и поднял такой шум? — возмутился блаженный Нафанаил.

— Я тот, кто выгнал тебя из первой кельи, — был ответ, — а теперь пришел, чтобы выгнать тебя и отсюда.

Блаженный понял, что стал посмешищем беса, и тотчас вернулся в прежнюю келью. В ней он провел тридцать семь

лет, не выходил даже за порог — наперекор бесу. А нечистый какие только ужасы ни нагонял на него, чтобы заставить его уйти из кельи, — всего не рассказать! Но блаженный выстоял до конца и в этой же келье почил.

2. Как-то Макария Великого из Александрии начали беспокоить тщеславные помыслы, понуждая его оставить келью и внушая ему пойти в Рим якобы для спасения и оказания благоденствий другим: исцеления болящих, поскольку Божия благодать в нем безотказно действовала на злых духов. Помыслы долго терзали его, но он не поддался им. Тогда они приступили к нему и стали силой гнать его вон. Святой лег на порог своей кельи, вытянул ноги на улицу и сказал бесам тщеславия:

— Тащите меня, демоны, если можете. Сам я отсюда никуда не уйду. Если вы сможете меня отнести, куда говорите, несите. А я, клянусь, буду лежать так до вечера, и если не сдвинете меня, не послушаюсь вас.

Так лежал он неподвижно, потом, наконец, встал, когда уже был глубокий вечер.

С наступлением ночи помыслы опять начали досаждать ему. Святой встал, взял корзину на два модия¹, наполнил ее песком и, взвалив на плечо, пошел бродить по пустыне. Тут ему встретился смотритель² антиохиец Феосевий и спросил:

— Что несешь, авва? Давай помогу, не мучай себя так.

— Мучаю мучающего меня, — ответил Макарий. — Сам трудиться не хочет, и меня тянет вон из кельи.

Он еще долго ходил по пустыне и, изнутив тело, вернулся к себе.

3. Однажды, впав в крайнее нерадение, я пришел к святому Марку и спросил:

¹ Модий — римская мера объема и веса, примерно 8-9 кг.

² Кооптэр, греч. — здесь: управляющий, смотритель, отвечающий за хозяйствственные работы в монастыре и за уборку и украшение храма.

— Авва Марк, что мне делать? Меня одолевают помыслы. Они внушают: «Ты ничего тут не делаешь, поэтому уходи отсюда».

Святейший Марк посоветовал:

— А ты в ответ скажи этим помыслам, что тут я ради Христа стены сторожу.

Б. Из жития святого Евфимия

В Лавре святого Евфимия два монаха Марон и Климатий, не выдержав суровой жизни и постов, сговорились тайно под покровом ночи бежать. Они все обдумали и обо всем договорились между собой, уверенные, что об этом никто больше не узнает. Но Тот, Кто *открывает тайна* Своим рабам, сказал устами Исаии: *Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны — светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом* (Ис 60, 19). И Господь (тайное) сделал явным Своему служителю следующим образом.

В это время великий и дивный Евфимий пребывал в уединении и увидел перед собой Марона и Климатия, на которых лукавый набросил узду и на глазах святого потащил в западню. Евфимий догадался о вражеских кознях и послал за братьями. Он их увещевал, вразумлял, просил, наставлял, доказывал, много говорил о терпении, о том, что во всем нужно быть осторожным и предусмотрительным. Святой привел пример Адама и Иова. Адам, будучи в раю, отверг заповедь, а Иов и на гноище явил всякую добродетель. Сказал он и о том, что монах не должен принимать никаких помыслов от лукавого, будь то печаль, ненависть, лень или что-нибудь иное. Монаху нужно не только не уступать бесовскому воздействию, но даже не приобщаться его духу. Более того ему следует изо всех сил противиться и отбивать (вражеские) нападения. Иначе лукавый хитростью собьет нас с ног и повалит на землю, как жалкое бездушное бревно.

Если кто не может стяжать добродетели здесь, — продолжал святой, — пусть не думает, что ему легче будет достичь ее в дру-

том месте. Ибо доброделание зависит не от места, но от нашего произволения. Думать по-другому — гибель для монахов: это лишает их силы и отнимает плоды добродетели. Ведь даже растение, если его все время пересаживать, не принесет плода. Для вящей убедительности своих слов Евфимий привел жития некоторых египетских старцев.

«В египетской киновии,— рассказал он, — жил один брат. Он постоянно выходил из себя, злился, раздражался, и уста его источали гневные и ядовитые слова. Все же он пришел к раскаянию: ведь от того, что он так легко впадает в гнев и раздражительность, вредит сам себе. И если ему удается обрести какую-нибудь добродетель, то он тут же теряет ее. Поэтому брат решил уйти из общежительного монастыря и жить один в тишине и спокойствии. Он думал, что, если кругом не окажется никого, то не на кого будет и гневаться, и эта ужасная и так легко вспыхивающая страсть угаснет, и он до конца своих дней станет наслаждаться миром и тишиной.

Поразмыслив так, — продолжал Евфимий, — он ушел из киновии и стал жить в уединении. И вот как-то ему понадобилось налить чашку воды и ненадолго поставить ее на землю, но по действию диавола она опрокинулась, да не раз, не два, а произошло это и в третий раз. Тут беднягу обуяла ярость. Он грохнул чашку о землю и разбил ее вдребезги. Это позабавило врага, и тот разразился безудержным глумливым хохотом».

Климатий тоже рассмеялся, настолько развеселил его душу забавный рассказ. Божественный же Евфимий взглянул на него и спросил:

— Что, брат, и тебя соблазнил лукавый демон, что ты так громко и бесстыдно хохочешь? Плакать надо и стенать, чтобы удостоиться утешения свыше. Разве не правду говорил Тот, Кто будет судить нас: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф 5, 4), и несчастны те, кто сейчас смеется и не вникает себе. А для монаха позор говорить слишком много и выражать свои чувства по поводу чего бы то ни было, особенно если он

это делает с дерзостью. Отцы называют дерзость матерью всех страстей».

Так святой укорил Климатия и ушел во внутреннюю келью. Климатия же постигла кара: ноги у него подкосились, он упал ничком на землю, корчась в судорогах и весь дрожал.

Дометиан¹ увидел, что Климатий лежит на земле. В Евфимии его восхищало удивительное сочетание суворости и кротости. В то же время ему стало жалко и страдающего брата. Поэтому он взял с собой некоторых отцов и вместе с Мароном пошел к Евфимию, чтобы попросить за страдальца. Святой и сам был человеком сердобольным и к тому не мог отказать просьбе отцов. Вместе с ними он вернулся к лежавшему на земле Климатию и осенил несчастного крестным знамением — и дрожь остановилась, судороги прекратились, и несчастный полностью исцелился. Тогда святой сказал ему:

— Внимай себе и не пренебрегай наставлениями отцов и их заветами. Превратись весь в око, как мы читали о херувимах, и постоянно следи за собой, потому что ты все время ходишь среди вражеских сетей.

Так святой дал наставление и проучил Климатия да и других предостерег на его примере, а затем отпустил его.

В. Из жития святой Синклитикии

Блаженная Синклитикия говорила: «Если живешь в киноции, то не менять места, иначе получишь большой вред. Если птица слетает с яиц, они становятся болтнями и бесплодными. Так же монахиня или монах: если переходит с места на место, то охладевает и умирает для веры».

Г. Из жития преподобной Феодоры

В монастыре, где святая Феодора подвизалась, переодевшись мужчиной, кончался хлеб. Настоятель велел блаженной

¹ Один из учеников святого Евфимия, впоследствии эконом Лавры.

взять верблюдов, поехать в город и купить хлеба. Если же она не успеет вернуться до вечера, то он разрешил ей переночевать в Энатоне¹, поскольку для отдыха верблюдов там есть стойло.

Когда Феодора возвращалась обратно из Александрии, то увидела, что солнце уже клонится к закату, и поспешила, как ей было заповедано, в Энатон, загнала в стойло верблюдов, и сама легла рядом с ними.

Между тем лукавый распалил похоть в девице, родственнице какого-то монаха, которая оказалась в монастыре. По внешнему виду она приняла блаженную за мужчину и, отбросив всякий стыд, честь и совесть, предложила Феодоре спать вместе с ней, но святая сделала вид, будто не слышит, и предпочла остаться на земле рядом с верблюдами. Девица же, больше не в силах сдерживать свою страсть, отдалась кому-то из постояльцев, спавшему там же и мимоходом заглянувшему в монастырь на ночлег.

Совершив грех, утром девица покинула монастырь, а Феодора возвратилась к себе. Прошло некоторое время, и живот у девицы начал расти. Поэтому родственники стали расспрашивать ее, и она ответила им, что ее соблазнил монах Феодор из Октодекатонского монастыря². (Энатонские) монахи сразу поверили ей. Потому что враг, готовя козни против блаженной, внушил девице, что ей говорить, а монахам — поверить этому.

Они пришли к обители, где совершала подвиг святая, и подняли шум и гам.

— Ваш Федор, — кричали они, — называет себя монахом, а сам сотворил такую гнусность и не боится!

Преподобную позвали к игумену, и тот спросил:

¹ Энатон — букв. девятый. Один из крупнейших монастырей в окрестностях Александрии, расположен на девятой мили от города.

² Монастырь св. Феодоры назывался Октодекатон (Октодекатон — букв. Восемнадцатый), или Октодекатонский, потому что находился на восемнадцатой мили от Александрии.

— Ты сделал эту гнусность?

— В этом деле никакой вины моей нет, — ответила она.

Энатонским монахам пришлось уйти ни с чем. А когда родился ребенок, они взяли его и подкинули в монастырь, где жила Феодора.

И что же было дальше? Все поверили, что Феодора — отец ребенка. А раз она молчала, то ее осудили и вместе с младенцем прогнали из монастыря. Пришлось ей стать кормилицей и заботиться о младенце, как матери. Она поила его овечьим молоком, сама вязала ему одежду из шерсти, которую выпрашивала у пастухов. Найдется ли еще такая душа, которая могла бы вытерпеть такую подлую клевету? Найдутся ли еще руки, которые могли бы вынести такие тяжелейшие обязанности?

В таких страданиях это женское существо провело семь лет. О, всевидящие очи Божии! Оклеветанная диавольской напраслиной, изгнанная из монастыря, она решила взять на себя (чужой) грех и более того этим позором добровольно покрыла свою голову. Вместе со всеми этими мытарствами ей приходилось еще и соблюдать пост, ведь пищей ей служило лишь то, что можно было найти среди дикой растительности, воду она набирала из озера, чем попало, часто обливаясь слезами, которые постоянно текли из ее глаз. На ней исполнились слова псалма: *и питье мое растворяю слезами* (Пс 101,10).

Феодора изнуряла свое тело и совсем не заботилась о нем. Ногти у нее стали длиннее, чем у диких зверей; грязные волосы спутались, подобно непроходимым зарослям; лицо от солнца почернело, как у эфиопки; глаза ввалились от постоянного напряжения и вынужденных бдений. Несмотря на то, что прошло столько времени, и святая страдала не только от холодных ветров, но и от (вражеских) козней, она не оставила монастырь и неподалеку от ворот соорудила себе лачугку. По слову пророка, *желаю лучше быть у порога в доме Божием* (Пс 83, 11). И что бы ей ни говорили и каким бы искушениям она ни подвергалась, ничто и никто не мог ее переубедить!

Однажды диавол явился Феодоре в образе ее мужа и принялся вкрадчивым голосом уговаривать блаженную вернуться домой. Но она сотворила крестное знамение, помолилась, и призрак исчез. В следующий раз он наслал на нее всех хищных зверей пустыни, готовых растерзать ее, но она помолилась, и видение растаяло, как дым.

Потом он явил толпу мужчин, которые избили ее до полусмерти, и после таких побоев ей пришлось долго отлеживаться. А то вдруг показал всевозможные яства и горы золота, но ничто не сломило ее стойкости. (В конце концов), тот, кто хвалился, что может уничтожить небо и землю, понял, что победить ее невозможно, и отказался от войны с ней.

И вот по истечении семи лет монахи Энатонской Лавры попросили игумена Октодекатонского монастыря принять Феодору обратно в обитель и вернуть ей монашеское звание. Они сказали, что достаточно семи лет наказания, которые она провела у ворот. Кроме того, сказали они, им было видение, что грех Феодору уже прощен. Игумен согласился с их просьбой. Он снял с нее несправедливое наказание, поселил в самой отдаленной келье монастыря, но запретил общаться с ней и привлекать к каким-либо послушаниям.

Прошло еще два года. Феодора подвизалась в еще большем воздержании и непрестанной молитве. И тут случилась засуха. Во всех водоемах и колодцах не осталось ни капли воды. А игумен из того, что слышал и сам видел, уже знал, что блаженная Феодора удостоилась дара целительства. Он позвал ее и велел опустить в колодец кувшин и набрать воды. Святая, привыкшая беспрекословно слушаться своего авву, не рассуждая и не мешкая сделала, что ей было сказано, и принесла полный кувшин воды. И тут все увидели, что и остальные колодцы наполнились водой.

Прошло еще несколько дней. Однажды вечером святая взяла мальчика к себе и всю ночь напролет наставляла его в христианских добродетелях. После наставлений она с радостью

предала свой дух в руки Божии. Ребенок тут же разразился громким плачем. Его рыдания наполнили келью. Их услышали соседи и, поняв, что произошло, сказали игумену. Узнав о кончине Феодора, тот рассказал монахам про сон, который он видел.

«Мне снилось, — начал он, — будто ко мне пришли два мужа, взяли меня и вознесли вверх — на высоту несказанную. Я увидел перед собой ангельский лик, и слух мой поразил голос:

— Смотри, какие блага уготованы Феодоре, Моей невесте.

Тут я увидел ложе, охраняемое ангелом, и брачный чертог, неописуемой красоты. Мне очень хотелось узнать, чей этот брачный чертог и для кого он подготовлен. Я спросил об этом своих спутников и тут же увидел сонм пророков, апостолов, мучеников, а за ними всех праведников. Среди них была жена, украшенная божественной славой. Она вошла в брачный чертог и села на ложе.

— Это авва Феодор, — сказали мне спутники, — тот, кого обвинили в прелюбодеянии и кому пришлось семь лет терпеть изгнание из монастыря. Его считали отцом чужого ребенка. Он взял на себя заботу о нем, вскормил его и воспитал, вместе того, чтобы открыть свое естество и тем самым избавиться от стыда и скорби. За это он и удостоен той славы, которую ты видишь.

На этом сон закончился, я проснулся и стал оплакивать попущенные нам грехи».

После этих слов игумен вместе с монахами тотчас же пошел к преподобной. Они вошли в ее келью и увидели мертвую ту, которая отныне стала вечно живой. Они стали вокруг ложа и оплакали святую. Настоятель позвал монахов из Энатонского монастыря, показал им некоторые части тела святой и сказал:

— Посмотрите на это невиданное чудо! Женская природа! И так обманула князя тьмы.

Все были поражены увиденным. И они тут же задумались, какие великие подвиги, оказывается, требуются тем, кто пора-

бощен телесными страстями, и тотчас же монахов охватил великий страх. А за страхом последовал плач. Вечером после плача они псалмами и песнопениями отпели многострадальное и святое тело и предали его земле.

Д. Из Патерика

Старец сказал: «Если ты сидишь в одном месте и стараешься делать хорошее, но не получается, не думай, что у тебя получится в другом».

2. Амма Феодора говорила: «Жил один монах, и у него было так много искушений, что он решил: «Уйду отсюда». Не успел он надеть сандалии, как увидел другого человека, который тоже надевает сандалии и спрашивает монаха: «Не из-за меня ли ты уходишь? Но я пойду впереди тебя, куда бы ты ни пошел».

То был бес, который искушал его.

Е. Из святого Ефрема

Хотел бы напомнить вам, братья, о тех, кто берутся за непосильные подвиги, а потом оказываются в страшной беде. Эти люди не слышат то, что говорится в Писании: *Не думайте о себе более, нежели должно думать, но думайте скромно* (Рим 12, 3). И в другом месте: *Не будь слишком строг и не выставляй себя слишком мудрым; зачем тебе губить себя?* (Еккл 7,16).

Уже в наши дни случилось так, что несколько братьев остались свои кельи и отправились *в землю пустую и необитающую, в землю сухую* (Ср.: Иер 2, 6). Многие отцы и братья уверевали их и отговаривали, но они сказали:

— Мы будем жить, как воски¹. Когда же эти упрямцы оказались в иссушенной пустыне, в диком глухом kraю, где ничто

¹ Воски (греч. βοσκοί) — так в древнем монашестве назывались самые суровые подвижники: они жили под открытым небом в пустыне, ели растительную пищу, а некоторые не носили одежду.

не радовало глаз, то совсем пали духом. Они повернули назад, в монастырь, но им не хватило сил дойти. От голода, жажды и зноя они, обессиленные, свалились на землю и уже проща-лись с жизнью. Но Божиим промыслом некоторых из них, бывших уже при смерти, подобрали скотоводы, шедшие через пустыню. Они погрузили братьев на своих выночных живот-ных и доставили в монастырь, и там их потом пришлось еще долго выхаживать. Так на собственном опыте бедняги поняли, что значить поступать по собственной воле. Те же братья, ко-го не нашли, так и остались лежать в пустыне, и тела их рас-терзали дикие звери и птицы.

Немало и других, доверившихся своим самонадеянным помыслам, подвергли себя ужасным испытаниям, переселив-шись *в землю безводную и бесплодную* (Иер 2, 6). Одни из них ушли из монастырей из-за того, что никому не хотели подчи-няться и служить братии, и попали в ту же беду; другие не по-желали добывать пропитание трудом своих рук; третьи по дерзости своих помыслов и будто бы из любви к безмолвию и суровым добродетелям, переоценили свои силы. А иных го-нит тщеславие: они жаждут похвалы от людей за то, что они решили стать отшельниками, и совсем не думают о труднос-тях, которыми обернется эта похвала. Все эти люди попали в несчастное и бедственное положение, ибо доверились собст-венным помыслам.

Итак, возлюбленные, не следует безрассудно идти на пово-ду у собственной воли, но лучше смиряться перед ближним в любви о Господе. И каждый должен знать свою меру. Но может быть, кто-нибудь возразит: «А как же некоторые отцы соблю-ли эту добродетель?». Тогда он пусть подумает о том, что отцы ничего не делали без рассуждения и как попало, и поступает так же благоразумно.

2. В одном рассказе авва Макарий говорит сам о себе так: «Когда я жил в келье в Скиту, меня беспокоили помыслы, внушая:

— Иди в пустыню и постигни то, что увидишь там.

Пять лет я сопротивлялся этому помыслу, опасаясь, не от демонов ли он».

Видишь, как рассудителен преподобный муж? Разве поддался он соблазну сразу? Разве принял помысел? Нет! Он остался на месте, чтобы исследовать его в посте, бдениях и молитвах, не от беса ли он. Мы же, не успеет помысел появиться, как нас уже не удержать. Мы теряем всякое благоразумие и не только не стараемся внимательно и с молитвой исследовать его, но даже не хотим слушать тех, кто пытается нас предостеречь. Вот почему мы так легко попадаем в плен к врагу.

«После этого, — продолжал Макарий, — поскольку помысел не прекращался, я пошел в пустыню. Там нашел озеро и посреди него остров. К озеру пришли на водопой звери из пустыни, и среди них я увидел двух нагих людей. Мы разговорились, и я спросил у них:

— Как я могу стать монахом?

— Если, — ответили они, — не отречься от всего мирского, то не возможно стать монахом.

— Я слаб и не могу жить, как вы.

— Если не можешь, как мы, сиди в келье и оплакивай свои грехи».

О, смижение божественного мужа! О, благоразумие добродетельной души! При всех своих столь многочисленных и столь великих подвигах он не считал себя достойным отшельничества! Мы же, ничтожные и никчемные, по своей дерзости и безрассудству беремся за дела, для нас совершенно не подъемные. И даже не страшимся того, что тем самым искушаем Господа Бога. Горе человеку, который надеется на собственные силы, свои подвиги и дарования, а не на Бога, ибо только у Него власть и держава.

3. Если мы обратимся к житию аввы Антония, то обнаружим, что он все делал по божественному откровению. А разве он не был в монастыре? Разве не носил одежды? Не ел хлеб?

Не трудился своими руками? Разве не имел учеников, которые после смерти облачили и погребли его? И все отцы, за исключением немногих, жили так же. Так давайте же подражать их жизни и идти средним, царским путем, не уклоняясь ни вправо, ни влево!

4. Итак, каждый должен со смиренномудрием и терпением завершать дело, которое он взялся довести до конца. Если же он не постоянен в своих правилах и в мыслях скакет с места на место и с одного дела на другое, то от него зрелых плодов не жди, если он вообще когда-нибудь окажется плодотворным. Даже лукавый нападает на всех по-разному. Но (сначала) он тщательно исследует свой искус, с помощью которого ему легче бороться с человеком и, лишь убедившись в его надежности, внушает проверенный помысел человеку, как якобы закон для самой совершенной жизни. Живущему в монастыре он расписывает жизнь в пустыне (ведь она тут же, кругом) и толкает его на поиски суровой жизни и подвигов. А пустынно-жителю враг внушает бежать из нее, потому что она такая сухая, тоскливая и безжалостная к слабым. Этот помысел он беспрерывно вселяет отшельнику. И тот бросается воздвигать какую-нибудь башню, а наскучит, он говорит: «Лучше уж соорудить портик». Поработав немного, говорит: «Нет, лучше построить келью». Он доводит дело до середины — и оно ему надоедает. И он бросает его на полдороге. Вот так и надрывается бедолага впустую и без всякой пользы. Поэтому монах, если не останется на одном месте и не будет хранить духовное рассуждение, не сможет стяжать совершенного плода.

5. Насельникам киновии враг внушает и другие мысли. Он нашептывает каждому: «Что особенного ты тут делаешь, чего бы ты не делал в миру? Ты и там тоже бы работал и ел, как бессловесная скотина. Но работать и есть, что же в этом благочестивого? К тому же от пищи здесь в тебе разгорается блудная борьба, а если не будешь есть, то не выдержишь монастырских трудов. Поэтому лучше иди в пустыню и спасешься. Гос-

подня земля и исполнение ея (Пс 23,1). Возьми с собой только небольшой железный нож, чтобы срезать растения и питаться ими. Так делали древние монахи и угодили Богу. И какая польза тебе сидеть тут? Одни соблазны да осуждения и все прочее, о чем и говорить не следует.

Уйдешь отсюда, и все это останется позади. Не хочешь в пустыню — иди в другое место, где нет соблазнов. А таких мест тут предостаточно. Да и Господь никогда никого нигде не оставлял и тебя не оставит — ты же стремишься к благу. Там ты и ремеслу научишься, будешь больше зарабатывать и от своих трудов еще и подавать нищим».

Вот такие помыслы лукавый постоянно внушиает брату под любым благовидным предлогом, пока тому не покажется, что ему нужны еще большие подвиги и пока не примет эти нашептывания. Тогда он покидает свою киновию, лишая себя ее покрова и защиты, и, как овца, отбившаяся от стада, становится легкой добычей волка. Если он уйдет в самую глубь пустыни, то сначала станет страдать от голода. А потом демоны начнут еще сильнее мучить его и пугать, насылая всякие ужасы на него.

Вот тогда брат начнет жалеть и говорить самому себе:

— Как хорошо было с братьями. Какой бес попутал меня уйти в такую жуткую пустыню, где столько лютого зверья? А что мне делать, несчастному, если я попадусь в руки варваров? Или меня схватят разбойники? Или встречусь с хищным зверем? Ведь в глуши всегда множество демонов: и чем глупше место, тем их больше. И как мне жить одному в пустыне, где столько всякой нечисти, тем более я привык, когда вокруг меня много братьев? И, по правде сказать, если в пустыне жить одному и не трезвиться, то легко сойти с ума, как со многими и случилось. Какое же тут может быть благочестие, если я умру в пустыне лютоей смертью?

Когда брата начнут одолевать подобные мысли и если он и в самом деле благоразумен, то вернется к себе в монастырь.

Монах отвергнет всякий стыд, внушаемый демонами, что, если ты, мол, вернешься к братьям, они сочтут тебя неопытным и нетерпеливым, да еще и трусом, бежавшим с поля боя. Но брат не станет их слушать и тут же ответит:

— Неправда, лукавые черти! Наоборот, они скорее примут меня как искушенного воина, который исполнил слова апостола: *Все испытывайте, хорошего держитесь* (1 Фес 5, 21). Я испытал и то и другое и нашел, что лучше и веселей жить братьям вместе, как написано: *Брат от брата помогаем, яко град тверд и высок* (Притч 18,19). А настоятель и братья с радостью примут возвращенца, по слову апостола: *Поддерживайте слабых* (1 Фес 5, 14).

А если несчастному станет стыдно и он не вернется в свою киновию, то, может быть, и уйдет в мир, наслушавшись бесовских нашептываний: мол, и там спасешься, если будешь бояться Бога, и неужели ты думаешь, что спасаются только пустынножители? Так враг станет внушать ему, что он *как пес возвращается на блевотину свою* (Притч 26,11).

Вот что случается с тем, кто оставляет киновию. А если он придет в пустыню, устроится в келье поближе к старцам, те примут его ради Господа и дадут ему все необходимое. Обосновавшись в келье, он подумает: «А теперь надо трудиться и зарабатывать себе на пропитание».

И тут он начинает утопать в хлопотах, как и всякий отшельник. Как привыкшему к одиночеству тяжело в общежительной обители, так и насельнику киновии жизнь отшельника кажется тяжелой и невыносимой: искушения и заботы одолевают его, и он начинает раскаиваться.

— Вот, — думает он, — тут я весь погряз в хлопотах, не могу выкроить время даже на малое правило. Вечно мне приходится то отбиваться от всяких помыслов, то воевать с хозяйственными заботами. А когда я жил в киновии, у меня не было столько хлопот, только правило да легкое рукоделие — вот и все мои заботы. Что же мне теперь делать, несчастному? Все

это мне по моим грехам. Если бы я послушался совета своего отца, то у меня не было бы таких скорбей, как сейчас. Вот уж верно, нет ничего гибельнее ослушания: именно из-за него и Адама изгнали из Рая, а меня — из моей киновии.

Если брат раскается в этом, то либо снова вернется в свой монастырь, либо уйдет в мир и там погибнет.

По возвращении в киновию братия, конечно, примет свою заблудшую овцу, но беднягу начнет терзать помысел из-за сорблазнов и осуждений. Тогда пусть он скажет себе:

— Положи, Господи, охрану устам моим (Пс 140, 3) и отврати очи мои, чтобы не видеть суеты (Пс 118, 37). Тем самым он победит и то, и другое: осуждение — молчанием, а сорблазны — хранением очей. Но если мы не одолеем это, то, куда бы ни пошли, повсюду будем носить в себе то, что воюет против нас.

6. Когда лукавый хочет похитить другого брата из монастыря, то внушиает ему иной помысел:

— Все братья знают тебя как ленивого и нерадивого, поэтому оставаться тебе тут не стоит. Даже если ты и начнешь стремиться к добродетели, люди, среди которых живешь, останутся такими же: они видели, каким ты был в самом начале. Лучше пойди в другое место, где тебя не знают, и начни все сначала — так ты и Богу угодишь, и людям.

Теперь послушай меня, возлюбленный. Как же ты можешь из-за людских поношений бежать от отца и братии, перед которыми давал обеты Богу? Отчего бы тебе не вспомнить слова пророка, который сказал: *Поношение чаяше душа моя и страсть, яко тебе ради претерпех поношение, покры срамота лицо мое* (Пс 68, 21 и 8). Почему же ты не хочешь с радостью терпеть бесчестие и унижение? *Блаженны вы*, — говорит Господь, — когда будут поносить вас и гнать и так далее (Мф 5,11). А как поношение благотворно для очищения от грехов! Послушай слова пророка: *Господь вспомнил нас в унижении нашем..., и избавил нас от врагов наших* (Пс 135, 23-24).

Иными словами, делай добро и скоро увидишь, что Господь исправит и мнение твоих братьев о тебе. Так что оставайся там, где враг воюет с тобой, стой там и не прекращай борьбы с ним, чтобы те, кто знали твои недостатки, теперь увидели твои достижения, и ты удостоился великой славы от Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: *Будут первые последними и последние первыми* (Мф 19, 30). Ведь и запачканную одежду, когда ее постирают, не бросают в грязное белье. А если кто по злобе или лукавой зависти назовет чистое грязным, тому все равно не поверят — сама одежда обличит его. *Омой меня и буду белее снега* (Пс 50, 9).

7. Престарелому монаху в обители враг часто нашептывает предательскую мысль:

— Смотри, ты столько лет работал Христу в монастыре, а теперь состарился и уже больше не в силах выполнять общежительный устав. У тебя уже не осталось сил делать что-либо. Плотью ты совсем одряхлел, и скоро тебя начнут презирать и стар и млад. А старику нужен покой. Поэтому оставь киновию, подбери место и отшельничай, а Бог пошлет тебе пропитание, либо через милостыню, либо иным способом. Какая тебе нужда из-за куска хлеба мучиться и терпеть унижения! И чего тут такого ты ешь, чтобы ради этого каждый день мучиться, будто ты негодный раб, и подчиняться тем, кто тебя моложе?

Вот такие и подобные этому мысли лукавый влагает старцу, стремясь после стольких лет подвига оторвать его от братии и от места, где он состарился, и отправить его старость одним беспокойством. Если старец легкомыслен, то он сразу поддастся, и тогда враг будет колебать его, как ветер — ветки.

Если же старец совершен разумом, то он отразит нападение такими словами:

— Не смейся над моей старостью, дьявол. Если я стойко переносил все труды в молодости, тем более перенесу их сейчас, когда пришло время оставить тело и быть со Христом. От старости я не жду ничего иного, кроме расставания с нынешней

жизнью. А молодым я должен показать образец не легкомыслия, а терпения. Благочестивый старец Елеазар своими мучениями, когда его жгли огнем, не отрекся от веры и показал пример стойкости молодым. А глядя на него, и они с легкостью перенесли все мучения. Мои скорби гораздо меньше, и я их вытерплю.

Пусть я претерплю некоторое беспокойство и небольшие уничижения, но зато стану для молодых примером терпения и стойкости, но не отступничества. Ведь я считаю себя рабом, которого как бы Господь привел и вручил игумену монастыря, где я живу, и потому у меня нет права ходить, куда угодно. Что вы терзаете меня за мое малое рукоделие? Миряне ради тленных благ изо всех сил работают не только днями, но и ночами. К тому же они должны заботиться еще и о жене, детях, доме, арендной плате, и они все это терпят. А я Христовой благодатию избавлен от всего этого и с тем большей радостью буду выполнять свой скромный труд. *Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф 11, 30). Поэтому *удалитесь от меня беззаконные, и буду хранить заповеди Бога моего* (Пс 118,115).

Так, с помощью Божией благодати он сохранит прежний образ мыслей и почиет там, где состарился, и примет неувядаемый венец.

Ж. Из святого Максима

Безрассуден тот, кем управляют страсти. Когда им овладевает гнев, он, не подумав, спешит убежать от своих братьев. А как только в нем вспыхивает страсть, он горячо раскаивается и снова возвращается к ним. Умный же человек в обоих случаях действует иначе. Во время ярости он искореняет причины своего возмущения и тем самым избавляется от обиды на братьев. А во время страсти воздерживается от безрассудного гнева и от встреч.

2. Во время искушений не покидай монастыря, но мужественно отражай волны помыслов, особенно скорби и лени.

Ибо ради своего же спасения ты закаляешься этими скорбями и обретаешь твердую надежду на Бога. Если же покинешь обитель, то останешься неопытным, трусливым и нестойким. Кто при искушениях не в состоянии терпеливо все вынести и отделяет себя от духовной братской любви, в том нет ни совершенной любви, ни глубокого ведения Божиего промысла. А цель Божиего промысла — воссоединить истинной верой и духовной любовью то, что зло раздробило на мелкие части. Ибо Спаситель и пострадал ради того, чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино.

3. Кто не мирится и не выносит ни тревог, ни скорбей, ни трудностей, тот отдалился от божественной любви и промысла Божия, ибо *любовь терпит и милосердствует* (1 Кор 13, 4). А кто падает духом от *случайных обид, не прощает этого своим обидчикам* и тем самым отсекает себя от их любви, разве не лишается он цели Божественного Промысла?

4. Брат ввел тебя в искушение, и обида довела до ненависти. Не дай ненависти победить себя, но победи ненависть любовью. Победить ты можешь так: искренне помолись Богу за брата, прими его извинения или сам извинись перед ним и тем исцели его. Считай, что ты сам виноват в искушении и терпи, пока тучи не развеются. Только терпеливый дождется конца искушения и утешения своему сердцу.

5. У *терпеливого человека много разума* (Притч 14, 29). Что бы ни происходило, конец всему будет, и в ожидании этого он переносит скорби. А концом станет вечная жизнь. Как сказал божественный апостол: *Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин 17, 3). Еще вчера он был твоим братом по духу и добродетелям, а сегодня стал для тебя скверным и злым — это лукавый внушил тебе ненависть к нему. А ты прояви терпение и любовь, вспоминай вчерашнее добро, а сегодняшнюю ненависть выкинь из своей души.

6. Пусть не случится с тобой так, что вчера ты превозносил его как доброго и называл добродетельным, а сегодня злословиши как скверного и дрянного, потому что твоя любовь сменилась ненавистью. И не пытайся свою ненависть и зло оправдывать презрением брата к тебе, но по-прежнему продолжай восхвалять его, даже если в душе тебя еще снедает обида на него, и ты легко вернешься к прежней спасительной любви к нему. В присутствии братьев не говори ему привычных хвалебных слов с затаенной обидой и не примешивай к ним исподволь упреки. Наоборот, при других хвали его искренне, молись за него всей душой, как о самом себе, и ты довольно скоро избавишься от губительной ненависти. Даже если по искушению брат будет продолжать злословить тебя, все равно сохраняй любовь к нему, как бы лукавый бес ни смущал твой разум. Ты не потеряешь любви, если станешь благословлять его, когда он тебя проклинает. Проявляй доброе расположение к нему, даже если он будет относиться к тебе скверно. Таков путь любомудрия во Христе. Кто не идет по нему, тот не живет с Христом.

7. Не уязвляй брата намеками, не то он ответит тем же, и вы оба потеряете любовь друг к другу, но подойди к нему с любовью и откровенно обличи его: так ты устранишь причину скорби и избавишь его и себя от смущения и скорби. Не говори, что у тебя нет ненависти к брату, если ты даже вспоминать о нем не хочешь. Послушай, как сказал Моисей: *Не враждуй на брата своего в сердце своем; обличи ближнего своего и не понесешь за него греха* (Лев 19,17). Когда между вами установится мир, не напоминай брату о словах, сказанных им в пылу обиды, даже если он говорил их тебе прямо в лицо или кому-нибудь другому, а ты потом услышал. Иначе тобой овладеет помысел злопамятства, и ты впадешь в погибельную ненависть к брату.

8. Не может разумная душа питать ненависть к человеку и жить в мире с Богом, Подателем заповедей. *Если*, — сказано

в Писании, — *не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваши не простит вам согрешений ваших* (Мф 6, 15). Если кто-то и не хочет мириться, но ты храни себя от ненависти, искренне молись за него и не злословь его ни перед кем.

9. Мир святых ангелов держится на двух столпах: на любви к Богу и на любви к ближнему. На таком основании испокон века строили жизнь и все святые. Превосходно сказал об этом наш Спаситель: *На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф 22, 40). Поэтому не ищи оправданий для мыслей, которые в тебе вызывают обиду и порождают ненависть, даже если они справедливы. Но беги от них, как от смертельно опасных змей. Не давай им злословить и тем самым избавишь свою душу от лукавства. Со всей строгостью исследуй совесть, может быть, это по твоей вине брат не мирится с тобой. И не обманывай совесть, ведь она знает твое самое сокровенное и обвинит тебя в час смертный и не даст покоя и в час молитвы.

10. Не отвергай с такой легкостью духовную любовь, ибо другого пути для спасения человека не существует. Внимай себе. Может быть, зло, разлучающее тебя с братом, не в нем, а в тебе. Скорей избавься от этого зла, чтобы не отпасть от заповеди любви. Не презирай заповеди любви, потому что с ее помощью ты станешь сыном Божиим, а если преступишь ее, окажешься сыном геенны.

11. Не люби себя, и ненависть к брату покинет тебя. Не будь самолюбив, а будь боголюбив. Если ты решил жить вместе с духовными братьями, то сразу, с самого начала, откажись от своей воли, иначе не сможешь сохранить мир ни с Богом, ни с твоими ближними.

12. Кто еще тщеславен и пристрастен к тленному, тот обижается на людей из-за чего-нибудь скротечного, держит на них зло, ненавидит их и раболепствует перед постыдными помыслами. Но боголюбивой душе все это чуждо.

3. Из Патерика

Одного брата смущали помыслы оставить киновию, где он жил. И однажды он взял бумагу, сел и написал все причины, по которым помыслы убеждали его уйти из общежительной обители. Перечислив их, он в конце добавил вопрос: «Вытерпишь это?» И тут же твердо и решительно дописал: «Да, во имя Иисуса Христа Сына Божия вытерплю». Он сложил листок и спрятал его в пояс.

Когда снова начинала терзать его какая-либо из этих причин, с которыми он воевал раньше, и напоминала о помысле оставить обитель, он отходил куда-нибудь в сторонку от всех, доставал бумагу, читал и, дойдя до слов: «Во имя Иисуса Христа Сына Божия вытерплю», говорил себе: «Смотри, несчастный, что я обещал не человеку, а Богу», — и сразу успокаивался. Так он поступал всякий раз, когда одолевало смущение или какие-нибудь иные причины, и сохранял мир в душе.

Монахи обратили внимание на такое поведение брата: он что-то достает, читает и так поступает довольно часто. Они возмущались и по действию диавола стали ему завидовать и не-навидеть. (В конце концов,) они пошли к авве и сказали:

— Он колдун, авва, и в поясе прячет свое колдовство. Поэтому мы не можем тут оставаться. Пусть или он уходит, или мы.

Авва догадался о вражеских кознях (он хорошо знал смиление и благоговение брата), а вслух сказал:

— Идти, молитесь, и я помолюсь, а через три дня дам вам ответ.

Ночью, когда брат спал, авва подошел к нему, осторожно развязал его пояс, прочитал бумагу, положил ее обратно, затянул пояс и ушел.

Через три дня братья пришли к нему за ответом. Он позвал брата и сказал:

— Зачем ты вводишь в соблазн братьев?

Брат поклонился ему в ноги и принял каяться:

— Прости меня, согрешил, помолись обо мне.

Авва спросил братьев:

— Что вы говорили про него?

— Он колдун, — ответили они. — У него в поясе заклинанья.

— Ну, тогда заберите у него эти заклинанья.

Те бросились снимать пояс с брата, но тот стал сопротивляться. Авва велел срезать пояс. Они так и сделали и нашли записку. Игумен вручил ее диакону и велел прочитать ее вслух, встав на возвышенном месте, чтобы еще сильнее посрамить лукавого, посевшего клевету. Когда братья услышали слова записи, особенно последние: «Во имя Иисуса Христа вытерплю», то не знали, куда деться от стыда, и стали просить прощения у аввы:

— Наш грех, — сказали они, падая ему в ноги.

— Не мне бейте поклоны, — сказал он им, — но Богу и брату, которого вы оболгали, тогда вам простится.

Они так и сделали.

— Помолимся Богу, чтобы им простились, — сказал авва и вместе с братом принял молиться о несчастных монахах.

2. Старец говорил, что древние никогда не спешили покидать обжитое место, за исключением трех случаев. Во-первых, если сосед плохо относится к тебе из зависти, да еще и злопамятен, и ты сделал все для исцеления его, но не смог изменить отношения. Во-вторых, если к тебе приходит много людей, приносят всякие вещи и превозносят тебя чрезмерно. И, в-третьих, если случайно на тебя нападет искушение блуда, т.е. когда рядом много женщин.

Одной из этих трех причин достаточно, чтобы оставить свое место, но делать это без оснований бессмысленно. Однако все это не касается насельников общежительных монастырей, но только лишь отшельников, которые живут в безмолвии.

3. Как говорили отцы, если на тебя нападет искушение там, где ты живешь, не покидай своего места во время этого иску-

шения. Иначе, куда бы ты ни пошел, с тобой произойдет что-нибудь такое, от чего ты убежишь. Но терпи, пока не пройдет искушение, чтобы ты мог уйти без смущения. Также не оставляй своего места в мирное время, чтобы твой уход не огорчил тех, кто там остался.

4. Старец сказал: «Как не может плодоносить дерево, которое постоянно пересаживают, так и монах, переходящий с места на место, не может достичь добродетели».

5. Одного брата одолели помыслы уйти из киновии, и он рассказал об этом авве. И тот посоветовал:

— Иди и сиди в келье. Свое тело отдай ее стенам как под залог и не выходи оттуда телом. А что до помысла, пусть себе думает, что хочет.

6. Старец сказал: «Келья монаха — вавилонская печь, в которой три отрока обрели Сына Божия. Она столп облачный, из которого Бог говорил с Моисеем».

7. Один брат девять лет сражался с помыслом уйти из киновии. Каждый день он брал свою милоть, чтобы уйти. Но когда наступал вечер, он говорил: «Уйду завтра». А наутро он говорил помыслу: «Попробуем удержаться и сегодня ради Господа». И когда исполнилось девять лет, как он это делал, Бог навсегда избавил его от этого искушения.

И. Из святого Ефрема

Не говори, монах, что здесь одни тяготы и брань, а где-то там — тишина и покой. Разве ты забыл, кто борется против нас? Наш враг — дьявол. Вот послушай, что сказано в книге Иова: *И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу: Я ходил по земле и обошел ее* (Иов 2,2). Так знай, что до неба тебе высоко, и куда бы ты ни пошел, нет такого места под небом, куда бы не мог добраться наш общий враг. Поэтому оставайся в том месте, которое ты выбрал; противостань дьяволу, и он убежит от тебя; обратись к Богу, и Он придет к тебе. Горе душе, в которую проникли неверие, утрата

страха Божия, неведение, неразумие и бесстыдство: такая душа достанется в добычу лисицам (Пс 62, 11).

Блаженна душа, в которой живет страх Божий и благочестие. Кто не хочет служить одному господину, тот служит многим. Кто не хочет подчиняться одному игумену, тот повинуется многим, но в разных обителях. В Писании сказано: *Приходит ищет своеенравный, восстает против всего умного* (Притч 18, 1). Точно так же и монах, который оставляет обитель, винит во всем игумена и братию. Но ему не избежать порицания Бога и благоразумных людей.

О таком человеке в Писании сказано: *Есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конец их — путь к смерти.* И далее: *Человек с развернутым сердцем насытится от путей своих* (Притч 14, 12-14). Если монастырь, в котором ты живешь, испытывает нужду в самом необходимом, не покидай его. Ибо в нем ты найдешь благодатную почву для твоего дела. А праведный настоятель не нравится лишь неправедным, как людям святым не нравится всякий грех.

**О том, что неопытным
уходить в отшельники
опасно**

41

A. Из Патерика

дин брат отрекся от мира и только принял постриг, сразу ушел в затвор и сказал:

— Я отшельник.

Когда об этом услышали старцы, то пришли, вывели его из затвора и заставили обходить монашеские кельи, класть поклоны и говорить:

— Простите меня, я не отшельник, а только новоначальный.

2. Старца спросили:

— Когда человеку можно жить в уединении?

Старец ответил:

— Борец, если не будет упражняться в борьбе с многими соперниками, не сможет овладеть искусством побеждать, а, значит, и не сможет вступить в единоборство с противником. Так и монах, если он не воспитывался вместе с братьями и не научился искусству борьбы с помыслами, то не сможет жить один, ни бороться с помыслами.

3. Авва Феодор сказал: «В наше время многие избрали покой, прежде чем его даровал им Бог».

Б. Из аввы Исаии

Авва Исаия говорил: «Если ум захочет взойти на крест, прежде чем *преодолеет немощь чувств*, на него падет гнев Божий. Ибо он взялся за дело выше своих сил, не исцелив своих чувств. Господь наш Иисус Христос сначала уврачевал все страсти человеческие, ради чего Он и пришел к нам, а потом уже взошел на Крест. Сам Он сказал до того, как Его распяли: *Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовестуют; и блажен, кто не соблазнится о Мне* (Мф 11, 4-6). Крещением Господа нашего Иисуса Христа Иоанн показал: тому, кто приходит служить Богу, сначала следует покаяться в содеянном. В Писании сказано, что они *крестились от него.., исповедуя грехи свои* (Мф 3, 6). Много и других знамений сотворил Господь Иисус. Из того, что перечислено здесь, мы узнаем вот что.

Слепые прозревают — это означает: в ком живет надежда на сей мир, тот слеп. Однако если он оставил мир и устремился к истинной надежде, то прозрел. *Хромые ходят* указывает, что тот, кто стремится к Богу, но любит плотские помыслы сердца, хромает. Но если он откажется от них и возлюбит Бога всем сердцем своим, то перестанет хромать. Слова *глухие слышат* учат нас, что погрязший в мирской суете становится глухим в своем плену и забвении. Если же он обратится к (истинным) знаниям, то слух вернется. Выражение *прокаженные очищаются* показывает нам следующее. В законе Моисея записано: *Нечистым не входи в дом Господень* (Ср.: Втор 23,1-3).

Прокаженные — это все те, в ком есть вражда к ближнему, ненависть, зависть, осуждение. И если они отказались от этого, то очистились.

Если слепой прозревает, хромой ходит, глухой слышит, а прокаженный очищается, значит, человек, который был

умерщвлен всеми этими болезнями по нерадению, (теперь) восстает и обновляется. Его чувства, обнищавшие святыми добродетелями, благовествуют ему: он прозрел, ходит, слышит и чист. В исповеди своему восприемнику ты обещал жить во всяком злострадании и смиренномудрии. Об Иоанне в Писании сказано, что его одежда была из верблюжьего волоса (Ср.: Мф 3, 4) и так далее. Это указывает на злострадания, которыми человек сначала должен очиститься, и только потом сможет идти на крест. Ибо крест — символ будущего бессмертия. Однако сначала ему надлежит заградить уста фарисеям и садукеям¹.

Фарисеи — воплощение лукавства, лицемерия и тщеславия, а садукеи — это утрата веры и всякой надежды. Вот почему Господь и запечатал им уста. В Писании об этом сказано так: *и с того дня никто уже не смел спрашивать Его* (Мф 22, 46). После этого Иисус послал Петра и Иоанна приготовить Пасху (Ср.: Лк. 22,8). Одним словом, если ум увидит, что над ним уже никто не властен, он готовится к бессмертию, собирает свои чувства воедино, делает их единым телом, питает их, и они становятся неотделимы от него.

После этого, рассказывается в Писании, Иисус молился: *Если возможно, да минует меня чаша сия* (Мф. 26, 39) в этот час. Этим Он говорит нам: если ум захотел взойти на Крест, ему нужно много молиться и плакать много, всякий час преклоняться перед Богом и просить помочи у Еgo благости, чтобы

¹ Фарисеи — одна из иудейских ересь. Главное для ее сторонников было соблюдение внешнего благочестия. Они говорили, что верят в Божественный Промысел, в существование ангелов, в бессмертие души, в вечность мучений и в воскресение мертвых. Однако по существу они были жадны, тщеславны, лицемерны и горды. Господь показывает их гордость в притче о мытаре и фарисее (Лк 18,10-14) и клеймит их лицемерие (Мф 23,13-19). Садукеи — сторонники другой иудейской ереси (они берут свое название от основателя ереси Садока). Они опирались только на буквальный смысл Закона, отвергали предание, существование ангелов, бессмертие души и воскресение мертвых. Они были противниками фарисеев. Господь своими ответами заградил уста садукеям.

она укрепила и хранила его до тех пор, пока не восставит его в святой новизне и непобедимости. Ибо велика опасность в час распятия. Вот почему тому, кто молится, необходим Петр, Иаков и Иоанн, то есть здравая вера, стойкая надежда и совершенная любовь. С их помощью он обретет благодать свыше и сможет взойти на крест. Все это совершил наш Владыка Христос, дав нам образец во всем, чтобы, как сказал апостол, *познать Его, и силу воскресения Еgo, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых* (Флп 3, 10-11).

[Он и желчь вкусили ради нас. Это учит нас отсекать в себе все]¹ злые вожделения, хранить свои уста и не давать таким помыслам исходить из нас и исполняться. Он и уксус попробовал, дабы и мы подавляли в себе всякое своеенравие и беспокойную суetu. И заплевание принял ради нас, чтобы и мы презирали всякое человекоугодие и мирскую славу. Своим терновым венцом Он наставляет нас сдерживать наше недовольство во всякое время и сносить издевательства без возмущения.

Ради нас Господь претерпел удары по Голове тростью, дав пример того, что нам следует постоянно носить шлем смиренномудрия, вменяя ни во что всякую диавольскую заносчивость. Перед распятием Его бичевали — это образ того, чтобы мы презирали оскорблений и людские поношения. Когда делили его одежды, Он хранил спокойствие и тем самым учит нас отвергать мирское, прежде чем взойти на крест. Шел шестой час, когда его распинали, — давайте и мы укрепимся против нерадения и малодушия, пока не умрет грех. Ибо, как сказано в Писании, посредством креста Он *убил вражду на нем* (Ср.: Еф 2, 16).

¹ Здесь в греческом тексте типографский брак: первая строчка пропущена, остальные набраны в неверном порядке. Текст восстановлен по дореволюционным русским переводам. Отмечено прямыми скобками.

Когда наступил девятый час, *возопил Иисус громким голосом: Элои, Элои! Лама савахфани?* (Мк 15, 34). Это учит нас, что нужно терпеть страдания, пока они не прекратятся, и потом смиренно и дерзновенно взывать к Богу. А то, что Он предал дух, когда солнце померкло, показывает: после того, как ум освободился от всякой надежды на этот видимый мир, в человеке умер грех. Тогда раздирается завеса (после того как ум освободится), то есть исчезает средостение, которое было между ним и Богом. Тогда раскалываются камни и отверзаются гробницы. Это означает: когда грех в нас умрет, то все, что нас отягощало, ослепляло и сдавливало душу, разрушится; чувства, которые умерли и принесли в смерти плод, исцеляются и восстанут непобедимо. А то, что Он был завернут в чистую плащаницу с ароматами, прообразует освящение ума. После такой смерти ум облекается в святость и в бессмертие, которые даруют ему покой.

Иисуса положили в новую гробницу, куда еще никого не полагали, и привалили огромный камень ко входу. Это говорит о том, что когда ум освободится от всего и достигнет субботы будущего века, то он и мыслит о новом и нетленном: *Ибо где будет труп, там соберутся и орлы* (Мф 24, 28). В Писании сказано, что Он восстал в славе Отца Своего, взошел на небеса и *воссел одесную (престола) величия на высоте* (Евр 1, 3). О значении этого образа сам апостол сказал: *Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы умерли* (Кол 3,1-3).

Его святое имя может взять на себя наши немощи, чтобы нам, по нашей нищете, простились наши грехи, и мы обрели милость вместе со всеми достойными ее. Аминь».

В. Из аввы Марка

Есть действие благодати, неведомое младенцам. И есть иное — действие зла, уподобляющееся истине. Лучше не смотреть на это, чтобы не впасть в заблуждение; и не проклинать

ради истины, но все с надеждой предоставить Богу, ибо Он знает, что из того и другого полезно.

Г. Из аввы Кассиана

Некоторые, живя вместе с братией, не выносят борения страстей и стремятся к уединению в пустыне: там якобы никто их не будет беспокоить и раздражать, и они легко одержат верх над страстями. Так пусть знают, что это бесовское глумление над ними и они одержимы сильной гордыней. Несчастные не хотят укорять самих себя и понять: корень страстей — в их собственной лени, и потому винят во всем братьев и безрассудно хотят сбежать от них, тем самым оставляя собственные недуги неисцеленными. Ведь уединение не излечит страсти, которые они принесли с собой в пустынью, но лишь прикроет их. Для братьев, не избавившихся от страстей, отшельничество не только не откроет им эти страсти, но сумеет их запрятать подальше. Они даже не будут догадываться, какие страсти таятся в них, и понимать, от чего они страдают. На против, отшельничество создаст видимость добродетели и внушит им, будто они уже обрели терпение, смижение и другие достоинства. И так будет до тех пор, пока никто не трогает отшельников. Но как только возникнет первый повод к раздражению, тогда все их затаившиеся прошлые страсти, которые так долго питались и тучнели в покое и довольстве, как необъезженные кони, тотчас сорвутся с места и с дикой яростью понесут наездника к мгновенной и жестокой погибели. Наши страсти еще больше дичают, если не укрощать их общением с людьми. И тот мизерный ущерб, который они претерпеваю при совместной жизни с братией, в уединении возмещается сполна. От этого страсти еще больше матероют и побощают нас еще сильнее и вылезут наружу, как только появится кто-нибудь и разбудит их.

Ядовитые змеи тоже спокойны, когда спят в своих норах в пустыне. Но стоит кому-нибудь приблизиться, как они свире-

пеют и набрасываются на него. Так и страстные люди. Они тихие не потому что добродетельны — просто их никто не трогает. Но стоит подойти кому-нибудь близко, как они изольют на него весь яд своей души.

Д. Из святого Варсонофия

Брат спросил старца:

— Помысел говорит, что безмолвие, конечно, нужнее всего и что оно мне полезно. Верно ли такое внушение?

Старец ответил:

— Безмолвие, — это не что иное, как удерживание своего сердца от того, чтобы давать другим вещи и самому принимать от них, от человекаугодия и прочих подобных действий. Так и ты ничего не давай и ничего не принимай ни у кого из мирян. И когда удалишься от всего этого, будешь жить в безмолвии и спокойствии. Сам Господь сказал: *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9,13). Если и ты окончательно убедился, что милость больше жертвы, склони свое сердце к милости. Безмолвие дает человеку повод к высокоумию прежде, чем он обретет самого себя, то есть станет непорочен. Когда человек возьмет крест, тогда может безмолвствовать. А если будешь милостив, то и помощь получишь; а захочешь взойти выше своей меры, знай: потеряешь и то, что имеешь. Итак, не уклоняйся ни во вне, ни во внутрь, но держись середины, познавая, что есть воля Божия (Еф 5,17).

Брат спросил:

— Объясни мне, отче, что означают твои слова: «ни во вне, ни во внутрь, но держись середины»? Неужели некоторые дни следует отдавать безмолвию, а некоторые — внешним попечениям?

Старец ответил:

— Мои слова значат: не дерзать на безмолвие и не впадать в нерадение о самом себе среди житейских забот — это и есть путь средний и безопасный от падений. Однако в безмолвии

необходимо смиление, а в хлопотах — трезвение и удержание помысла. Не оставлять ни часа, ни тем более дня на расслабление, но постоянно работать ради грядущего. В общежительной обители следует сострадать всем. Поступая так, мы тем самым исполняем заповедь апостола, а именно: если кто скорбит, поскорби с ним, увещай его и утешь (Ср.: Рим. 8,17; 1 Кор. 12, 26). В этом и есть сострадание. Сострадать же больным и помогать им врачеванием — дело доброе.

Если врач, ухаживающий за больным, получает вознаграждение, то не получит ли гораздо больше тот, кто по силе своей во всем сострадает ближнему? А если он не во всем сострадает ближнему, но в чем-то да, а в чем-то нет, то в чем он сострадает, в том проявляет только свою волю. Знай же и то: насколько человек предается смиению, настолько и преуспевает. Сейчас ты остался в своей келье, это лишит тебя (благих) дел, потому и скорбей у тебя не будет. Если же ты прежде времени избавишься от забот, то общий враг приготовит тебе не покой, а ввергнет в такое смятение, что ты (невольно сам) пожалеешь и скажешь: «Лучше бы мне не родиться на свет».

Брат спросил:

— Однако помысел говорит мне, что, если я уйду куда-нибудь безмолвствовать, то достигну совершенного безмолвия. Ведь я погряз во многих грехах и хочу избавиться от них. И к тому же ко мне не приходит ни плач, ни раскаяние. А помысел говорит мне, что я не стяжу их до тех пор, пока буду находиться среди людей. Снизойди к моей немощи, отче, и скажи, как мне спастись от лукавых помыслов?

Старец ответил:

— Ты говоришь, брат, что погряз в грехах. Должник, пока сначала не отдаст долга, то куда бы ни пошел: в город ли, в селение — он все равно должник. Он нигде не может поселиться свободно и спокойно вздохнуть. Если же он усердно трудится, то поначалу люди будут относиться к нему с презрением, и бедняга будет стыдиться их. Но отдав со временем долг, станет

свободным и как свободный человек уже может смело и совершенно открыто жить среди людей и селиться там, где захочет.

Если же человек всеми силами своими постараётся терпеливо перенести досады, поношения, бесчестия и лишения за содеянные им грехи, то научится смирению и труду, и за это ему простятся его грехи. Как сказано в Писании: *Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои* (Пс 24, 18). Подумай о том, сколько издевательств и поношений претерпел наш Владыка Христос и потом взошел на Крест. Поэтому никто не может достичь совершенного и плодотворного безмолвия и святого и совершенного покоя, если прежде не сострадал Христу и не претерпел Его страданий, по словам апостола: *Если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться* (Рим 8, 17).

Поэтому не обольщайся: иного пути спасения, кроме этого, нет! А что же до плача, то тебе следует подвизаться, чтобы ни с кем из людей не обращаться вольно, иначе плач и сокрушение не приходят. Если ради этих заповедей ты убежишь от братьев, то знай: тем самым ты убежишь с поля боя и от сражения. (Лучше) борись вместе с ними, чтобы победить вольное обращение. Ведь другого пути одолеть вольное обращение не существует. А без этого нельзя достичь ни плача, ни сокрушения. Вот почему апостол сказал: *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим 2, 5). Приложи все свои свои усилия, брат. Да поможет тебе Бог! И не забывай, как я уже говорил, во всем соблюдать терпение, смиренение и послушание — и спасешься о Господе.

Е. Из Патерики

Старец сказал, что есть люди, которые за двадцать лет пребывания в своей келье не научились, как жить в ней.

2. У одного старца был ученик, прилежный и послушный, но совсем новоначальный. И хотя он еще не достиг совершенства,

ему все же не терпелось стать исихастом¹. Как-то он подошел к старцу, поклонился ему в ноги и попросил:

— Отче, помоги мне стать монахом, чтобы я мог жить один.

Старец ответил:

— Подбери себе место, и мы построим тебе келью.

Ученик неподалеку отыскал место, показал его старцу, и они построили там келью.

— Вот то, что ты хотел, — сказал ему старец. — Сиди в своей келье, когда нужно, ешь, пей, спи, но только из кельи не выходи до субботы, а потом приходи ко мне.

Дав такую заповедь, старец удалился.

Брат два дня жил по этой заповеди, а на третий день ему это надоело, и он подумал:

— Для чего старец дал мне такую заповедь?

Он встал, пропел много псалмов, поел после захода солнца, помолился и уже хотел было лечь спать на свою циновку, как вдруг увидел эфиопа — тот улегся на его циновке и скрежетал на него зубами. Брат бросился вон из кельи, прибежал к старцу и стал стучаться в дверь и умолять:

— Смируйся, авва, открай.

Но тот не открывал всю ночь. Только утром он вышел к нему. Ученик стал со слезами просить наставника:

— Сжалься надо мной, умоляю, разреши остаться у тебя. Я пошел спать и увидел страшного эфиопа, он лежал на моей циновке и скрежетал зубами. Я там больше не могу находиться.

Старец сжался над ним, пустил его к себе, научил правилам отшельнической жизни, и тот вскоре стал опытным монахом.

3. Один брат из Келий, живя в уединении, испытывал смятение. Он пошел к авве Феодору Фермийскому и рассказал об искушении. Старец посоветовал ему:

¹ Исихаст — монах-отшельник, взявший на себя особенно суровые подвиги с целью достижения обожения.

— Иди, смиряй свой помысел, неси послушание и живи вместе с другими братьями.

Брат так и сделал, но вскоре опять пришел к старцу и сказал:

— И среди людей нет мне покоя.

Старец спросил:

— Если ты не находишь покоя ни наедине, ни среди людей, то ответь, зачем ты пошел в монахи? Разве не для того, чтобы терпеть скорби? Скажи, сколько лет ты в монахах?

— Восемь, — ответил брат.

Старец сказал:

— Видишь ли, брат, я семьдесят лет в монахах, но у меня не было ни одного дня покоя. А ты хочешь получить полный покой за восемь лет?

И брат ушел, ободренный старцем.

4. Об авве Феодоре и авве Лукии из Энатона Александрийского рассказывали, что их пятьдесят лет терзали помыслы перебраться в другое место, но святые обманывали их:

— Вот кончится зима, — обещали они, — уйдем отсюда.

А с наступлением лета говорили:

— Ну, после этого лета уйдем точно.

Такими обещаниями они обманывали помыслы и оставались на месте до смерти.

Ж. Из аввы Исаака

Брат, никто не может победить страсти без чувственных, то есть телесных и видимых, добродетелей. Точно так же и высокомерие и рассеянность ума нельзя преодолеть без тонкого духовного ведения и своего рода попечения о Господе. Наш ум слеп. Если он не занят какой-нибудь мыслью, то постоянно витает в облаках. И если он сначала не победит своих врагов, то как ему оставаться в мире? И пока в уме не воцарится мир, то как он сможет постичь то, что мир приносит с собой? Ибо страсти отделяют нас от скрытых добродетелей души. И если страсти не удалить с помощью явных

добродетелей, то нельзя увидеть то, что скрыто за ними. Как можно, стоя перед стеной, общаться с теми, кто скрывается за ней? Во мраке не видно солнца, а добрых качеств души не уви-дишь во мгле страстей.

Молись Богу, чтобы Он дал тебе почувствовать стремление духа и ревность. Когда это ощущение придет к тебе, ты поис-тине удалишься от мира сего, а мир, то есть пристрастие к ма-териальному, отдалится от тебя.

Между тем премудрому Господу было угодно, чтобы те, кто ищет этот хлеб, обретали его в поте лица. Он так сделал для нашей же пользы. Иначе мы прежде времени вкусим его, по-вредим себе и умрем. Одни добродетели порождают другие. И если ты не станешь искать их матерей, а сразу захочешь обре-сти дочерей, то они могут обернуться ядовитыми змеями в тво-ей душе, если ты, конечно, заблаговременно не вышвырнешь их вон.

3. Из аввы Варсонофия

Брат, живший в безмолвии, узнал из «Патерики», что тому, кто ищет истинного спасения, должно сначала (научиться) переносить издевательства, унижения и бесчестие от людей. Проще говоря, ему следует сперва исправить свои чувства и освободиться от браны, которая возникает из-за них, и тогда перейти к совершенному безмолвию, как и совершил наш Господь Иисус Христос. Сначала Он претерпел поношения и унижения, а уже потом взошел на Крест. Крест же означает умерщвление плоти и страстей и святой и совершенный покой. Прочитав эти слова, брат подумал про себя:

— А я, несчастный, не извлек из этого никакого урока и только соблазняю всех своей немощью. Поэтому чтобы мой труд не оказался напрасным, вернусь-ка я снова к людям, исполню все, что говорили отцы и только после этого приступлю к безмолвию.

Он исповедовал свой помысел старцу. Тот сказал ему:

— Отцы говорили верно — так оно и бывает. Но есть много доводов, из-за которых человек может думать, что поступает правильно, а потом окажется, что это принесло ему вред, но уже по другой причине. Поэтому тут нужна осторожность. Ты уже приступил к безмолвию и, если вернешься к людям, это породит у тебя тщеславие. Не вышло бы так, что и пребывание среди людей не пойдет тебе на пользу. Как бы ты из-за этого не получил двойной вред. Но если будешь укорять себя, что не поступил, как следовало бы, дабы взойти на крест, и если скажешь: «Начал я подвиг в невежестве!», то самоукорение станет само укорять и поносить себя. И если ты примешь его, оно возведет тебя до истинной меры Креста.

*О том, что не следует
спорить, ни прекословить,
даже когда ты прав,
но во всем повиноваться
своему о Господе
ближнему*

42

А. Из жития преподобного Симеона Столпника из Мандры

огда Симеон задумал нечто новое — подвиг на столпе, слава о нем вскоре распространилась повсюду. Божьи отцы-пустынножители изумились такому невиданному и странному подвигу и направили к нему нескольких человек, поручив им укорить преподобного в странной затее и посоветовать следовать обычным путем, проторенным святыми. Не стоит, мол, пренебрегать путем, которым прошествовал многочисленный лик блаженных, вознесшихся на небеса и удостоившихся вечных обителей. Тем не менее их не покидало смущение: вдруг это богоугодное дело, а они смотрят на него по-человечески. Поэтому старцы дали посланникам такой совет: если этот муж тут же откажется от своего решения и согласится сойти со столпа, то следует сразу его остановить и велеть ему не менять принятого решения. В таком случае, по их мнению, тут очевиден замысел Божиего спасения и нельзя сомневаться в том, что у такого благого начала может быть (хорошее) завершение. Но, сказали старцы, если столпник начнет возмущаться, не захочет даже выслушать совета и примет-

ся безрассудно настаивать на своем, то будет ясно, что тут, конечно, далеко до смиренномудрия. И кто же тогда мог внушить ему такой помысл, как не лукавый? В таком случае посланникам было велено стащить его со столпа, даже силой.

С такой заповедью они пришли к послушному и смиренному отцу Симеону. Но как только они увидели святого и услышали его приветливые слова, то смущились и от стыда даже не могли поднять на него глаза. Но по заповеди отцов и, поскольку их поручение было благим, они рассказали преподобному обо всем, что им велели старцы. Симеон, сама кротость и сердечное смирение, терпеливо выслушал их укор. Он не прекословил, не возмущался, не обсуждал сказанное и не проронил ни слова. Преподобный принял укор спокойно, опустив глаза. Потом прославил Бога и не мешкая хотел было уже спускаться со столпа, но посланники сразу остановили его и открыли ему замысел старцев. После этого они ушли, пожелав святому пребывать на столпе стойко и уверенно и удостоиться благого конца и истинного покоя после столь тяжких трудов.

Б. Из Патерика

Авва Пимен говорил, что воля человека — медная стена между ним и Богом и непреодолимая скала. Если человек отсечет свою волю, то сможет повторить слова Псалмопевца: *С Богом моим восхожу на стену* (Пс 17, 30). А если же еще и оправдывает свою волю, то он болен.

2. Старец сказал: «Вражда ввергает человека в гнев, гнев вручает его ослеплению, а ослепление толкает на всякое злодеяние».

3. Авву Амона спросили, что такое тесный и скорбный путь. Он ответил: тесный и скорбный путь означает понуждение собственных помыслов и отсечение ради Бога своей воли. То же самое означают и слова: *Вот, мы оставили все и последовали за Тобою* (Мф. 19, 27).

4. Авва Иоанн рассказывал, что авва Анув и авва Пимен и другие пятеро были братьями по плоти и сначала жили в Скиту. А потом, после опустошения Скита мазиками¹, переселились оттуда в некое место под названием Теремуфин². Там оказалось идольское капище. Они вошли в него и решили остаться в нем на некоторое время, пока не определятся, куда идти дальше. Авва Анув, как старший из них, сказал авве Пимену:

— Сотвори любовь ты и твои братья. Пусть каждый хранит безмолвие. Эту неделю не будем разговаривать друг с другом.

— Как скажешь, так и сделаем, — ответил авва Пимен.

В том капище стоял истукан. Каждое утро авва Анув бросал камень ему в лицо, а вечером говорил:

— Прости меня.

Так поступал он всю неделю. В субботу они сошлись вместе. Авва Пимен спросил авву Анува:

— Авва, я видел, как ты всю неделю кидал камни в лицо истукану, а потом клал земные поклоны, разве верующий так поступает?

— Я делал это для вас, — ответил старец. — Когда я кидал в него камень, заметили ли вы, чтобы он заговорил или разгневался?

— Нет, — ответил Пимен.

— А когда кланялся ему, разве он возмущился и сказал, что не простит?

— Нет.

— Вот так и мы, братья, — сказал старец. — Если хотите, чтобы мы были вместе, будьте, как этот истукан, оскорбляют его

¹ Мазики — варвары, жившие западнее реки Тритон в Ливии. По мнению некоторых ученых, это тот же народ, о котором упоминает историк Геродот, называвший их мазиями. Мазики оставляли правую половину головы нестриженой, а левую выстригали, тело раскрашивали. Они считали себя потомками троянцев, которые потом в основном переселились на юг Италии и Франции после взятия Трои греками и римлянами.

² Теремуфин — вероятно, речь идет о Теревуфине, в древности — Тука. Карфагенская церковь установила в нем епископскую кафедру. Располагался в центре Альжира, ныне называется город Дуга.

или хвалят — ничто его не трогает. А если вы не хотите стать такими, то в капище четыре двери. Каждый может идти на все четыре стороны.

Услышав это, братья стали на колени и сказали:

— Как повелишь, отче, будем слушаться и исполнять все, что ты скажешь нам.

Авва Пимен добавил:

— И всю жизнь мы оставались вместе и совершали подвиги по слову старца. Одного из нас он назначил экономом, и мы ели то, что он нам даст. Никому и в голову не приходило сказать:

«Дай нам то-то или мы хотим этого». И так мы прожили всю жизнь в спокойствии и мире.

5. Авва Алоний сказал: «Если бы я в себе не разрушил все, то не смог бы создать самого себя», то есть, если бы я не отсек своей воли от всего, что мне казалось благом, я не смог бы стяжать добродетели».

6. Брат спросил авву Пимена:

— Как мне вести себя там, где я живу?

И старец ответил:

— Где бы ты ни жил, веди себя благоразумно, как пришелец¹ и тебе самому не захочется, чтобы твое слово везде было первым, и ты успокоишься.

7. Он же сказал: «Не исполняй своей воли. Полезней больше смиряться перед своим братом».

8. Брат спросил старца:

— Что мне делать?

Старец ответил:

— Пойди и найди себе того, кто говорит: «Я ничего не хочу», и найдешь покой. То есть подражай не тому, кто творит свою волю, а тому, кто говорит: «Я не хочу ничего», и успокоишься.

¹ Пришельцами называли переселенцев из деревни или из другой страны. Они не имели права голоса в народных собраниях.

9. Кто-то из старцев рассказал притчу о смиренномудрии.

«Кедры спросили у тростников:

— Как это вы, такие тонкие и немощные, зимой не ломаетесь, а нас, при нашей моши, крушит, а то и вырывает с корнем?

— Когда наступает зима, — ответили тростники, — и дует ветер, мы вместе с ветром кланяемся туда и сюда и поэтому не ломаемся. Вы же сопротивляетесь ветру и подвергаете себя риску.

К этому старец добавил, что когда вас поносят, следует уступать и не препятствовать изливаться гневу, не возражать, не предаваться неразумным помыслам, словам и действиям.

10. Два старца много лет прожили рядом и ни разу не поссорились. Как-то один сказал другому:

— Давай хоть раз поссоримся, как все люди.

— Я не умею ссориться, — был ответ.

— Вот, — предложил первый, — я кладу между нами черепок. Я буду говорить, что это мой черепок, а ты говори, что он не мой, а твой, и так мы поссоримся.

Положили черепок, и первый сказал:

— Это мой черепок.

— Нет, мой, — возразил другой.

— Раз он твой, то бери его и уходи, — и они разошлись, так и не поссорившись.

В. Из святого Ефрема

Если живешь с братьями, не желай повелевать ими. Напротив, стань для них образцом в добрых делах и слушайся, когда они тебе говорят что-нибудь. Если тебе понадобится сказать что-то, говори как совет и со смирением. Если другой брат станет возражать на твои слова, пусть это не смущает твой ум. Откажись от своего мнения ради любви и мира и с кротостью скажи тому, кто возразил тебе:

— Прости меня, я сказал это по неведению. Извини, что говорил то, чего сам не понимаю. Пусть будет так, как ты сказал.

Тогда диавол, тщетно пытавшийся посеять раздор, убежит с позором. А стремление спорить и доказывать свое мнение приводит только к смуте и неукротимому гневу. Как сказано в Писании: *Гнев гнездится в сердце глупых* (Еккл 7, 9). И еще: *Самое движение гнева есть падение для человека* (Сир 1, 22). Как советовал апостол: *Рабу же Господа не должно ссориться* (2 Тим 2, 24).

Г. Из Антиоха Пандекта

Ссорщик никогда не живет в мире не только со своими близкими, но и с чужими людьми. Потому что всюду старается посеять свой ссорливый помысел, постоянно плетет интриги, без устали раздражает (других), *всех баламутит* и не-навидит всех, кто бы ни попался ему. В книге Бытия сказано о том, как Исаев взял себе жен из чужого племени, и те постоянно скандалили с Исааком и Ревеккой. И сказала Ревекка: *я жизни не рада от дочерей Хеттейских*¹ (Быт 27,46). Это подтверждает верность мысли, что ссорливость присуща только безбожникам, а не верующим и благочестивым людям. Ибо истинные христиане и ученики Христовы подражают своему Владыке и Учителю, о Котором написано: *Не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его* (Мф 12,19). И нет такого дела, которое бы христиане решали с помощью споров или ссор, но только терпением, молитвой, послушанием и надеждой. Им и в голову не придет упорствовать в своем мнении и настаивать, чтобы все было по их воле, но по слову Господа: *Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца* (Ин 6, 38-39).

¹ Хеттеяне – потомки Хетта, сыновей Ханаана. Они были идолопоклонниками, и от них Исаев взял себе жену. Хеттеяне жили в области Хеврона в Северной Палестине и поддерживали постоянные связи с евреями.

Д. Из аввы Исаии

Если ты живешь в одной келье с братом и хочешь исполнить какое-нибудь дело, а брат, с которым ты живешь, этого не хочет, откажись от своего намерения, дабы избежать ссоры и скорбей. Относись к брату, как пришелец. Не приказывай ему сделать что-нибудь и не старайся стать выше него. Если он велит тебе сделать то, что ты не хочешь, борись со своей волей, пока не выполнишь, что сказано. Иначе ты огорчишь его и нанесешь ущерб миру между вами. Если он скажет тебе: «Приготовь мне что-нибудь». Спроси его: «Что ты хочешь, чтобы я приготовил?» Если он предоставит это решать тебе и скажет: «Что хочешь», то со страхом Божиим приготовь, что найдешь нужным.

Если между вами зайдет разговор о смысле слов Писания, пусть тот, кто знает эти слова, подчинит свою волю брату и доставит ему радость. Ведь смысл, который вам нужен, как раз в том, чтобы смиряться во всем перед братом. И кто постоянно думает о Суде, где он должен предстать, тот изо всех сил старается, чтобы ему не пришлось молчать в тот страшный час, лишь оттого, что нечего сказать в свое оправдание.

Если вы хотите пойти по какому-нибудь, пусть небольшому делу, не пренебрегайте друг другом. И ты не уходи один, оставив брата в келье страдать муками совести, но скажи ему с любовью: «Хочешь, пойдем вместе?» И если увидишь, что он намерен отдохнуть или приболел телесно, не спорь с ним, что надо, мол, идти немедленно. Но отложи свое дело и останься в келье с любовью и сочувствием. Постарайся ни в чем не спорить с братом, чтобы не огорчать его.

Если ты живешь вместе другими братьями и вы занимаешьесь рукодельем в келье или вне ее, а брат позовет тебя, то не говори: «Подожди, я сейчас закончу», но подойди сразу. Если ты живешь с несколькими братьями или зашел к кому-нибудь и получил от него заповедь, то будь настороже и ради

Бога не вздумай пренебречь или нарушить заповедь тайно или явно.

Если ты живешь в одной келье с отцом или братом, не поступай так, что со своими братьями ты не хочешь знаться, а втайне дружишь с кем-то другим. В таком случае ты потеряешь самого себя и своего брата. Как скот повинуется человеку, так и человек должен повиноваться ближнему ради Бога. И как у скотины нет ни своей воли, ни знаний, так и я должен вести себя не только с близким, но и со всяkim встречным. Мне следует уступать свое знание невежде и свою волю глупцу. Вот тогда я познаю себя и пойму, что мне вредит. А кто уверен в своей правоте и полагается на собственную волю, того неизбежно возненавидят, и он лишится покоя и благоразумия. После исхода его души из тела ему будет нелегко удостоиться милости.

Брат, возненавидь любопрения, чтобы тебе не превратиться в пристанище всякого лукавства, и не считай себя умным, дабы не угодить в лапы врагов. Приучи свой язык говорить «прости», и смирение придет к тебе. Предоставь свою волю ближнему, тогда может случиться так, что твой ум увидит добродетели. А придерживаться своей воли среди близких, значит, проявлять невежество.

Поэтому, возлюбленный, постарайся уступать свою волю ближнему во всем, а будешь придерживаться ее, погубишь все добродетели. У кого верные помыслы, тот с кротостью отсекает свою волю и страшится любопрения, как дракона, потому что оно разрушает всякое строительство и помрачает душу так, что бедная уже не видит света добродетелей. Эта проклятая страсть проникает во все добродетели, пока не погубит их.

Господь наш Иисус Христос показал нам: если человек не искоренит в себе эту позорную страсть, то не сможет преуспеть в Боге. Он не взошел на Крест, пока не изгнал Иуду из числа своих учеников. Ибо за ней следует всякое зло; и все, что ненавистно Богу, коренится в душе ссорщика. С отсечени-

ем своей воли воцарится мир между добродетелями и успокоится разум. Вот почему Бог больше всех других добродетелей ждет от человека, чтобы он во всем смирил себя перед ближним и повиновался ему. А любовь к ссорам происходит от многословия, передачи сплетен и человекоугодия, дерзости, двуличия и стремления настаивать на своем — вот все они и порождают любопрение. В ком все это живет, то душа его стала рассадником всех этих страстей.

Е. Из аввы Марка

Не пытайся сложное дело или спорный вопрос из Писания разрешить спором, но только так, как предписывает духовный закон: терпением, молитвой и внутренней надеждой.

Ж. Из Отечника

Об авве Пимене рассказывали: когда его звали на трапезу против желания, он со слезами, но шел, чтобы не ослушаться и не огорчить своего брата. А братом ему был каждый, кто жил вместе с ним в обители: Авва Анув и любой другой.

2. Брат спросил авву Пимена:

— Какими должны быть те, кто живут в киновии?

Старец ответил:

— Кто живет в киновии, тому полезно смотреть на всех монахов одинаково, хранить свои уста и зрение, и он обретет покой.

*О том, что все происходит
по Божественной справедли-
вости, поэтому верующему
должно всегда следовать
Промыслу Божию и искать не
своей воли, а Божией, ибо кто
делает и думает именно так,
тот спокоен*

43

A. Из Патерика

Старец сказал: «Если ты заболеешь и попросишь брата принести тебе что-нибудь, а он не сделает этого, не обижайся, но скажи себе: «Если б я был достоин этой вещи, то Господь известил бы брата оказать мне любовь».

2. Он же говорил: «Если ты пришел на трапезу любви, а тебя посадили на самое последнее место, не ропщи, но скажи про себя: «Я и такого места недостоин». И знай, что всякая скорбь приходит к человеку свыше, от Бога, для испытания его или за грехи. Кто не понимает этого, тот не верует, что Бог — праведный Судия.

3. Один старец рассказывал: «Как-то отцы собрались для душеполезной беседы. Один из них встал, взял подушечку с сиденья и положил ее себе на плечо, вышел на середину и, держа подушечку обеими руками, повернулся на восток и стал молиться:

— Господи, помилуй меня!

И сам себе ответил:

— Если хочешь, чтобы Я тебя помиловал, положи то, что носишь на себе, и тогда помилую.

— Господи, помилуй меня, — повторил он и опять сам себе ответил:

— Я тебе уже сказал, положи, что взял, и тогда помилую тебя.

Так старец повторил много раз и вернулся на свое место.

Отцы спросили его:

— Объясни, что это значит?

Тот ответил:

— Подушечка, которую я положил себе на плечо, — это моя воля. Я просил Бога, чтобы он помиловал меня вместе с ней, а Он велел мне оставить ее, и тогда Он меня помилует. Мы тоже, если хотим получить помилование от Бога, должны отказаться от своей воли и тогда удостоимся милости».

Б. Из аввы Исаии

Брат, если ты сотворишь что-нибудь делом, словом или помышлением, ни в коем случае не ищи собственной воли или покоя себе. Постарайся внимательно изучить Божию волю и исполнить ее полностью, даже если это покажется трудным. Всем сердцем верь, что это принесет пользу вопреки всякому человеческому разумению. Потому что Божья заповедь — это жизнь вечная и те, кто ее ищут, *не лишиатся всякого блага* (Пс 33).

В. Из аввы Марка

Некоторые называют мудрыми людей, которые (хорошо) различают чувственные вещи. Поистине же мудры лишь те, кто покорил собственную волю. Кто не подчиняет Богу свою волю, тот губит собственные дела и попадает в рабство к врачу. Когда хочешь распутать какое-нибудь сложное дело, подумай, что в нем угодно Богу, и сразу отыщется правильное решение. А в том, что угодно Богу, помогает и творение, а от чего Он отвращается, тому противится и тварь. Если человек не считается с тяжкими обстоятельствами, будто их не замечает, он противится Божиему велению. А кто их принимает с под-

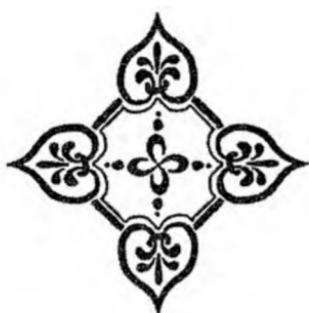
лиинным пониманием, тот, по слову Писания, *терпит Господа* (Пс 26,14; 36, 34). Раз пришло искушение, не ищи, почему или от кого оно, но претерпи его с благодарностью и не держи зла.

Г. Из святого Диадоха

Все люди — по образу Божию, но по подобию Божьему — только те, кто в великой любви поработили Богу свою свободу. Лишь когда мы не принадлежим себе, мы подобны Тому, кто примирил нас с Собою в любви.

Д. Из Патерика

Авва Исидор сказал: «Мудрость святых — в том, чтобы познавать Божию волю. Послушный Истине побеждает все, ведь он образ и подобие Божие. А самая ужасная из всех страстей — это следовать собственному сердцу, то есть подчиняться своей воле, а не закону Божию. Поначалу человеку кажется, что в этом есть какое-то успокоение. Но потом это превращается в скорбь, потому что он пренебрег таинством Божественного замысла спасения, не нашел Божьего пути, чтобы немедленно пойти по нему.

A. Из жития святого Пахомия

имический актер¹ по имени Сильван решил отречься от мира и пришел в монастырь святого Пахомия. Когда настоятелю сказали о приходе Сильвана, он позвал его и предупредил:

— Подумай, брат, какой это труд. Нужна благоразумная душа и трезвый ум, чтобы с помощью Божией благодати противостоять тому, кто нас терзает, особенно когда прошлые привычки тянут к дурному.

Сильван согласился делать все по наставлениям великого святого, и тот принял его. Бывший мим подвизался довольно продолжительное время, но потом вдруг опять перестал заботиться о своем спасении. Его потянуло к удовольствиям. Он соблазнял братьев пошлой болтовней, распевал при всех непристойные театральные куплеты. Святой Пахомий позвал

¹ Мим, или мимический актер. Раньше в актеры шли люди низкого происхождения, дурного воспитания и развращенные. Поэтому такие люди были редки в монастырях.

его к себе и несмотря на то, что Сильван подвизался уже двадцать лет, велел ему при всех снять монашескую одежду, взять свою мирскую и покинуть монастырь. Несчастный пал в ноги и стал умолять его:

— Еще раз прости меня, отче. Я верю, что Владыка, спасающий немощных, поможет и мне раскаяться за все то время, которое я провел в нерадении, и ты сам порадуешься перемене в моей душе и возблагодаришь Бога.

— Ты же видишь, — сказал святой, — сколько я тебя терплю. Не раз приходилось даже бить тебя. А ведь так я никогда ни с кем не обращался. У меня даже в мыслях не было поднять на кого-либо руку. Ты один вынуждал меня прибегать к таким мерам. Но даже когда я тебя бил, страдал в душе больше, чем ты, и сочувствовал тебе. Я думал, что иду на это только ради твоего спасения, чтобы хоть так отвратить тебя от греха. Но после стольких уговоров ты не исправился и после побоев ты не осознал, что для тебя полезно. Как же я могу допустить, чтобы такая паршивая овца паслась в стаде Христовом? Ведь она перепортит остальных, и немало братьев пострадает.

Но Сильван продолжал настойчиво уговаривать Пахомия, обещая исправиться. Тогда святой потребовал поручительства, что бывший мим опять не возьмется за старое. Святой дивный муж по имени Петроний взял Сильвана на поруки. Блаженный Пахомий одобрил такое решение и, благословив, передал несчастного Петронию. Сильван, получив прощение, начал смирять себя так, что для многих, а лучше сказать для всей братии, стал образцом и правилом для подражания во всякой добродетели и благочестии, особенно же в плаче по Богу. Часто даже во время трапезы из его глаз слезы лились ручьем, и он не мог удержать их, и они смешивались с его скучной трапезой. Так исполнилось на нем слово Давида: *Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами* (Пс 101,10).

Братья просили его не плакать при паломниках и посторонних людях, но он признавался, что сколько раз ни пытался

сдержать слезы, ему это не удавалось. Монахи говорили ему, что он может это делать только, когда останется один, во время умиленной молитвы. Но на трапезе следует сдерживать слезы (ибо душа, как говорили они, может и без внешних слез постоянно пребывать в умилении). Они спрашивали его, почему он так много плачет, и даже пытались запретить ему делать это (они говорили, что многие краснеют, глядя на него, и даже не могут есть).

— Как же не плакать, братья, — отвечал он, — когда мне прислуживают святые? Даже прах с их ног лучше меня. А уж сам я и вовсе недостоин их. И как же мне не скорбеть после этого?

Вы говорили, — продолжал Сильван, — что святые люди прислуживают мне, балаганному шуту. При этом, братья мои, я плачу и всякий раз боюсь, не уподоблюсь ли я святотатцам Дафанду и Авирону¹, которые хотели с лукавым произволением и нечистыми помыслами кадить святыне? Я уже многое признал, а о своем спасении даже не беспокоюсь и потому не стыжусь своих слез. Знаю, на мне грехов не счастье, и если бы я умер от горя, то в этом не было ничего удивительного.

Сильван подвизался довольно долго и успешно, и Пахомий Великий сам заговорил о нем при всех.

— Послушайте, братья! — сказал он. — Я клятвенно утверждаю перед Богом, что с самого основания киновии из всей моей братии никто не сумел подражать мне, кроме одного.

Услышав его слова, одни подумали о Феодоре, другие — о Петронии, третьи об Орсисии. Феодор спросил святого, о ком он говорит, но тот ничего не ответил. Феодор стал настаивать, и старшие братья тоже принялись просить старца сказать, о ком идет речь.

¹ В книге Чисел Ветхого Завета рассказывается о Дафанде и Авироне: они пользовались влиянием среди евреев, которые под руководством Корея восстали против Моисея во время странствования по пустыне. Моисей обратился за помощью к Богу, и — разверзла земля уста свои и поглотила их и дома их, и всех людей Кореевых и все имущество; и сошли они со всем, что принадлежало им, живые в преисподнюю (Числ 16, 32-33).

— Если б я знал, — сказал Пахомий, — что человек, о котором я сказал и которого сейчас назову, тщеславен, то не упомянул бы о нем. Но благодатью Христовой мне известно, что после моей похвалы он станет еще больше смирять себя. Поэтому для вящего подражания его жизни и не опасаясь за всех нас, я похвалю его.

Ты, Феодор, и те, кто, как и ты, — продолжал он, — совершают подвиг в монастыре, скрутили дьявола по рукам и ногам, словно воробья, и каждый из вас по милости Господа попирает его, словно прах. Но как только вы впадете в нерадение, лежащий у вас в ногах лукавый восстанет и обратится против вас.

Брат же Сильван, которого мы совсем недавно хотели изгнать из монастыря за его нерадение, теперь всей своей крепостью возненавидел диавола и с такой яростью восстал на него, что тот даже боится показаться ему на глаза, потому что Сильван полностью сокрушил его необычайной силой своего смиренномудрия. Вы, конечно, совершили дело добродетели и при столь великих свершениях обретаете дерзость. Он же, чем больше совершенствуется в своих подвигах, тем больше считает себя хуже всех и всей душой и всем своим помышлением смотрит на себя как на дрянь. Вот поэтому у него постоянно легко льются слезы, ибо он откровенно считает себя ничем и труды свои не ставит ни во что. А ничего так не боится дьявол, как смиренномудрия, когда оно проявляется на деле во всей своей силе и от всей души.

После этого Сильван подвизался еще восемь лет вдобавок к двадцати прежним и так закончил свой путь. Преподобный засвидетельствовал, что видел, как сонм ангелов с великой радостью принял его душу и вознес на небо и как избранную жертву доставил Христу.

Б. Из жития святой Синклитикии

Блаженная Синклитикия говорила, что смиренномудрие настолько велико, что дьявол, который может подражать чуть

ли не всем добродетелям, об этой даже не имеет ни малейшего понятия. Поэтому апостол Петр, знавший, насколько надежно и прочно смиренномудрие, заповедует нам облечься в него (см. 1 Пет 5, 5), то есть никогда не расставаться с ним, носить его, чтобы оно хранило и все другие добродетели. Как нельзя построить корабль без гвоздей, так невозможно и спастись без смиренномудрия. Обрати внимание на песнопение трех отроков (*в печи Вавилонской*): разве они упомянули все добродетели? Нет. К славящим Господа они причислили только смиренных и ничего не сказали о разумных и нестяжательных (Дан 3, 87). И Сам Господь, дабы исполнить Свой замысел нашего спасения, облекся в смирение: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). И пусть смиренномудрие станет началом и завершением всех благ.

В. Из Патерика

Кто-то из отцов рассказывал, что в Келлиях жил трудолюбивый старец, одевавшийся в рогожу¹. Однажды он пришел к авве Аммону. Тот увидел, что на нем рогожа, сказал:

— Для тебя нет от нее никакой пользы.

— Отче, — спросил старец, — меня смущают три помысла: или уйти в пустыню, или на чужбину, где меня никто не знает, или закрыться в келье и ни с кем не встречаться, и есть через день. Что мне из этого выбрать?

— Ничего из этих трех вещей тебе не полезно, — ответил авва Амон. — Но если хочешь моего совета, то лучше сиди в своей келье, ешь понемногу каждый день, постоянно держи в своем сердце молитву мытаря².

2. Брат пришел к великому старцу, жившему на Фермийской горе, и спросил:

¹ Такую одежду плели из соломы или камыша и носили для измаждения тела, как вериги или власяницу.

² Молитва мытаря — см. Лк. 18, 13: «Боже, милостив буди мне, грешному».

— Что мне делать, авва, душа погибает?

— От чего, чадо? — спросил старец.

— Когда я был в миру, — отвечал брат, — я охотно и подолгу соблюдал посты и бдения, и было у меня глубокое благочестие и ревность, а теперь не нахожу в себе ничего хорошего.

— Поверь, чадо, — сказал старец, — все эти дела в миру ты совершал ради тщеславия и людских похвал, а Богу они были не угодны, и потому сатана не воевал с тобой: какая нужда была ему лишать тебя рвения, от которого не было никакой пользы? А теперь лукавый увидел, что ты стал воином Христовым и воюешь с ним, тут и он ополчился на тебя. Богу же больше угоден один псалом, пропетый тобой с благоговением, чем тысячи, которые ты читал в миру. И твой малый пост Он принимает охотнее, чем недельный пост в миру.

— Да я теперь совсем не пошусь, отче, — возразил брат, — и все доброе, что было у меня в миру, теперь ушло от меня.

— Брат, — сказал старец, — хватит тебе и того, что у тебя уже есть. Только терпи, и все у тебя получится.

Но брат продолжал стоять на своем:

— Нет, право, авва, моя душа погибает.

— Вот что, брат, я не хотел тебе говорить, чтобы твой помысл не навредил тебе. Но вижу, сатана вверг тебя в лень, и потому скажу: когда тебе кажется, что в миру ты якобы творил благо и вел праведную жизнь, — это и есть превозношение. Точно так же думал и фарисей, и потому лишился и тех благ, которые сделал. А если ты теперь думаешь, что ничего хорошего не делаешь, этого, брат, тебе (вполне) достаточно для спасения, ибо такое понимание и есть смирение. Этим и был оправдан мытарь, не сотворивший ничего благого. Ибо Богу угодней человек грешный и ленивый, но с сокрушенным сердцем и смиренный, чем делающий много хорошего, но при этом превозносящийся тем, что он творит благо.

Получив великую пользу, брат поклонился старцу в ноги и сказал:

— Благодаря тебе, авва, спаслась моя душа.

3. Авва Епифаний сказал: «Хананеянка кричала, и была услышана, кровоточивая молчала и стала блаженной, мытарь не отверз своих уст, но его услышали, фарисей же вопил, но был осужден».

4. Авву Лонгина спросили:

— Какая добродетель выше всех остальных?

— Думаю, — ответил он, — поскольку гордыня — худшая из всех страстей и даже кое-кого смогла низвергнуть с небес, то смиренномудрие — больше всех других добродетелей. Ведь смиление способно поднять человека со дна бездны, даже если он грешен, как бес. Вот почему Господь прежде всего ублажает нищих духом.

5. Авва Сарматий сказал: «Мне больше по душе человек согрешающий, но осознающий, что он грешит и каётся, чем тот, кто не грешит и считает себя праведником».

6. В одном городе был епископ. По действию сатаны он впал в блуд. И вот во время службы в храме, когда еще никто ничего не знал, он исповедал свой грех перед всем народом.

— Я впал в блуд, — сказал он и сложил свой омофор в алтаре, — и больше не могу быть вашим епископом.

Все стали плакать и говорить:

— Твой грех на нас, только останься епископом.

— Если хотите, чтобы я остался епископом, сделайте то, что скажу, — он велел запереть двери церкви, лег на пороге у выхода и сказал:

— Не будет иметь части с Богом тот, кто, выходя из храма, не наступит на меня.

И все сделали по слову его. Когда вышел последний прихожанин, с неба раздался глас:

— За его великое смиление Я простили ему грех.

7. Старец говорил: «Мне больше по душе поражение со смиренномудрием, чем победа с превозношением».

8. Старец сказал: «Смирение часто и без трудов спасало многих. В подтверждение тому — мытарь и блудный сын. Они сказали всего несколько слов и спаслись».

9. Старец говорил, что наши отцы вознеслись на небо благодаря своей суровости, а мы, если удостоимся милости Божией, взойдем туда благодаря смиренномудрию.

10. Авва Исаия сказал: «Нам прежде всего нужно смиренномудрие, чтобы мы на всякое дело и слово могли сказать «прости». Потому что смиренномудрие разрушает все козни врага».

*О том, что смиренномудрый сам себя уничижает,
укоряет и умаляет любое
добroе дело, какое бы ни сделал,
а также о том, в чем особен-
ности смиренномудрия
и каковы его плоды*

45

A. Из Патерика

авва Антоний гворил: «Я увидел все сети дивола, расставленные по земле, и со вздохом спросил себя:

— Кто же минует их?

И услышал голос, который сказал мне:

— Смиренномудрые.

2. Он же сказал авве Пимену: «Такая работа у человека: перед лицом Бога возлагать вину за свои грехи на себя и ожидать искушения до последнего вздоха».

3. Как-то, когда авва Арсений был в своей келье, бесы восстали на него и принялись досаждать ему. Тем временем к нему пришли прислуживавшие ему братья. Когда они подошли к его келье и остановились возле нее, то услышали, как авва вопиет к Богу:

— Боже, не оставь меня. Ничего доброго я не сотворил пред Тобой, но по милости Твоей дай мне положить начало этому.

4. Брат пришел к авве Аммону и попросил:

— Авва, скажи мне слово.

Он прождал семь дней, но старец так ничего и не сказал ему. Когда же брат стал уходить, авва вышел проводить его и сказал:

— Мои прошлые грехи стали мрачной стеной между мной и Богом.

5. Авва Даниил рассказывал о дочери одного важного сановника в Вавилоне. Она была одержима бесом, и ее отец обратился за помощью к знакомому монаху, которого весьма чтили.

— Никто не может излечить мою дочь, разве что отшельники, которых я знаю, — сказал он. — Но если мы их попросим, то по своему смирению они не согласятся взяться за это дело. Поэтому давай поступим так: когда они придут на рынок, сделайте вид, будто хотите купить у них рукоделие, но деньги забыли дома, и вы пригласите их домой, дабы взять плату за рукоделие. А когда они придут, попросите сотворить молитву, и я верю, что моя дочь исцелится.

Они пошли на рынок, отыскали ученика старцев — он продавал свое рукоделие, взяли его с собой вместе с его корзинами и привели в дом, чтобы расплатиться с ним. Как только монах вошел в дом, одержимая подбежала к нему и ударила по щеке. Он тут же подставил ей другую щеку, как заповедал Господь. Бес не мог вынести этого.

— Какая мощь! Заповедь Иисуса выгнала меня, — закричал он и вышел из одержимой.

Дочь выздоровела, и разум вернулся к ней. Когда об этом рассказали старцам, они прославили Бога и сказали, что ничто не поражает так диавольскую гордыню, как смирение по Христовой заповеди.

6. Авва Карион сказал: «Я приложил много трудов, даже больше моего сына Захарии, но не достиг его меры из-за его смирения и молчания.

7. Как-то, когда авва Захария жил в Скиту, ему было видение. Он пошел и рассказал о нем своему авве Кариону. Но старец был больше практиком и не очень разбирался в подобных

делах. Он встал, поколотил его и сказал, что это у него от бесов. Но видение продолжало являться Захарии. Тогда он ночью пришел к авве Пимену и рассказал ему о видении и об огне, (который он чувствует) внутри. Старец понял, что это от Бога, и посоветовал:

— Пойди к такому-то старцу и сделай то, что он скажет.

Авва Захария пришел к этому старцу и не успел открыть рот, как тот опередил его и сам сказал то, что ему было нужно и что видение это от Бога.

— А теперь, — добавил он, — иди и слушайся своего отца.

8. Авва Моисей однажды спросил того же Захарию:

— Скажи, что мне сделать?

В ответ Захария поклонился ему в ноги и воскликнул:

— И ты спрашиваешь об этом у меня, отче?

— Поверь, чадо мое Захария, — ответил старец, — я видел, как Святой Дух нисходит на тебя и потому мне должно спрашивать у тебя.

Захария сорвал куколь с головы, бросил под ноги и принялся топтать его, приговаривая:

— Если человек не сокрушит себя вот так же, то не сможет стать монахом.

9. Авва Пимен рассказывал, что авва Моисей спросил удручающего авву Захария:

— Что ты видишь?

— Лучше помолчим, отче, — ответил тот.

— Да, чадо, молчи, — сказал авва Моисей.

В момент его смерти сидевший рядом авва Исidor взглянулся на небо и воскликнул:

— Радуйся, чадо мое Захария, — тебе открыты врата Небесного Царства.

10. Авва Евагрий сказал: «Самоосуждение есть начало спасения человека».

11. Как-то авва Феодор встретился с братьями другого монастыря. Увидев, как во время трапезы те в благоговейном мол-

чании брали чаши, но не говорили «благослови»¹, он сказал:

— Монахи утратили благородство и (теперь) не говорят «благословии».

12. Некий брат сказал авве Феодору:

— Хочу исполнить заповеди.

Тогда старец рассказал ему:

— Авва Фома тоже как-то сказал: «Хочу исполнить свой по-мысел о Боге». Он пошел в пекарню, взял муку и напек хлеба. Бедняки попросили у него, и он отдал им хлеб. Они попросили еще, и он отдал им корзины и свою одежду и в келью вернулся в одном омофории² и все равно ругал себя:

— Я не исполнил Божью заповедь.

13. Брат попросил того же авву:

— Скажи мне слово — я погибаю.

С большим трудом авва ответил:

— Я сам в опасности, что же могу сказать тебе?

14. Блаженный архиепископ Феофил как-то посетил гору Нитрийскую. Его встретил авва горы. Архиепископ спросил:

— Отче, что особенного ты обрел на этом пути?

— Винить и укорять себя во всем, — ответил старец.

— Кроме этого, иного пути нет, — согласился архиепископ.

15. Когда этот же архиепископ прибыл в Скит, собрались там все братья и попросили авву Памво:

— Скажи Папе³ слово для его пользы.

Старец ответил:

— Если нет пользы от моего молчания, тем меньше будет пользы от моего слова.

¹ Συγχωρίσον (греч.) – это слово святых отцов в те времена означало то же самое, что сейчас «благословии».

² Μαφόριον (греч.) – омофорий, одно из семи священнических облачений, возлагаемое на плечи и спускающееся в виде креста спереди и сзади.

³ Титул Папы относился только к одному из всех остальных православных патриархов – Александрийскому. Здесь скорее всего речь идет о патриархе Александрийском Феофиле, который был на кафедре в 385 - 412 гг.

16. Амма Феодора говорила, что ни подвиг, ни страдания, ни всяческие скорби — ничто не спасает, кроме истинного смиренномудрия. Был некий отшельник, который изгонял бесов. И вот начал он спрашивать их:

- Что вас заставляет выйти из человека? Пост?
- Мы тоже не едим и не пьем, — ответили они.
- Бдение?
- И мы не спим.
- Отшельничество ?
- Мы сами живем в пустынях.
- Что же тогда изгоняет вас?

Они ответили:

- Ничто не может победить нас, кроме смиренномудрия.

17. Авва Иоанн Колов говорил, что смиренномудрие и страх Божий превыше всех добродетелей.

18. Он же спросил:

- Кто продал в рабство Иосифа? (Быт 37, 28).
- Его братья, — ответил монах.

— Нет, — возразил старец, — его смирение. Ведь он мог бы начать спорить, сказать, что он их брат, но он промолчал и по смирению продал себя. И смирение поставило его правителем Египта.

19. Он же сказал: «Мы сбросили с себя легкое бремя: самоукорение, зато взвалили на себя тяжелое: самооправдание».

20. Про него же кто-то из отцов сказал: «Авва Иоанн благодаря своему смирению управляет Сkitом одним мизинцем». (*δια τνσ ταπεινωσεωσ αυτου εκρεμασεν ολην την Σκητιν εν τω μικρῳ δακτιλῳ αυτου*)

21. Авва Иоанн Фивейский говорил: «Монаху прежде всего нужно достичь смиренномудрия. Ибо это первая заповедь Спасителя: *Блаженны ниющие духом, ибо их есть Царство Небесное* (Мф 5, 3).

22. Авва Пимен сказал об авве Исидоре, что тот каждую ночь расходовал на плетение вязанку ветвей. Братья уговаривали его:

— Отдохни немножко, ведь ты уже не молод.

— Если, — отвечал он, — сожгут Исидора и прах его развеют по ветру, в том не будет мне никакой пользы, ибо ради нас Сын Божий приходил на землю.

23. Он же рассказывал об авве Исидоре: «Когда помыслы говорили авве, что ты, мол, великий человек, он отвечал:

— Разве я, как Антоний? Или стал, как авва Памво или как другие отцы, угодившие Богу?

После таких слов помыслы отступали, и он получал успокоение. Когда же враги пытались внушить ему страх и говорили, что после всего этого он уж точно угодит в ад, он отвечал:

— А вы даже и там будете ниже меня.

24. Авва Лонгин сказал: «Как мертвый ничего не чувствует и никого не осуждает, так и смиренномудрый не может осуждать человека, даже если увидит, что тот поклоняется идолам».

25. Авва Матой сказал: «Чем ближе человек к Богу, тем более грешным видит себя. Даже пророк Исаия, увидев Бога, назвал себя погибшим и нечистым».

26. Он же говорил: «Когда я был молод, то думал, что делаю что-то хорошее. А теперь, когда состарился, вижу, что у меня нет ни одного доброго дела».

27. Его же спросил один брат:

— Как в Скиту могли делать больше, чем требует заповедь, и любить врагов больше, чем самих себя.

Старец ответил:

— А я до сих пор даже того, кто меня любит, не люблю так, как себя.

28. Авва Иаков рассказывал:

«Как-то я зашел к авве Матою и, когда уходил, сказал, что собираюсь пойти в Келлии. Авва Матой попросил:

— Передай от меня поклон авве Иоанну.

Когда я пришел к авве Иоанну, то передал ему:

— Авва Матой велел тебе кланяться.

— Авва Матой, — сказал старец, — *вот подлинно Израиль-трянин, в котором нет лукавства* (Ин. 1,47).

Через год я снова зашел к авве Матою и передал ему поклон от аввы Иоанна.

— Я, конечно, недостоин слов старца, — ответил авва Матой, — однако знай: когда услышишь, что старец ставит ближнего выше себя, значит, он достиг великой меры, потому что совершенство в том и состоит, чтобы своего ближнего превозносить больше самого себя.

29. Брат попросил авву Матоя:

— Скажи слово.

Тот ответил:

— Иди и моли Бога, чтобы Он даровал твоему сердцу плач и смирение и всегда помни о своих грехах. Не осуждай других, но ставь себя ниже всех и отсеки от себя дерзновение. Сдерживай свой язык и чрево и совсем не пей вина. Если кто-нибудь станет говорить о каком-то деле, не спорь с ним. Если он правильно говорит, скажи «да»; если же неверно, скажи: «Ты знаешь, что говоришь». И не возражай ему на его слова. В этом и есть смирение.

30. Авва Ксанфий сказал: «Собака лучше меня, ибо у нее есть любовь, и она не впадает в осуждение».

31. Брат спросил авву Алония:

— Что значит уничижать самого себя?

Старец ответил:

— Ставить себя ниже бессловесных тварей и знать, что они не подлежат суду.

32. Авва Пимен сказал, что, если человек укоряет себя, он одолеет все.

33. Он же сказал:

— Если человек достигнет того, о чем говорил апостол: *Для чистых все чисто* (Тит. 1, 15), он увидит себя ничтожнее любой твари.

Один брат возразил:

— Как же я могу считать себя хуже убийцы?

Старец пояснил:

— Когда человек придет в меру, о которой сказал апостол, и даже если увидит, что кто-то совершает смертоубийство, то скажет себе: «Он сделал этот грех только один раз, а я убиваю каждый день».

34. Тот же брат спросил об этом изречении авву Анува и передал ему слова старца Пимена.

— Он хорошо сказал, — ответил Авва Анув, — так оно и бывает. Ведь если человек достигнет меры этого изречения и увидит немоющи своего брата, он поступит так, что своей праведностью покроет их.

Брат спросил:

— И в чем же его праведность?

— Укорять самого себя, — ответил старец. — Ведь кто укоряет самого себя, тот оправдывает своего ближнего. И такая праведность покрывает недостатки ближнего.

35. Об авве Пимене говорили, что он не любил высказываться об изречении какого-нибудь старца, но только всегда превозносил его. И еще говорили, что, если кто-нибудь приходил к нему, то он сначала отсыпал их к авве Ануву, потому что тот был старше. Авва же Анув советовал им:

— Идите к моему брату Пимену, потому что у него дар слова.

А когда заставали авву Анува сидящим рядом с аввой Пименом, то авва Пимен в его присутствии всегда молчал.

36. Авва Пимен вспоминал: «Блаженный авва Антоний говорил, что великая сила человека в том, чтобы свои собственные ошибки взять на себя перед лицом Господа и ожидать искушения до последнего издохания».

37. Тяжело вздохнув, он еще добавил:

— Все добродетели вошли в этот дом, кроме одной. А без нее все труды человека напрасны.

— Какая же это добродетель? — спросили его.

— Самоукорение, — ответил он.

38. Он же сказал: «Человек, если соблюдает (Божии) правила, то он ничего не боится. А мы потому страдаем от множества искушений, что не внимаем ни самим себе, ни своему поведению, хотя слышали из Писания про Авигею¹ (1 Цар 25, 2-40), как она сказала Давиду: *На мне грех*. Услышав эти слова, он полюбил ее. Авигея — прообраз души, а Давид — Божества. Если душа укоряет себя перед Господом, Он любит ее.

39. Авва Пимен сказал: «Я знаю, что попаду туда же, куда угодил сатана».

40. Он же сказал: «Человеку во всем нужно смиренномудрие и страх Божий, как воздух, которым он дышит».

41. Он же сказал: «Повергать себя перед Богом, не ценить самого себя и отсекать свою волю — вот орудия души».

42. Брат спросил его:

— Авва, о чём нужно думать, когда сидишь в келье?

Старец ответил:

— Я все еще человек, хотя по уши погряз в нечистоте, наше у меня бремя, и я вопиу к Богу: «Помилуй меня».

43. Он же сказал: «Если к тебе придет брат, и ты увидишь, что от его прихода нет пользы, спроси свой разум и узнай, какой был помысел у тебя до его прихода. Тогда ты поймешь причину бесполезности его появления и в чем твоя вина. Если ты сделаешь это со смиренномудрием, то не станешь обижаться на своего ближнего, то есть укориши не его, а себя и на себя же возьмешь собственные прегрешения. Ибо если человек со вниманием пребывает в келье, то не согрешает, потому что он предстоит перед лицом Бога. И как мне дума-

¹ Авигея была женой богатого землевладельца Навала Кармилитянина. Давид, спасаясь от преследований Саула, вместе со своими соратниками скитался в пустыне Маон. В это время Навал стриг своих овец и коз на горе Кармил. Давид послал к нему 10 отроков, чтобы попросить пищи в обмен на защиту, которую он давал пастухам Навала. Но тот грубо прогнал их. Давид решил наказать его. Узнав об этом, Авигея нагрузила ослов провизией и тайно от мужа привезла Давиду. Ей удалось смягчить его гнев. Благородие и красота Авигеи покорили Давида. После смерти Навала он взял ее себе в жены.

ется, именно от такого предстояния человек обретает страх Божий».

44. Он же рассказал, как однажды старцы сидели за трапезой, и авва Алоний прислуживал им стоя. Они похвалили его, но он ничего не ответил. Кто-то из старцев потом спросил его наедине:

— Почему же ты не ответил, когда старцы похвалили тебя?

— Если бы я ответил, — сказал авва Алоний, — это означало бы, что я принял похвалу.

45. Он же сказал: «Земля, на которой Бог заповедал приносить жертвы, — это смиренномудрие».

46. Авва Сисой говорил: «Кто хранит ум от осуждения, исполняет все Писание».

47. Некий брат пришел к авве Сисою на гору аввы Антония и во время разговора со старцем спросил:

— Отче, неужели ты не достиг меры аввы Антония?

— Если бы у меня был хоть один помысел аввы Антония, я бы весь стал, как пламень, — ответил старец.

48. Другой брат спросил его:

— Авва, я вижу, что память о Боге пребывает во мне.

— Не велико дело, — сказал старец, — что твой помысел всегда с Богом. Оно велико в том случае, когда ты считаешь себя хуже всякой твари. Это вместе с телесным трудом приводит к смиренномудрию.

49. Авва Сисой спросил брата:

— Как жизнь?

— Трачу мои дни впустую, отче, — ответил тот.

— Если я потрачу хоть один день впустую, то благодарю Бога, — ответил старец.

Иными словами: «Я благодарю Бога за то, что хоть один день у меня не прибавилось грехов».

50. Три старца, прослышиав про авву Сисоя, пришли к нему. Один спросил его:

— Отче, как мне спастись от скрежета зубовного и червя неусыпаемого?

Старец не ответил ему. Тогда другой задал ему вопрос:

— Отче, как мне спастись от скрежета зубовного и червя неусыпаемого?

И ему старец не ответил. Тогда его спросил третий:

— Отче, что мне делать, как вспомню о тьме внешней, так дух захватывает?

Только тут старец ответил:

— Сам я об этом даже не вспоминаю и все же надеюсь, что по своему благоутробию Бог помилует меня.

Услышав эти слова, старцы опечалились и собрались уходить. Но авва Сисой не хотел, чтобы они ушли опечаленными.

— Блаженны вы, братья, — сказал он. — Я даже завидую вам. Ведь если б наш ум вот так же постоянно помнил об этом, то мы не могли бы грешить. А что делать мне, жестокосердому? Я даже не позволяю себе вспоминать о том, что людям уготованы адские муки и потому все время грешу.

Старцы поклонились ему в ноги и сказали:

— Что мы слышали о тебе, то и увидели.

51. Авва Сисой говорил, что путь к смиренномудрию — воздержание, постоянная молитва Богу и стремление быть ниже любого человека.

52. Он же сказал, что об идолах написано: у них есть уста, но они не говорят, есть глаза, но они не видят и есть уши, но они не слышат. Таким же должен быть и монах. Как идолы — мерзость, так и монах должен считать себя мерзостью.

53. Брат спросил авву Крония:

— Как достичь смиренномудрия?

— Страхом Божиим, — ответил старец.

— А как обрести страх Божий? — спросил он.

— По-моему, — сказал старец, — надо утеснить себя во всем, налагать на себя телесные труды и по силе возможности не забывать об исходе души и о Божьем суде.

54. Авва Макарий возвращался как-то с болота с вязанкой веток в свою келью. На дороге ему повстречался дьявол

с саблей. Нечистый хотел было рубануть его саблей, но не посмел.

— Какая великая сила в тебе, Макарий! — сказал он, — ничего не могу с тобой поделать! А ведь ты все делаешь, как я. Ты постишься, и я пощусь. Ты бдишь, а я вообще не сплю. Только в одном ты сильнее меня.

— В чем же? — спросил авва.

— В смирении, — ответил лукавый. — Из-за него я против тебя бессилен.

55. Авва Иперехий сказал: «Смиренномудрие — это древо жизни, возносящееся к небу».

56. Старец сказал: «У кого есть смижение, тот укрощает бесов. А у кого смижения нет, тот становится игрушкой для них».

57. Он же сказал: «Будь не только смиреннословным, но и смиренномудрым. Ибо без смиренномудрия не возвысишься в Божиих делах».

58. Один великий анахорет спросил:

— Почему ты воюешь со мной, сатана?

Тот ответил:

— Но ведь ты же своим смиренномудрием еще больше воюешь со мной.

59. Старцы говорили: «Венец монаху — смиренномудрие».

60. Старца спросили:

— Когда душа обретает смижение?

— Когда переживает о своем содеянном зле, — ответил он.

61. Старец сказал: «Как земля никогда не падает вниз, так и смиряющий сам себя».

62. Два монаха были братьями по плоти и жили вместе. Но дьявол задумал разлучить их. И вот однажды младший зажег светильник, но бес подстроил так, что подставка перевернулась, и светильник упал. Старший в гневе ударил младшего. Но тот с земным поклоном воскликнул:

— Прости, брат, я сейчас снова зажгу его.

И тут сизошла такая Божья сила, которая разрушила все козни демона, и тот побежал жаловаться своему князю, жившему в капище.

Языческий жрец услышал, как демон жаловался своему князю, понял свое заблуждение, крестился и стал монахом. И с самого начала он хранил смиление и говорил:

— Смиление разрушает всю силу врага. Я сам слышал, как демон сказал: «Стоит мне только посеять ссору между монахами, как один из них делает поклон — и у меня вся сила пропадает».

63. Старец сказал: «Смиление не гневается и никого не вводит в гнев».

64. Старца спросили:

— Почему нас одолевают демоны?

— Потому что мы сложили наше оружие. Я говорю о самоуничижении, смирении, нестяжании и терпении, — ответил он.

65. Старца спросили:

— Что такое смиление?

— Это, — ответил он, — когда твой брат согрешит, ты простишь его прежде, чем он попросит у тебя прощения.

66. Об авве Сисое говорили, что когда он умирал, возле него собирались старцы и стали спрашивать его:

— Что ты видишь?

— Вижу, что пришли за мной, — ответил он, — а я прошу их оставить мне хоть немного времени на покаяние.

Один старец спросил:

— А если тебе дадут время, разве ты успеешь сделать что-нибудь для покаяния?

— Даже если ничего не успею, то хоть немного повздыхаю о своей душе, и мне хватит.

67. Как-то к старцу в Фиваиду привели одержимого, чтобы он исцелил его. Старец после многих молитв приказал бесу:

— Выходи из Божьего творения!

— Я выйду, — ответил тот, — только спрошу тебя об одном изречении. Ответь, кто такие козлища и кто агнцы? (См.: Мф 25,32).

— Козлища — это я, — ответил старец, — агнцев же знает Господь.

Услышав это, бес громко закричал:

— За твое смирение выхожу, — и тотчас оставил юношу.

68. Старцы говорили: «Когда брань смолкает у нас, тогда нам нужно смиряться еще больше. Ведь это значит, что Бог пожалел и покрыл нас, немощных. А если мы станем превозноситься, Он отнимет от нас Свой покров, и мы погибнем».

69. Брат спросил старца:

— В чем преуспеяние человека о Господе?

— Преуспеяние человека — это смирение, — ответил старец. — Чем глубже он нисходит в своем смирении, тем выше поднимается в преуспеянии.

70. Старец сказал: «Если говоришь кому-нибудь «прости меня», ты смиряешься сам и попаляешь бесов».

71. Старец говорил: «Если бы мельник не зашоривал глаза вращающему жернов ослу, тот стал бы поворачивать морду назад и поедать его зерно. Так и нам по замыслу Божьего спасения даются шоры, чтобы мы не видели добро, которое делаем, и не восхваляли бы самих себя и из-за этого не лишались бы своей награды. А для того чтобы мы осуждали себя, нам иногда попускаются нечистые помыслы, и мы видим только их. И вся эта грязь скрывает от нас то маленькое добро, которое у нас есть. Пока человек уничижает сам себя, его труды не напрасны».

72. Старца спросили:

— Что такое смирение?

— Смирение — великое Божье дело, — ответил он, — а путь к смирению — в страданиях тела и в том, чтобы считать себя грешным и хуже всех.

— Что значит считать себя хуже всех? — спросил брат.

— Это значит смотреть не на чужие грехи, — ответил старец, — а только на свои и непрестанно молиться Богу.

73. В одной киновии жил монах, который брал на себя грехи других братьев. Он обвинял себя даже в блуде и утверждал,

что он его совершил. Некоторые братья, не знавшие о его подвиге, начали роптать:

— Сколько же зла от него, — говорили они, — да при том еще и ничего не делает.

Авва знал, почему он так поступает, и сказал братьям:

— Одна его циновка, которую он плетет со смирением, для меня дороже ваших всех, сделанных с гордостью. Если хотите, то сами увидите извещение от Бога.

Он велел братьям развести костер, принести три своих циновки и одну брата и бросить в огонь. И только они бросили их в костер, как они тут же сгорели. Только циновка брата осталась нетленной. И те, кто совсем недавно обвиняли его, увидели это, пали ему в ноги и с тех пор чтили, как отца.

74. Один монах, получив рану, с земным поклоном извинился перед тем, кто поранил его.

75. Старец рассказал о двух мирянах, которые, договорившись между собой, оставили мир и стали монахами, и довольно ревностными, но по неведению сделали себя евнухами ради Царства Небесного, считая, что тем самым исполняют евангельское слово¹. Узнав об этом, архиепископ отлучил их от причастия. Они же, думая, что поступили правильно, возмущались и пошли к архиепископу Иерусалимскому и все рассказали ему. Но и тот отлучил их. Потом к Антиохийскому, но и там их не поняли. В конце концов, бедолаги дошли до папы Римского, как старшего, но и от него услышали то же самое².

¹ Здесь имеется в виду Евангелие от Матфея 19, 12. Такое буквальное понимание текста было распространено в некоторых сектах в первые века христианства. На самом деле самооскопление запрещено каноническими правилами нашей Церкви.

² В первые века христианства архиепископ Римский считался «первым среди равных» по отношению ко всем остальным главам поместных Церквей, поскольку он был архиепископом Римской Церкви, а Рим был столицей Римского государства. Папы стали называть Римскую Церковь верховной властью гораздо позднее, когда они захотели стать выше всех патриархов и получить светскую власть над всеми Церквями и всеми христианами.

Они задумались, а затем дружно решили:

— Все они ходят на соборы, вот и покрывают друг друга. Пойдем к святому Божию Епифанию, епископу Кипрскому, и от него узнаем Божью волю — он пророк и не смотрит на лица.

И оба горемыки отправились в путь. Но как только они пошли к городу, святому было открыто о них. Он послал людей, чтобы предупредить скопцов: «Даже в город не входите». И только тут бедняги вразумились.

— Мы и вправду ошиблись, — сказали они в один голос. — Пусть все отлучили нас неправедно. Но Епифаний — пророк, и Сам Господь открыл ему свою волю о нас!

Тут они стали ругать себя. И Бог увидел, что их сердца смирились, и они признали свой грех. Он известил об этом святого Епифания, и тот послал за ними и вернул их назад. Он утешил несчастных и принял в общение. А архиепископу Александрийскому написал: «Прими своих чад, ибо они воистину раскаялись».

— Вот это и есть исцеление человека, — сказал в заключение старец. — И Богу угодно, чтобы человек обнажал свои грехи перед Ним, а людям известит о том благодать.

76. Один брат, живший в Келлиях, достиг такого великого смирения, что всегда молился: «Господи, порази меня молнией, потому что, будучи в здравии, я не слушаюсь Тебя».

77. Старец сказал: «Если человек будет всегда втайне обличать, осуждать и унижать свою душу, то убедит ее, что она хуже собаки и скотины, потому что те не прогневили Создателя и не пойдут на суд. А по-моему, намного лучше (совсем) не попасть на суд, чем попасть на вечные муки».

78. Брат пришел к старцу и спросил:

— Как твои дела, отче?

— Плохо, — ответил старец.

— Почему, авва? — спросил брат.

Старец ответил:

— Вот уже восемнадцать лет я предстою перед Богом и каждый день ругаю себя: *проклятый, уклоняющийся от заповедей Твоих* (Ср.: Пс 118, 21).

Выслушав его, брат ушел, получив большую пользу от смирения старца.

79. Старец сказал: «Если ты безмолвствуешь в пустыне, не подумай, будто делаешь что-то великое. Лучше считай себя вроде собаки, изолированной от людей и посаженной на цепь, чтобы не кусалась и ни на кого не набрасывалась.

80. Старец говорил:

— Если ты живешь в пустыне и видишь, как Бог заботится о тебе, не возгордись в сердце твоем. Иначе Он отнимет Свою помощь у тебя. Но лучше говори: «По моему малодушию и немощи Бог оказал милость мне, чтобы я терпел и не ленился».

81. Старец сказал: «Если ты услышишь о великой жизни святых отцов и загоришься желанием подражать им, берись за дело — только призови имя Господа, дабы Он укрепил тебя на дело, которое ты избрал. Если с Божьей помощью ты завершишь его, то возблагодари Того, Кто помог тебе. А если не сможешь исполнить желаемое, признай свою неспособность и немощь, осуждай себя, смиряй свой помысел вплоть до самой смерти, считая себя ни на что не годным, жалким и нетерпеливым. Постоянно обличай свою душу за то, что она начинает дело и не заканчивает, — и так ты сможешь спастись».

82. Как-то авва Макарий Египетский из Скита пришел на гору Нитрийскую на праздник аввы Памво, и старцы попросили его:

— Скажи слово братьям, отче.

— Я еще не был монахом, — начал авва Макарий, — но видел монахов. Однажды я сидел в своей келье в Ските, и помыслы одолели меня. «Иди в пустыню», — говорили они, — и взглянись в то, что там увидишь». Я пять лет воевал с этим помыслом, вдруг — он от бесов.

Но помысел оставался, и я пошел в пустыню. Там я увидел озеро с островом посередине. Звери пустыни приходили туда на водопой. И среди них я увидел двух нагих людей. Меня охватил страх, потому что я подумал — это духи. Они заметили, что я испугался, и заговорили со мной:

— Не бойся. Мы тоже люди.

— Откуда вы, — спросил я, — и как оказались в пустыне?

— Мы были в киновии. Но потом решили вместе переселиться сюда и живем тут уже сорок лет. Я египтянин, а он ливиец.

Они спросили меня:

— Как там в миру? Бывает ли вовремя половодье¹ и сохраняется ли в мире благоденствие?

Я сказал «да» и спросил, могу ли я стать монахом?

— Если человек не отречется от всего мирского, — ответили они, — то не сможет стать монахом.

— Но я немощен, — возразил я, — и не могу жить, как вы.

— Если не можешь, как мы, — сказали они, — сиди в келье и плачь о своих грехах.

Я спросил:

— Когда наступает зима, вы мерзнете? А летом, когда зной, солнце не обжигает ваши тела?

— Господь так промыслил о нас, что мы ни зимой не мерзнем, ни летом не сгораем от зноя.

Вот почему я и сказал вам: «Я еще не был монахом, но видел монахов». Простите меня, братья.

83. Однажды авва Антоний молился в своей келье и услышал глас: «Антоний, ты еще не достиг меры такого-то сапожника в Александрии». Утром старец встал и, взяв в руку пальмовый посох, пошел к упомянутому человеку. Придя к нему, авва обнял его, сел рядом с ним и сказал:

¹ Речь идет скорее всего о разливе Нила, от которого зависели урожай и благополучие населения.

— Расскажи-ка мне, брат, про твои дела.

— Да что-то, авва, я не нахожу за собой никаких добрых дел, — начал сапожник. — Утром встаю, сажусь за работу и говорю себе: «Весь город от мала до велика войдет в Царство Небесное за свою праведность. Один я за свои грехи попаду в ад». И вечером перед сном я опять повторяю те же слова.

Услышав это, старец сказал:

— Ты воистину, как хороший золотых дел мастер, спокойно сидишь у себя дома и унаследовал Царство. Я же, безрассудный, всю жизнь провел в пустыне, но не дорох до тебя.

Будь осторожен, читатель, чтобы не понять этот рассказ без рассуждения и превратно и не получить, вместо пользы, вред! Иначе довольно простую мирскую работу, да еще и не утомительную, ты предпочтель всей аскетической жизни того, кто был родоначальником отцов и вершиной. А ведь Антоний, как сказал апостол, *получил свою награду по своему труду* (1 Кор 3, 8), и Бог прославил его превыше всех отцов и вознес туда, где пребывает сам Господь, что было открыто одному из святых. Ведь если Антонию Великому, «огненному столпу, просвещивающему вселенную», как сказал о нем кто-то из святых, следует предпочесть сапожника только за один благочестивый помысел, то почему бы в таком случае не сделать этого мастера всеобщим примером для подражания, чтобы все уподоблялись ему, если он больше подходит для этого, тем более это так легко сделать? Почему же мы, монахи, оставили его в стороне и с надеждой смотрим на дивную жизнь Антония, как на образец, и каждый из нас старается во всем подражать ему? А ведь подражать Антонию стоит таких трудов — некоторые пытались подняться на его высоту, но, по-моему, мало кому из них это удалось.

Из этого видно, что Бог, по слову Писания, смиряет тех, кого любит (Притч 3, 12). Он дал апостолу Павлу *жало в плоть*, чтобы тот *не превозносился чрезвычайностью откровений* (2 Кор 12, 7-9). Антония Великого он тоже укрепил сми-

рением, когда тот уже был преисполнен плодов и дарований Духа и захотел узнать свою меру совершенства. Вот почему Человеколюбец сказал ему как человеку, что он еще не стяжал меры сапожника. Сказав так, Он не солгал (упаси Боже!), а изрек сущую правду. Однако о какой мере говорил Он? О такой мере добродетели, какая была у сапожника: не воображать о себе ничего великого, жить в миру просто и по совести, которая сильно обличает тебя. Вот почему как человек совестливый и знающий себя мастер чистым сердцем воспринимал всех праведными и достойными Царства, не смотрел на чужое зло и лишь себя считал виноватым и обреченным на вечные мучения.

Честь и хвала ему за то, что, будучи простым человеком и живя в миру, он обладал таким образом мыслей. Однако же это не делает его выше Антония Великого. Только в одном сапожник превзошел святого: считал себя грешнее всех людей. И Антоний Великий был смиренномудрым и не считал себя достойным даров Святого Духа. Однако его ум постоянно напоминал ему о плодах и дарованиях, которых он удостоен и которых многие лишены. И потому он не мог считать себя грешнее всех людей, как тот сапожник, хотя особенно осуждал самого себя. В этом сапожник превзошел его. Поэтому Бог, когда так сказал святому Антонию, изрек истину и Своего сына привел в еще большее смиренномудрие. Вот так понимай это и в отношении других святых, которым Бог открыл или сказал нечто подобное.

В. Из святого Ефрема

Начало плода — цветок. Начало смиренномудрия — послушание о Господе. Ибо кто стяжал его, тот послушен, скромен, почтителен к малым и великим. И я верю, что в награду от Господа он получит вечную жизнь.

2. Брат сказал: «Я дал такое обещание Господу: если мой брат попросит меня сделать что-нибудь, я скажу помыслу:

— Это твой Господь, слушайся его.

Если и другой брат попросит, то я и ему скажу:

— Это брат твоего Господа.

Даже если ребенок станет мне приказывать, то я скажу:

— Слушайся сына твоего Господа.

Так брат противостоял чуждым помыслам. Все он исполнил без смущения и за это при содействии благодати обрел смижение».

Г. Из аввы Исаии

У кого есть смиренномудрие, у того не повернется язык обращаться с одним небрежно, с другим — презрительно. Он не заметит чужих недостатков и не услышит того, что неполезно для его души. Ему ни до чего нет дела, кроме своих грехов. И со всеми людьми он сохраняет мир по Божьей заповеди, а не из чувства некоей симпатии. Но если кто не придерживается такого пути, то пусть он хоть постится шесть дней в неделю и изнуряет свое тело непосильными подвигами, все его труды бесполезны.

2. Брат, приучи свой язык говорить «прости», и смижение придет к тебе. Возлюби смижение, и оно избавит тебя от твоих грехов.

3. Не пренебрегай никаким трудом, ибо труд, страдания и молчание рождают смижение, а смижение стирает всякий грех. И знай, что пока человек пренебрегает собой, то думает в сердце своем, что Богу он друг. Когда же он избавиться от страстей, ему станет стыдно даже поднять свой взор к небу, откуда смотрит Господь, и тогда он осознает, насколько он далек от Бога.

4. У одного хозяина было два раба. Он послал обоих убрать поле и велел каждому жать по семь статов¹ в день. Первый раб изо всех сил старался исполнить слово хозяина, но не успевал, потому что это было выше его сил. А другой, ленивый, по-

¹ Стат — часть поля, которую человек засевал без передышки, а после отдыха начинал новый стат.

думал: «Как же можно сделать такую работу за день!». Он пренебрег приказанием, махнул на работу рукой и лег спать. Он и спал, и зевал, и вертеся с боку на бок, как дверь на петлях — и так целый день потратил впустую. Наступил вечер, и оба явились к хозяину. Тот проверил работу обоих и увидел, что сделал усердный раб. И хотя он не довел работу до конца, как было велено, но все же проявил усердие, и хозяин похвалил его. А ленивого раба, как ослушника, выгнал из дома.

Давайте и мы не будем бояться никаких трудов и скорбей, но работать по мере наших сил, от всей души и со смирением. И я верю, что Господь примет нас вместе со своими святыми, которые трудились довольно много.

5. Если не идти против совести ближнего, это рождает смиренномудрие. Смирение рождает рассуждение. Рассуждение уничтожает все страсти, искореняя одну за другой. Однако нельзя обрести рассуждение, не подготовив для него почву заранее: сначала удаление от всего чуждого, что рождает единение. Уединение рождает плач. Плач рождает страх Божий. Страх рождает смирение. Смирение — рассуждение. Рассуждение — прозорливость. Прозорливость — любовь. А любовь делает душу чистой и бесстрастной. И вот после всего этого человек видит, как он далек от Бога.

6. Если ты не уверен, что твой труд угоден Богу, ты тем самым приготовил себя для Божией помощи, которая защитит тебя. Ибо кто отдал Ему свое сердце в благочестии и истине, даже мысли не допускает о том, что он угодил Богу. Ведь пока совесть уличает его за нечто противоестественное, он чужд свободы. Ведь если есть улики, то есть и обвинение. А где есть обвинение, там нет свободы.

Д. Из аввы Марка

Как высокомерие чуждо кающемуся, так смиренномудрие несвойственно тому, кто преднамеренно грешит. Смиренномудрие — не угрызения совести, а познание Божией милости

и сострадания. Если бы мы радели о своем смиренномудрии, то не нужно было бы и наказывать нас. Все злое и страшное происходит с нами только из-за нашей самонадеянности. Если уж апостолу был дан ангел сатаны, удручать его, чтобы он не превозносился (2 Кор 12, 7-9), то насколько больше мы заслужили за нашу гордыню получить сатану, чтобы тот попирал нас, пока мы не смиримся.

Наши предки и домами владели, и богатство наживали, и жен имели, и детей растили, но и с Богом беседовали по своему безграничному смиренномудрию. А мы мир оставили, богатство презрели, родных покинули и решили — мы уже рядом с Богом. За такое превозношение бесы потешаются над нами. Кто превозносится, тот не знает сам себя. Ведь если бы он знал себя, свое неразумие и немощь, то не превозносился бы. А кто не знает сам себя, как он может знать Бога? А уж если он не осознал собственного неразумия, от которого неотделим, то как сможет постичь премудрость Божию, которая далека и непостижима?

Ибо кто знает Бога, в том отражается Его Величие, и тот презирает себя, как блаженный Иов, который говорил: *Я слышал о Тебе слухом уха, теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле* (Иов 42, 4-6). Кто подражает Иову, тот видит Бога. А кто видит Бога, тот и знает Его. И если мы хотим видеть Его, то надо смирять и унижать себя. Тогда мы не только увидим Его воочию. Он Сам войдет к нам и почнет в нас, и мы вкусим сладость общения с Ним. Тогда Его премудрость умудрит наше неразумие, а Его сила укрепит нашу немощь, и эта сила удержит нас в Господе нашем Иисусе Христе, удостоившем нас такого дара.

Е. Из святого Диадоха

Смиренномудрие — дело труднодостижимое и такое великое, какое добывается (только) после многих подвигов. Оно приходит к причастникам святого ведения двумя способами. Когда подвижник благочестия находится на середине духов-

ного опыта, то или по телесной немощи, или же из-за *неожиданной* враждебности некоторых к поборникам праведности, или когда из-за лукавых помыслов его ум в какой-то мере смиряется. И когда святая благодать осенит ум, и он будет извещен и ощутит это, тогда душа воспримет смиренномудрие как естественное. А питаемая божественной благодатью, она уже не может превозноситься от тщеславия, даже если и постоянно исполняет Божьи заповеди. Более того она еще больше смиряется, приобщаясь божественной кротости.

Первому смиренномудрию присущи *многия печали* и уныние, другому же — радость с мудрой стыдливостью. Первое достигается на середине подвига, как я уже говорил, а второе ниспосыпается приближающимся к совершенству. Поэтому первое зачастую бывает поругано житейскими благами, а второе и бровью не поведет, даже если ему предложат все царства мира. Оно не ощущает страшных стрел греха, ибо оно все — дух и не знает никаких телесных радостей. И подвижнику необходимо всеми способами преодолеть первое и потом достичь второго. Ведь если благодать с помощью поучительных страданий не смягчит нашу самонадеянность, не принуждая, но испытывая нас одним, то она не вознаградит нас великолепием другого.

Ж. Из святого Максима

Смиренномудрие — это непрестанная молитва со слезами и скорбью. Оно все время призывает Бога на помощь и не позволяет бездумно полагаться на свои силы и разумение, ни превозноситься над другим — таковы пагубные проявления страсти превозношения.

З. Из аввы Исаака

Человек, достигший понимания меры своей немощи, достиг предела смиренномудрия и богопознания. Поэтому он постоянно благодарит Бога и богатеет божественными дарами.

Его уста всегда возносят Ему хвалу, а сам он неизменно получает благословение от Бога. В его сердце, которое не устает благодарить (Творца), постоянно возрастает благодать. Как смирение предшествует благодати, так и гордыня бежит впереди искушения.

О том, как полезно самоукорение

46

А. Из Патерика

лаженный Зосима рассказывал:

— Когда я некоторое время жил в Лавре аввы Герасима, там у меня был друг. Как-то мы сидели с ним и говорили о душеполезном. При этом нам вспомнились слова, которые сказал авва Пимен: «Кто во всем укоряет самого себя, тот обретает успокоение». Припомнилось и изречение аввы горы Нитрийской. Когда его спросили:

— Отче, что главное обрел ты на этом пути?

Он ответил:

— Всегда винить и укорять самого себя.

При чем сам спросивший подтвердил это:

— Кроме этого, другого пути нет.

Когда мы вспомнили это, то с изумлением сказали друг другу:

— Сколько силы в словах святых! Вот уж действительно, раз они так говорили, то, как сказал Антоний Великий, говорили «истину, проверенную опытом». И в их словах столько силы, потому что они сами это пережили. Не зря один мудрец сказал: «Пусть твои слова подтвердят твоя жизнь».

И вот когда мы так разговаривали, друг вспомнил:

— А мне ведь тоже пришлось на деле пережить эти слова и то, какое успокоение они приносят. (Знаешь,) в Лавре у меня был настоящий друг, диакон. Но он вдруг ни с того, ни с сего начал меня подозревать в одном деле, обиделся и стал отчужденно смотреть на меня. Заметив это, я спросил о причине его отчужденности. Он ответил, что я сделал то-то и то-то, чем обидел его. А я и понятия не имел о том, про что он говорил, и принялся доказывать, что к этому совсем не причастен. Но мои слова его не убедили, и он сказал: «Прости, но я тебе не верю». Тогда я уединился в келье и начал тщательно исследовать, уж не сделал ли я и в самом деле что-нибудь такого, но ничего не нашел. И я снова подошел к нему, когда он держал святую чашу, из которой причастились братья, и перед святой чашей опять попытался доказать, что не нахожу за собой никакой вины, но он и слушать не захотел.

Тогда я снова заглянул внутрь самого себя, и тут мне вспомнились слова святых отцов, я поверил в их глубокий смысл, и мои мысли потекли несколько иным руслом. «Диакон, — сказал я сам себе, — искренне любит меня и по любви дерзнул сказать мне то, что у него на сердце ко мне, чтобы я покаялся и не делал этого впредь. Так что же ты, жалкая душонка, говоришь, что не делал этого. А помнишь ли ты, что сделал вчера и сегодня утром? Может быть, ты вот точно так же забыл и об этом деле». Рассуждая так, я убедил свое сердце, что и в самом деле на мне грех, но я забыл о нем, как и о многих других, совершенных прежде. Мое сердце преисполнилось благодарности к Богу и отцу диакону. Это благодаря ему я осознал свой грех и раскаялся.

С такими мыслями я встал и пошел к келье диакона, чтобы поклониться ему в ноги, попросить прощения и поблагодарить его. Подойдя к его двери, я постучался. Он открыл и первый положил мне поклон. «Прости меня, — сказал он, — я заподозрил тебя в этом деле — бес попутал. Но Бог открыл мне истину: ты тут ни при чем и даже понятия не имел об этом».

Только я собрался было переубедить его в обратном, как он прервал меня, сказав: «В этом нет нужды».

Тут блаженный Зосима добавил:

— Вот в этом и есть истинное смиление. Брат стремился к нему, и оно избавило его сердце от обиды на диакона, хотя тот, во-первых, подозревал его в том, в чем сам не был убежден наверняка. Во-вторых, не поверил его объяснениям, которые могли бы убедить даже врага, не то что истинного друга. Но брат, как я уже говорил, не только не обиделся, но сам взял на себя грех, которого не совершал, потому что счел слово диакона более достоверным, чем голос своего сердца. Более того он даже решил покаяться и поблагодарить диакона за то, что благодаря ему он избавился от греха, которого у него не было и в помине.

— Видишь, — продолжал блаженный, — что может смиление и самоукорение и к какому преуспеянию они приводят, если достигнешь их? Вот если бы мы обрели их и научили бы свое сердце помыслам смиренномудрия, то лукавый не нашел бы в нас почвы для посева своих злых семян. Но нечистый видит, что у нас на месте благих помыслов — пустыня, более того мы сами толкаем себя ко злу, поэтому он берет наши желания, примешивает к ним что-то от себя и превращает нас из людей в бесов. Бесовское это занятие — постоянно смущаться самим и смущать других. Иначе обстоит дело с добродетелью. Ведь если Господь видит, что душа жаждет спасения, возделывает или стремится возделывать благие помыслы и выказывает благое произволение, то Он ниспосыпает ей Свою благодать. Душа с помощью благодати постепенно восходит к величайшему преуспеянию. Как говорится в Писании, любящим благо Бог содействует ко благу (Ср.: Рим 8, 28).

*О том, что не следует искать
ни почестей, ни первенства,
ибо что почетно у людей,
то мерзость у Бога*

47

A. Из святого Ефрема

рат, зачем ты обманываешь себя? Ведь это диавол толкает тебя на грехи ради чинов, но в них ты не найдешь пользы, даже если добьешься почестей. Послушай, что сказал об этом апостол: *Не тот достоин, кто себя хвалит, но кого хвалит Господь* (2 Кор 10, 18). Вот и Господь говорит: *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Бога, не ищете?* (Ин 5,44). Приди в себя, возлюбленный, и вспомни, ради чего ты отрекся от житейской суэты и от дьявола с его гордыней и перестань думать о мирском. Неужели тебе не известно, что, если ты унижаешь своего ближнего, то совершаешь грех самолюбия и тщеславия? Подумай и над тем, что ты считаешь себя главнее брата по своему тщеславию и самолюбию и по тому, что не желаешь смириться перед ним. Неужели тщеславием ты сможешь оправдаться перед Богом и удостоиться предпочтения на Небесах? Никогда! Господь сказал: *Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Мф 20,26-27).

Смотри, брат, как бы тебе от желания быть первым не оказаться самым ничтожным в будущем веке и не услышать того, что услышал тщеславный богач, когда горел в неугасимом пламени: *Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей* (Лк 16, 25). В Писании сказано: *Что высоко у людей, то мерзость пред Богом* (Лк 16, 15). Подумай, брат, что ты умер для мира и твоя жизнь похоронена со Христом в Боге. *Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе* (Кол 3, 4). Не люби человеческую славу здесь — она не останется с тобой навечно. Как сказано: *Всякая плоть — тра-ва, и вся красота ее — как цвет полевой...* и т. д. (Ис 40, 6). Сбрось с себя, возлюбленный, ярмо врага и его гордыни и преклони свою выю под сладчайшее иго нашего Владыки. Ведь это Он сказал: *Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя, возвысится* (Лк 14, 11). И в другом месте говорится: *Господь гордым противится, а смиренным дает благодать* (1 Пет 5, 5).

Опасайся, возлюбленный, как бы это не про нас было сказано: *Возлюбили большие славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин 12,43). Смирим себя перед всеми ради Господа, чтобы получить покой и здесь, и там. Это ведь Сам Господь сказал: *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф 11, 29). Знай же, возлюбленный, еще и то, что в мирской жизни хвалят того, у кого хорошо подвешен язык, а в монашеской — велик перед Богом тот, кто возлюбил уединение и молчание. Опять же у мирских людей в чести тот, кто ухаживает за своим телом и часто меняет пластие, а у нас кто всем этим пренебрегает и заботится лишь о самом необходимом для тела, тот беспокоится о своей небесной славе. Как сказал апостол: *Имея пропитание и одежду, будем довольствоваться тем* (1Тим 6, 8).

Опять же в этой жизни кто кичится телесным здоровьем и богатством, того люди считают великим. А в нашей жизни воистину высок и избран тот, кто любит смиление и предпочитает

скромность, как написано: *Бог избрал немудрое мира..., чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничтоженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* (1Кор 1, 27-29). Возлюбим и мы угодное нашему Господу, как добрые и благодарные рабы. А человекоугодия постараемся избегать. *Если б я, — сказал апостол, — и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым* (1 Гал 1, 10). Ибо, как говорится в другом месте, *весь мир лежит во зле* (1 Ин 5, 19).

*О том, что проявлять
смирене не ко времени и
без меры не полезно и даже
вредно, и о том, как должно
относиться к похвалам
и что бдительному
похвала не вредит*

48

А. Из Патерика

Сдин брат пришел к авве Серапиону. Как обычно, старец предложил ему сотворить молитву. Но тот будто не слыша, стал называть себя грешником, недостойным монашеского звания. Старец хотел омыть ему ноги, но брат уклонился и от умовения под тем же предлогом. Тогда авва, усадив его за стол, принялся за трапезой вразумлять:

— Чадо, если хочешь получить пользу, терпеливо сиди в келье, внимай себе и рукоделью. Ибо никакое хождение по братьям не принесет такой пользы, как пребывание в келье.

Он же, услышав эти слова, обиделся, даже изменился в лице, что не укрылось от глаз аввы Серапиона, который стал увершевать его:

— Ты только что сожалел, какой ты грешник, осуждал себя и говорил, что недостоин жизни. А теперь, когда я с любовью начал наставлять тебя, ты весь распалился? Если ты хочешь быть смиренным, научись мужественно переносить неприятности от других и не приучай себя к пустословию.

Услышав это, брат поклонился старцу в ноги и ушел, получив великую пользу.

Б. Из святого Варсонофия

Брат спросил старца:

— Тому, кто хочет уединиться, что делать со славой, которая возникает вокруг него? Ведь она может навредить ему, да и отцы предупреждали: «Горе человеку, у кого имя больше, чем его труды»

Старец ответил:

— Иметь громкое имя или славу, которые больше, чем твой труд, вовсе не вредно, если ты не радуешься этому и не соглашаешься с тем, что говорят. Это все равно, как если бы тебя оклеветали, обвинили в убийстве, которого ты не совершал. При этом нужно думать так: люди, мол, питают ко мнеуважение, но они не знают, каков я на самом деле.

О том, во что и как следует одеваться и о том, что отцы любили в одежде простоту, и каждый верующий должен стремиться к тому же

49

A. Из жития святого Иоанна Милостивого

то сможет по достоинству описать (жизнь) дивного патриарха Иоанна? Он был скромен в еде и одевался и спал, как бедняк, потому что не забывал о добродетелях, в том числе и о том, чтобы ничем не отличаться от большинства простых людей. Но, конечно же, среди его знакомых горожан нашелся такой, который решил позаботиться о святом. Он купил шубу за тридцать шесть номисм¹ и послал благенному патриарху, с большим трудом уговорив его не отказываться, но принять ее в дар.

Только после настойчивых и горячих просьб этого мужа патриарх согласился принять шубу, но потом всю ночь напролет корил себя, и его служители слышали, как он стонал, приговаривая:

— Ну, как же не осуждать меня, Иоанна, когда я ношу одежду за тридцать шесть золотых монет, а у моих братьев во Христе нет крыши над головой. Они мерзнут от холода, им недосту-

¹ Номисма (греч.) – крупная золотая монета, основная денежная единица Византии.

пен даже клочок жалкого рубища, чтобы укрыться! А многие ложатся спать без куска хлеба, с пустым желудком. И они, бедняги, как нищий Лазарь, желают напитаться крошками, падающими с моего стола (Ср.: Лк 16, 21).

— Ах! — продолжал патриарх. — Сколько сейчас чужеземцев и странников в городе! Им даже негде голову преклонить. Они алчут и жаждут, noctуют на базарной площади. А я наслаждаюсь всевозможными благами, ем досыта и ко всем прочим уладам теперь еще облачусь в этот роскошный наряд! И что ж за это я услышу в судный день? Только такие слова: *Ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а бедные — злое! Ныне же они здесь утешаются, а ты (по заслугам) страдаешь* (Ср.: Лк 16, 25). Но благословен Господь! Жалкий Иоанн никогда не оденет на себя эту роскошь, а на деньги за нее оденет нищих.

С рассветом он послал продать подарок на рынке. Но даритель как только увидел свою шубу, тотчас же снова купил ее и отоспал святому. Тот принял ее, но сразу же опять отправил ее на продажу. Так произошло не раз и не два, но много раз. Причем патриарх сказал дарителю:

— Посмотрим, кто из нас двоих остановится первым: я — продавать или ты — покупать и дарить.

Но этот муж был чрезвычайно богат, и святой нарочно вынуждал его тратиться, чтобы хоть какая-то часть его денег досталась бедным.

Б. Из жития святого Арсения

Великий Арсений настолько презирал и считал ничтожным все мирское, что даже видеть житейские вещи ему было невыносимо. Более того, он отверг и пренебреж своей прежней жизнью при дворе с ее блеском и нарядами, какие тогда носил сам, а теперь одевался так просто, что ничем не отличался от бедного крестьянина в ветхом рубище с рваной спиной. Но бедняцкая одежда радовала его больше и казалась ему прекраснее (прежних одежд), потому что он стремился

больше украшать и очищать себя изнутри, чем наряжать свое тело.

В. Из Патерика

Брат спросил старца:

— Хорошо ли приобрести две рубашки?

Старец ответил:

— Приобретай хоть две рубашки, но не приобретай зла, которое оскверняет все тело и душу. Душе не нужна злоба, а телу покров нужен. Поэтому, как говорится в Писании, *имея пропитание и одежду, будем довольны тем* (1Тим 6, 8).

Г. Из аввы Исаии

Смотри, не допускай, чтобы твое тело было обезображенено грязью, а ты еще и гордился этим. Но если ты новонаачальный, то можешь допустить безобразие — тебе это полезно. Не желай ничего из вещей, какие увидишь у своего ближнего, будь то одежда, пояс или куколь. Не иди на поводу у своей страсти, приобретая себе такую же вещь, как у него. А приобретешь книгу, не украшай ее, потому что тогда она станет твоей страстью. Украшение тела — разрушение души. А заботиться о теле со страхом Божиим — дело доброе.

Д. Из аввы Исаака

Полюби бедную одежду, чтобы презирать коренящиеся в тебе помыслы, то есть превозношение. Ведь тот, кто любит блеск, не может обрести смиренные помыслы, потому что и сердце у него стало таким же, как его внешность.

Е. Из Патерика

Авва Исаак сказал братьям:

— Раньше наши отцы и авва Памво носили одежду грубую и латаную-перелатаную, а теперь вам нужно все дорогое. Уходите отсюда — из-за вас тут все пустеет.

А когда он собрался на жатву, добавил:

— Никаких заповедей вам не дам, потому что все равно не исполните.

2. Он же говорил:

— Авва Памво сказал, что на монахе должен быть такой гиматий¹, что, если выбросить его из кельи и оставить на три дня на улице, то никто бы на него не позарился — настолько он должен быть негодный.

Ж. Из святого Ефрема

Кто любит наряжаться, наносит вред душе. Роскошная одежда — позор для души монаха, потому что порождает в нем превозношение, а простота ему полезна и похвальна. Думай, монах, о внутреннем делании, а не о бесполезном украшении стен, поскольку красота кельи не даст тебе терпения. Делай только самое нужное, а то, что лишнее и доставляет хлопоты, вредно и губительно.

¹ Гиматий (греч.) — накидка из цельного куска ткани, которая перекидывалась через плечо.

*О том, что ничего
не должно делать
ради удовольствия
или по пристрастию*

50

А. Из жития святого Пахомия

Еликий Пахомий в одном из своих монастырей построил храм и вокруг него кирпичную галерею с красивыми колоннами. Когда работы были завершены, он увидел, что получилось неплохо, но тут же подумал: все же не годится восхищаться делами рук человеческих и восторгаться красотой собственного труда. Сооружение было еще совсем свежим. Пахомий взял веревки, привязал к колоннам и велел братьям тянуть изо всех сил, пока колонны не покосились и сооружение не утратило стройность. Тогда он остановил братьев и сказал:

— Братья, не стремитесь лучше всех украсить дела рук своих, но лучше молитесь, чтобы Христова благодать и дар Святого Духа защитили наши труды от разорения и похвала нашего мастерства не помрачила наш ум, и он не стал бы добычей диавола, — а у того козней много.

Б. Из аввы Варсонофия

Брат спросил старца:

— Если мне попался сосуд, и он мне нужен для послушания, какое я несу по хозяйству, но чувствую, что испытываю

пристрастие к нему, то не дам ли я повод для своей страсти, если возьму его?

Старец ответил:

— Если сосуд тебе нужен, но тебя одолевает помысел пристрастия к нему, скажи помыслу: «Он мне нужен, но зачем заставляешь меня брать его по прихоти?» Как только страсть от тебя отступит, возьми сосуд. А если нет, то его можно заменить другим сосудом. Поступи так и подави пристрастие. Если же сосуд заменить нечем, то пользуйся им, но укоряй себя и говори: «Если бы не нужда, ни за что не взял бы его из-за того, что меня одолевает пристрастие».

Брат спросил:

— А если мне принесут нужную вещь, но я вижу, что мое сердце хочет взять ее по страсти, как поступить, взять ли ее по нужде, или отказаться из-за пристрастия?

— Отнесись к этому, как к пище, — ответил старец. — Видишь ли, еда нужна каждый день, однако нам запрещено наслаждаться ею. Но если мы принимаем пищу с благодарностью к подателю ее Богу и укоряем себя, то Он освятит и благословит ее. Так что когда вещь подходящая и нужная тебе, возблагодари Бога, управившего это, и осуди себя как недостойного, и Бог отвратит от тебя пристрастие, ибо все возможно Богу (Иов 10, 13; 42, 2; Мк 10, 27). А если вещь тебе не нужна, не бери ее, ибо это уже стяжательство.

*Конец первого тома «Благолюбия»,
и Богу нашему слава! Аминь.*

*Светлая седмица Пасхи
(продолжение следует)*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию.....	7
Предисловие к шестому изданию.....	15
Пролог к пятому изданию.....	18
Введение к настоящей книге.....	27

ТОМ I

Тема 1. О том, что никому, даже самому большому грешнику никогда не следует отчаиваться, но каяться и надеяться на спасение

А. Из святого Палладия	33
Б. Из жития святой Синклитикии	34
В. Из святого Палладия	36
Г. Из Патерика	37
Д. Из святого Амфилохия Иконийского: о том, что никогда не следует отчаиваться.....	40
Е. О блаженном Павле Препростом, ученике святого Антония	47
Ж. Из святого Ефрема	49
З. Из аввы Исаии.....	49
И. Из аввы Марка	52
К. Из Патерика.....	52

**Тема 2. О том, что добро нужно делать сейчас,
а не откладывать на потом, ибо после смерти уже
ничего не исправишь**

А. Из Патерика.....	59
Б. Из святого Ефрема.....	60
В. Из аввы Исаака	60

Тема 3. О том, как должно каяться

А. Из аввы Марка	61
Б. Из аввы Исаака.....	61

**Тема 4. О том, что немощным следует постепенно
входить в дело покаяния**

А.Из Патерика.....	66
--------------------	----

**Тема 5. О том, что нужно всегда помнить о смерти
и будущем Суде, а кто ежечасно не ждет и не думает
об этом, тот легко впадает в любую страсть**

А.Из жития святого Антония.....	68
Б. Из жития святого Иоанна Милостивого	69
В.Из Патерика.....	69
Г. Из святого Ефрема	71
Д. Из аввы Исаии.....	73
Е. Из Патерика.....	74

**Тема 6. О том, что неизречenna радость и слава
на небесах, уготованная святым, посему всем существом
своим нам следует стремиться к ней; ибо ничто из всего
известного нам и сущего не стоит ее**

А.Из жития святой Синклитикии.....	78
Б. Из Патерика.....	79
В.Из святого Ефрема.....	79
Г. Из Аввы Исаии.....	82
Д. Из святого Максима (Исповедника).....	82

Тема 7. От том, что души добродетельных людей в час смерти часто утешаются неким божественным осенением и потому легче разлучаются с телом

А. Из Григория Двоеслова.....	83
Б. Из жития святого Саввы (Освященного).....	91
В. Из жития Даниила Столпника	92
Г. Из Патерика	93

Тема 8. Об умирающих и вновь возвращающихся к жизни, и о том, что такое случается по божественному замыслу нашего спасения; и что часто грешники при последнем изыхании видят в аду мучения и бесов и трепещут, и от страха душа их отделяется от тела

А. Из Григория Двоеслова.....	94
Б. Из беседы Григория Двоеслова с тем же диаконом Петром о том, что нередко души, находясь еще в теле, видят некоторые адские муки, причиняемые духами злобы; такое показывается для вразумления, с одной стороны, их самих, а с другой, – слушающих.....	95
В. Из повести о странствиях святого апостола Фомы	98
Г. Из Патерика	101
Д. Из святого Ефрема.....	102
Е. Из Патерика.....	102

Тема 9. Объяснение того, куда идут души умерших и что с ними бывает после исхода из тела

А. Из жития святого Павла Фивейского.....	104
Б. Из жития святого Пахомия	104
В. Из Патерика.....	105
Г. Из Григория Двоеслова	109
Д. Из Патерика	111

Тема 10. О том, что душа после исхода из тела проходит ужасные мытарства в воздухе: злые духи встречают и мешают ее восхождению

А. Из жития Антония Великого.....	114
Б. Из Патерика	115
В. Из аввы Исаии.....	116
Г. Из Патерика	117

Тема 11. О том, что после смерти каждый окажется вместе с себе подобными

А. Из Григория Двоеслова.....	119
Б. Из жития святого Евфимия (Всехвального).....	120
В. Из аввы Исаака.....	121
Г. Из Григория Двоеслова	121
Д. Из Патерика.....	122

Тема 12. О том, что боголюбивым родителям следует радоваться и благодарить Бога, когда их дети терпят искушения ради Господа, и кроме того они должны побуждать своих чад к подвигам и опасностям ради достижения добродетелей

А. Из повести об избиении святых отцов в Синае и Раифе ..	123
Б. Из жития священномученика Клиmenta, епископа Анкирского.....	124
В. Из жития святого Алипия	128
Г. Из жития святых сорока Севастийских мучеников	131

Тема 13. О том, что отрекшийся от мира должен быть странником, в чем смысл странничества, какая от него польза и какие места больше всего подходят для аскетизма

А. Из Отченика.....	133
Б. Из аввы Исаии.....	135
В. Из святого Диадоха (Фотикийского)	137
Г. Из Исаака.....	138
Д. Из Патерика.....	138
Е. Из святого Ефрема.....	142

**Тема 14. Откуда изначально у человека рождается
Божий страх и любовь и насколько они необходимы**

Из Патерика.....	143
------------------	-----

**Тема 15. О том, что отрекишимся от мира не стоим
встречаться с родственниками по плоти, ни питать
привязанности к ним**

А. Из святого Палладия	144
Б. Из жития святого Пахомия	145
В. Из жития преподобного Симеона Столпника	147
Г. Из Патерика	148
Д. Из аввы Исаии	152
Е. Из Патерика	152
Ж. Из святого Григория Двоеслова	153

**Тема 16. О том, что нужно равно любить всех братьев
и кровную родню, если они одинакового с тобой образа
жизни, если же иного, то следует избегать их, чтобы
не навредить себе**

А. Из жития святого Пахомия.....	155
Б. Из жития святого Иоанникия.....	156
В. Из Отечника	156

**Тема 17. О том, что отрекшийся от мира должен
отказаться от всего; и о том, как следует
распорядиться своей собственностью, ибо в киновии
она ведет к гибели**

А. Из святого Варсонофия.....	159
Б. Из Патерика	159

**Тема 18. О том, что желающему спастись следует
общаться с добродетельными людьми, ибо это весьма
полезно, и с горячим желанием и большой ревностью
спрашивать и учиться у них спасению**

А. Из Патерика.....	163
Б. Из аввы Марка	166
В. Из аввы Исаака Сирина	167
Г. Из святого Максима	167
Д. Из Отечника	168
Е. Из святого Ефрема	168
Ж. Из аввы Исаака	168

Тема 19. О том, для чего необходимо послушание, какая от него польза и как достичь его

А. Из жития святого Феодосия Киновиарха	170
Б. Из Патерика.....	171
В. Из аввы Марка.....	174
Г. Из святого Диадоха	174
Д. Из аввы Кассиана	174
Е. Из святого Максима	175
Ж. Из Патерика	175
З. Из святого Ефрема	176
И. Из аввы Марка	176

Тема 20. О том, что ни в чем не следует полагаться на самого себя, но во всем слушаться совета отцов и исповедовать начистоту тайны своего сердца, ничего не скрывая

А. Из Палладия.....	177
Б. Из жития святого Саввы.....	179
В. Из Патерика.....	184
Г. Из святого Ефрема	189
Д. Из аввы Исаака.....	190
Е. Из аввы Кассиана	190
Ж. Из аввы Варсонофия	193
З. Из Патерика.....	194

Тема 21. О том, что свои помыслы следует открывать рассудительным отцам, а не каким попало, как нужно

*исповедоваться и спрашивать отцов и с какой верой
принимать их ответ и что это дает*

А. Из Патерика.....	195
Б. Из святого Ефрема.....	197
В. Из аввы Исаии.....	198
Г. Из аввы Кассиана	199
Д. Из аввы Варсонофия.....	202
Е. Из Патерика.....	209
Ж. Из святого Варсонофия	212

*Тема 22. О том, что желающему спастись следует
во избежание смущений уклоняться от встреч
с бездуховными людьми и чуждаться мира*

А. Из Палладия. К сановнику Лавсу.....	213
Б. Из Григория Двоеслова	213
В. Из жития святого Антония	215
Г. Из Патерика	215
Д. Из святого Ефрема	216
Е. Из Антиоха Пандекта	217
Ж. Из аввы Исаии.....	219
З. Из аввы Марка.....	219
И. Из аввы Исаака.....	219
К. Из Патерика.....	220
Л. Из святого Ефрема	224

*Тема 23. О том, что следует всячески удаляться от тех,
кто вредит тебе, будь то друзья или нужные люди*

А. Из Патерика.....	225
Б. Из святого Ефрема.....	226
В. Из аввы Исаии.....	227
Г. Из аввы Исаака	227

*Тема 24. О том, что отрекшийся от мира должен
не втягиваться во всякие житейские заботы,*

*даже если они кажутся ему благословенными,
но предоставить все промыслу Божию*

А. Из жития святого Арсения.....	229
Б. Из Патерика.....	229
В. Из аввы Исаии.....	230
Г. Из аввы Марка	232
Д. Из святого Диадоха	232
Е. Из святого Варсонофия	233
Ж. Из Патерика	234
З. Из святого Ефрема	235
И. Из аввы Варсонофия	236

Тема 25. О том, что зло творить легко, и многие его выбирают, особенно теперь; добродетель же трудна, и немногие следуют ей, но им-то и должно внимать и подражать, а на остальных не обращать внимания

А. Из Патерика.....	237
Б. Из святого Ефрема.....	238
В. Из Антиоха Пандекта	241
Г. Из аввы Марка.....	242
Д. Из Отечника.....	242
Е. Из святого Ефрема.....	243

Тема 26. О том, что стремящихся к монашеской жизни нужно принимать в монастырь после длительных испытаний, ибо только после этого из них по большей части и выходят самые опытные братья; и о том, какие дела следует поручать им

А. Из жития святого Пахомия	244
Б. Из того же жития	245
В. Из жития преподобной Феодоры	246
Г. Из жития святой Мелании Римляныни	248
Д. Из Палладия	249
Е. Из Палладия.....	253

Ж. Из святого Ефрема	255
З. Из аввы Кассиана.....	259
И. Из Постановлений святых апостолов.....	263

**Тема 27. О том, что не следует отвергать
отрекшегося (от мира) по различным обстоятельствам,
и что каждого пришедшего в киновию и искренне
просиящегося в братию не должно сразу прогонять
совсем, напротив, для принятия решения оставить
его на время для тщательной проверки и испытания
по предписанию и, убедившись в его решимости,
принять в киновию, если этому не препятствуют
иные положения Божиих заповедей**

А.Из Палладия.....	264
Б. Из святого Ефрема.....	265
В.Из Патерика.....	268
Г. Из святого Ефрема	269

**Тема 28. О том, с чего нужно начинать жизнь аскета,
что начинающим следует терпеливо переносить
трудности и понуждать себя, ибо (путь) добродетели
из-за страстей и предрассудков сначала выглядит
тернистым, но потом оказывается весьма легким,
что прочное начало приносит великую пользу, а также
о том что невозможно следовать Христу и достичь
добродетели, если заранее не приготовить себя
к смерти**

А.Из жития святой Синклитикии	270
Б. Из Патерика	270
В. Из аввы Исаии	271
Г. Из аввы Марка.....	271
Д. Из святого Диадоха	272
Е. Из аввы Исаака.....	272
Ж. Из Патерика	276

3. Из святого Ефрема.....	279
И. Из аввы Исаака.....	279

Тема 29. О том, что на подвижников бесы нападают крепко, а нерадивых презирают как своих рабов, и что Бог помогает стремящимся к благу, а брань попускает для нашей же пользы

А. Из Патерика.....	281
Б. Из святого Ефрема.....	282
В. Из аввы Исаака.....	284
Г. Из святого Максима.....	285
Д. Из Патерика.....	286
Е. Из святого Ефрема.....	288

Тема 30. О том, что не следует винить демонов во всех грехах, ибо кто бережет себя, против того демоны бессильны, настолько велика Божья помощь; и что Бог попускает человеку борьбу по его силам

А. Из Патерика.....	291
Б. Из аввы Кассиана.....	293
В. Из святого Максима.....	295
Г. Из Патерика	296

Тема 31. О том, что начавшему аскетическую жизнь можно принимать монашество только после длительных упражнений в добродетелях, и что честное монашеское одеяние полезно для души и спасительно

А. Из жития святого Иоанникия.....	298
Б. Из жития преподобного Алипия.....	298
В. Из Патерика.....	299
Г. Из Ефрема.....	300
Д. Из аввы Исаии.....	301
Е. Из Патерика.....	302

Тема 32. О том, что монашескую одежду нужно подтверждать достойной жизнью, а кто живет не по одежде, тот не монах; и что старцем становятся не годами, а жизнью по Богу

А. Из жития святой Синклитикии	303
Б. Из Патерика.....	304
В. Из святого Ефрема.....	304
Г. Из аввы Исаии.....	308
Д. Из аввы Марка	308
Е. Из аввы Кассиана (Из наставлений преподобного Пинуфрия новоначальному монаху).....	309
Ж. Из аввы Исаака	312
З. Из святого Максима.....	313
И. Из Патерика.....	314
К. Из святого Ефрема.....	316

Тема 33. О том, что наставления духовного отца верующий должен принимать охотно как полезные для себя, даже если это обидно и мучительно, потому что Бог посыпает ему скорби и милости для его же блага

А. Из Григория Двоеслова.....	318
Б. Из жития святого Пахомия	319
В. Из жития святого Антония Нового, бывшего при иконоборцах.....	319
Г. Из Патерика	325
Д. Из святого Ефрема.....	332

Тема 34. О том, что нужно повиноваться настоятелям о Господе даже до смерти, любить их и благоговеть перед ними

А. Из Григория Двоеслова.....	335
Б. Из жития святого Феодосия, начальника киновии	336
В. Из жития преподобной Феодоры	338
Г. Из Патерика	339

Тема 35. О том, что нужно в простоте душевной повиноваться своим о Господе наставителям и принимать от них наказания как исходящие от Бога и не сомневаться в них, не исследовать и не исправлять их, как бы они ни казались нам неполезными в настоящий момент

А. Из Григория Двоеслова	341
Б. Из жития святого Евфимия.....	342
В. Из жития святого Пахомия.....	343
Г. Из повествования о путешествиях святого апостола Петра, составленного святым Климентом.....	344
Д. Из Патерика.....	345
Е. Из святого Ефрема.....	348
Ж. Из аввы Исаии.....	348
З. Из святого Варсонофия	348

Тема 36. О том, что грех не повиноваться своим о Господе наставникам и роптать на них; и о том, что христианину вообще не следует оправдываться, но всячески отсекать собственную волю, любить и не обижаться на обличения

А. Из Антиоха Пандекта	350
Б. Из аввы Марка.....	351
В. Из святого Максима.....	351

Тема 37. О том, что не должно осуждать наставника, даже если он нарушает то, чему учит; ибо было много учеников, которые доверились нерадивым наставникам и не осуждали их, но повиновались им ради Господа и сами спаслись и часто служили спасению и своих наставников

А Из Патерика	353
Б. Из святого Ефрема	355
В. Из Патерика.....	357

Тема 38. О том, кто внимает себе и промыслу Божию, того благодать часто наставляет всему даже через простецов и невежд, а смиренномудрый научается даже от первого встречного

А. Из жития преподобного Ефрема.....	358
Б. Из жития преподобного Пахомия.....	359
В. Из жития святого Арсения.....	362

Тема 39. О том, что верующий должен полагаться не на самого себя, но верить, что его спасение и преуспеяние во всяком благе зависит от духовного отца, и просить отцовских молитв, ибо в них великая сила

А. Из Григория Двоеслова.....	365
Б. Из жития святого Григория Чудотворца	366
В. Из Отечника	369
Г. Из аввы Варсонофия	371
Д. Из Патерика.....	373
Е. Из святого Ефрема.....	375

Тема 40. О том, что не следует с легкостью бросать свое место или уходить из монастыря, где ты обещал Богу оставаться до конца жизни, и что отцы даже не покидали свою келью и получали от этого великую пользу

А. Из Палладия.....	376
Б. Из жития святого Евфимия.....	378
В. Из жития святой Синклитикии	380
Г. Из жития преподобной Феодоры.....	380
Д. Из Патерика.....	385
Е. Из святого Ефрема.....	385
Ж. Из святого Максима.....	393
З. Из Патерика.....	397
И. Из святого Ефрема	399

**Тема 41. О том, что неопытным уходить
в отшельники опасно**

А. Из Патерика.....	401
Б. Из аввы Исаии.....	402
В. Из аввы Марка.....	405
Г. Из аввы Кассиана	406
Д. Из святого Варсонофия	407
Е. Из Патерика.....	409
Ж. Из аввы Исаака	411
З. Из аввы Варсонофия.....	412

**Тема 42. О том, что не следует спорить,
ни прекословить, даже когда ты прав, но во всем
повиноваться своему о Господе ближнему**

А. Из жития преподобного Симеона Столпника из Мандры.	414
Б. Из Патерика.....	415
В. Из святого Ефрема.....	418
Г. Из Антиоха Пандекта.....	419
Д. Из аввы Исаии.....	420
Е. Из аввы Марка.....	422
Ж. Из Отечника.....	422

**Тема 43. О том, что все происходит по Божественной
справедливости, поэтому верующему должно всегда следо-
вать Промыслу Божию и искать не своей вали, а Божией,
ибо кто делает и думает именно так, тот спокоен**

А. Из Патерика.....	423
Б. Из аввы Исаии.....	424
В. Из аввы Марка.....	424
Г. Из святого Диадоха.....	425
Д. Из Патерика.....	425

**Тема 44. О том, что смиренномудрие совершенно
недосягаемо для бесов, о том, как оно рождается,**

*в чем его сила и что оно выше всех добродетелей,
ибо только смиренномудрие быстро спасает человека*

А. Из жития святого Пахомия	426
Б. Из жития святой Синклитикии	429
В. Из Патерика	430

*Тема 45. О том, что смиренномудрий сам себя
уничижает, укоряет и умаляет любое добрео дело,
какое бы ни сделал, а также о том, в чем особенности
смиренномудрия и каковы его плоды*

А. Из Патерика.....	434
В. Из святого Ефрема.....	453
Г. Из аввы Исаии.....	454
Д. Из аввы Марка.....	455
Е. Из святого Диадоха	456
Ж. Из святого Максима.....	457
З. Из аввы Исаака	457

Тема 46. О том, как полезно самоукорение

А. Из Патерика.....	459
---------------------	-----

*Тема 47. О том, что не следует искать ни почестей, ни
первенства, ибо что почетно у людей, то мерзость у Бога*

А. Из святого Ефрема.....	462
---------------------------	-----

*Тема 48. О том, что проявлять смиренение не ко времени и без
меры не полезно и даже вредно, и о том, как должно отно-
ситься к похвалам и что бдительному похвала не вредит*

А. Из Патерика.....	465
Б. Из святого Варсонофия	466

*Тема 49. О том, во что и как следует одеваться и о том,
что отцы любили в одежде простоту, и каждый
верующий должен стремиться к тому же*

А. Из жития святого Иоанна Милостивого	467
Б. Из жития святого Арсения..... .	468
В. Из Патерика.....	469
Г. Из аввы Исаии..... .	469
Д. Из аввы Исаака.....	469
Е. Из Патерика.....	469
Ж. Из святого Ефрема..... .	470

***Тема 50. О том, что ничего не должно делать
ради удовольствия или по пристрастию***

А. Из жития святого Пахомия	471
Б. Из аввы Варсонофия..... .	471

Приносим нашу глубочайшую благодарность работникам
Благотворительного фонда помощи и взаимодействия
имени преподобного Сергия Радонежского,
ООО Коммерческому Банку «Агросоюз»

и Некоммерческому партнерству «Защита»,

попечением которых издано это бессмертное творение,
священномученику монастыря Параклита, архимандриту
Тимофею за братские советы и предисловие к книге,
а также Юлии, Алексею, Максиму, Владимиру, Георгию,
Федору и всем тем, кто оказал нам
помощь и поддержку.

БЛАГОЛЮБИЕ

Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Объем 56 п. л, Тираж 3000 экз. Заказ № 271.
Подписано в печать 4 августа 2009 г.

ОАО «Московская типография №2»
129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682-24-91.

